

№ 1 (29) ▪ 2022

▪ April

Russian Linguistic Bulletin

ISSN 2227-6017 ONLINE

Yekaterinburg
2022

Theoretical and scientific journal.
Published 4 times a year.
Founder: Sokolova M.V.
Editor in chief: Smirnova N.L., PhD
Publisher and editorial address: Yekaterinburg, Akademicheskaya
St., Bldg. 11A, office 4, 620137, Russian Federation
Email: editors@rulb.org
Website: www.rulb.org
16+

№ 1 (29) 2022
April

Publication date 25.04.2022
Price: free.
Impact factor RSCI (2018) – 0,123
https://www.elibrary.ru/title_profile.asp?id=50831

Russian Linguistic Bulletin is a peer-reviewed scholarly journal dedicated to the questions of linguistics, which provides an opportunity to publish scientific achievements to graduate students, university professors, persons with a scientific degree, public figures, figures of culture, education and politicians from the CIS countries and around the world.

The journal is an open access journal which means that everybody can read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles in accordance with CC Licence type: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Certificate number of registration in the Federal Supervision Service in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications: **III № ФС 77 – 58339 (terminated 07.04.2021), ЭЛ № ФС 77 – 73011**

Editorial board:

Rastjagaev A.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Slozenikina Ju.V. PhD in Philology, Moscow City University (Moscow, Russia)
Shtreker N.Ju. PhD in Pedagogy, PhD in Philology, Kaluga State Pedagogical University (Kaluga, Russia)
Levickij A.Je. PhD in Philology, Moscow State University (Moscow, Russia)
Alikae R.S. PhD in Philology, Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia)
Erofeeva E.V. PhD in Philology, Perm State University (Perm, Russia)
Ivanov A.V. PhD in Philology, State Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
Magirovskaja O.V. PhD in Philology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Kyuchukov H. PhD in Philology, Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences (Stendal, Germany)
Umnyashkin A.A. MD, professor, PhD in Philology, Director of the Center for Study of Ancient and Modern Languages of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)
Moradi H. PhD, Lecturer, Shahid Chamran University of Ahvaz, (Ahvaz, Iran)
Iseni B.A., professor, PhD in Philology, State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Jurkovič V. PhD, Associate Professor, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)
Ma Daoshan, PhD, Professor, Tianjin Polytechnic University (Tianjin, China)
Gutovskaya G.S., PhD in Philology, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
Medvedeva O., PhD in Humanities, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Korostenskienė J., PhD in Linguistics, Professor, Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania)
Alimi D., PhD in Linguistics, Assoc.Prof., State University of Tetovo (Tetovo, North Macedonia)
Pllana Gani, Doctor, PhD in Linguistics, University of Prishtina "Hasan Prishtina" (Prishtina, Republic of Kosovo)
Kulesh H.I., Professor, Doctor of Pedagogy, PhD in Philology, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Table of Contents

LINGUISTICS AND LANGUAGES (UDC 81)

Churilova I.N., Vinnikova T.A., Fedorova M.A. NOMENCLATURE OF THE ENGLISH THEATRE TERMINOLOGY	6
Ерёмина М.А. ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКЕМЫ «УСПЕХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ	11
Vlasenko N.I., Naumov E.V. FUNCTIONING OF THE SPEECH ACT COMMISSIVE IN IN VARIOUS SITUATIONS.....	16
Свердлова Н.А., Барышников У.Н. К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НЕРАВЕНСТВЕ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	19
Bayburina R.Z. MODULATION OF THE LEXICAL MEANING OF ENGLISH VERBS OF THE POSITIVE ASSESSMENT GROUP IN THE ASPECT OF THE CONCEPT OF A VALUE REFERENCE POINT	23
Shashkova V.N. THE LEXICAL COMPONENT OF THE LANGUAGE MEANS USED FOR THE REFERENCE ZONE “INVESTIGATIVE ACTIONS” (AS EXEMPLIFIED BY THE FEDERAL RULES OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE USA).....	27
Гиниятуллина Л.М. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ВВОДНЫХ СЛОВ В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)	31
Гиниятуллина Л.М. ОСОБЕННОСТИ ОПИСАТЕЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ....	34
Бадмаева Л.Б. АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХАИЧНЫХ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ БУРЯТ (НА МАТЕРИАЛЕ «АЦАГАТСКОГО ОЧЕРКА О ХОРИ-БУРЯТАХ»).....	37
Машенцова В.В., СимUTOва О.П. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В НЕМЕЦКОМ СТЕНДАПЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	41
Гаджиева С.Г. ВЗАИМОСВЯЗЬ ОМОНИМИИ И СИНОНИМИИ В СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ	45
Халина Е.Н. СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	50
Гладилин А.В. ТАБУ И СЛУРЫ	54
Абросимова Т., Снигирева О. ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ	58
Eshenkova N.L. FOREIGN LANGUAGE AS AN ELECTIVE COURSE IN NON-LANGUAGE FACULTIES.....	61
Полякова Е.В., Костромина Д.А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЙКОНИМОВ КАРМАСКАЛИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН, ОТРАЖЕННЫЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ГАЗЕТАХ	65

Гоюшова Л.М. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «РОДИНА» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ	71
Бедарева А.В., Астапенко Е.В. СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ	75
Massalskaya Y.V., Nikolaeva A.V. ON THE STYLISTIC ASPECT OF STUDYING THE ELEMENTS OF ALLOPHRONY IN GERMAN COLLOQUIAL SPEECH	79
Abramova E.I. TOPONYMS WITH THE TREE-NAME-COMPONENT: SOCIOCULTURAL ANALYSIS	82
Жехрова М.В. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОВЕСТЬ» КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВСТВЕННОЙ КАТЕГОРИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ И ИДИОМАТИКЕ.....	85
Gavrilova Yu.V. BRITISH SYSTEMIC AND INTEGRATIONAL THEORIES COMPARED AND THEIR IDEAS PERCEIVED IN RUSSIA	90
Shiraliyeva R.O. FREQUENCY OF QUANTIFIERS IN ENGLISH AND AZERBAIJANI IN DIFFERENT CONTEXTS.....	94
Kravchuk Yu.S. ON THE SPECIFICS OF THE PRESENCE OF THE LEXEMES "SOBSTVENNOST" / "PROPERTY" IN THE TEXT CORPORA OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	98
Абсаямова Л.Ф., Нургалина Х.Б. КОВИД-ЛЕКСИКА КАК ЭКСПЛИКАТОР АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	102
Гурьева З.И., Петрушова Е.В. ЯЗЫК SMS – ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НОРМА ИЛИ ЕЕ НАРУШЕНИЕ?	106
Gotovtseva E.S. SEMIOTICAL ASPECTS AND PROCESSES IN AN AUTHOR'S IRONICAL DISCOURSE	109
Кегенбекова А.Д., Рамазанов Т.Б., Слямбеков К.Б. ФОРМИРОВАНИЕ НАЗВАНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ИМЕНАМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ, В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	113
Abaeva E.S., Kanunnikova A.S. A CHILD CHARACTER'S VIOLATION OF COMMUNICATION RULES: ORIGINAL TEXT AND TRANSLATION	117
Козьякова О.А., Кочева О.Л. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА БЛОГОСФЕРЫ.....	122
Nurutdinova A.R. CONCEPTUALISATION OF TASTE IN THE CONTEXT OF COGNITIVE RESEARCH: POLYMODALITY, INTERMODALITY, SYNAESTHESIA.....	127
Коптелова И. БУМАЖКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ: СИНИЕ, БЕЛЫЕ, КРАСНЫЕ... ..	139
Кудашева С.Р., Карабаев М.И. ПОЭТОНИМЫ В ПОЭЗИИ ШАЙХЗАДЫ БАБИЧА: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ	144

LITERATURE (UDC 82)

Чекина А.А. ЭТНОНИМ «НЕМЕЦ» КАК ПРЕЗЕНТАТОР НЕМЕЦКОГО КУЛЬТУРНОГО СТЕРЕОТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ XIX В.).....	150
Харламова Т.Д., Шушмарченко Е.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ «ГНЕВ» В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ “HARRY POTTER AND THE PRISONER OF AZKABAN”	154
Надыршина Л.Р. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ И РАННИЕ ОБРАЗЦЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОЭМ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ..	158
Лесохина А.М. РУССКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИСПАНСКИХ ПОЭТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	161
Korolkova A.V., Tishina A.E. CHRISTIAN MOTIVES IN A.I. SOLZHENITSYN'S PUBLICIST APHORISTICS.....	167
Хабутдинова М.М. КОЛЕБАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ НАКИ ИСАНБЕТА.....	173

CHINESE LANGUAGES (UDC 811.581)

Кондратова Т.И., Чеховский А.М. ОСОБЕННОСТИ КОМИЧЕСКОГО В РОМАНЕ ЛЮ ЧЖЭНЫЮНЯ «Я НЕ ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ»	180
Skipnik K.V. LOCAL FRAMEWORK OF CHINESE ADVERTISING SLOGANS.....	183
Нурутдинова А.Р. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ (ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ СЕНСОРНО-ПЕРЦЕПТИВНОЙ КАТЕГОРИИ)	187

НОМЕНЫ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Научная статья

Чурилова И.Н.¹, Винникова Т.А.^{2*}, Федорова М.А.³¹ ORCID: 0000-0001-6063-8661;² ORCID: 0000-0001-5865-1023;³ ORCID: 0000-0002-0899-6303;^{1, 2, 3} Омский государственный технический университет, Омск, Россия

* Корреспондирующий автор (vitalexa[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности образования номен в театральной терминологии английского языка. Представлены различные точки зрения на вопрос разграничения номенклатурных наименований, терминов и слов общелитературного языка. В выборке было обнаружено 81 номенклатурное наименование, что составляет 10% от общего количества терминов в 849 единиц. Установлено, что данные номены относятся к следующим тематическим группам: световое и звуковое оборудование, декорации и технические приспособления и приемы, названия театров. Анализ номен театральной терминологии позволил разделить их на две группы: собственно номенклатурные наименования и метаноменклатурные наименования. Результаты исследования представлены в виде таблицы. Установлена связь номен с терминами, что позволяет утверждать, что номены представляют собой следующий этап развития терминологии и являются наиболее доступным способом образования большого количества новых наименований различных понятий.

Ключевые слова: английский язык, театральные термины, номены, тематические группы.

NOMENCLATURE OF THE ENGLISH THEATRE TERMINOLOGY

Research article

Churilova I.N.¹, Vinnikova T.A.^{2*}, Fedorova M.A.³¹ ORCID: 0000-0001-6063-8661;² ORCID: 0000-0001-5865-1023;³ ORCID: 0000-0002-0899-6303;^{1, 2, 3} Omsk State Technical University, Omsk, Russia

* Corresponding author (vitalexa[at]rambler.ru)

Abstract

The article discusses the features of the formation of nomina in the theatrical terminology of the English language. Various points of view on the issue of differentiation of nomenclature names, terms and words of the general literary language are presented. In the sample, 81 nomenclature names were found, making 10% of the total number of terms in 849 units. It was found out that these nomina belong to the following thematic groups: lighting and sound equipment, decorations and technical devices, names of theaters. The analysis of the nomenclature of theatrical terminology made it possible to divide them into two groups: proper nomenclature names and meta-nomenclature names. The research results are presented in the form of a table. The connection between nomina and terms has been established, which allows us to assert that nomina represent the next stage in the development of terminology and are the most accessible way of forming a large number of new names for various concepts.

Keywords: English language, theatre terminology, nomina, thematic groups.

Introduction

The most important type of special lexical units after terminology is nomenclature, nomenclature designations, also called nomenclature names and nomenclature signs, which were identified followed by terms in the 1930-s by G. O. Vinokur in the paper "On some phenomena of word formation in Russian technical terminology" [4]. Following the differentiation of the term and the word of the general literary language, a distinction should be made between terminology as a set of special lexical units to denote the general concepts of a certain field of science and nomenclature as a set of special lexical units to denote single concepts – specific subjects in this field [1], [9].

There are many different views influenced by different scientific traditions.

Literature review

The English philosopher and historian of science W. Whewell, whose views are presented in Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary, proposed to refer to the nomenclature, as opposed to terminology, as a collection of terms for all the lower types of subjects considered by the given science [3]. Only the names of species in biology and only the names of elements in chemistry are recognized here as nomenclature. However, this approach does not accurately represent the views of W. Whewell, who believes that, on the one hand, the nomenclature is limited to the names of species, on the other hand, the nomenclature also includes the names of other biological taxons – genuses, families, orders, etc.

A famous Russian linguist, A. V. Superanskaya, believes that "nomenclature is more subject-oriented than terminology", and that "the materiality or objectivity is the main thing for nomenclature" [15, P. 1-4]. O. S. Akhmanova [1] defines

nomenclature as the identifying of a set of only lower names, however, comes to the conclusion about the relativity of the opposition "nomenclature – not nomenclature".

The Great Russian Encyclopedia gives the following meaning of the word "nomenclature": "a system of abstract and conditional symbols, the purpose of which is to give the most convenient from a practical point of view means for objects identification" [2]. This definition repeats the well-known position of G. O. Vinokur [4, P. 8], which was later developed by A. A. Reformatskij [11]. A. A. Reformatskij considers that "in the technical nomenclature, where things prevail, the nominative orientation of terms takes the first place... In science, the correlation of the term and the concept comes to the fore" [11, P. 5]. But such a qualification of the nomenclature raises the objection of A. I. Moiseev: "If a car has so many thousands of parts and each of them has its own name, it means that there are as many concepts. In this regard, the whole doctrine of the difference between terminology and nomenclature being deprived of serious grounds is devalued" [10, P. 133].

In the terminological literature, one of the first distinctions between terminology and nomenclature is presented in the paper of T. L. Kandelaki [7], where terms, nomenclature names and common names are distinguished as related to the general, singular and collective concepts, respectively. According to Kandelaki, nomenclature names are characterized by representing the individual concepts.

V. M. Leychik believes that "language has created the nomenclature names for representing the particular or special concepts" [8, P. 17]. According to V. M. Leychik, "the nomenclature can be defined as the designation system of objects classes included in a homogeneous series based on the consciously selected external features; the nomenclature can include the lists of product names of any enterprise (for example, all models of tractors of one plant), goods of any store, varieties, i.e. artificially created of botanical species (for example, fruits)" [8, P. 19].

S. V. Grinev has the same opinion on this issue. According to S. V. Grinev, "the definition of the nomenclature names as the names of specific mass products of the national economy, which are reproduced according to the same sample by a given number of times, as well as the names of individual concepts is the most precise" [6]. Besides, S. V. Grinev notes: "The vast majority of technical nomenclature are the names of the SB-5-24 type (a type of construction concrete block), i.e. the names of brands of materials and products, machines, mechanisms and equipment, industrial serial types of buildings and structures" [6, P. 45]. Moreover, he believes that "the difference between a term and a nomenclature name is that nomenclature names represent the single concepts, while terms are the general concepts" [6, P. 86].

In our opinion, the definition of S. D. Shelov represents the concept of "nomenclature" most accurately. Thus, "a nomenclature unit (nomen) is a terminological representation of a particular special concept of any field of knowledge, which consists of two lexical and syntactic components. The syntactically main component is a term, word or phrase of a common language and denotes a special generic concept of the given area, while syntactically dependant component is a conditional, external (for the given field of knowledge and for representing the corresponding concept) sign (label) and serves to select this particular concept fixed in the special descriptions, interpretations, definitions, etc. from the generic concept. A syntactically dependant sign is a component of a nomenclature name (a metaphorically used word or phrase of a common language, an anthroponym or toponym, an abbreviation or a special alphanumeric notation) forms its nomenclature indicator (marker)" [13, pp. 1–7].

Results

We have found out 81 nomenclature names in our sample texts, which is 10% of the total number of terms (849 units). These nomenclature names belong to the following thematic groups:

1. New lighting equipment: **ArcSource 3 RGB 25° (6°, 15°)** is a recessed luminaire with LEDs: 1 red, 1 green, 1 blue; beam angle is 6°, 15°, 25°; **H.A.R.D. 45SP** is a stage monitor with miniature dimensions (40×45×30 cm) and light weight, which saves space during transporting, as there is the possibility of placing inside the new subwoofer **Global Sub**; **PIXELPAR 90** is a led spot light with 90 high intensity LEDs;

2. New sound equipment: **Kanguro 1215** is the active acoustic system consisting of a satellite and a subwoofer (speakers are auxiliary unit - low-frequency one 1 × 12, high-frequency one 1×1, subwoofer 1×15); **Butterfly CDL 1815** is a low-frequency section of a linear array system with a cardioid radiation pattern (FCASE 1815);

3. Setting and technical devices and techniques: **StageBanner 50 AT** is an installation that makes it possible to show and rotate advertising banners on the stage in the theater; maximum load is 50 kg; **StageBanner 10 AT multimedia** is an installation that makes it possible to show and rotate advertising banners on the stage in the theater and has multimedia capabilities.

4. Names of theaters: **The Courtyard Theatre, Jermyn Street Theatre, North Edinburgh Arts Centre, St David's Hall, Ustinov Studio, UCL Bloomsbury Theatre**.

Therefore, theatrical nomenclature names are developed to represent light and sound devices, as well as technical devices of the stage, since the theater, namely, its stage equipment, certainly exists at the expense of the material base, part of which is various equipment and mechanisms. Nomenclature names are also represented by the names of theaters, since they are the main place of the performance [14].

The analysis of nomenclature of theatre terminology made it possible to divide them into two groups: *nomenclature names* and *metanomenclature names*.

The first group, (nomenclature names) consists of 50 terminological units including two parts: grapheme (alphabetic) and numerical [12]. Grapheme part is presented by the following examples: **DigitalSpot** is a digital projector; **ArcLine** is a LED ruler; **ArcPower** is a power supply unit, and sets the place of the nomenclature name in a series of homogeneous units, indicates the thematic area to which it belongs. The numerical part of the nomenclature name indicates the main technical characteristics of the object and distinguishes it from a set of the similar objects: **ArcLine 36** is a LED line with LEDs: 12 red, 12 green, 12 blue, which together makes up the nomenclature name indicator - 36; **ArcPower 144** is a power supply unit with a maximum load of 144 LEDs.

Moreover, based on the proposition of S. D. Shelov that the "nomenclature names denoting, by means of proper names (anthroponyms, eponyms or toponyms) the separate provisions, statements, hypotheses, concepts, etc. of the corresponding field of knowledge, form the *metanomenclature names* of anthropological or toponymic type" [12, P. 1–7], it is possible to classify the following terminological units in metanomenclature names: **the Courtyard Theatre, the Jermyn Street Theatre, the North Edinburgh Arts Centre, the St David's Hall, Ustinov Studio, the West Yorkshire Playhouse, the Novello Theatre**. Furthermore, we consider this group includes the names of the theatres, which nomenclative component is expressed by the chrematonym, metaphorically used word or common language phrase, or by the abbreviation, because the given nomenclature names do not have grapheme component and numeric symbol, and its structure is similar to the anthropological and toponymic metanomenclature names, for example: **The Door Theatre, the Lighthouse Theatre, the Corn Exchange Theatre**.

In this study the concept of "chrematonym" following M. V. Gorbanevsky is referred to "the names assigned to inanimate objects and objects of material culture", while "theonym" is referred to "the proper names of the gods" [5, p. 46].

It should be noted that the thematic group "theater names" is fully represented by metanomenclature names, the number of which is 231 units. We present below the groups of metanomenclature names by the nomenclative component in descending order of their number.

1. The metanomenclature names of the toponymic type are presented by 85 terminological units, for example, the Curtain Theatre, The Windmill Theatre, The Bush Theatre, The Greenwich Theatre, The South London Theatre, The West Cliff Theatre, The Belgrade Theatre.

2. The metanomenclature names of the anthroponymic type constitute 71 terminological units, such as The Alexandra Theatre, The Lyttelton Theatre, The Marlowe Theatre, The Anna Scher Theatre, The Stephen Joseph Theatre.

3. Metanomenclature names, the marker of which is expressed by a chrematonym, are 42 terminological units, for example, Sadler's Wells Theatre, the Warehouse Theatre, the Royal Exchange Theatre, the Watermill Theatre.

4. Metanomenclature names, the marker of which is a metaphorically used word or phrase of a common language are presented by 18 terminological units, such as the Hope Theatre, the Mayflower Theatre, the Tricycle Theatre, the Door Theatre, the Lighthouse Theatre.

5. Meta-nomenclature names, the marker of which is a toponym + a chrematonym are 4 terminological units, for example, The London Palladium, The Bradford Alhambra Theatre.

6. Metanomenclature names, the marker of which is a toponym + a metaphorically used word of a common language, make up 3 terminological units, for example, Oldham Coliseum Theatre, the Barrfields Pavillion Theatre, Medway Little Theatre.

7. Metanomenclature names, the marker of which is a toponym + an anthroponym, are represented by 3 terminological units, such as The Bristol Old Vic Theatre. The Hammersmith Apollo Theatre. The Litchfield Garrick Theatre.

8. Metanomenclature names, the marker of which is expressed by a title, are 3 terminological units and are as follows: the Prince of Wales Theatre, the Queen's Theatre, the King's Theatre.

9. Metanomenclature names, the marker of which is expressed by a theonym, are presented by 2 terminological units: The Fortune Theatre, The Neptune Theatre.

The study results of the nomenclative components of theaters nomenclature for the entire period of the theater's existence are given in the following Table:

Table 1 – Nomenclative components of nomenclature representing theaters names

Nomenclative component (marker)	I period	II period	III period	IV period	V period
1) a toponym	5	25	19	28	8
2) an anthroponym	3	11	8	41	8
3) a metaphorically used word of the common language	3	4	4	4	3
4) a chrematonym	10	7	7	14	4
5) a theonym	1			1	
6) a toponym + a metaphorically used word of the common language		1		2	
7) a toponym + an anthroponym		1		1	1
8) a toponym + a chrematonym			3		1
9) a title		2	1		

Conclusion

Thus, the formation of nomenclature names of the modern period is characterized by the use of all nomenclative components presented in different periods, which indicates the productivity of nomenclature names. In that connection, one cannot agree more with the statement of S. V. Grinev about the fact that the nature of the connection of nomenclature names with terms suggests that nomens represent the next stage in the development of terminology and are the most accessible way to form a large number of new names of various concepts.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.
2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. 30 томов. Интернет-энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 20.07.2021).
3. Брокгауз и Ефрон [Электронный ресурс]: энциклопедия: в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. – Электрон. дан. – М. : ИДДК, 2004. – эл. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: P 166MMX; 32 MB RAM; DVD-ROM; WINDOWS 98/ME/2000/XP; SVGA. – ISBN 5-94522-526-6 (в кор.)
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. Филологический ф-т: Сб. статей по языковедению. – М., 1939. – Т 5. – С. 3-54.
5. Горбаневский М. В. В мире имен и названий / М. В. Горбаневский. – М. : Знание, 1983. – 192 с.
6. Гринев-Гриневиц С. В. Язык как средство изучения познания и эволюции человека / С. В. Гринев-Гриневиц, С. А. Сорокина // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 5. – С. 12–25.
7. Канделаки Т. Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий / Т. Л. Канделаки // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. Отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1970. – С. 3-39.
8. Лейчик В. М. Язык и культура – многоаспектный анализ проблемы / В. М. Лейчик // Вестник МАПРЯЛ. – 2002. – № 34. – С. 14-17.
9. Миньяр-Белоручева А. П. О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований / А. П. Миньяр-Белоручева // Вестник ЧГУ. – 2014. – №4. – С. 166-170.
10. Моисеев А. И. О языковой природе термина / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 127-138.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А. А. Реформатский : 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
12. Федорова М. А. Тематические группы инициальных аббревиатур терминологии охраны труда английского языка / М. А. Федорова, И. Н. Чурилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. – № 4-2 (82). – С. 399-402.
13. Шелов С. Д. О классификации номенов и номенклатурных наименований (на материале наименований товаров) / С. Д. Шелов, Е. Цисун // НТИ. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2015. – № 6. – С. 32-36.
14. Churilova I. Representation of theatre metaphors in the English linguistic worldview / I. N. Churilova, M. A. Fedorova, T. A. Vinnikova // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (Epsbs). Volume 99. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference "Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2020), Volgograd, Russia, 2020, pp. 196-206. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.04.24.
15. Superanskaya A. V. Proper names in Internet games / A. V. Superanskaya // Naming the World. From common nouns to proper names. Proceedings from the International Symposium. Zadar. September 1-4 2004. – Roma. 2005.

Список литературы на английском / References in English

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] / O. S. Ahmanova – M.: Kniga po Trebovaniyu, 2013. – 608 p [in Russian]
2. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [Great Russian encyclopedia] [Electronic resource]. 30 volumes. Internet-encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/> (accessed: 20.07.2021) [in Russian]
3. Brokgauz i Efron [Brockhaus and Efron encyclopedia] [Electronic resource]. – 86 volumes. – Electronic data. – M. : IDDK, 2004. – el. opt. disk (DVD-ROM). – System requirements: P 166MMX; 32 MB RAM; DVD-ROM; WINDOWS 98/ME/2000/XP; SVGA. – ISBN 5-94522-526-6 (v kor.) [in Russian]
4. Vinokur G. O. O nekotoryh yavleniyah slovoobrazovaniya v Russkoj tekhnicheskoy terminologii [About some word-building tendencies in Russian technical terminology] / G. O. Vinokur // Trudy Mosk. in-ta istorii, filosofii i literatury. Filologicheskij f-t: Sb. statej po yazykovedeniyu. [Proceedings of Moscow institute of history, philosophy and literature. Philological faculty. Linguistic proceedings]. – M., 1939. – vol. 5. – P. 3-54 [in Russian]
5. Gorbanevskij M.V. V mire imen i nazvanij [In the world of names and denominations] / M. V. Gorbanevskij. – M. : Znanie, 1983. – 192 p [in Russian]
6. Grinev-Grinevich S. V. Yazyk kak sredstvo izucheniya poznaniya i evolyucii cheloveka [Language as a mean of perception and human evolution study] / S. V. Grinev-Grinevich, S. A. Sorokina // Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2014. – № 5. – P. 12–25 [in Russian]
7. Kandelaki T. L. Znacheniya terminov i sistemy znachenij nauchno-tekhnicheskikh terminologij [Meanings of terms and systems of meanings of technical terminology] / T. L. Kandelaki // Problemy yazyka nauki i tekhniki. Logicheskie, lingvisticheskie i istoriko-nauchnye aspekty terminologii [Problems of science and technology language. Logical, linguistic and historical-and-scientific aspects of terminology]. – Edited by S. G. Barhudarov. – M.: Nauka, 1970. – P. 3-39 [in Russian]
8. Lejchik V. M. Yazyk i kul'tura – mnogoaspektnyj analiz problemy [Language and culture – manifold analysis of the problem] / V. M. Lejchik // Vestnik MAPRYAL [Bulletin of MAPRYAL]. – 2002. – № 34. – P. 14-17 [in Russian]
9. Min'yar-Beloruicheva A. P. O skhodstve i razlichii terminov i nomenklaturnyh obrazovanij [About the similarity and the difference between various terms and nomena] / A. P. Min'yar-Beloruicheva // Vestnik CHGU [Bulletin of the Tchelyabinsk State University]. – 2014. – №4. – P. 166-170 [in Russian]
10. Moiseev A. I. O yazykovoj prirode termina [About the linguistic nature of the term] / A. I. Moiseev // Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii [Linguistic problems of science and technological terminology]. – M.: Nauka, 1970. – P. 127-138 [in Russian]

11. Reformatskij A. A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction into linguistics] / A. A. Reformatskij: 5 edition. – M.: Aspect Press, 2004. – 536 p. [in Russian]
12. Fedorova M. A. Tematicheskie gruppy inicial'nyh abbreviatur terminologii ohrany truda anglijskogo yazyka [Thematic groups of English labour protection terminology] / M. A. Fedorova, I. N. Churilova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice]. – 2018. – № 4-2 (82). – P. 399-402 [in Russian]
13. Shelov S. D. O klassifikacii nomenov i nomenklaturnyh naimenovanij (na materiale naimenovanij tovarov) [About the classification of nomina and nomenclature names (on the material of product names)] / S. D. Shelov, E. Cisun // NTI. Seriya 2. Informacionnye processy i sistemy [Science and technical information. Series 2. Information processes and systems]. – 2015. – № 6. – P. 32-36 [in Russian]
14. Churilova I. Representation of theatre metaphors in the English linguistic worldview / I. N. Churilova, M. A. Fedorova, T. A. Vinnikova // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (EpSBS). Volume 99. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference "Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2020), Volgograd, Russia, 2020, pp. 196-206. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.04.24
15. Superanskaya A. V. Proper names in Internet games / A. V. Superanskaya // Naming the World. From common nouns to proper names. Proceedings from the International Symposium. Zadar. September 1-4 2004. – Roma. 2005.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.2>**ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ «УСПЕХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Ерёмина М.А.*

ORCID: 0000-0002-1553-9258,

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (marina_makridina[at]mail.ru)

Аннотация

Предлагаемая статья представляет собой продолжение исследования проблемы верификации лингвокультурологических построений, связанных с анализом культурно значимого понятия успеха. Основная задача статьи – применить на практике методологические соображения автора относительно возможностей и ограничений дефиниционного анализа и продемонстрировать интерпретационный потенциал анализа словарных дефиниций лексемы *успех* в русском языке в когнитивном контексте. Материалом для анализа послужили словарные дефиниции лексемы *успех* в толковых словарях дореволюционной, советской и постсоветской эпох, которые наглядно демонстрируют варьирование семантического представления лексемы *успех*. Анализ основывается на сравнении лексикографических описаний и направлен на выявление семной структуры слова. Семное описание рассматривается как информационная база для интерпретации с точки зрения особенностей восприятия и осмысления социокультурного явления успеха. В результате семного описания и когнитивной интерпретации каждого лексико-семантического варианта реконструируется и описывается в нарративном виде инвариантное значение слова. Оно представляет собой когнитивную модель высокой степени абстракции, обладающую прототипическим эффектом, то есть связывающую всю сеть системно-языковых значений слова и лежащую в основе контекстно-обусловленных и личностно-ассоциативных словоупотреблений. В статье также уделяется внимание верификации результатов дефиниционного анализа лексемы *успех* посредством системного методологического подхода, суть которого заключается в установлении общих семантических закономерностей на разных этапах комплексного семантического анализа понятия.

Ключевые слова: лексическая семантика, когнитивный подход, дефиниционный анализ, анализ словарных дефиниций, успех.

ANALYSIS OF THE DICTIONARY DEFINITIONS OF THE WORD “SUCCESS” IN RUSSIAN: A COGNITIVE ASPECT

Research article

Eremina M.A.*

ORCID: 0000-0002-1553-9258,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia;

Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia

* Corresponding author (marina_makridina[at]mail.ru)

Abstract

The proposed article is a continuation of the study of the problem of verification of linguistic and cultural constructions associated with the analysis of the culturally significant concept of success. The main objective of the article is to apply in practice the author's methodological considerations regarding the possibilities and limitations of definitional analysis and to demonstrate the interpretive potential of analyzing the dictionary definitions of the word success in Russian language in a cognitive way. The material for the analysis was the dictionary definitions of the word success in explanatory dictionaries of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet eras, which clearly demonstrate the variation in the semantic representation of the lexeme success. The analysis is based on a comparison of lexicographic descriptions and is aimed at identifying the semantic structure of a word. The semantic description is considered as an information base for interpretation from the point of view of the characteristics of perception and understanding of the socio-cultural phenomenon of success. As a result of the semantic description and cognitive interpretation of each lexical-semantic variant, the invariant meaning of the word is reconstructed and described in a narrative form. It is a cognitive model of a high degree of abstraction, which has a prototypical effect, that is, it connects the entire network of system-linguistic meanings of a word and underlies context-based and personal-associative word usage. The article also pays attention to the verification of the results of the definitional analysis of the lexeme success through a systematic methodological approach, the essence of which is to establish general semantic patterns at different stages of the complex semantic analysis of the concept.

Keywords: lexical semantics, cognitive approach, definitional analysis, analysis of vocabulary definitions, success.

Введение

Выбор лексемы *успех* в качестве объекта исследования объясняется, прежде всего, интересом к культурной коннотации этой лексемы, то есть той части значения, которая обусловлена ценностями, идеалами, поведенческими установками, принятыми в обществе в определенный культурно-исторический период и закрепленными в языковом сознании. Культурную семантику слова составляют системно-языковые признаки понятия (семы), которые видоизменяются под влиянием индивидуального языкового сознания и типа дискурса. Так, категориальный признак

успеха ‘положительный результат’ может отражать разные представления о том, чем этот результат представлен и как его добиться, в глянцевої журналистике и популярной психологической литературе (причем в последней концепция успеха зависит от личностных характеристик и прагматических задач автора текста).

Неудивительно, что признаковое содержание понятия успеха не раз становилось предметом описания в лингвокультурологических трудах последнего десятилетия [1], [2], [7], [8]. Отличительной особенностью данных работ является то, что при наличии общей теоретической базы, схожих задач и алгоритма исследования значительным образом различаются как в количественном, так и в качественном отношении выводы лингвистов относительно набора понятийных признаков успеха [4]. Из данного обстоятельства следует, во-первых, что вопрос о сущностных характеристиках успеха как языкового понятия остается открытым. Во-вторых, что точка в этом вопросе может быть поставлена в результате решения проблемы корректности и эффективности применяемых методов исследования.

Методы и принципы исследования

Данная статья является логическим продолжением нашего методологического исследования проблемы верификации лингвокультурологических построений, связанных с анализом понятия успеха, и представляет собой практическое применение возможностей дефиниционного анализа лексемы *успех* в русском языке.

Обращение к словарному материалу и дефиниционному анализу обусловлено тем, что данные толковых словарей дореволюционной, советской и постсоветской эпох весьма наглядно демонстрируют варьирование семантического представления слова *успех*. Сопоставление словарных дефиниций и результатов семного анализа позволяют увидеть закономерности развития семантики слова и интерпретировать их в контексте особенностей осмысления такого важного социокультурного явления, как успех.

Обсуждение

Значение, которое в большинстве толковых словарей воспроизводится как основное с некоторыми видоизменениями, в словаре В.И. Даля фиксируется в следующем виде: ‘удача в работе, достижение желаемого’ [3]. В словарное описание входит также семантический признак ‘удачное старание’, связанный с компонентом ‘достижение желаемого’ семей ‘приложение усилий’, которая важна для понимания субъективных факторов, способствующих успеху. В качестве дополнительного В.И. Далем отмечается значение ‘успешка, поспешность’, наследующее архаическую сему быстроты движения, которая в современном русском языке формирует семантику лексем *успеть* и *поспеть*, а с понятием успеха связывается только на ассоциативном уровне.

Компонент *удача* играет важнейшую роль в семантике успеха, поэтому требует отдельного рассмотрения. В словаре Д.Н. Ушакова удача трактуется как ‘успех, такой исход дела, который нужен, желателен кому-нибудь’ [15]. В словаре С.А. Кузнецова дается более содержательное толкование: ‘счастливое, благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела; везение’ [6], в котором содержится указание на еще один, уже объективный, фактор достижения успеха.

Таким образом, понимание пути к успеху включает в себя учет как субъективных, так и объективных факторов, то есть контролируемых человеком рациональных усилий и неподвластного человеческой воле иррационального стечения обстоятельств.

Стоит также отметить, что в обоих определениях удачи актуальны оценочные семы, преимущественно эмоциональной окраски: ‘желателен’, ‘счастливое’, ‘благоприятное’, что свидетельствует о важности эмоциональной составляющей успеха. Субъект эмоциональной оценки здесь не определен, это значит, что положительные эмоции по поводу удачного исхода дела может испытывать и собственно деятель, и сторонний «интересант». Но субъективная природа счастья дает понять, что оценку удачности производит, прежде всего, именно тот, кто добился успеха. В оценке удачности исхода дела, помимо радостных переживаний, важен также показатель нужности, то есть соответствия исхода дела его замыслу.

Дефиниция лексемы *успех*, которая приводится в словаре Д.Н. Ушакова – ‘удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели’ – в целом повторяет рассмотренное выше толкование в словаре В.И. Даля. Но замена *желаемого* на *задуманного* актуализирует сему ‘замысел’ и представляет рациональный план осмысления ситуации успеха, отражая представление о потенциально успешной деятельности как осознанной и целенаправленной.

В Словаре А.П. Евгеньевой и в словаре С.А. Кузнецова основное значение лексемы *успех* одинаково определяется как ‘положительный результат, удачное завершение чего-л.’ [14], [6]. Отличие данных описаний от дефиниций в рассмотренных выше словарях составляют три момента. Во-первых, значение лексемы *успех* расширяется путем абстрагирования от области получения результата, ср. появление дейктического конкретизатора ‘чего-либо’. Другими словами, успех перестает быть только «производственным», он начинает мыслиться одинаково возможным в жизненном процессе любого масштаба, ср. иллюстративные примеры в МАСе: *Успехи культурного строительства; Поездка Ивана Ильича увенчалась удивительным, неожиданным успехом* [14].

Во-вторых, сема ‘цель’ уступает место семе ‘результат’. Поскольку результат можно считать овеществленной целью, то развитие значения здесь проходит по линии «идеальное - материальное». Другими словами, для определения успешности чего-либо становится важным не столько эфемерное ‘осуществление задуманного’, сколько получение воспринимаемого органами чувств и очевидного для всех результата. Лексема *результат* в современном русском языке имеет абстрактное значение, указывающее на широкий спектр воплощений:

- а) конечный итог действия;
- б) следствие действия;
- в) показатель мастерства [6].

Все эти значения служат смысловой базой для выделения разных составляющих ситуации успеха.

В-третьих, представление о предметном характере результата закономерно приводит к появлению оценки в виде семы 'положительный'. Согласно толкованию прилагательного *положительный* в словаре С.А. Кузнецова: 'заслуживающий одобрения, оправдывающий ожидания, полезный' [6] оценка результата имеет общий положительный знак, субъектом оценки выступает или сам деятель, или социум, а основанием оценки служит соответствие результата широко понимаемой социальной норме.

Далее обратимся к производным значениям. В целом, здесь отмечается две линии семантического развития: (1) конкретизация области достижения успеха, (2) формирование оценочного значения по параметру 'общественное признание'.

(1) В то время как формирование основного значения имеет тенденцию к абстрагированию от области проявления успеха, развитие производного значения идет в противоположном направлении. Очевидно, тем самым компенсируется неопределенность в осмыслении того, в каких областях человеческой деятельности особенно важен успех. В толковых словарях XX-XI вв. в качестве смыслового оттенка, производного от первого лексико-семантического варианта, фиксируется значение, связанное с когнитивной областью войны: 'удача в военной операции; победа' [15], [5], 'благоприятный исход, победа в каком-л. сражении, поединке и т.п.' [5]. Актуализация данной когнитивной сферы обусловлена тем, что семантический компонент 'военный поединок', соотносимый в языковом сознании с соответствующим образом, имеет сразу несколько смысловых точек пересечения с ситуацией успеха: высшая степень личной и социальной значимости результата; рациональное целеполагание; эмоциональная вовлеченность участников процесса; зависимость результата от множества субъективных и объективных обстоятельств; привлечение разного рода ресурсов; завершенный процесс. Кроме того, семантическую связь поддерживает базовая для «военного» успеха сема 'противостояние сил'. Будучи ассоциативной в семантике успеха, эта сема отражает драматический ракурс рассмотрения ситуации успеха, при котором человек на пути к успеху преодолевает сопротивление внутренних и внешних обстоятельств, а также вступает в состязание с соперниками.

Другой значимой областью достижения успеха является образовательная деятельность. Это подтверждается развитием лексико-семантического варианта, имеющего статус самостоятельного производного значения в семантической иерархии лексемы *успех* в представлении словаря С.И. Ожегова, С.А. Кузнецова, Русского семантического словаря. Согласно дефиниции в словаре Д.Н. Ушакова успешная познавательная активность ограничивается школьным образованием, а успешный результат приравнивается к хорошей успеваемости. Но в дальнейших лексикографических описаниях происходит смысловое расширение за счет семы 'хорошие результаты в учебных занятиях, достижение в освоении, изучении чего-л.' [6], отражающей представление о возможности «познавательного» успеха не только в институциональной, но и в индивидуальной образовательной практике. Категория множественного числа лексемы *успехи* в этом значении подтверждает устойчивость представления о предметном характере результата и соотносится с представлением о реализации личностного потенциала через результативное решение целого ряда определенных задач.

(2) Связь понятия успеха с семантической сферой социальной оценки по-разному фиксируется в словарях. Выделяются следующие значения.

А. 'только ед. Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений'.

Отсутствие компонента 'чьих-либо достижений' в словаре С.И. Ожегова и Русском семантическом словаре свидетельствует о его факультативности, что отражает возможность деперсонализации успешного результата. Что касается компонента 'общественное признание', то судя по грамматической помете *только ед*, оно имеет абстрактный характер. Другими словами, обстоятельства проявления общественного признания могут крайне разнообразными, главным условием положительной оценки исхода дела является наличие результата, который, с одной стороны, свидетельствует о достаточно высоком уровне мастерства деятеля, с другой стороны, соответствует определенным социальным стандартам.

Б. 'чей. Внимание общества к кому-нибудь, признание чьих-нибудь достоинств, а также удача в ухаживании, флирте и т.п.; интерес, влечение со стороны лиц другого пола'.

Благодаря грамматической помете 'чей', конкретизатору 'чьих-нибудь' и характеризующей человека семе 'достоинства' становится более отчетливым образ деятеля, его ценные качества. Вторая часть значения 'интерес, влечение со стороны лиц другого пола' свидетельствует, во-первых, о представлении, согласно которому человек может добиваться успеха как в рамках социальной роли, ориентируясь на запросы сообщества, так и в частной жизни, реализуя индивидуальные (половые/гендерные) потребности; во-вторых, о существовании в десигнате понятия успеха эмоционально-оценочной шкалы, соотносимой с представлением о сильной эмоциональной реакции на ценные качества деятеля со стороны определенного круга лиц.

Стоит отметить, что все рассмотренные признаки успеха позволяют не ограничивать представление о субъекте успешной деятельности: им может быть как отдельный человек, так и коллектив.

Заключение

Итак, в результате семного описания слова *успех* и интерпретации взаимосвязи выявленных признаков мы можем представить в нарративном виде обобщенное (инвариантное) значение данного слова, описывающее ситуацию успеха. Данное описание представляет собой когнитивную модель высокой степени абстракции. Функциональной характеристикой инвариантного значения служит прототипический эффект: оно связывает всю сеть системно-языковых значений слова и лежит в основе контекстно-обусловленных и личностно-ассоциативных словоупотреблений. Описанное таким образом содержание не охватывает все разнообразие семантических признаков, но помогает в большой степени их предсказать.

«Субъектом успешной деятельности может быть как индивидуум, так и коллектив. У субъекта возникает желание, связанное с одной из его потребностей (потребностью в безопасности, самореализации, социально-

иерархической, гендерно-половой). Он переводит желание в замысел. В процессе реализации цели он сталкивается с обстоятельствами или людьми, которые противодействуют его намерениям. Он или легко преодолевает трудности за счет внутренних ресурсов и приложения усилий, или обстоятельства сами собой складываются так, что способствуют осуществлению замысла. Процесс достижения успеха доставляет субъекту чувство эмоционального удовлетворения. Процесс имеет определенную длительность. Завершается в виде конкретного, воспринимаемого органами чувств и очевидного для окружающих результата. Предметный характер результата делает его доступным для количественной, социальной и эмоциональной оценки. Результат успешной деятельности может отчуждаться от деятеля; служит показателем ценных качеств деятеля; соотносится с ожиданиями со стороны самого субъекта и/или общества, поэтому имеет высокую степень личной и/или социальной значимости. Если в основе успешной деятельности лежит потребность в самореализации, то положительно оценивается многократность результативных действий. В случае значимости результата для других людей они одобряют его, выражая оценку разными способами. Следствием положительной социальной оценки результата статус самого субъекта успешной деятельности в социальной иерархии становится более высоким».

Данное семантическое представление имеет предельно абстрактный характер, поэтому большинство производных смыслов будут возникать в результате применения к нему когнитивно-семантической операции конкретизации. Так, например, представление об успехе как о соответствии широко понимаемой социальной норме в сочетаниях слова *успех* с прилагательными обуславливает актуализацию частнооценочных значений с количественными (*огромный, ошеломляющий, колоссальный* и др.), социальными (*всенародный, национальный, профессиональный, неоспоримый* и др.) или эмоциональными (*яркий, оглушительный, невообразимый* и др.) семами.

Верификация результатов, полученных нами в ходе дефиниционного анализа лексемы *успех*, возможна с позиции системного методологического подхода, суть которого заключается в установлении общих семантических закономерностей на разных этапах комплексного семантического анализа концепта. Для этого мы обратились к исследованию Н. Р. Эренбург, построенному, в частности, на «определении структурно-семантической организации номинативного поля концепта успеха в русском языке» [18]. В результате анализа языковых средств, входящих в номинативное поле концепта, исследователь выделяет 4 парцеллы: «Положительный результат деятельности», «Субъект успеха», «Путь успеха», «Эмоциональная составляющая успеха», каждая из которых представлена секторами и микрогруппами. Так, парцелла «Положительный результат деятельности» включает в себя два сектора «Благоприятный итог деятельности» и «Общественное признание». Последний дробится на микрогруппы «Общественное признание, одобрение чьих-либо достижений», «Интерес, влечение со стороны лиц другого пола». Как можно заметить, семантические признаки, определяющие общую структуру поля успеха и дифференциацию произвольно взятого фрагмента поля, соотносятся с содержанием слова *успех*, выявленному благодаря проведенному нами дефиниционному анализу. С одной стороны, это демонстрирует семантическую целостность концепта (семное описание слова коррелирует со структурой номинативного поля концепта), с другой стороны, подтверждает сделанные нами выводы.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31221.

Funding

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31221.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Адонина И. В. Концепт успех в современной американской речевой культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Адонина – Хабаровск, 2005. – 24 с.
2. Андриенко А. А. Концепт успех в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.А. Андриенко – Белгород, 2010. – 24 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. [Электронный ресурс]. / В.И. Даль – URL : <https://www.prlib.ru/item/375611> (дата обращения : 20.11.2021).
4. Еремина М. А. Анализ словарных дефиниций слова успех в свете проблемы верификации лингвокультурологических построений / М. А. Еремина // Научный диалог. – 2021. – № 2. – С. 48–61.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково- словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 22.11.2021).
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.А. Кузнецов – URL : <http://gramota.ru/slovari/dic. ... .htm> (дата обращения 22.11.2021).
7. Лагута О. Н. Концепт «успех» в русском языковом сознании / О. Н. Лагута, Е.В. Лукашевич, Н.А. Лукьянова // Вестник Новосибирского государственного университета, 2006. – Серия : История, филология. – Т. 5. – № 2. – С. 47–61.
8. Маркова Г. А. Содержание концепта «успех» в русской языковой картине мира / Г. А. Маркова // Мир науки. – Сер. : Социология, филология, культурология. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 23–27.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов – URL : <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 22.11.2021).

10. Паршина Н. Д. Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Н.Д. Паршина – М., 2007. – 24 с.
11. Петрова Ю. Д. Концепт успех / успешный как фрагмент актёрского дискурса / Ю. Д. Петрова // Образование и наука в современных условиях. – 2014. – № 1 (1). – С. 250–252.
12. Русский семантический словарь. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. URL : <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения 22.11.2021).
13. Рябуха О. В. Лингвистическая репрезентация концепта «успех» в англоязычной публицистической прозе (на материале журнальных и газетных статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.В. Рябуха – СПб., 2009. – 24 с.
14. Словарь русского языка : В 4-х т. – Т. 1. – А-Й. Под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 22.11.2021).
15. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков – URL : <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 22.11.2021).
16. Хрынина Е. Н. Лингвокультурная специфика концепта «успех / erfolg» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Е.Н. Хрынина – Ставрополь, 2009. – 24 с.
17. Шкапенко Т. М., Попова С. Б. Социо-историческая эволюция номинативных единиц успех, успешный в русском языке Т. М. Шкапенко / Т.М. Шкапенко, С.Б. Попова // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной наук : сборник статей по материалам II—III международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2017. – С. 56–63.
18. Эренбург Н. Р. Концепт успех и его репрезентация в русском языке новейшего периода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Н.Р. Эренбург – Воронеж, 2006. – 27 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Adonina I. V. Kontsept uspekha v sovremennoi amerikanskoj rechevoi kul'ture [Concept of success in modern American speech culture] : author's abstract of diss. ... PhD in Linguistic / I. V. Adonina – Khabarovsk, 2005. – 24 p. [in Russian].
2. Andrienko A. A. Kontsept uspekha v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turakh (na materiale populiarno-delovogo diskursa) [Concept of success in American and Russian linguocultures (based on popular business discourse)] : author's abstract of diss. ... PhD in Linguistic. / A. A. Andrienko – Belgorod, 2010. – 24 p. [in Russian].
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: V 4 t. [Electronic resource]. / V. I. Dal' – URL: <https://www.prilib.ru/item/375611> (accessed: 20.11.2021).
4. Eremina M. A. Analiz slovarnykh definitsii slova uspekha v svete problemy verifikatsii lingvokul'turologicheskikh postroenii [Analysis of vocabulary definitions of the word success in the light of the problem of verification of cultural linguistic structures] / M. A. Eremina // Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]. – 2021. – № 2. – P. 48–61. [in Russian].
5. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Interpretative and derivational] [Electronic resource] / T.F. Efremova – URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 22.11.2021).
6. Kuznetsov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo iazyka [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language] [Electronic resource] / S.A. Kuznetsov – URL: <http://gramota.ru/slovari/dic...htm> (accessed: 22.11.2021).
7. Laguta O. N. Kontsept «uspekha» v russkom iazykovom soznanii [The concept of "success" in the Russian linguistic consciousness] / O. N. Laguta, E.V. Lukashevich, N.A. Lukyanova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Novosibirsk State University Bulletin]. – 2006. – Ser : Istoriya, filologiya – № 5/2. – P. 47–61. [in Russian].
8. Markova G. A., Nesterova T. G., Remizova V. F. Soderzhanie kontsepta «uspekha» v russkoj iazykovoi karte mira [Content of the concept “success” in the Russian language picture of the world] / G. A. Markova // Mir nauki [World of science]. 2006. – Ser. : Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya. – Т. 10. – № 1. – P. 23. [in Russian].
9. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] [Electronic resource] / S.I. Ozhegov, N. Iu. Shvedova – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: 22.11.2021).
10. Parshina N. D. Lingvokul'turologicheskoe pole kontsepta «uspekha» v amerikanskom variante angliiskogo iazyka [The linguoculturological field of the concept of “success” in the American version of the English language] : author's abstract of diss. ... PhD in Linguistic / N.D. Parshina – Moskva, 2007. – 24 p. [in Russian].
11. Petrova Yu. D. Kontsept uspekha / uspeshnyi kak fragment akterskogo diskursa [Concept of success / successful as a fragment of the actor's discourse] / Iu. D. Petrova // Obrazovaniye i nauka v sovremennykh usloviyakh [Education and science in modern conditions]. – 2014. – Vol. 1. – № 1. – P. 250–252. [in Russian].
12. Russkij Semanticheskij slovar'. Ed. by N. Iu. Shvedova [Russian Semantic Dictionary] [Electronic resource]. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> accessed: 22.11.2021).
13. Ryabukha O. V. Lingvisticheskaja reprezentatsiya kontsepta «uspekha» v anglijskoj publisticheskoi proze (na materiale zhurnal'nykh i gazetnykh statej) [Linguistic representation of the concept “success” in English-language publicistic prose (based on the material of magazine and newspaper articles)] : author's abstract of diss. ... PhD in Linguistic / O.V. Ryabukha – Sankt-Peterburg, 2009. – 24 p. [in Russian].
14. Slovar' russkogo iazyka [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 1. AY. Ed. A. P. Evgenieva] [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 22.11.2021).
15. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo iazyka [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language] [Electronic resource] / D.N. Ushakov – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed: 22.11.2021).
16. Khrynina E. N. Lingvokul'turnaia spetsifika kontsepta «uspekha / erfolg» [Linguocultural specificity of the concept “success / erfolg”] : author's abstract of diss. ... PhD in Linguistic / E.N. Khrynina – Stavropol', 2009. – 24 p. [in Russian].
17. Shkapenko T. M. Sotsio-istoricheskaja evoliutsiya nominativnykh edinits uspekha, uspeshnyi v russkom iazyke [Socio-historical evolution of nominative units success, successful in the Russian language] / T. M. Shkapenko, S.B. Popova // Kulturologiya, filologiya, iskusstvovedeniye: aktualnyye problemy sovremennoy nauk [Cultural studies, philology, art history : topical problems of modern sciences: a collection of articles based on materials II-III international scientific and practical conference]. – 2017. – P. 56–63. [in Russian].
18. Erenburg N. R. Kontsept uspekha i ego reprezentatsiya v russkom iazyke noveishego perioda [The concept of success and its representation in the Russian language of the latest period] : author's abstract of diss. ... PhD in Linguistic. / N.R. Erenburg – Voronezh, 2006. – 24 p. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.3>**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА КОМИССИВА В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ**

Научная статья

Власенко Н.И.^{1*}, Наумов Е.В.²¹ ORCID: 0000-0002-4977-167X,¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия;² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (natashavlasenko[at]yandex.ru)

Аннотация

В наши дни ученые лингвисты сосредоточили свое внимание на изучении вопроса о том, каков механизм использования говорящим речевых сообщений для достижения многообразных целей в ходе социального взаимодействия. Все большее внимание стало уделяться прагматическим воздействиям, а прагматика как наука вышла на передний план. Данная работа посвящена исследованию функционирования косвенных речевых актов в различных ситуациях, которые предполагают разнообразные межличностные взаимоотношения коммуникантов, а также причины и условия осуществления речевого акта. Впервые прослеживается функционирование в зависимости от различных параметров ситуации речевых актов одной и той же интенции, принадлежащих одному и тому же эпистолярному типу текста.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, речевой акт, коммиссивы, деловая переписка, частная переписка.

FUNCTIONING OF THE SPEECH ACT COMMISSIVE IN IN VARIOUS SITUATIONS

Research article

Vlasenko N.I.^{1*}, Naumov E.V.²¹ ORCID: 0000-0002-4977-167X,¹ South-West State University, Kursk, Russia;² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

* Corresponding author (natashavlasenko[at]yandex.ru)

Abstract

Nowadays, linguistic scientists have focused their attention on studying the question of what is the mechanism for the use of speech messages by speakers to achieve diverse goals in the course of social interaction. Increasing attention has been paid to pragmatic influences, and pragmatics as a science came to the fore. This work is devoted to the study of the functioning of indirect speech acts in various situations that involve a variety of interpersonal relationships between communicants, as well as the causes and conditions for the implementation of a speech act. For the first time, the functioning of speech acts of the same intention, belonging to the same epistolary type of text, is traced depending on the various parameters of the situation.

Keywords: epistolary genre, speech act, commissives, business correspondence, private correspondence.

Introduction

The development of pragmatics is closely related to the study of the theory of speech acts and postulates of communication. There are various approaches to the classification and subclassification of speech acts, the reason lies in the different interpretation of the type of speech impact. J. Searle distinguishes assertives, directives, commissives, declaratives, expressives and questions as an independent class [1, P. 1]. All these speech acts can be expressed both directly and indirectly. In the system of speech acts, a class of commissives is traditionally distinguished - the main intention, which is to convince the addressee of the speaker's intention to perform or not to perform any action. The communicative situation is a fundamental factor in the choice of a speech act, from the point of view of the speakers, on the one hand, and the communicative means used by them, on the other hand. Relations between participants in a communicative situation, social distance, norms and rules of behavior help to understand the issue of choosing one or another speech option. In this article we consider the semantic and pragmatic features of the use of the speech act of the commissive in a specific situation, namely in the epistolary genre, since it is characterized by certain social and cultural norms and rules.

The purpose of commissives is to oblige, force the speaker to do something. Commissive statements can function in two varieties of a given speech act: commissive in response to the addressee's request and commissive in response to a stimulus emanating from the situation.

The promise refers to commissives and does not contain any additional semantic loads. In order for the speech act of the promise to be successfully and harmlessly carried out in the process of verbal communication, it is necessary that the addressee and the addressee satisfy its preparatory conditions, namely: the addresser's ability to fulfill the promised, the addressee's interest in the promised. The "sincerity" condition specifies the psychological state inherent in the addressee when making a promise.

The propositional content of a promise is determined by all other conditions. Promising, the addressee expresses the corresponding proposition - the object of the promise, which may be the future action or state, a series of actions in the future, or refraining from performing an action [2, P. 135].

Direct speech acts of a promise include statements with the performative verb *to promise*. The focus of the act of speech on the implementation of the designated action constitutes its illocutionary force. That is, a statement with the verb *to promise* forms a performative speech act of promise.

The direct speech act of a promise is a two-part construction, the first part of which is represented by a performative verb, and the second part presupposes the presence of indicative or infinitive tenses. Speech acts in the structure of which two elements are connected and present, expressed in an explicit way, we call direct speech acts. By indirect, we mean a speech act in which there is any deviation from the semantic model described above [3, P. 196]. Indirect use can be caused by various transformations of the direct promise semantic model. Let us consider examples of various types of indirect expression of the speech act of promise, depending on the communicative situation.

Promises can be made in response to a request.

Next time I am in Princeton I will take the privilege of coming to see you [4, P. 463].

Next Saturday is the Brown game. I shan't go though, but shall save my money for the Princeton game [5, P. 153].

These examples are taken from private correspondence, the social distance in the first example is distant, the elder refers to the younger, and in the second is close, the role relationships are equal, so the social distance in both examples is different.

In business correspondence, such examples are found in letters - responses to a client about orders, bank loans. In order to write a letter - a refusal to receive a loan, many companies resort to promises in such cases.

After one full year of full time employment we would be pleased to review your application again [6, P. 318].

From these examples, covering both business and personal correspondence, we see that indirect promises can be carried out using statements that assert the future action of sender in favor of a person to whom the promise is addressed.

It should be noted that the speaker's statement about future action can be understood as an indirect promise only if the subject correlated with the subject of speech is an agent, and the verb is used in the form of an active voice. All these examples have essentially the same propositional content, characterized by intentionality and subject orientation.

By asserting the ability to perform any action, the speaker can thereby make an act of promise. The fulfillment of this condition determines whether the addressee can count on the execution of the expected action.

Such requests can very often remain unanswered, due to the confidentiality of information, in these cases, cooperation is destroyed and the sender tends to prevent the addressee from realizing intentions. This type of promise is situationally limited, but since the purpose of business cooperation is to reach an agreement, they are still aimed at further cooperative development of communication.

An analysis of examples showed that in business correspondence, along with promises, there are promises-assurances.

As we have a good supply of these machines we can effect shipment within 5 days [7, P.30].

Emotionally assurance promises are stronger than promises. In these examples, commissive statements are given in response to a stimulus from the situation.

I return to town tomorrow for a few rehearsals to get "Barbara" straight for the evening bill on the 1st [8, P. 591].

However, only in some activity contexts do these statements express promises; normatively, they are a direct explication of the speech act of intention.

If the addressee is not clear how he should perceive the statement (as a promise or as an intention), then in the reply letter he can ask the question "Is this a promise?" and get the answer "Yes, I promise you that" explicitly and unambiguously, expressing the illocutionary force of the statement [2, P. 137].

The next subclass of commissives is guarantees-pledges. The sender declares the intention to perform the desired action for the addressee. This guarantee is given with a greater degree of responsibility to the sender. Most often they are found in the business sphere of communication, in letters of proposals, responses to inquiries.

You can count on a brisk turn over If prices are competitive and deliveries prompt [9, P. 21].

As for another subclass of commissives - oaths, it should be noted that for their expression, the direct form is always used, clearly and unambiguously expressing the illocutionary function of the utterance. The addressee uses such statements only in special cases in order to simply assure the addressee of something and thus eliminate any possible ambiguity regarding illocutionary force [10].

And, finally, threat is an illocutionary act that occupies a peripheral position in relation to directives and also reveals the properties of a commissive. The illocutionary component merges with the emotional component, forming a single whole in this speech act. The emotional component is a prerequisite for a continuous speech act, and varies from anger to mild irritation [11, P. 72].

We cannot possibly allow this situation to continue, and are sorry to have to tell you that unless you can guarantee to deliver supplies by the dates specified in future orders, we will be forced to look for another supplier [9, P. 138].

This is an indirect threat, since there are all the compound threats - there is an action that, according to the addressee, must be performed - a typical threat condition, and the second part contains a promise to take any action if it is not fulfilled. The first part is a directive, the second is a commissive. However, at the same time, the whole statement is kept in such a polite form that it takes the form of a warning (We are sorry ... we will be forced ...)

Thus, promises, assurances, guarantees, threats are very widespread in the epistolary genre. This is explained by the fact that the purpose of using an indirect act of a commissive type is to strengthen the communicative intention of a speech act (guarantees, assurances), in some cases, to relieve oneself of responsibility for words (answers to requests).

In an official setting, promises-assurances are mainly used at a distant and close distance, and guarantees only at a distant one [12, 13]. This comes from the fact that such speech acts are emotionally stronger than promises, that is, they justify the purpose of business communication. In an informal setting of communication, promises, regardless of the status-role relations of communicants and social distance, are expressed by speech acts, in which the form is represented by a literal speech act, and the content is literal and relevant.

The emergence of indirect commissives is pragmatically motivated. This is due to the fact that the speaker counts not only on the interlocutor's linguistic knowledge, but also on the non-linguistic competence, knowledge of the conditions for the success of the commissive speech act. An important role in determining the illocutionary intention when the speaker makes a promise is played by the context and situation of communication.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. John R. Searle A classification of illocutionary acts / Searle John R // *Language in Society* – 1976 - № 5 - pp.1-23.
2. Семенюк М. П. Промисивные высказывания и способы их выражения в современном английском языке / М. П. Семенюк, Л. А. Козлова // *Проблемы синтаксиса словосочетания и предложения*. – Пятигорск, 1984. – С. 134–141.
3. Серль Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М., 1986. – Вып. №17. – С. 195–223.
4. Turnbull A. The Letters of Scott Fitzgerald / A. Turnbull. – New York, 1963. – 615 p.
5. Watson J. G. Thinking of Home: William Faulkner's Letters to his Mother and Father 1918-1925 / J. G. Watson. – New York, London. 1992. – 253 p.
6. Cupert S. A. Writing effective business letters, memos, proposals and reports / S. A. Cupert. – С., 1983. – 309 p.
7. Котий Г. А. Образцы деловой переписки: практическое пособие / Г. А. Котий. – М., 1995. – 160 с.
8. Laurence Dan H. Collected Letters / Dan H. Laurence. – New York, 1965. – 877 p.
9. King F. English Business Letters / F. King. – М., 1994. – 192 p.
10. Власенко Н. И. Принципы выделения стилей речи, их классификация и субклассификации / Н. И. Власенко // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. – 2013. – № 2. – С. 27-31.
11. Пospelova A. Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: Иллокутивно-интерактивная характеристика / А. Г. Пospelova // *Трехаспектность грамматики*. – Санкт-Петербург, 1992. – С.68–84.
12. Власенко Н. И. Функционирование косвенных речевых актов в эпистолярном жанре / Н. И. Власенко. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2017. – 128 с. – ISBN 978-5-7681-1220-2.
13. Толмачева И. А. Взаимодействие языков в сознании многоязычного индивида / И. А. Толмачева // *Известия Юго-Западного государственного университета*. – 2011. – № 6-2(39). – С. 199-204.

Список литературы на английском / References in English

1. John R. Searle A classification of illocutionary acts / Searle John R // *Language in Society* – 1976 - № 5 - pp.1-23.
2. Semenyuk M. P. Promisivnyye vyskazyvaniya i sposoby ikh vyrazheniya v sovremennom angliyskom yazyke [Primitive utterances and ways of their expression in modern English] / M. P. Semenyuk, L. A. Kozlova // *Problemy sintaksisa slovosochetaniya i predlozheniya* [Problems of syntax of phrases and sentences]. – Pyatigorsk, 1984. – P. 134–141. [in Russian]
3. Searl J. Kosvennie rechevie akty [Indirect speech acts] / J. Searle // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. - М., 1986. - Issue. No. 17. – P. 195–223. [in Russian]
4. Turnbull A. The Letters of Scott Fitzgerald / A. Turnbull. – New York, 1963. – 615 p.
5. Watson J. G. Thinking of Home: William Faulkner's Letters to his Mother and Father 1918-1925 / J. G. Watson. – New York, London. 1992. – 253 p.
6. Cupert S. A. Writing effective business letters, memos, proposals and reports / S. A. Cupert. – P., 1983. – 309 p.
7. Kotiy G. A. Obraztsy delovoy perepiski: prakticheskoye posobiye [Samples of business correspondence: a practical guide] / G. A. Kotiy. – М., 1995. – 160 p. [in Russian]
8. Laurence Dan H. Collected Letters / Dan H. Laurence. – New York, 1965. – 877 p.
9. King F. English Business Letters / F. King. – М., 1994. – 192 p.
10. Vlasenko N. I. Printsipy vydeleniya stiley rechi, ikh klassifikatsiya i subklassifikatsii [Principles of distinguishing speech styles, their classification and subclassification] / N. I. Vlasenko // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Bulletin of South-west state university. Series: Linguistics and psychology]. – 2013. – № 2. – P. 27-31. [in Russian]
11. Pospelova A. G. Funktsional'nyy aspekt izucheniya rechevykh aktov: Illokutivno-interaktivnaya kharakteristika [Functional aspect of the study of speech acts: Illocutionary and interactive characteristics] / A. G. Pospelova // *Trekhaspektnost' grammatiki* [Three - aspect grammar]. – Saint-Petersburg, 1992. – P.68–84. [in Russian]
12. Vlasenko N. I. Funktsionirovaniye kosvennykh rechevykh aktov v epistolyarnom zhanre [The functioning of indirect speech acts in epistolary genre]: monograph / N. I. Vlasenko - Kursk, 2016. - 127 p. [in Russian]
13. Tolmacheva I. A. Vzaimodeystviye yazykov v soznanii mnogoyazychnogo individa [Interaction of languages in the mind of a multilingual individual] / I. A. Tolmacheva // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of South-west state university. Series: Linguistics and psychology]. – 2011. – № 6-2(39). – P. 199-204. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.4>**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НЕРАВЕНСТВЕ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Научная статья

Свердлова Н.А.^{1*}, Барышникова У.Н.²¹ ORCID: 0000-0002-5315-6266;² ORCID: 0000-0003-1457-100X;¹ Иркутский научный центр СО РАН, Иркутск, Россия;² Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (nsverdlova[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается образовательная ситуация, связанная с приобретением и формированием полилингвальной культуры – изучением иностранного языка (русского как неродного) – в условиях полилингвального образовательного пространства. С формированием нового культурного видения человек переключается на способы коммуникации, которые наиболее востребованы в обществе. Особая роль доминирующего языка в учебной и социальной коммуникации имеет ключевое значение в проблеме утраты у обучающихся национальной и культурной самоидентификации. Особенности успешной языковой и культурной адаптации обучающихся-инофонов организации образовательной деятельности представляет собой учебно-воспитательную и методическую проблему в данных условиях.

Ключевые слова: доминирующий язык, полилингвальная культура, образовательное пространство, лингвистическое неравенство, билингв, антропоцентрический подход.

ON THE ISSUE OF LINGUISTIC INEQUALITY IN A MULTILINGUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Research article

Sverdlova N.A.^{1*}, Baryshnikova U.N.²¹ ORCID: 0000-0002-5315-6266;² ORCID: 0000-0003-1457-100X;¹ Irkutsk Scientific Center SB RAS, Irkutsk, Russia;² Baikal State University, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (nsverdlova[at]yandex.ru)

Abstract

This article examines the educational situation associated with the acquisition and formation of a multilingual culture – the study of a foreign language (Russian as a non-native language) - in a multilingual educational environment. With the formation of a new cultural vision, a person switches to the methods of communication that are most in demand in society. The special role of the dominant language in educational and social communication is of key importance in the issue that is the loss of national and cultural identity in students. The features of successful linguistic and cultural adaptation of foreign-speaking students in the organization of educational activities is an educational and methodological problem in such conditions.

Keywords: dominant language, multilingual culture, educational environment, linguistic inequality, bilingual, anthropocentric approach.

Введение

Изучение языка и обучение языкам строится с учётом субъекта образовательного процесса – обучающегося. На формирование его новых компетенций, современных ценностных ориентаций и личностный рост и направлено образование, которое трансформирует личность человека, ведет к появлению новых потребностей, форм жизни и социальных перемен. Вместе с тем образование является «образом и отражением общества. Оно имитирует и воспроизводит последнее в сокращенных формах» [9, С. 372]. Отобразив действительность, в которой пребывает обучающийся, и, мотивируя обучающегося к изменению этой действительности, процесс и результат образования оказываются сконцентрированными на необходимости качественного прогресса личности обучающегося. Антропоцентрический подход в исследовании особенностей образования, как процесса, помогает более глубоко рассмотреть принципы образовательных тактик и приемов, которые направлены на формирование личности, его самоидентификации и индивидуализации.

Лингвистическое образование, как погружение в изучаемый язык, наиболее ярко окрашено культурологическими особенностями носителей языка. Оно, отражая шаблоны и стереотипы общества говорящих на языке, построено на системе методов и подходов, стремящихся максимально приблизить познающего язык к реалиям изучаемого нового мира. Задачи формирования иноязычной коммуникативной компетенции в последние несколько десятков лет решаются в рамках компетентностного подхода. Особый смысл приобретает этот процесс в условиях, когда практический результат деятельности общения придется осуществлять в условиях многоязычия. Именно это условие среды является ведущим для формирования новых культурных смыслов.

В статье поставлена задача рассмотреть образовательную ситуацию – изучение иностранного языка – в условиях полилингвального образовательного пространства.

Основная часть

Язык, вмещающий в себя информацию о микросреде жизнедеятельности, одновременно выполняет роль инструмента познания и «зеркала» социальной роли говорящего. Кроме общеизвестных статусов (официального, международного, государственного), язык в отдельно взятой стране может иметь «социальный» статус, характеризующий его положение относительно других распространенных на данной территории языков. Речь идет о «доминирующих» и «слабых» языках. Доминирующий язык занимает все сферы жизнедеятельности человека, вытесняя слабые языки со своей исконной территории. Особенно заметен этот процесс в сфере образования, когда в ситуациях естественного многоязычия искусственным способом приобретается «новый» язык и происходит погружение в его культуру. В данном контексте мы говорим о полилингвальном образовательном пространстве как о «сложной, открытой, динамичной реальности, помогающей участникам образовательного процесса приобщиться к культурному наследию и культурному процессу в целом для последующей самоидентификации и самореализации в жизни, познании, труде и общении, с одной стороны, с другой стороны позволяющей обрести ценностные личностные смыслы, развить способность к личностной включенности в процесс познания и самопознания» [5, С. 21]. Именно в этих условиях нам представляется важным рассмотреть проблему лингвистического неравенства.

Понятие полилингвального образовательного пространства связано с ситуацией приобретения или формирования «полилингвальной культуры». Педагогическая сущность понятия «полилингвальная культура», по мнению Л.В. Мосиенко, в глобальном масштабе означает «совокупность показателей, отражающих уровень «распространенности языков» в образовательном пространстве, а также уровень владения родным и неродным языками в пространстве конкретного социума» [5, С. 21]. С приобретением «нового» культурного видения человек «переключается» на новые способы коммуникации, которые наиболее востребованы в обществе. Так, происходит «перевес» в сторону доминирующего языка.

Универсального, например, наличие определенной структуры и свода правил, в языках гораздо меньше, чем характеристик, отличающих один язык от другого. Сравнивая отдельных людей, при наличии, например, различий в грамматических системах языка, употребляемых ими, нет возможности определить, у кого из этих людей более высокий статус в обществе. По общему признанию есть люди, чья используемая грамматическая система изначально отличается, например, маленькие дети, иностранцы, но эти отклонения легко объяснить и предсказать, тем самым подтверждая мысль о том, что, «как правило, все люди равны относительно используемой грамматической системы языка» [10, С. 204]. Конечно, существуют различия в грамматической системе отдельных людей или целых сообществ, но нет никаких чисто лингвистических оснований для ранжирования одной системы выше других, особенно если речь идет о полилингвальном образовательном пространстве.

Говоря о лингвистическом неравенстве, следует отметить, что оно может быть проанализировано как причина (наряду со многими другими факторами) социального неравенства, но также как и его результат, потому что язык является одним из самых важных средств, через которое социальное неравенство передается из поколения в поколение.

Рассмотрим три типа лингвистического неравенства, которые были предложены Р.А. Хадсоном [10].

1. Субъективное неравенство, которое связано с людьми, воспринимающими речь других. Иногда людям приписывают различные черты характера, например, честность, пессимизм, основываясь лишь на манере их речи, хотя такое суждение, может быть ложным. Следовательно, независимо от того, как оценены качества характера, можно подумать, что у некоторых говорящих, есть больше положительных характеристик, чем они действительно имеют, потому что у них «правильные» речевые манеры. Таким образом, язык способствует социальному неравенству, будучи используемым в качестве критерия для оценки людей.

2. Строго лингвистическое неравенство, которое касается лингвистических аспектов, которыми владеет человек. Вряд ли есть сомнения в том, что аспекты языка, которыми владеет каждый, отражают опыт, и люди с разным опытом владеют лучше или хуже какими-либо определенными аспектами. Это особенно очевидно, когда дело касается лексики, где у некоторых людей есть богатый словарный запас в конкретной области – такой как медицина или лингвистика, тогда как у других фактически нет активного словарного запаса в этих областях. Однако различия могут также быть найдены и в других ситуациях, когда аспекты языка, которые знакомы одним, неизвестны другим – знакомые слова с неизвестными значениями или особенности произношения и неизвестные синтаксические конструкции.

3. Коммуникативное неравенство, которое касается умения владеть лингвистическими аспектами, чтобы вести конструктивный диалог, а не просто знать определенные языковые правила. Так как говорящие выбирают варианты лингвистических переменных, чтобы произвести благоприятное впечатление на собеседника, то можно говорить о том, что коммуникативное неравенство включено в категорию субъективного неравенства.

Полинациональный состав учащихся ряда школ Иркутска (среди обучающихся – буряты, таджики, узбеки, китайцы, армяне, азербайджанцы) позволил провести опрос, в котором приняло участие 36 учителей. Среди них были классные руководители 5-7 классов (12 человек), учителя-предметники основной школы и старших классов (24 человека). Анализ ситуации изучения иностранного (русского) языка в нескольких школах города Иркутска (4) показывает, что вопрос лингвистического неравенства не определяется как главный в процессе освоения школьниками неродного (русского) языка 85% опрошенных педагогов русского языка. Обучая детей разного уровня владения русским языком, лишь 12% учителей смогли связать авторитет ребенка в классе с ситуацией «лингвистического неравенства», и только 3% учителей увидели опасность дальнейшего социально нестабильного состояния ученика, не владеющего русским языком.

Владение языком обучения – русским, доминирующим в системе новой среды и культуры – активно включает обучающихся в процесс познания и самопознания. С одной стороны, такая ситуация характеризует успешность примененных методов обучения. С другой стороны, очевидно, что вместе с родным – «слабым» в новой системе

языком – утрачивается самоидентификация, национальная и культурная. В таком случае остается открытым вопрос о возможности гармоничного сосуществования языков и культур в условиях полилингвального образовательного пространства, которое имеет рамки разных социальных институтов – школ, вузов, гимназий.

Заключение

Глобальные изменения, происходящие в современном мире, и масштабные процессы интеграции определяют появление новых социально значимых ориентиров в системе образования. Признавая важность адекватного коммуникативного контакта, когда выполнены все поставленные коммуникантами коммуникативные задачи, мы признаем, что такой инвариант коммуникации существует в условиях лингвистического неравенства, если речь идет о полилингвальной образовательной системе. Оценка таких условий образовательного процесса, как личности коммуникантов, уровня владения ими иностранного (изучаемого) языка, позволит не только сформировать пакет методов и подходов в изучении языка, но может значительно ускорить период языковой и культурной адаптации обучающихся. Находясь в полилингвальном образовательном пространстве, следует принимать во внимание, что лингвистическое равенство способствует выведению языка из круга возможных источников социального неравенства.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Барышникова, У. Н. О необходимости создания центра языковой и социальной адаптации мигрантов в Иркутской области / У. Н. Барышникова // Осмысливая современность : сборник материалов I международной научно-практической конференции, 28–29 апреля 2017 года / Под общ. ред.: Т.В. Ткачевой, Т.В. Козыревой. – Югорский государственный университет. – Ханты-Мансийск, 2017. – С. 71-72.
2. Бейсханова, С. А. Полиязычное образование как инструмент становления компетентного специалиста / С. А. Бейсханова, Г. М. Магауина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9(137). – С. 90-92.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология : учеб. для студ. вузов, обучающихся по пед. и психол. направлениям и спец. / И. А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. – М. : Логос, 2005. – 383 с.
4. Киров, Е. Ф. Русский язык как неродной и его теоретические основания / Е. Ф. Киров // Записки Горного института. – 2011. – Т. 193. – С. 229-233.
5. Мосиенко, Л. В. Развитие полилингвальной культуры как цель современного языкового образования / Л. В. Мосиенко, Г. Х. Хажгалиева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 2(202). – С. 21-26.
6. Примаков, В. Л. Лингвистическое образовательное неравенство: постановка проблемы и анализ последствий / В. Л. Примаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 2(843). – С. 326-345. – DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_326.
7. Свердлова, Н. А. К вопросу о моделировании процесса межкультурного взаимодействия / Н. А. Свердлова // Языковое бытие человека и этноса : Сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений, Москва, 24–25 декабря 2020 года. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – С. 163-167.
8. Хажгалиева, Г. Х. Организация полилингвального образовательного пространства вуза / Г. Х. Хажгалиева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-1. – С. 322-326.
9. Durkheim E. Suicide: a study in sociology / Transl. by J. A. Spaulding and G. Simpson. Edited, with an introduction by G. Simpson. – London : Routledge & Kegan, 1952. – 404 p.
10. Hudson R.A. Sociolinguistics / R. A. Hudson. – Cambridge University Press, 1996. – 279 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Baryshnikova, U. N. O neobходимosti sozdaniya centra jazykovoj i social'noj adaptacii migrantov v Irkutskoj oblasti [On the necessity of creation of the center of language and social adaptation for migrants in the Irkutsk region] / U. N. Baryshnikova // Osmyslivaja sovremennost' : sbornik materialov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 28-29 aprelja 2017 goda [Thinking of modernity: Materials I International scientific and practical conference, April 28-28, 2017] / redacted by T.V.Tkacheva, T.V. Kozyreva – Jugorskij gosudarstvennyj universitet [Yugra state university]. – Hanty-Mansijsk, 2017. – pp. 71-72. [in Russian]
2. Bejshanova, S. A. Polijazychnoe obrazovanie kak instrument stanovlenija kompetentnogo specialista [Polylingual education as instrument of becoming a competent specialist] / S. A. Bejshanova, G. M. Magauina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk state pedagogical university]. – 2013. – № 9(137). – pp. 90-92. [in Russian]
3. Zimnjaja I.A. Pedagogicheskaja psihologija: ucheb. dlja stud. vuzov, obuchajushhihsja po ped. i psihol. napravlenijam i spec. [pedagogical psychology: manual for students of padagogical and psychologocal specialties of universities]/ I. A. Zimnjaja. – 2nd edition, added, corrected and redesigned. – М. : Logos, 2005. – 383 p. [in Russian]
4. Kirov, E. F. Russkij jazyk kak nerodnoj i ego teoreticheskie osnovanija [Russian as non native language and its theoretical grounds] / E. F. Kirov // Zapiski Gornogo instituta. [Journal of Mining institute]– 2011. – Vol. 193. – pp. 229-233. [in Russian]
5. Mosienko, L. V. Razvitie polilingval'noj kul'tury kak cel' sovremennogo jazykovogo obrazovanija [The development of polylingual culture as the goal of morden language education] / L. V. Mosienko, G. H. Hazhgaliyeva // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg state university]. – 2017. – № 2(202). – pp. 21-26. [in Russian]

6. Primakov, V. L. Lingvisticheskoe obrazovatel'noe neravenstvo: postanovka problemy i analiz posledstvij [Linguistic educational inequality: problem statement and analysis of consequences] / V. L. Primakov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Bulletin of Moscow state linguistic university. Social sciences]. – 2021. – № 2(843). – pp. 326-345. – DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_326. [in Russian]

7. Sverdlova, N. A. K voprosu o modelirovanii processa mezhjazykovogo vzaimodejstviya [Towards modeling interlanguage interaction] / N. A. Sverdlova // Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa : Sbornik nauchnyh trudov po materialam XVII Berezinskih chtenij, Moskva, 24–25 dekabrya 2020 goda [Linguistic existence of man and ethnos: Collection of scientific works on the materials of the XVII Berezinsky readings, Moscow, December 24-25, 2020]. – Moskva: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN, 2020 [Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2020]. – pp. 163-167. [in Russian]

8. Hazhgalieva, G. H. Organizacija polilingval'nogo obrazovatel'nogo prostranstva vuza [Organization of multilingual educational space of the university] / G. H. Hazhgalieva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija [Problems of modern pedagogical education]. – 2018. – № 61-1. – pp. 322-326. [in Russian]

9. Durkheim E. Suicide: a study in sociology / Transl. by J. A. Spaulding and G. Simpson. Edited, with an introduction by G. Simpson. – London : Routledge & Kegan, 1952. – 404 p.

10. Hudson R.A. Sociolinguistics / R. A. Hudson. – Cambridge University Press, 1996. – 279 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.5>**МОДУЛЯЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АСПЕКТЕ ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТНОГО ОРИЕНТИРА**

Научная статья

Байбурина Р.З.*

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (rimirik[at]yandex.ru)

Аннотация

Цель данной работы заключается в установлении денотативной области номинации английских глаголов-синонимов группы положительной оценки в рамках метода семантического толкования, рассмотрении вопросов изучения семантики языковых единиц во взаимосвязи с когнитивными структурами, вопросов исследования языковых средств актуализации оценки на лексико-семантическом уровне. Автор раскрывает содержание правостороннего актанта анализируемых глаголов в аспекте понятия ценностного ориентира. Результаты приведенного экспериментального исследования могут быть применены в лексикографической практике при уточнении информации, представленной в словарной дефиниции глаголов положительной оценки в словарях различного рода; в процессе разработки лекционных курсов и практических занятий по лингвистической семантике, когнитивной лингвистике; в качестве модели исследования фактического материала при написании научных работ различного рода.

Ключевые слова: синонимы, оценка, когнитивная структура, ценностный ориентир, актант.

MODULATION OF THE LEXICAL MEANING OF ENGLISH VERBS OF THE POSITIVE ASSESSMENT GROUP IN THE ASPECT OF THE CONCEPT OF A VALUE REFERENCE POINT

Research article

Bajburina R.Z. *

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia

* Corresponding author (rimirik[at]yandex.ru)

Abstract

The purpose of this work is to establish the denotative domain of the nomination of English verbs-synonyms of the group of positive assessment within the framework of the method of semantic interpretation, to consider the issues of studying the semantics of language units in relation to cognitive structures, issues of research of linguistic means of actualization of evaluation at the lexico-semantic level. The author reveals the content of the right-sided actant of the analyzed verbs in the aspect of the concept of a value reference point. The results of this experimental study can be applied in lexicographic practice when clarifying the information presented in the dictionary definition of the positive assessment verbs in dictionaries of various kinds; in the process of developing lecture courses and practical classes in linguistic semantics, cognitive linguistics; as a model for the study of factual material while writing scientific papers of various kinds.

Keywords: synonyms, assessment, cognitive structure, value reference point, actant.

Introduction

Our work is devoted to modern linguistic research aimed at studying the semantics of linguistic units in relation to cognitive structures. Currently, the language is considered directly with its native speaker. Anthropological linguistics studies the indissoluble unity of man and language. The category of estimation is recognized as the initial basic category of anthropological linguistics [1]. Evaluation is one of the most “anthropocentric” phenomena, since evaluation is a reflection of reality “in the mirror of subjective modality” [5].

In the philosophical dictionary, the following definition of evaluation is given: “Evaluation is a way of establishing the significance of something for an acting and cognizing subject”. At the same time, three types of significance are distinguished: theoretical (epistemological assessments), value (axiological assessments), practical (implementation of epistemological and axiological assessments through the volitional impulses of the subject in the systems of subject and communicative actions). The subject of evaluation in axiological assessments are the properties of objects and the objects themselves in their ability or inability to meet the needs and requests of the subject. The evaluation results in value representations and orientations in the world of significance [10].

The evaluation of the objects of reality is reflected in the language, in particular, in the word. In the linguistic literature, the tri-ambiguity of a language assessment is distinguished depending on its nature (basis): neutral, positive and negative. This separation of three types of evaluation is due to the nature of the attitude of the subject of evaluation to the cognizable object and, consequently, the recognition of evaluation as an obligatory component of the structure of the meaning of the word.

E.M. Wolf gives the following formula of the evaluation structure: A (the subject of evaluation) believes that B (the object of evaluation) is “good / bad” [3, P. 5-6]. We adhere to the point of view of N.D. Arutyunova, who notes that in evaluative structures, an additional meaning is introduced into the statement, which is conventionally represented as “and I understand that you understand that this is good/bad” [2]. Therefore, the evaluation structure is considered by us as a complex consisting of the subject of evaluation (who evaluates), the object of evaluation (what is evaluated), the basis of evaluation or evaluation attitude (norm or standard of evaluation). N.D. Arutyunova distinguishes two groups in the classification of estimated values: general and partial estimated values. The gradation of private evaluation values is based on the principle of the basis of evaluation, its motivation [2]. In this group of private assessments, in addition to other categories, the researcher includes

ethical assessments. In turn, combining them together with the aesthetic group of sublimated evaluations. Aesthetic assessments are “associated with the satisfaction of a sense of beauty”, ethical assessments “associated with the satisfaction of a moral sense” are guided by the moral code, moral norms adopted in the social community [2, P. 76]. V.I. Karasik emphasizes the fact that some types of evaluation are not motivated at all (taste, emotional, aesthetic), and some evaluations are motivated by a pronounced or unexpressed code of conduct or a code of preferences (ethical and utilitarian evaluations). A person making a motivated assessment relies on a system of preferences. While making an assessment the speaker assigns himself a certain status, that is, he acts not only as an individual, but as a representative of a collective that shares a particular system of preferences [7].

The category of ethical evaluation is one of the main ones, defines moral orientations, forms a kind of axis of consciousness. The concept of ethical assessment implies the establishment of a value relationship between the subject and the object of the assessment, between the nature of the assessment and its basis. The norm of ethical evaluation inherent in human nature is created in society and manifests itself in a communicative act. Undoubtedly, language reflects the mental activity of the individual and the objective reality surrounding us. At the same time, language influences the content of the leading motives of the personality, beliefs, predisposes the individual to experience and evaluate the universe in a special way.

Thus, the concepts defining evaluative meanings are based on the value picture of the world and the semantics of language units in their interaction. Evaluation as one of the most important aspects of a person's communicative and cognitive activity can be fixed in the semantic structure of a word, forming a component of its meaning, or when describing the conditions for using a word. [5]. For example, V. V. Kuzmina identifies such a differential sign of evaluation as Standard/Norm in the structure of the right-sided actant in the English motivational verbs [8].

The purpose of our study is to identify the parameters of motivation for the subject's assessment of the object of the English verbs of the «respect» group and to differentiate the nomination area of verb units close in meaning. Since the information presented in dictionaries does not always reflect the features of a denotative situation requiring the use of a verb. As a rule, the interpretation of the meaning of verbal units occurs by introducing cross-references and synonyms, which makes it difficult to choose the optimal verbal unit in a particular context. In this article we will consider the semantic features that make up the content of the right-sided actant in English verbs of the group of positive assessment (“respect”, “regard”, “admire”, “esteem”, “appreciate”, “value”). They are frequent lexemes, which reflect the systematic semantic relations of the stative types of verbs and their inherent characteristics, but they have their own peculiarities.

The study is based on the material of approximately 2000 units taken from the lexicographic sources of modern English, the English American literature, the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English and the information from the informants (native speakers), the results of the tests.

The following methods are used in the work: hypothetical-deductive method, methods of analysis and synthesis, method of quantitative calculation, method of semantic interpretation, method of component, definitional, distributive, valence analysis, semantic experiment.

The leading concept for the interpretation of the verbs under consideration is “motivation of the subject's assessment of the object”. The system of preferences on which the subject relies when making an assessment is defined by us as a “system of value orientations”, the unit of which is a “value reference point”.

We think that the concept of “value reference point” correlates with the category of “spatial deixis” in a metaphorical sense. Deixis is a universal category of language, since the main components of the speech situation indicated by deixis (interlocutors, place, time) are mandatory for communication in any language. [6]. In our work, the concept of “value reference point” is associated with the category of “spatial deixis” on the basis that “space” can be understood as the whole set of physical, mental, social, biological and other realities in which any object or phenomenon is or may be, any state, process or action takes place. [9]. Thus, while describing relational relations in the semantic structure of the English verbs of the group of leaving, A.S. Dautova shows that when the right-sided actant is changed, there is a change in a cognitive structure, which leads to a different perception of the concept of “space” and to the appearance of lexical modulation of the verb “desert” [4].

As our research has shown, the concept of an Object for the analyzed verbs is complex and can be described as: The Object “manifests” or “displays” some of his/her/its qualities; the Subject “observes” them, perceives such “displays” and makes his/her assessment; there is a “Space” around the Subject, which denotes the so called “value system” that underlies the subjective assessment of the Subject of the Object. So, we consider that the Subject-Object relations in the verbs of positive assessment are represented by three actants of the situation: S (the subject of evaluation), O1 (the object of evaluation), O2 (the “value reference point”). We defined the semantic role of O1 as the “Source”, the essence of which is that O1 is a source of information being evaluated.

During the search tests, we have asked the informants to comment on the sentences and answer to the questions: Does the answer to the question “Can these activities be the source of your assessment?” sound normal in the following sentences, “What is the source of your assessment?”

According to the informants' estimates, the following sentences sound normative:

1. She had always been honest with me, and I respect her for that. [13].
2. She was highly regarded as a sculptor. [13].
3. They all admired her courage. [11].
4. Living in the city has taught me to appreciate the differences between people. [11].
5. Although the works of the Impressionist painters are esteemed today, they met with scorn when they were introduced. [11].
6. The after-sales service was highly valued by customers [13].

During the analysis, it was determined that the use of various verbal lexemes depends on a change of understanding the “value reference point”, that is, the content of the semantic role of O2, which we consider as “Value reference point”. Its essence is that O2 determines the “qualitative parameters” of the assessment. Such “qualitative parameters” can be the

following: *a given socially determined norm* (financial situation, public opinion): There are degrees in society which we must respect. "O Lord, help me to do something worthy before I die – something to make these people respect me". [12]; *stable subjective positive attachment to the object as a whole* and positive assessment of his all qualities regardless of his property, financial situation (according to the informants, the verb "esteem" assumes a higher positive assessment than "respect", close to admiration: I more than respect your lawyer – I esteem him. (Example of an informant). Native speakers proposed using "I hold him in high esteem" instead of the verb "esteem", because of its rare use in modern English): He was honest, obedient, active and good-natured, hence he was esteemed by his master; and being beloved by all his companions. I say, that I admire, esteem, and love them both. The bride's father, our good friend there, is a noble person, and I am proud to know him. "She shall know you. She shall esteem you" [12]; *assessment in every concrete situation* ("situational value reference point"): ... whom I regard with so much brotherly affection. She had always regarded herself with a fair degree of complacency as possessed of no mean stock of courage. Diodorus informs us that dreams were regarded in Egypt with religious reverence [12]; *getting pleasure from sensory perception of an object*: But it is a pleasure to me to admire him at a distance. His queen never admired him in this trim [12]; *meeting personal requirements and requests*: Poe's own country has been slow to appreciate him. But that is because all people have not the capacity to appreciate his merits. Man, of feeling that he is, and one who appreciates the importance of symbols... [12]; *naming a universal value*: The beautiful girl who at once warned him to run away as fast as possible if he valued his life. The blessings we receive daily from God make us not to value or not praise Him because they be common» [12].

Understanding the cognitive-semantic structure of the analyzed predicative units will help us to reflect the features of a denotative situation requiring the use of a verb.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография / под ред. Ю.М. Малиновича. Москва – Иркутск: Ин-т языкознания РАН, Ирк. гос. лингвист. ун-т, 2003. 251 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова - М., 1988. – 341 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. / Е.М. Вольф – М.: Наука, 1985. – 230 с.
4. Даутова А.С. Когнитивно-сематическая модель английских глаголов группы покидания : дис. ... канд. филол. наук. / А.С. Даутова. – Уфа, 2020. –180 с.
5. Дормидонтова О. А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики / О.А. Дормидонтова // Альманах современной науки и образования - Тамбов: Грамота, 2009. - № 2 (21): в 3-х ч. - Ч. I. - С. 47-49.
6. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. // URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 16.02.2022).
7. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В.И. Карасик // Филология - Philologica. – Краснодар, 1994. – С.2-7.
8. Кузьмина В. В. Сематическая модель английских мотивационных глаголов : дис. ... канд. филол. наук. / В. В. Кузьмина. – Уфа, 2012. –179 с.
9. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика / О.Н. Селиверстова – М., 1990.
10. Философский словарь [Электронный ресурс]. // URL: <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com> (дата обращения: 16.02.2022).
11. Merriam-Webster's Dictionary. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 16.02.2022).
12. Project Gutenberg [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gutenberg.org>. (accessed: 16.02.2022).
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 16.02.2022).

Список литературы на английском / References in English

1. Antropologicheskaja lingvistika: Koncepty. Kategorii: kollektivnaja monografija [Anthropological Linguistics: Concepts. Categories: collective monograph] / edited by Yu.M. Malinovich. Moscow - Irkutsk: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk State Linguistic University, 2003. 251 p. [in Russian]
2. Arutyunova N. D. Tipy jazykovykh znachenijj. Ocenka. Sobytie. Fakt. [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact.] / N. D. Arutyunova - M., 1988– 341 p. [in Russian]
3. Volf E.M. [Functional semantics of evaluation] / E. M. Volf. – Moscow: Nauka, 1985. – 230 p. [in Russian]
4. Dautova A.S. Kognitivno-sematicheskaja model' anglijskikh glagolov gruppy pokidanija [Cognitive-semantic model of English verbs of the leaving group]: Candidate's thesis. Philology / A.S. Dautova. - Ufa, 2020. -180 p. [in Russian]
5. Dormidontova O. A. Kategorija ocenki i ocenohnaja kategorizacija s pozicijj sovremennoj lingvistiki [Evaluation category and evaluation categorization from the standpoint of modern linguistics] / O. A. Dormidontova // Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovanija – Tambov: Gramota [Almanac of Modern Science and Education Tambov: Diploma] - 2009. - No. 2 (21): in 3 volumes. – Vol. I. – pp. 47-49 [in Russian]
6. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar [Linguistic encyclopedic dictionary] [Electronic resource]. // URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com> (accessed: 16.02.2022) [in Russian]
7. Karasik V.I. Ocenohnaja motivirovka, status lica i slovarnaja lichnost' [Evaluative motivation, the status of a person and a dictionary personality] / V. I. Karasik // Philologica. - Krasnodar, 1994. - p.2-7. [in Russian]

8. Kuzmina V. V. Sematicheskaja model' anglijskikh motivacionnykh glagolov [The semantic model of English motivational verbs]: Candidate's thesis. Philology / V. V. Kuzmina. - Ufa, 2012. -179 p. [in Russian]
9. Seliverstova O.N. Kontrastivnaja sintaksicheskaja semantika [Contrastive syntactic semantics] / O. N. Seliverstova - M., 1990 [in Russian]
10. Filosofskiy slovar [Philosophical Dictionary] [Electronic resource]. // URL: <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com> (accessed: 16.02.2022) [in Russian]
11. Merriam-Webster's Dictionary. [Electronic resource] // URL: <http://www.merriam-webster.com> / (accessed: 16.02.2022)
12. Project Gutenberg [Electronic resource] // URL: <https://www.gutenberg.org> . (accessed: 16.02.2022)
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. // URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> / (accessed: 16.02.2022)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.6>

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ ОБЛАСТИ «INVESTIGATIVE ACTIONS» (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПРАВИЛ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА США)

Научная статья

Шашкова В.Н. *

ORCID: 0000-0003-0977-3061,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия

* Корреспондирующий автор (valentina.shash[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена выявлению специфики лексического компонента языкового оформления референтной области «Investigative Actions» в английском языке на материале подязыка нормативного правового акта «Федеральные правила уголовного судопроизводства».

Цель исследования – определить специфику лексического оформления концептуального поля «Следственные действия» с учётом общих дискурсивных условий употребления номинативных средств, а также особенностей грамматического строя языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке вопросов номинации в сравнительно-типологическом аспекте. Практическая значимость обусловлена выявлением аспектов номинации, которые могут быть использованы в дидактических целях в процессе преподавания юридических тем на русском и английском языках.

Анализ лексического компонента проводился по трём основным направлениям: 1) механизмы номинации, используемые при описании референтной области «Investigative Actions»; 2) словообразовательные модели, актуализированные в лексемах, относящихся к исследуемому семантическому полю; 3) модели синтаксического распространения комплексных номинативных единиц.

Анализ выявил два повторяющихся механизма номинации для большинства номинативных средств, используемых при описании референтной области «Investigative Actions»: уточнение сигнификативного значения номинативной единицы за счёт введения дополнительных лексем и метонимию, реализуемую переносом с процесса на результат, который, как правило, отражен в соответствующем документе. Словообразовательные модели представлены суффиксацией и конверсией.

Синтаксические модели, используемые в сложных номинативных единицах, включают следующие базовые структуры: прилагательное + существительное, существительное + существительное, глагол + существительное, вариативность которых крайне ограничена.

Ключевые слова: номинативная единица, механизм номинации, уточнение сигнификативного значения, метонимия, аффиксация, конверсия, словообразование, синтаксическая модель.

THE LEXICAL COMPONENT OF THE LANGUAGE MEANS USED FOR THE REFERENCE ZONE “INVESTIGATIVE ACTIONS” (AS EXEMPLIFIED BY THE FEDERAL RULES OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE USA)

Research article

Shashkova V.N. *

ORCID: 0000-0003-0977-3061,

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia

* Corresponding author (valentina.shash[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to identifying the specifics of the lexical component of the language used to describe the reference zone “Investigative Actions” in English as exemplified by the sublanguage of the regulatory legal act “Federal Rules of Criminal Procedure”. The analysis of the lexical component was carried out in three main areas: 1) nomination mechanisms used in describing the reference zone “Investigative Actions”; 2) word-formation patterns typically actualized in lexemes belonging to the semantic field under study; 3) patterns of syntactic expansion of complex nominative units.

The purpose of the study is to determine the specifics of the lexical component of the conceptual field “Investigative Actions”, taking into account the discursive conditions for the use of nominative units, as well as the grammar structure of the language.

The theoretical significance of the study lies in the development of questions related to nomination in a comparative typological aspect. The practical value is predetermined by the identification of the nomination aspects that can be used for didactic purposes in the course of teaching legal topics in Russian and English.

The analysis revealed two recurring nomination mechanisms for the majority of nominative units used in describing the reference zone “Investigative Actions”, namely: specification of the significative meaning of the nominative unit by introducing additional lexemes, and metonymy realized by the transference from the process to the result, which is typically represented in the name of the relevant judicial document. Word-formation methods are represented by suffixation and conversion.

Syntactic models used in the complex nominative units of the semantic field “Investigative Actions” include the following basic structures: adjective + noun, noun + noun, verb + noun, the variability of which is extremely limited.

Keywords: nominative unit, nomination mechanism, specification of significative meaning, metonymy, suffixation, conversion, word formation, syntactic pattern.

Introduction

The problem of a systematic description of a lexical layer related to a certain reference zone remains topical despite numerous studies and proposed options for systematizing nominative units starting with the fundamental work of S. G. Shchur [8], who postulates the idea of a language system, to the functional approaches to the analysis of the elements of the semantic field reflected in the works of A. A. Ufimtseva [5] and I. A. Sternin [4]. The cognitive-discursive paradigm in linguistics focuses on the functioning of linguistic means in a particular type of discourse conditioned by the area of communication the discourse serves, through the prism of knowledge representation models stored in the minds of native speakers and users of the language. The cognitive-discursive paradigm does not deny the traditional systemic characteristics of language units; it allows a researcher to look at them through the prism of categorization of reality based on the functional-role principle and the theory of semantic cases [6, P. 496–530]. It also stipulates the selectivity of the nominative means used in a message that allow the communicators to verbalize certain aspects of a reference zone.

In the context of the cognitive-discursive research paradigm established in linguistics, consideration of the functioning of nominative units in texts of a certain sphere of communication is associated with the study of concepts and conceptual content behind nominations. “Categorization is the main way to give the perceived world an orderly character...” [3, P. 96]. The general trend, which corresponds to the main provisions of the cognitive-discursive scientific paradigm established in linguistics, can be traced in modern research. Thus, the idea of functional mediation of the use of language units finds expression in the collective monograph “The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and Implications”, in which the authors pay attention to key pragmatic concepts such as contextualization, reference, discursive markers, speech acts characteristics of a certain sphere of communication, through the prism of which the sublanguage of a particular discourse is considered [10, P. 189–208].

Another starting point of our research concept is the possibility of conceptualizing discourse from the point of view of the communicative sphere in which it functions, situations of communication in this sphere, and the specifics of the language means which show a solid tendency to manifest themselves in particular situational contexts.

In our study, the reference zone is the area of activity of employees of the internal affairs bodies comprising a series of investigative actions. The fundamental thesis of the study is the possibility of classifying the clusters of vocabulary and complex nominatives which denote concepts from the analyzed reference zone by applying the functional-role approach. We differentiate the terms “conceptual field” and “semantic field”. The conceptual field, as we understand it, reflects the generalized ideas of language users about a certain reference zone, its participants, their actions, and results. The semantic field refers to the structural linguistics and the functional linguistics, and it includes the nominative means pertinent to various aspects of the reference zone.

The functional-role principle, laid down by the studies of Charles Fillmore [6, P. 496–530], the referential-role grammar of Robert van Valin and W. Foley [1, P. 376–410], as well as frame semantics [2, P. 189–191], is based on the categorization of nominative units that form the semantic field depending on the functional roles of actants in a certain area of communication. In its most general form this approach can be presented through the concept of the following semantic cases: actants, their actions differentiated by their reference to particular actants, objects at which the actions are aimed, the circumstances of the actions, the results of the undertaken actions, the evaluation of the results [7, P. 193–194]. The general scheme may certainly vary depending on the field of communication, the reference zone, and, most importantly, the typical communication needs realized in the sphere. Differentiation of nominative units, taking into account the functional-role principle, makes it possible to correlate the conceptual content with the referent behind a lexeme or a complex nominative, thereby reflecting the denotative fields of thematically relevant concepts.

The use of the functional-role principle in identifying the specifics of the lexical component of the language of articles of the criminal procedure legislation of the United States devoted to the regulation of investigative actions predetermines the scientific novelty of the study. The analysis of linguistic literature testifies to the absence of comparative works on the selected material with the use of the functional-role approach both to individual lexemes and to syntagmatic chains that form complex nominatives.

The material of the study is the Federal Rules of Criminal Procedure of the United States of America (Section II) [9]. It was chosen for the analysis because it reveals the specifics of investigative actions at the preliminary investigation stage. The total number of the nominatives in the analyzed articles related to the semantic field “Investigative Actions” is 827 units, including complex nominatives.

The functional-role approach to categorizing the nominative means used to describe the reference zone “Investigative Actions” made it possible to single out the following nominative clusters: people who can be involved in investigative actions; investigative actions per se; operational search events at the scene; the results of investigative actions. The analysis of the lexical component of the legal acts was carried out separately for each nominative cluster, taking into account the denotative meaning and the significative meaning.

Results

The linguistic analysis of the rules reflecting the procedure for investigative actions in the regulatory legal acts of the United States of America had a truncated form and included the following research directions:

- 1) the analysis of the nomination mechanisms used in the nominative units forming the semantic field relating to the reference zone “Investigative Actions”;
- 2) the study of the syntactic models in the complex nominative units, denotatively related to the reference zone “Investigative Actions”;
- 3) the specification of the salient features of the word formation of the nominative units in the semantic field “Investigative Actions”.

The nomination mechanisms most frequently represented in the nominative units of the semantic field under study are specification of the significative meaning of the nominative unit due to the introduction of additional lexemes (67 % of the total number of the nominative units) and metonymy (11 % of the total number of the nominative units). The examples of specification of the significative meaning of the nominative unit are the following: *a forensic examination*; *an investigative experiment*; *an aggrieved party*. In most cases, an additional lexeme is expressed by a descriptive adjective. Since adjunction as a type of syntactic connection is generally characteristic of the English language, a descriptive attribute is often expressed by a noun. An example is the word combination *an evidence log*.

Metonymy is the type of transference of the names based on the adjacency of objects and/or phenomena. Moreover, in the field under the study one specific type of this transference is presented: the one based on the relation between the process and the result. In the reference zone "Investigative Actions" the result is represented in a corresponding legal document.

Metonymy is widely used in the Federal Rules of Criminal Procedure of the United States: "The judge finds that the defendant is the same person named in *the indictment*" (Title II, Rule 5) [9].

Word formation in the semantic field referring to the referential zone "Investigative Actions" is represented by suffixation and conversion.

The repeated suffixes used in the English lexemes naming investigative actions include suffixes of nouns with generalized meaning *-ion, -tion, -ation*: *inspection, examination, interrogation, confrontation*.

The nomenclature of word formation affixes is much more diverse with the names of persons involved in investigative actions. The most frequent suffixes for the designation of the doer of the action *-er* and *-or* are found in the lexemes: *an investigator, an interrogator, a chief commander*. The actualization of these suffixes is presented in 18% of cases from the total number of lexemes formed by affixation. The lexical semantic group of the participants in investigative actions also includes *a detainee* and *the accused*. The suffix, which came to the English legal language from French, namely *-e*, has the passive meaning of the person to whom the action of the transferred verb is directed. In other words, *a detainee* is the one who was detained. In this lexical cluster with the same word-formation affix, a comprehensive nomination of *an employee of the forensic laboratory* is presented.

In addition, according to the results of the analysis, we can state the variation in the expression of meanings through affixation (for example, *the accused*). On the one hand, this lexeme requires attention to the reference: at the stage of the court hearing *the defendant* is used to nominate a person undergoing a criminal trial. On the other hand, we note the passive meaning expressed by the form of Participle II derived from the verb *to accuse*. The participle is formed by affixation. After that, such a method of word formation as conversion is triggered that actually transfers the considered lexeme to the category of nominative means which denote persons participating in investigative actions.

Conversion as a way of word formation involves a change in part-of-speech belonging of the lexeme and, accordingly, the adoption of a new paradigm of inflection. Examples of conversion in the semantic field describing the referential zone "Investigative Actions" are the following lexemes: *search* ← *to search*; *(entry) log* ← *to log (entries)*.

From the point of view of the specifics of the implementation of conversion, we note the cases of the transition of phrasal verbs into nouns: *a lineup* ← *to line up*; *a show-up* ← *to show up*; *a walk-through* ← *to walk through*. Conversion in all the above examples is accompanied by affixation, since the postposition of a phrasal verb, when the latter changes into a noun, becomes a suffixoid within the structure of the word. As can be seen from the examples, only the spelling differs: *a lineup* has a strong tendency to be spelt together (despite the fact that hyphenation is possible), *a walk-through* and *a show-up* are spelt in a hyphenated way. The hyphen in this case marks the fact that the derivation stem consisted of two words.

The representation of conversion in English among the nominative units that form the semantic field "Investigative Actions" (9% of all cases of using various methods of word formation) is explained by the fact that the nominative units from the semantic field "Investigative Actions" referentially correlate with actions performed during the investigation. Naming actions by means of abstract nouns is one of the most frequent ways of sequentially presenting the stages of investigative actions.

The next aspect of our study was the analysis of syntactic models for the expansion of the nuclear structure of nominal and verbal phrases related to the semantic field "Investigative Actions".

In complex nominatives in English, in which the core is expressed by a noun, the main syntactic models are two types of syntagmatic chains based on adjunction:

- 1) Adj + N: *operative group, warrantless arrest*;
- 2) N + N: *entry log, task forces*.

The third syntactic model is the connection, the functionality of which is widely represented due to the analytical nature of the English language. In this regard, we do not consider it possible to link this characteristic exclusively to the semantic field "Investigative Actions". However, the frequency of this type of connection and the actualization of the syntactic model of the expansion of nominal groups, based on the prepositional connection of components, suggests that this model is the basis for new complex nominative units. For example, N + prep + (Adj) + (Adj) + N: *collection of evidence; investigator in charge; lawfulness of an operative investigative measure*.

Among verbal phrases, on the one hand, we note interchangeability due to synonymous relations: *to perform / to conduct / to carry out investigative actions*. The syntactic variants of the distribution of verb phrases generally fall under the following model: *V + N*. The model itself with three verbal variants of its implementation is a common frame and allows concretization, as well as specification of the significative meaning of individual lexemes due to the introduction of an additional lexeme. For example, *to conduct an examination; to carry out a show-up; to perform operative-investigative tasks*. A verbal phrase can be extended by including in its composition a cluster of verbs: *to detect, record and seize evidence*.

It is object relations that prevail in verb phrases within the framework of the semantic field "Investigative Actions". However, circumstantial meanings also find expression: *to examine the crime scene carefully; to be assessed in the aggregate*.

Conclusion

The typical nomination mechanisms for the reference area “Investigative Actions” are the specification of the significative meaning of the nominative unit and metonymy, reflecting the transfer of names based on the relations between the process and/or action and the result. The repeated ways of word formation are affixation and conversion. As the analysis shows, the most diverse in terms of the nomenclature of affixes are nominative units with the meanings of the doer of the action and investigative actions per se, which is determined by the thematic area of the study.

The syntactic models of the expansion of nominal and verbal phrases in English in relation to the description of the reference zone “Investigative Actions” differ in the degree of inclusion of additional lexemes. So, the most frequent are syntagmatic chains built according to the following models: Adj + N, N + N, taking into account the possible inclusion of additional elements: (Adj) + N + prep + (Adj) + N, as well as V + N.

Based on the results obtained, we conclude that the ways of expressing the meanings related to the conceptual field “Investigative Actions” in English are predetermined by the sphere of communication. Of course, this inference is tentative and requires the establishment of a relationship between the specific factors that determine the indicated correlation and the linguistic means which tend to be regularly used for this purpose. In this we see the prospects of our research.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ван Валин Р. Референциально-ролевая грамматика / Р. ван Валин, У. Фолли // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XI. - М., 1982. - С. 376-410.
2. Демьянков В. З. Фреймовая семантика / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. - М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова - 1996. - С.189-191.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры - 2004. - 560 с.
4. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова / И. А. Стернин. - Ярославль: Истоки - 2013. - 34 с.
5. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева. - 2-е изд. - М.: ЛИБРОКОМ - 2010. - 88 с.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. - М.: Прогресс - 1988. - С. 52-93.
7. Шашкова В. Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) / В. Н. Шашкова // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.). - Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2018. - С. 193-194.
8. Щур С. Г. Теории поля в лингвистике: учебное пособие / С. Г. Щур. - М.: Наука, 1974. - 254 с.
9. Federal Rules of Criminal Procedure. 2021 Edition. Michigan Legal Publishing Ltd., 2021. - 88 p.
10. The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and Implications. Edited by Maria de los Angeles Gomez Gonzalez, Francisco Jose Ruiz de Mendoza Ibanez, Francisco Gonzalez-Garcia, Angela Downing. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2014. - 292 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Van Valin R. Referential'no-rol'evaya grammatika [Reference-Role Grammar] / R. van Valin, W. Folly // Novoye v zarubezhnoi lingvistike [The new in foreign linguistics]. - Moscow, 1982. - V. XI. - P. 376-410. [in Russian]
2. Demyankov V. Z. Freimovaya semantika [Frame semantics] / V. Z. Demyankov // Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [A brief glossary of cognitive terms]. Under the general editorship of E.S. Kubryakova. - Moscow: Philological Faculty of Moscow State University named after M. V. Lomonosov - 1996 - pp. 189-191. [in Russian]
3. Kubryakova E. S. Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge. On the way of acquiring knowledge about the language: Parts of speech from the cognitive perspective] / E. S. Kubryakova. - Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury - 2004. - 560 p. [in Russian]
4. Sternin I. A. Metody issledovaniya semantiki slova [Methods of word semantics research] / I. A. Sternin. - Yaroslavl': Istoki, 2013. - 34 p. [in Russian]
5. Ufimtseva A. A. Leksicheskaya nominatsiya (pervichnaya neitral'naya) [Lexical nomination (primary neutral)] / A. A. Ufimtseva. - Moscow: LIBROKOM - 2010. - 88 p. [in Russian]
6. Fillmore Ch. Freimy i semantika poznaniya [Frames and semantics of cognition] / Ch. Fillmore // Novoye v zarubezhnoi lingvistike [The new in foreign linguistics]. - Moscow: Progress. - 1988. - V. XXIII. - P. 52-93. [in Russian]
7. Shashkova V. N. Analiz sredstv i mekhanizmov nominatsii, ispol'zuemykh pri opisani referentnoi oblasti "Deyatelnost sotrudnika OVD" (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [The analysis of nomination means and mechanisms used to describe the reference zone "The Law Enforcement Official's Activities" (as exemplified in Russian and English)] / V. N. Shashkova // Materialy tret'yei Mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii "Problemy lingvistiki, metodiki obucheniya i literaturovedeniya v svete mezhkul'turnoi kommunikatsii [Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference "The Problems of Linguistics, methodology of teaching and the theory of literature in light of intercultural communication"]. - Orel: Orel State University named after I. S. Turgenev, 2018. - P. 192-199. [in Russian]
8. Schur S. G. Teorii polya v lingvistike [Field theories in linguistics]: teaching aids / S. G. Schur. - Moscow: Nauka, 1974. - 254 p. [in Russian]
9. Federal Rules of Criminal Procedure. 2021 Edition. Michigan Legal Publishing Ltd., 2021. - 88 p.
10. The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and Implications. Edited by Maria de los Angeles Gomez Gonzalez, Francisco Jose Ruiz de Mendoza Ibanez, Francisco Gonzalez-Garcia, Angela Downing. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2014. - 292 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.7>**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ВВОДНЫХ СЛОВ В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)**

Научная статья

Гиниятуллина Л.М. *

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (gin_liluk[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена анализу особенностей применения вводных слов для соединения компонентов сложного синтаксического целого. Целью исследования является выявление функциональных особенностей вводных слов в сложном синтаксическом целом в татарском языке, описание модальных отношений, которые выражают вводные слова в рассматриваемой синтаксической единице. В результате исследования была выявлена роль вводных слов в организации сложного синтаксического целого. Практическая значимость исследования определяется востребованностью сведений о структуре сложного синтаксического целого в современном татарском языке и функционировании вводных слов в нем. Основные результаты исследования, могут стать частью содержания спецкурсов и спецсеминаров по проблемам текста.

Ключевые слова: татарский язык, сложное синтаксическое целое, вводное слово.

FUNCTIONAL PURPOSE OF INTRODUCTORY WORDS IN A COMPLEX SYNTACTIC WHOLE IN THE TATAR LANGUAGE

Research article

Giniyatullina L.M. *

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

* Corresponding author (gin_liluk[at]mail.ru)

Abstract

This article analyzes the features of using introductory words to connect the components of a complex syntactic whole. The aim of the study is to identify the functional features of introductory words in a complex syntactic whole in the Tatar language, to describe the modal relations that express introductory words in the syntactic unit under study. As a result, the article identifies the role of introductory words in the organization of a complex syntactic whole. The practical significance of the research is determined by the demand for data on the structure of a complex syntactic whole in the modern Tatar language and the functioning of introductory words in this language. The main results of the study can become part of the content of special courses and seminars on text-related issues.

Keywords: Tatar language, complex syntactic whole, introductory word.

Введение

В языкознании остается не до конца изученным синтаксическая единица, называемая сложным синтаксическим целым (ССЦ). Это – группа предложений, объединенных между собой различными средствами связи. Для соединения компонентов и предложений ССЦ используются союзы, союзные слова, относительные слова и модальные слова. Данная статья посвящена исследованию вводных слов в качестве средства связи в ССЦ.

Актуальность тема исследования объясняется тем, что в татарском языкознании отсутствует комплексное научное исследование сложного синтаксического целого (ССЦ), не установлена роль вводных слов в ССЦ.

Задачи исследования представлены следующим образом:

- изучить роль вводных слов в качестве средства связи в ССЦ;
- рассмотреть и анализировать модальные отношения между предложениями ССЦ, выраженные вводными словами.

Методы и принципы исследования

Средства связи в ССЦ изучались методами доминантного анализа, лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов с целью получения и обобщения данных.

Теоретической базой исследования послужили работы таких ученых, как В.В. Виноградов [1], Ф.Г. Галлямов [3], Г.Я. Солганик [9], Ф.С. Сафиуллина [8], М.З. Закиев [7].

Обсуждение

Вводные слова – одно из средств, характерных для связи между предложениями ССЦ. Они синтаксически не связаны с предложением. Синтаксическая несвязанность вводных слов объясняется и их особой ролью в тексте. Близость вводных слов к союзам отмечали многие языковеды. По мнению В.В. Виноградова, «в русском языке наблюдается тесная связь и взаимодействие между союзами и модальными словами» [1, С. 76]. Близость вводных слов к союзам отмечает также А.Н. Гвоздев [5, С. 411].

Вводные слова, как и союзы, союзные слова, не являются единственным и тем более главным средством связи между предложениями. Они лишь подчеркивают, усиливают структурные связи между предложениями.

Вводные слова выражают следующие модальные отношения:

1. Уверенность, что сообщение соответствует действительности, что говорящий не сомневается в его достоверности: *чынлап та* ‘действительно’, *албатта* ‘конечно’, *шөбһәсез*, *шикһез*, *һичшикһез* ‘несомненно’, *билгеле* ‘известно’, *бәхәссез* ‘бесспорно’ и др.

Рәшит эшли башлагач, китапханәнең укучылары шактый артты. Чөнки ул нинди дә булса бер китапны бик әҗентекләп укып чыга да, артистлар арасында буталып йөргәндә, берәр классикның әсәрен юри телгә алып, андагы искиткеч кызык күренешләргә сөйли башлый һәм кинәт кенә: «Моңы укыганыгыз бармы?» – дип сорاپ куя. Әлбатта, алар укымаган, кемнең нәрсә белән кызыксынганын белеп тора бит ул. Күбесенең балык тотудан ерак китә алганы юк [10, С. 188]. / ‘Как только начал работать Рашид, читательская аудитория библиотеки значительно выросла. Потому что он, очень внимательно прочитав какую-то книгу, находясь среди артистов, нарочно упоминал какое-нибудь классическое произведение и начинал рассказывать удивительно интересные события из него и спрашивал: «А вы читали это?» Конечно, они не читали, он ведь знает, кто и чем интересуется. Многие дальше рыбалки уйти не смогли. (здесь и далее перевод автора – Л.Г.)’

Между первыми двумя предложениями союз *чөнки* ‘потому что’ устанавливает причинное отношение. Вводное слово *албатта* ‘конечно’ подтверждает уверенность героя.

2. Неуверенность, что сообщение соответствует действительности, выражается вводными словами *ахырысы* ‘видимо, вероятно’, *никтер*, *ни өчендер* ‘почему-то’, *бәлки*, *күрәсәң*, *ихтимал* ‘вероятно, возможно, видимо’ и т. д. *Кайчагында әллә кемне кызганалар,*

Уфылдашып, әкрән генә кузгалалар.

Ахырысы, бу китап бик куңелледер –

Куз дә алмый укый аны бу балалар [4, С. 354]. /

‘Иногда кого-то жалеют,

Медленно встают, вздыхая.

Видимо, эта книга очень интересная –

Дети ее читают не отрываясь.’

3. Определение источника сообщения выражается вводными словами *минемчә* ‘по-моему’, *минем уемча* ‘как мне думается’, *синеңчә* ‘по-твоему’ и др.

Кайсы көйләрне сайлау укытучы фантазиясе, телгә, ул файдаланган ресурслардан тора. Безнең фикеребезчә, татар, башкорт, рус, итальян көйләрен сайлап алу отышлы, чөнки беренчесе – милли көй, икенчесе – якын тугандаш халыкның көе, өченчесе – олак гасырлар дәвамында уртак территория, уртак тарихи әҗирлектә яшәгән халык көе, дүртенчесе – опера сәнгате ватанының көе [2]. / ‘Выбор мелодии зависит от фантазии, желания учителя, ресурсов, которыми он пользуется. На наш взгляд, удачный вариант – выбор татарских, башкирских, русских, итальянских мелодий, потому что первая – это национальная мелодия, вторая – мелодия близкородственного народа, третья – мелодия народа, который долгие века живет на общей территории, на общей исторической земле, четвертая – мелодия Родины оперного искусства.’

4. Уверенность в том, что в сообщаемом факте давно известно, выражается вводными словами *табигый*, *гадәттәгечә*, *билгеле булганча* ‘естественно, обычно, известно’ и др. Примеры таких сложных синтаксических целых обнаружены в научных, публицистических текстах и в художественной литературе.

Казанның 175 нче гимназиясе янында хәрби көч наряды күрәнә. «Татар-информ» мәгълүмат агентлыгына билгеле булганча, чатларда ата-аналар борчылу белдерә башлаган (Татар информ, 2021, 15 дек.). / ‘У 175-й казанской гимназии был замечен военный наряд. Как стало известно ИА «Татар-информ», в чатах родители стали выражать беспокойство.’

5. Установление различных связей между высказываемыми мыслями, выделение каких-либо оттенков, противопоставление или сравнение, обобщение и т. д. выражается вводными словами *мисал өчен* ‘например’, *мәсәлән* ‘например’, *һиһаять* ‘наконец’, *гомумән* ‘вообще’, *күресенчә* ‘наоборот’, *беренчедән* ‘во-первых’, *димәк* ‘следовательно’, *кыскасы* ‘короче’, *әйттик* ‘скажем’ и др.

Татарлар турында гәп куерта-куерта, егерме-утыз бит язып та, бер татар символы яки образы, сүзгә, әйтеми, хикмәтә, атамасы кулланмаган язучыны татар язучысы дип санамыйм мин. Димәк, ул әдипнең милли программасы бозылган, рухы имгәнгән, мең еллык рухы һәм әхлакый кодлары онытылган [6]. / ‘Я не считаю татарским писателем того, кто написав рассуждения о татарах, двадцать-тридцать страниц, не упомянул хоть об одном татарском символе или образе, описании, поговорке, народной мудрости, названии. Значит, у этого автора нарушена национальная программа, ранена душа, забыты тысячелетние душевные и нравственные коды.’

Между предложениями цепная синонимическая связь (*язучыны – әдипнең* ‘писателя – у автора’) «дополнение – определение». *Димәк* ‘следовательно’ устанавливает причинно-следственное отношение.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования нами зафиксированы сложные синтаксические целые, в которых модальные отношения между предложениями осуществляются посредством вводных слов *чынлап та*, *чыннан да* ‘действительно’, *албатта* ‘конечно’, *шөбһәсез*, *шикһез*, *һичшикһез* ‘несомненно’, *билгеле* ‘известно’, *бәхәссез* ‘бесспорно’, *ахырысы* ‘видимо, вероятно’, *никтер*, *ни өчендер* ‘почему-то’, *бәлки*, *күрәсәң*, *ихтимал* ‘вероятно, возможно, видимо’, *минемчә* ‘по-моему’, *минем уемча* ‘как мне думается’, *синеңчә* ‘по-твоему’, *аның фикеренчә* ‘по его мнению’, *безнең фикеребезчә* ‘по нашему мнению’, *мисал өчен* ‘например’, *мәсәлән* ‘например’, *һиһаять* ‘наконец’, *гомумән* ‘вообще’, *күресенчә* ‘наоборот’, *беренчедән* ‘во-первых’, *димәк* ‘следовательно’, *кыскасы* ‘короче’, *әйттик* ‘скажем’, *хәер* ‘впрочем’, *асылда* ‘на самом деле, в действительности’, *ахыр килеп* ‘в конце концов’, *алайга китсә* ‘если так’, *гомумән* ‘в целом, вообще, в общем’ и др.

Они выражают уверенность либо неуверенность, что сообщение соответствует действительности, уверенность в том, что о сообщаемом факте давно известно, определяют источник сообщения, устанавливают различные связи между высказываемыми мыслями, выделяя какие-либо оттенки.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое): Учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Рус. яз. и лит». 2-е изд., испр. и доп. / Г.Я. Солганик – М.: Высшая школа, 1991. – 182 с.
2. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. / А.Н. Гвоздев – М.: Просвещение, 1973. – 432 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 252 с.
4. Закиев М.З. Татарская грамматика. III том: Синтаксис. / М.З. Закиев – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. – 576 с.
5. Гайнуллина Г. Татар телен укытуда интеграль дәресләрнең әһәмияте (Татар теле һәм музыка предметлары мисалында) / Г. Гайнуллина // Мәгариф. Татар теле. – 2020. – №2. – Б. 3–7.
6. Галлямов Ф. Г. Татар телендә эндәш сүзләрнең бәйләүче чаралары / Ф.Г. Галләмов // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: Материалы IX международной тюркологической конференции. – Казань, 2018. – С. 9–13.
7. Гафури М. Сайланма әсәрләр. Ике томда. 1 Т. / М. Гафури – К.: Таткнигоиздат, 1954. – 414 б.
8. Гыйльманов Г. Х. Халык иҗаты каян башлана яки Исәнбәт васыяте / Г.Х. Гыйльманов // Түгәрәк уен. – 2020. – № 3. – Б. 25–27.
9. Сафиуллина Ф. С. Текст төзелеше: югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма / Ф. С. Сафиуллина. – К.: Казан университеты нәшр., 1993. – 264 б.
10. Хәмзин А. Бармагыңнан үбәр идем... / А.Н. Хәмзин. – К.: Татар. кит. нәшр. – 2017. – 254 б.

Список литературы на английском / References in English

1. Solganik G.Ya. Sintaksicheskaya stilistika. (Slozhnoe sintaksicheskoe celoe): Ucheb. posobie dlya studentov vuzov po specz. «Rus. yaz. i lit». II ed., ispr. i dop. [Sintaksicheskaya stilistika. (Slozhnoe sintaksicheskoe celoe): Ucheb. posobie dlya studentov vuzov po spec. «Rus. yaz. i lit». II ed., ispr. i dop.] / G.Ya. Solganik – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 182 p. [in Russian]
2. Gvozdev A.N. Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk. Ch. 1. [Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk. pt. 1.] / A.N. Gvozdev – M.: Prosveshhenie, 1973. – 432 p. [in Russian]
3. Vinogradov V.V. Stilistika. Teoriya poe'ticheskoy rechi. Poe'tika [Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika] / V.V. Vinogradov – M.: Publishing House AN SSSR, 1963. – 252 p. [in Russian]
4. Zakiev M.Z. Tatarskaya grammatika. III tom: Sintaksis. [Tatarskaya grammatika. III tom: Sintaksis.] / M.Z. Zakiev – Kazan': IYALI ANT, 1995. – 576 p. [in Russian]
5. Gajnullina G. Tatar telen ukytuda integral' dāreslārneñ āhāmiyate (Tatar tele hām muzyka predmetlary misalynda) [The Importance of Integrated Lessons in Tatar Language Learning (Example of Tatar Language and Music Subjects)] / G. Gajnullina // Məgarif. Tatar tele. – 2020. – №2. – p. 3–7. [in Tatar]
6. Gallyamov F. G. Tatar telendä endäsh syzlārneñ bāylāyche charalary [Adjectives of adjectives in the Tatar language] / F.G. Galləmov // Tyurkskij mir i islamskaya civilizaciya: problemy yazyka, literatury, istorii i religii: Materialy IX mezhdunarodnoj tyurkologicheskoy konferencii [The Turkic World and Islamic Civilization: Problems of Language, Literature, History and Religion: Proceedings of the X International Turkological Conference]. – Kazan', 2018. – p. 9–13. [in Tatar]
7. Gafuri M. Sajlanma əsərlər. Ike tomda. 1 T. [Selection works. 2 volumes. 1 V.] / M. Gafuriyu – K.: Tatknigoizdat, 1954. – 414 p. [in Tatar]
8. Gyl'manov G. H. Halyk iḡaty kayan bashlana yaki Isənḡət vasyyate [Where the folklore began or the will of the Sabbath] / G.H. Gyl'manov // Tḡgərək uen [Round uen]. – 2020. – № 3. – p. 25–27. [in Tatar]
9. Safiullina F. S. Tekst tēzeleshe: yugary uku jortlary ōchen dāreslek-kullanma [The structure of the text: textbook-manual for universities] / F. S. Safiullina. – K.: Kazan universitety nəshr., 1993. – 264 p. [in Tatar]
10. Həmzin A. Barماغыңнан үбәр идем... [I'd like to have a massage.] / A.N. Həmzin. – K.: Tatar. kit. nəshr. – 2017. – 254 p. [in Tatar]

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАТЕЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Гиниятуллина Л.М. *

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (gin_liluk[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей параллельной связи между предложениями сложных синтаксических целых. Целью данного исследования является получение представления об особенностях параллельной связи между предложениями данной синтаксической единицы, о структуре описательных сложных синтаксических целых. В результате исследования были выявлены особенности описательных сложных синтаксических целых. Практическая значимость исследования определяется востребованностью сведений о структуре и функционировании сложного синтаксического целого в современном татарском языке. Решение проблемы устройства текста и формирующих его единиц, в том числе и сложного синтаксического целого, способствует совершенствованию теории и практики продуцирования и восприятия письменных текстов.

Ключевые слова: вид связи, сложное синтаксическое целое, татарский язык, синтаксический параллелизм.

PECULIARITIES OF DESCRIPTIVE COMPLEX SYNTACTIC INTENTS IN THE TATAR LANGUAGE

Research article

Giniyatullina L.M. *

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

* Corresponding author (gin_liluk[at]mail.ru)

Abstract

This article analyzes the features of using introductory words to connect the components of a complex syntactic whole. The aim of the study is to identify the functional features of introductory words in a complex syntactic whole in the Tatar language, to describe the modal relations that express introductory words in the syntactic unit under study. As a result, the article identifies the role of introductory words in the organization of a complex syntactic whole. The practical significance of the research is determined by the demand for data on the structure of a complex syntactic whole in the modern Tatar language and the functioning of introductory words in this language. The main results of the study can become part of the content of special courses and seminars on text-related issues.

Keywords: Tatar language, complex syntactic whole, introductory word.

Введение

Предложение в языкознании рассматривается как основная минимальная составляющая единица текста, которая реализуется в форме письменной и устной речи. Но при изучении этой единицы большое значение приобретают группы тесно взаимосвязанных предложений, образующих новую синтаксическую единицу, которую необходимо рассматривать как составляющую текста и как отдельную структурную единицу. Группу предложений, объединенных различными средствами и способами, лингвисты называют «сложным синтаксическим целым».

Выбранная для исследования тема отличается высокой степенью актуальности, так как в татарском языкознании отсутствует комплексное научное исследование сложного синтаксического целого (ССЦ), не установлены принципы организации и особенности его функционирования в тексте.

Задачи исследования представлены следующим образом:

- рассмотреть основные виды связи между предложениями ССЦ;
- выявить особенности параллельной связи между предложениями сложного синтаксического целого.

Методы и принципы исследования

Важную роль в написании работы сыграло использование таких методов исследования, как метод лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов с целью получения и обобщения данных. Материал исследования представлен примерами сложного синтаксического целого из текстов художественной литературы и медиатекстов.

Теоретической базой исследования послужили работы таких ученых, как А.А. Потебня [8], А.М. Пешковский [6], Н.С. Поспелов [7], В.В. Виноградов [2], И.Р. Гальперин [3], Г.Я. Солганик [10], Ф.С. Сафиуллина [9], М.З. Закиев [5], В.З. Гарифуллин [4].

Основные результаты

Между предложениями ССЦ учеными выделяется два основных вида связи: цепная и параллельная. При параллельной связи предложения сопоставляются друг с другом и имеют параллельные конструкции. К ним относятся повествовательные и описательные ССЦ.

Описательные ССЦ характеризуются единством временных форм сказуемых и синтаксическим параллелизмом. Единство форм выражения сказуемых – важнейший синтаксический признак описательных ССЦ [12, С. 49].

Среди описательных ССЦ выделяются по структурным признакам несколько разрядов. В них сказуемые выражаются одной и той же временной формой. Также в них наблюдается синтаксический параллелизм.

ССЦ с единым планом настоящего времени:

Полковник сөйли дә сөйли, бер генә дә акыл өйрәтми, ачыктан-ачык тәрбия белән шөгыйльләтми, балки сугыш хәрәкәтләре, ничек жиңүгә ирешүләре хақында гына баян итә. Хәтта, кайберәүләр кебек, мин шулай иттем, мин болай иттем, дип тә шапырынмый [1, С. 8]. / ‘Полковник все рассказывает и рассказывает, никого не учит, не занимается откровенным воспитанием, а только рассказывает о боевых действиях, о том, как они победили. Даже, как некоторые другие, не хвастается тем, что он сделал то, сделал это.’

Все описываемые действия происходят в одно и то же время. Сказуемые всех предложений выражены глаголами настоящего времени.

ССЦ с единым планом прошедшего времени:

Динамическое описание может быть достигнуто и использованием формы глагола прошедшего категорического времени.

Описательные типы ССЦ с единым планом прошедшего времени имеют такое же синтаксическое строение, как и описанные выше. Основой единства является параллелизм предложений и выражение сказуемых формой прошедшего времени.

Примеры сложного синтаксического целого с единым планом прошедшего времени зафиксированы нами во всех функциональных стилях.

Борыннан, койрыктан казаяклар аркан ыргыттылар, уртадан басма суздылар. Каек, күпер читенә терәлеп, чайкалудан туктап калгач та, уңлал кеше аягүрә басты. Кыска итеп киселгән сакал-мөеклө, озынча битле, очкынланып торган шаян, тере күз карашлы чандыр бер кеше, елмаеп, Акбуре ыруының башы алдында бүреген салды, башын иде [11, С. 38]. / С передней части и с хвоста представители племени «казаяк» кинули канаты, с середины протянули мостик. После того как лодка, прижавшись к краю моста, перестала качаться, около десяти человек встали. Худощавый человек с коротко подстриженной бородой и усами, удлинённой формой лица, с горящим, веселым, живым взглядом, улыбнувшись, снял шапку и поклонился предводителю рода Акбуре.’

2014 елда башкалабыз Казан төрки дөньяның мәдәни башкаласы дип игълан ителде. Инде бер ел алдан республикабызда зур әзерлек эшләре барды. Бу ел рамкаларында каралган мәдәни чаралар грандиоз булып, дип көтелде (Туганайлар. 2014. 30 сент.). / ‘В 2014 году столица Казань была объявлена культурной столицей тюркского мира. За год до этого в республике была проведена большая подготовительная работа. Ожидалось, что культурные мероприятия, запланированные в рамках этого года, будут грандиозными.’

В двух вышеприведенных примерах сказуемые выражены глаголами изъявительного наклонения прошедшего категорического времени. В первом примере синтаксический параллелизм выражается тем, что перед сказуемыми располагаются дополнения (*аркан ыргыттылар, басма суздылар; бүреген салды, башын иде* ‘кинули канаты, протянули мостик; снял шапку, досл. наклонил голову’).

Во втором примере (в первом и третьем предложениях) перед сказуемыми в форме прошедшего времени расположены придаточные дополнительные предложения, связанные с главным словом *дип*. Во втором предложении – подлежащее.

Динамическое описание может быть достигнуто и употреблением глагольной формы прошедшего результативного времени на *-ган/-гән*:

Россия Хезмәт министрлыгы лаеклы ялга чыгу яшен арттырмаса булган. Бу хакта Федерация Советының социаль сәясәт комитеты утырышында Россия хезмәт министры Максим Топилин белдергән. Министр сүзләреннән аңлашылганча, пенсия яшен арттыру турында бәхәсләр әледән-әле кабатланып торса да, пенсия системасының 2030 елга кадәр үсеш стратегиясендә лаеклы ялга чыгу яшен арттыру каралмаган. «Лаеклы ялга 63–65 яшьтә чыгу гамәлдә булган илләрдә уртача гомер озынлыгы да 80 яшьтән артып китә. Ә бездә ул 70–71 яшьне генә тәшкил итә», – дип ачыклык керткән Топилин (Ватаным Татарстан. 2015. 4 март). / ‘Минтруд России решил не повышать возраст выхода на пенсию. Об этом заявил министр труда России Максим Топилин на заседании комитета Совета Федерации по социальной политике. По словам министра, несмотря на то, что споры о повышении пенсионного возраста время от времени возникают, в стратегии развития пенсионной системы до 2030 года повышение возраста выхода на пенсию не предусмотрено. «Средняя продолжительность жизни в странах, где действует выход на пенсию в 63–65 лет, превышает 80 лет. А у нас она составляет всего 70–71 год», – уточнил Топилин.’

В данном примере в медиальной части сказуемые расположены в конце предложения, перед ними употреблены дополнение (*яшен арттырмаса булган* ‘решил не повышать возраст’ и подлежащие (*арттыру каралмаган* ‘не предусмотрено повышение’, *Максим Топилин белдергән* ‘заявил Максим Топилин’). Последние два предложения ССЦ формируют концовку сложного синтаксического целого. Последнее предложение грамматически оформлено инверсией (*ачыклык керткән Топилин* ‘уточнил Топилин’).

Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что синтаксическая связь между предложениями ССЦ выражается в их структурной соотнесенности. Одним из наиболее распространенных способов синтаксической связи между предложениями является параллельная связь. Среди описательных ССЦ выделяются по структурным признакам несколько видов, в которых сказуемые выражаются одной и той же временной формой. Также в них наблюдается синтаксический параллелизм.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Закиев М.З. Татарская грамматика Синтаксис: в 3 т. / М.З. Закиев – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. – 3 т.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня – М.: Учпедгиз, 1958. – 534 с.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский – М.: Государственное издательство, 1938. – 410 с.
4. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое) / Г.Я. Солганик – М.: Высшая школа, 1991. – 182 с.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 252 с.
6. Гарифуллин В.З. Типы структурной организации журналистского текста (На материале татарских газет) / В.З. Гарифуллин – Казань: Татарское кн. изд-во, 1997. – 187 с.
7. Пospelов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. / Н.С. Пospelов // Уч. зап. МГУ. – 1948. – 137. – с. 41.
8. Гальперин И.Р. О понятии «текст». / И.Р. Гальперин // Лингвистика текста; – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – с. 67-72.
9. Әхмәдиев Н. Г. Мөһирстан: роман / Н. Г. Әхмәдиев. – К.: Татар. кит. нәшр., 2011. – 319 б.
10. Сафиуллина Ф. С. Текст төзелеше: югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма / Ф. С. Сафиуллина. – К.: Казан университеты нәшр., 1993. – 264 б.
11. Фәттаһ Н. С. Ител суы ака торур. Тарихи роман. / Н. С. Фәттаһ. – К.: Татар. кит. нәшр., 1980. – 399 б.

Список литературы на английском / References in English

1. Zakiev M.Z. Tatarskaya grammatika [Tatarskaya grammatika] Sintaksis : in 3 vol.; / M.Z. Zakiev – Kazan': IYALI ANT, 1995. – 3 vol. [in Russian]
2. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [Iz zapisok po russkoj grammatike] / A.A. Potebnya – M.: Uchpedgiz, 1958. – 534 p. [in Russian]
3. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii] / A.M. Peshkovskij – M.: Gosudarstvennoe publishing house, 1938. – 410 p. [in Russian]
4. Solganik G.Ya. Sintaksicheskaya stilistika. (Slozhnoe sintaksicheskoe celoe) [Sintaksicheskaya stilistika. (Slozhnoe sintaksicheskoe celoe)] / G.Ya. Solganik – M.: Vysshaya shkola, 1991. – 182 p. [in Russian]
5. Vinogradov V.V. Stilistika. Teoriya poe'ticheskoy rechi. Poe'tika [Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika] / V.V. Vinogradov – M.: Publishing House AN SSSR, 1963. – 252 p. [in Russian]
6. Garifullin V.Z. Tipy' strukturnoj organizacii zhurnalistskogo teksta (Na materiale tatarskix gazet) [Tipy strukturnoj organizacii zhurnalistskogo teksta (Na materiale tatarskih gazet)] / V.Z. Garifullin – Kazan': Tatarskoe kn. Publishing house, 1997. – 187 p. [in Russian]
7. Pospelov N.S. Problema slozhnogo sintaksicheskogo celogo v sovremennom russkom yazy'ke [Problema slozhnogo sintaksicheskogo celogo v sovremennom russkom yazyke]. / N.S. Pospelov // Uch. zap. MGU [Uch. zap. MGU]. – 1948. – 137. – p. 41. [in Russian]
8. Gal'perin I.R. O ponyatii «tekst» [O ponyatii «tekst»]. / I.R. Gal'perin // Lingvistika teksta; – M.: MGPIIYa im. M. Toreza, 1974. – p. 67-72. [in Russian]
9. Әхмәдиев Н. Г. Мөһирстан: роман [Munirstan: a novel] / Н. Г. Әхмәдиев. – К.: Татар. кит. нәшр., 2011. – 319 p. [in Tatar]
10. Safiullina F. S. Tekst tözeleşhe: yugary uku jortlary öchen dăreslek-kullanma [Text editing: textbooks for high-end homes] / F. S. Safiullina. – K.: Kazan universitety năshr., 1993. – 264 p. [in Tatar]
11. Fəttah N. S. İtel suy aka torur. Tarihi roman. Tözətelgən ikenche basma [İtel suy aka torur. Roman history. Fixed second click] / N. S. Fəttah. – Kazan. Tatar. kit. năshr., 1980. – 399 p. [in Tatar]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.9>**АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХАИЧНЫХ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ БУРЯТ (НА МАТЕРИАЛЕ «АЦАГАТСКОГО ОЧЕРКА О ХОРИ-БУРЯТАХ»)**

Научная статья

Бадмаева Л.Б. *

ORCID: 0000-001-7238-366X,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

* Корреспондирующий автор (lorabadm[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению редкоупотребительных слов в историческом тексте «Ацагатский очерк о хори-бурятах» на монгольском письме. Дано описание данного малоизученного памятника бурятского летописания бурят начала XX в. В 1930-е годы в результате агрессивной языковой политики старомонгольская письменность была объявлена «антинародной», произведения на монгольском письме и их авторы попадали в разряд запрещенных. Под запретом была не только сама письменность, но и ее лексика. В пассивный фонд языка попали слова, фигуры речи из высокого стиля, категории вежливости. В статье показано, что выявленные в историческом тексте архаичные слова относятся к высокому стилю. Обосновано то, что автор текста использует данные лексемы в определенных ситуациях для выражения уважения и почтительности к героям текста.

Ключевые слова: бурятские летописи, старописьменный монгольский язык, архаичные слова.

ACTUALIZATION OF ARCHAIC WORDS IN THE HISTORICAL TEXT OF THE BURYATS (BASED ON THE MATERIAL OF THE "ATSAGAT ESSAY ON THE KHORI-BURYATS")

Research article

Badmaeva L.B. *

ORCID: 0000-001-7238-366X,

Institute for the Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy Sciences, Ulan-Ude, Russia

* Corresponding author (lorabadm[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses rare words in the historical text "Atsagatsky ocherk o khori-buryatakh" (Atsagatsky Essay on the Khori-Buryats) in the Mongolian script. The study describes this little-studied monument of the Buryat chronicle of the early 20th century. In the 1930s, as a result of an aggressive language policy, the Old Mongolian script was declared "anti-national", while the works in the Mongolian script and their authors were prohibited. The ban was not only placed on the script itself, but also on its vocabulary. The passive fund of the language includes words, figures of speech from high style, honorific forms. The article shows that the archaic words identified in the historical text belong to the high style. It is proved that the author of the text uses these tokens in certain situations to express respect and reverence for the characters of the text.

Keywords: the Buryat chronicles, old written Mongolian language, archaic words.

Введение

В настоящее время комплексное изучение языка бурятских летописных текстов является чрезвычайно важной проблемой для полного представления о бурятской летописи как органичной части письменной культуры бурят. Изменения, происходящие в монголоведении в последние десятилетия, обусловленные стремлением понять место монгольской словесности в мировом литературном процессе, требуют рассмотрения особенностей становления и развития отдельных форм и жанров, их роли в формировании письменных традиций монгольских народов.

Бурятские исторические хроники, являясь составной частью культурного наследия бурят, отражают многие стороны их общественной жизни, поэтому они заслуживают специального изучения. В эпоху тоталитарного режима данные памятники историографии Бурятии XVIII-XIX вв., как и все литературное наследие бурят на старомонгольской письменности, долгое время находились в забвении, отодвинутые на задний план, более того, многие ценные памятники были варварски уничтожены. Под запрет попала не только сама старомонгольская письменность, но и ее лексика. Функциональные стили бурятского языка были нивелированы.

Как известно, старописьменный монгольский язык в течение долгого времени был общемонгольским литературным языком, обслуживающим нужды собственно монголов, а также ойратских и бурятских племен. В настоящее время им активно пользуются как письменным литературным языком только во Внутренней Монголии Китая.

Для развития ретроспективного направления в истории культуры бурят и сохранения их культурной памяти большое значение имеет изучение старописьменных памятников на широком историческом фоне и их связей с литературой средневекового Востока. В этом аспекте большой интерес представляет памятник письменной культуры бурят I половины XX в. – анонимная рукопись летописи хоринских бурят, впервые обнаруженная в с. Ацагат, Заиграевского района в 1963 г.

Рукопись на монгольском письме не имеет названия, текст не закончен, в ней не указаны ни автор исторического сочинения, ни дата завершения рукописи. Ц. Б. Цыдендамбаев, изучив содержание рукописи, пришел к мнению о том, что это не совсем историческая хроника, но по жанру близка к историческому очерку, потому он условно озаглавил сочинение как «Ацагатский очерк о хори-бурятах» (АОХ).

Исследуемая летопись, под условным названием «Ацагатский очерк о хори-бурятах» или «*Qori buriyad tuqai Acaγad-tu bičigdegseṅ tobči teüke*» ('Краткая история о хори-бурятах, написанная в Ацагате'), хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в монгольском фонде под шифром Ф. 485, оп. 1, д. 13. Данная летопись состоит из 80 листов с текстом на монгольском письме. Памятник состоит из двух частей: первая часть представляет собой оригинальный текст, написанный бурятским почерком позднейшего типа металлическим пером, а вторая часть - практически современная копия, выполненная шариковой ручкой (карандашом?) на тетрадных листах в клетку. Копия занимает 3 листа и дублирует первые страницы оригинального текста с восполнением утрат, с небольшими изменениями в лексике и орфографии [2, С. 18-19].

О датировке памятника следует заметить, что, хотя исторический очерк завершается событиями, относящимися ко времени введения в Забайкалье волостной реформы (1901-1904 гг.), но в тексте повествования упоминается факт, указывающий на более позднее время написания сочинения: «... взимать ежегодно с каждой работоспособной души мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет ясак по 1 рублю (серебром) 72 коп. в соответствии каждой ревизии, *этот налог выплачивался вплоть до падения царской власти*» (курсив наш – Л.Б.), то есть до 1917 г., поэтому дату завершения рукописи можем определить как 20-е годы XX в.

Относительно авторства данного памятника жители села Ацагат, а именно Цыдып Раднаев, Дампил Базаров, Гашин Цоктоев, а также жительница с. Нижняя Курба Дари Жамбалдоржиева – жена родственника Жигжита Галсанова - единодушно высказали свое мнение Ц. Б. Цыдендамбаеву (во время его экспедиции в Заиграевском районе) о том, что автором данного сочинения мог быть именно Жигжит Галсанов, глава худайского рода хоринских бурят, который обладал широкими познаниями в области истории монгольских народов, был превосходным рассказчиком, занимался литературным творчеством, слагал гимнические оды – *магталы*, известно, что он сочинил 2 оды в честь прибытия в Забайкалье в 1891 году цесаревича Николая [4, С. 81]. Перевод *магталов* с монгольского письма на русский язык осуществил другой бурятский деятель Эрдэни Вамбоцыренов, последний хоринский тайша (с 1898 по 1903 гг.), возглавивший движение «стародумцев» против введения волостного правления. В 1904 г., после принятия волостной реформы, Ж. Галсанов был назначен председателем суда Худайской волости, в 1917-1919 гг. занимал должность председателя Хоринской думы. Есть предположение, что именно в этот период он мог продиктовать задуманное им историческое повествование Буяну Будаеву, который быстро писал и имел хороший почерк [4, С. 81].

«Ацагатский очерк» примечателен тем, что в нем приведены собственные изыскания автора в области этногенеза бурят, их подданства, истории. Так, автор повествует о судьбе легендарной княгини Бальжин-хатун, о старых и новых баргутах Хулун-Буира, о поездке делегации хори-бурят к Петру I (1702-1703), о надворной советнице Шойжит-хатун, о приезде сибирского губернатора, графа М. М. Сперанского в Верхнеудинск (1819 г.), описан архаичный свадебный обряд хори-бурят и т.д.

Текст «Ацагатского очерка» был впервые переложен с монгольского письма на современный бурятский язык известным ученым-монголоведом Г. Н. Очировой в 2001 г. [3], [2, С. 161-188]. Перевод текста очерка с монгольского письма на русский язык впервые осуществили А. Д. Жамсоев и Л. Б. Бадмаева в 2020 г. [2, С. 189-222].

Основу лексического словаря «Ацагатского очерка» составляют слова, унаследованные из общемонгольского лексического фонда. Широко и детализировано представлены юридические и канцелярские термины, а также лексические единицы, относящиеся к управлению, быту и хозяйству бурят. Обзор общей лексики «Ацагатского очерка» показывает, что многие из выявленных терминов присущи только бурятскому языку (*siidkelge* 'разрешение', *busutörülten* 'иностранцы', *yoluba* 'глава рода', *tayīša* 'родовой правитель, глава ведомства; председатель степной думы', *müškebüri* 'расследование, следствие' и др.), наблюдается большой пласт русских заимствований, калькированных слов и выражений (*diputat* 'депутат', *gīneral-gübernatur* 'генерал-губернатор', *imperatur nigedüger Piotur qaγan* 'император Петр I') и др.

Кроме того, в языке исследуемого памятника выявлены архаичные редкоупотребительные лексемы из старописьменного монгольского языка: *qouslan* 'вдвоем', *yarayai somu* 'кизиловые стрелы', *küser* 'земля', *yegüdkekiü* 'скончаться, почить', *qaliqu* 'скончаться, почить, умереть', *jorčiqu* 'отправиться, направиться, поехать', *qalaqu* 'отменять, изменять', *külsüü sayudal* 'опасный для жизни период' (астрологическое понятие), *sonjiyuri* 'стыд, позор', *bel* 'подножие горы' и др. Далее рассмотрим их актуализацию в языке текста исторического сочинения.

(стп.-монг.) *külsüü sayudal* 'опасный для жизни период' (астрологическое понятие), (бур.) *хүлшүү хуудал* id. если в БАМРС это выражение не зафиксировано, и в словаре Шагдарова Л.Д., Черемисова К.М. данное выражение тоже не отмечено, но указано прилагательное *хүлшүүтэй* 'относящийся с опаской' [6, Т. II, С. 489]. - *egün ni olju abuγsan učir bolbasu noyan ber urida qadam-ud-tayan ayilčilaju oduγad idigelejü külsiu sayudal=a dala miq=a-yi 7 nasutai Šoyijid keüken-dü jalabasu tere keüken anu abuγad tere dala-bar noyan-u mangnai-yi čokiγsan-i beleg-tür boduju qatun abuγsan ketetüi* [2, С. 144]. (бур.) Энээншье (Шойжидые) оложо абахан ушар болбол, ноён урда хадамүүдтаа айлуалжа ошоод, эдэлжэ, *хүлшүү хуудалда* дала мяхы 7 наһатай Шойжид хүүхэндэ заламсаарнь, тэрэ хүүхэн абаад, тэрэ далаар ноёной магнайе сохиһоншье бэлэгтэ бодожо, хатан абахан гэдэг [2, С. 178]. – 'Давным-давно, когда нойон был в гостях у своих сватов и трапезничал, подали почетную баранью лопатку. А когда он ее передал семилетней Шойжит, то она, взяв эту лопатку, стукнула ею нойона по лбу. [Это случилось из-за того, что по астрологии] у тайши был опасный для жизни период (*хүлшүү хуудал*). Этот случай посчитали как за особый знак, и он взял ее в хатун' [Указ. соч., С. 209]. Здесь поясним, что баранья лопатка считается почетным угощением и преподносится уважаемым гостям, но отведать лопаточное мясо должны все присутствующие гости, передавая лопатку друг другу. Здесь речь идет об известном *тайше* (предводителе хоринских бурят – Л.Б.) Дамбадугаре Ринцеине, который успешно прослужил на этой должности в течение 36 лет. Когда у него скончалась первая супруга, то он женился на восемнадцатилетней девушке, родственнице его первой жены – Шойжит Саагийн.

Мы не можем утверждать, что Дамбадугар-тайша действительно в то время находился в опасном для его жизни периоде (*хүлшүү хуудалда*). Возможно, автор деликатно обыграл эту легенду, чтобы оправдать или смягчить дерзкий поступок маленькой девочки, будущей надворной советницы, сыгравшей большую роль в судьбе хори-бурят. Смысл использования автором редкоупотребительного выражения *külsii sayudal* - *хүлшүү хуудал* в том, что девочка не совершила бы столь невоспитанный, грубый выпад в адрес уважаемого человека, не будь он в опасном периоде своей жизни. В то время отношения между старшими и младшими были строго регламентированы. Это был неслыханный поступок девочки, нарушающий степной кодекс воспитания детей, культуру и этику поведения в бурятском обществе.

(стп.-монг.) *küser* 'земля, почва; пол; дикая безлюдная местность, незаселенная местность' [5, Т. IV, С. 148], (монг.) *хөсөр* id., (бур.) *хүсэр* // *хүхэр* 'земля; дикая безлюдная местность' [6, Т. II, С. 509]. - *qormai-yuyan debisejü qoyar ebüdeg-iyeren küser-e sügüden 3 ta mörgüjü yomudal-ıyan nige-tü nige ügei toylan cılıge-tei medegülejü qari yasutu qalayun süsüg-tei albatu-yin batu temdeg üjegülen barayalqai-luy=a qamtu biçig-ıyen barılcaıai* [2, С. 136]. (бур.) ... *хормойгоо дэбисэжэ, хоёр үбдэгөөрөө хүхэртэ хүгэдэн, гурбанта мүргэжэ, гомдолоо нэгэтэ нэгэгүй тоолон сүлөөтэй мэдүүлжэ, хари яһата, халуун хүзэгтэй албатын бата тэмдэг үзүүлэн бараалхахатай хамта бэйсэгээ барилсаба* [2, С. 171-172]. - '... затем, расстелив свои подолы, став на колени, трижды поклонившись до земли, они донесли все пункты своей жалобы и, выразив знаки своего глубокого почтения от иноземных подданных, вручили [царю] свое письмо' [2, С. 201-202].

В этом блоке автор использовал редкоупотребительное слово *küser* 'земля' вм. общеупотребительного *yajar* id., т.к. он учитывал уникальную историческую ситуацию – аудиенцию хори-бурят у императора Петра I (1703), поэтому в этом тексте он употребил слова и выражения из высокого стиля: *aldar yeke-tü Moskv-a qotan-a kürcü* 'добравшись до славного города Москва', *Abai yeke bayatur çayan qayan Piotur Aliysebiisi-yin gegen-e barayalqai* 'получили аудиенцию у батюшки великого батора Белого царя Его Сиятельства Петра Алексеевича'. Из этого следует, что если микротекст «Аудиенция хори-бурят у Петра I» относится к текстам высокого стиля, то редкоупотребительная лексема *küser* - *хүсэр* // *хүхэр* характерна для высокого стиля.

(стп.-монг.) *yegüdekü* '1) скончаться, умереть, исчезнуть; 2) выехать (из жилища)'; (монг.) *егүүдэх* id. [5, Т. II, С. 123]; (бур.) *егүүдэхэ* id. [6, Т. I, С. 335]. (АО) *yegüdekü: Ereşken iduyun yegüdkebei kemen, eldeb qudal üge-nüd-i kelejü nutuy-tayan iregsen ajiyu* [2, С. 138]. (бур.) ... *Эрэхэн удаган егүүдэхэ гэжэ элдэб худал үгэнүүдые хэлэжэ, нутагтаа ерэхэн байна* [2, С. 173]. - 'Когда вернулись на родину, он стал говорить ложь в свое оправдание, что якобы Эрэхэн-удаган скончалась ...' [2, С. 203].

Лексема *yegüdekü* также относится к высокому стилю, употребляется в буддийских текстах, например, *түрэл егүүдэхэ* 'найти новое перерождение; переродиться, возродиться'. В монгольской культуре к шаманам и шаманкам характерно особое отношение: их почитают, уважают, к ним люди обращаются за советом и поддержкой в сложные периоды своей жизни. В народной памяти образ юной шаманки Эрэхэн сложился как героической личности, не пощадившей своей жизни ради свободы и блага для своего народа, поэтому автор исторического очерка (по нашему предположению, им мог быть Жигжит Галсанов) при упоминании шаманки Эрэхэн использует лексические единицы из высокого стиля.

Рассмотрим лексему (стп.-монг.) *qouslaqu* 'сочетать, соединять попарно, вместе; сочетаться' < (стп.-монг.) *qous* 'пара; парный'; (монг.) *хослох* id. [5, Т. IV, С. 118]; (бур.) *хослохо* 'сговариваться' [6, Т. II, С. 452]; (АО) ... *noyan ebügerejü bey=e kündüregsen-dür qamuy kereg-üd-i did tayışa Falsang Mardai-yin-luy=a qouslan yabuylaju Erküü Kiyta-yin juyan-nud-ıyar yabıju bayıqu jayıra Dambadıyar noyan qalıbai* [2, 34 v, С. 144]. (бур.) ... *ноён үбгэржэ, бэе хүндэрхэндэ, хамаг хэрэгүүдые дид тайшаа Галсан Мардайнтай хоосолон ябуулжа, Эрхүү, Хяагтын зургаануудаар ябажа байха зуурань Дамбадугар ноён халибай* [2, С. 178]. - 'Когда тайша постарел, потяжелел, то все его обязанности исполнял дид тайша (его заместитель – Л.Б.) Галсан Мардайн вдвоем с ней (с Шойжид – Л.Б.). Они вместе ездили по различным присутственным местам в Иркутск, Кяхту. В это время скончался Дамбадугар-тайша' [2, С. 209].

В тексте памятника глагол *qouslaqu* использован в форме слитного деепричастия *qouslan* 'соединившись парой; вместе'. Здесь автор намекает на то, что заместитель тайши Галсан Мардаев был в близких отношениях с молодой женой Дамбадугара-тайши. Действительно, это вполне допустимо, т.к. в то время тайша Дамбадугар Ринцеев был уже старым, а его молодая *хатун* была амбициозной, властной женщиной. После смерти мужа, она была регентом при его малолетнем приемном сыне Жигжете. За свою деятельность Шойжид Годохиева была удостоена почетных наград: имела бронзовую медаль на Владимирской ленте, золотую медаль, дорогие золотые часы, брошь и перстни, инкрустированные драгоценными камнями и бриллиантами [2, С. 210]. С ней сам сибирский губернатор, граф М. М. Сперанский встречался и имел беседу во время своей поездки в Верхнеудинск в 1819 г., когда проходила февральская ярмарка.

Здесь автор текста делает примечание о том, что все это он услышал из уст личного переводчика графа М.М. Сперанского, верхнеудинского мещанина Василия Машанова [2, С. 214]. По-нашему предположению, личным переводчиком сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского мог быть верхнеудинский мещанин, купец II гильдии Василий Прокопьевич Машанов (20.04.1804–?), родом из крещеных кудунских бурят, проживавший в городской усадьбе на углу улиц Большой (совр. Ленина) и Сенной (совр. Свердлова), сейчас этот дом находится по улице Ленина, 15а, где расположен магазин «Серебряный мир» [1, С. 191].

В целом заметим, что «Ацагатский очерк о хори-бурятах» - малоисследованный исторический документ, интересный во всех отношениях: и в лингвистическом, и в литературном, и в историческом, и в культурологическом аспектах, заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, актуализированные в историческом тексте редкоупотребительные лексемы, относятся к высокому стилю, характеризуя функционально-стилистическую дифференциацию языка старописьменных памятников бурят

XIX-начала XX вв. на монгольском письме. Функциональный стиль использования лексических единиц из пассивного фонда бурятского языка мы определяем, как «почтительный стиль» бурятского языка.

Отметим, что материалы исторического текста свидетельствуют о том, что он написан на монгольском письме, сочетающем в себе старомонгольскую классическую основу и влияние народной разговорной стихии бурят, поскольку в то время нормы создания письменных текстов не были кодифицированы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гурьянов В. К. Верхнеудинск XVII – начала XX вв. Улицы, городские усадьбы и их обитатели / В. К. Гурьянов, М. В. Гурьянов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 224 с.
2. Жамсоев А.Д. Ацагатский очерк о хори-бурятах / А.Д. Жамсоев, Л.Б. Бадмаева, Г.Н. Очирова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 234 с. (АОХ).
3. Очирова Г. Н. Хори буряадууд тухай Асагадта бэшэгдээн тобшо түүхэ / Г. Н. Очирова // Морин хуур. – 2001. – № 5–6 (13–14). – С. 102–124.
4. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные / Ц.Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. Изд-во, 1972. – 656 с.
5. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001-2002 (БАМРС).
6. Шагдаров Л.Д. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / Л.Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006-2008 (БРС).

Список литературы на английском / References in English

1. Guryanov V. K. Verkhneudinsk XVII – nachala XX vv. Ulicy, gorodskie usad'by i ikh obitateli [Verkhneudinsk 17th - early 20th centuries . Streets, city estates and their inhabitants] / V. K. Guryanov, M. V. Guryanov. - Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 2012. - 224 p. [in Russian]
2. Zhamsoev A.D. Acagatskijj ocherk o khori-burjatak [Atsagatsky essay on the Khor-Buryats] / A.D. Zhamsoev, L.B. Badmaeva, G.N. Ochirova. - Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS, 2020. - 234 p. (AOH) [in Russian]
3. Ochirova G.N. Hori buryaaduud tuhaj Asagadta beshegdehen tobsho tyuhe [A story about the Hori Buryats in Asagadta] / G.N. Ochirova // Morin huur [Violin]. – 2001. – № 5–6 (13–14). – PP. 102–124. [in Buryat]
4. Tsydendambayev Ts.B. Burjatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye [Buryat historical chronicles and pedigrees] / Tsydendambayev Ts.B. - Ulan-Ude: Buryat. Publishing house, 1972. - 656 p. [in Russian]
5. A large academic Mongolian-Russian dictionary: in 4 volumes / ed. by G.Ts. Pyurbееv– - M.: Academia, 2001-2002 (BAMRS) [in Russian]
7. Shagdarov L.D. Burjatsko-russkijj slovar': v 2-kh t. [Buryat-Russian dictionary: in 2 volumes] / L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. - Ulan-Ude: Republican Printing House, 2006-2008 (BRS) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.10>**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В НЕМЕЦКОМ СТЕНДАПЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научная статья

Машенцова В.В.^{1*}, Симутова О.П.²^{1,2} Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

* Корреспондирующий автор (valentina.shash[at]mail.ru)

Аннотация

В статье обсуждается проблема функций постмодернистского письма в дискурсе СМИ. Согласно распространенным в медиалингвистике представлениям прагматическая направленность постмодернистских приемов заключается главным образом в демократизации медиакommunikации и плюрализации содержания медиатекстов. Исходным пунктом для корректировки этих представлений является понимание прагматической природы института СМИ, обуславливающей превалирование воздействующей функции над эстетической. Коммуникативно-технологические параметры медиадискурса, такие как многоканальность, массовость, дробление и скорость распространения информации, пересекаются с такими характеристиками постмодернистской парадигмы, как антисистематичность, релятивизм, иллюзионизм, деперсонализация. В результате этого пересечения все постмодернистские приемы подчиняются прагматическим задачам медиакommunikатора, обеспечивая привлечение и удержание внимания реципиента при одновременном снижении у него критичности восприятия информации. Эклектичность «клиповой» подачи материала, поддерживаемая также приемами постмодернистского письма, способствует дезориентации читателя-слушателя, облегчая тем самым формирование оценочной картины события в заданной отправителем интерпретации. Делается заключение о суггестивном характере постмодернистского письма как инструмента интеллектуального воздействия, позволяющего маскировать прагматические интенции отправителя информации за эстетикой и «демократизмом» выразительных средств.

Ключевые слова: постмодерн, медиадискурс, прагматика дискурса СМИ, коммуникативное воздействие.

EMOTIONAL-EVALUATIVE VOCABULARY AS A MEANS OF CREATING COMEDY IN GERMAN STAND-UP: THE TRANSLATION ASPECT

Research article

Mashentsova V.V.^{1*}, Simutova O.P.²^{1,2} Orenburg State University, Orenburg, Russia

* Corresponding author (valentina.shash[at]mail.ru)

Abstract

This article reveals the problem of translating emotional-evaluative vocabulary as a means of creating comedy in performances of the stand-up comedy genre. The first part of the article examines the specifics of humorous texts in the genre of "stand-up" and the difficulties of their translation, as well as the concept of emotional-evaluative vocabulary and the various features of its functioning as a means of creating a comedic effect. In the practical part of the study, the author carries out an analysis of the translation of emotional-evaluative lexical units in the Russian subtitles to stand-up performances of German comedians, which determine techniques and transformations used by translators in the process of subtitling stand-up performances, as well as the main difficulties they face in the process of translating emotional-evaluative vocabulary when translating humorous effect.

Keywords: emotional and evaluative vocabulary, stand-up, comedy, subtitling.

Введение

Перевод юмористических текстов считается одним из самых сложных видов перевода. Обусловлено это, прежде всего, несхожим чувством юмора людей из разных культур, чьи представления о том, что смешно, а что нет, могут сильно различаться. Одним из ярких жанров комического является все набирающая популярность стендап-комедия [9]. Стендап (от англ. stand-up comedy) представляет собой комедийное искусство, в котором комик выступает перед живой аудиторией [6, С. 108]. Так как главная задача стендап-комика – рассмешить толпу, выступления строятся на основе подготовленного комиком юмористического материала (шутки, истории, пародии и т.д.), а также импровизаций при взаимодействии с залом. Главным инструментом усиления комического эффекта при этом является утрирование фактов, т.е. чрезмерное преувеличение и заострение тех или иных черт объекта, неожиданные сопоставления и уподобления. Поэтому зачастую в стендапе находят отражение злободневные социальные, общественно-политические или бытовые явления, а объектами шуток становятся реальные люди или характерные типы людей. Кроме того, так как стендап является формой самовыражения комика, его эмоциональной интерпретацией каких-либо событий, это, естественно, находит отражение в тексте шуток [7, С. 109]. Из-за чего речь комика во время выступления характеризуется наличием огромного количества лексических единиц, выражающих его эмоции по какому-либо поводу или же субъективную оценку происходящего, а также отношение к каким-либо объектам или явлениям [5, С. 5]. Данные лексические единицы составляют особый пласт языка, который чаще всего определяют как эмоционально-оценочную лексику [8], [10].

В процессе перевода эмоционально-оценочной лексики возникают особые трудности. В контексте практически любая лексическая единица может получать эмоциональный или же оценочный компонент значения [2]. Именно эта особенность определяет функционирование данной лексики в качестве средства создания комизма, а также трудности,

возникающие при ее переводе. Поэтому переводчик должен не только сохранить имеющийся оценочный коннотат или степень экспрессивности определенного слова, но и адаптировать шутку для носителей другого языка, у которых иной менталитет, вызвав от шутки такой же эффект. Известно, что юмор тесно связан с культурой, историей и общественной жизнью отдельного народа, из-за чего процесс перевода усложняется, ведь в тексте выступлений могут встречаться имена известных личностей, реалии, крылатые фразы, которые несут в себе определенную оценку и используются комиком, чтобы вызвать у аудитории какие-либо эмоции и, в целом, смех [1, С. 85].

Таким образом, целью нашего исследования является выявление трудностей, возникающих при переводе эмоционально-оценочной лексики, функционирующей как средство создания комизма в выступлениях немецких стендап-комиков, а также способов перевода данных лексических единиц с немецкого языка на русский.

Материалом исследования послужили выступления немецких стендап-комиков Эниссы Аmani, Ильки Бессин и Кайи Янара, представленные в коллекции «Комики Мира» от стримингового сервиса «Netflix».

В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки, теоретического и сравнительного анализа.

Результаты исследования и обсуждение

Мы сравнили оригинальные субтитры выступлений и их переводы, выявили встречающиеся в них эмоционально-оценочные лексические единицы, определили их функцию, а также проанализировали используемые переводчиками приемы и трансформации, опираясь на классификацию, предложенную В.Н. Комиссаровым [4].

В речи всех трех комиков встречается огромное количество восклицаний. Среди них: «*Hammer!*», «*Krass!*» «...so 'ne fette Nummer! So 'ne große Nummer!» Первые две фразы переводчики перевели существующими эмоционально и стилистически равноценными эквивалентами: «*Огонь!*», «*Круто!*», в случае с последним примером комик подчеркивает большое количество людей в зале с помощью прилагательных к слову «Nummer», переводчик же, чтобы избежать повтора и сделать фразу естественнее, использует контекстуальную замену, передавая впечатления комика фразами: «*Это так круто! Ничего себе!*», которые в похожей ситуации мог бы произнести русскоговорящий человек.

На протяжении своих выступлений комики также часто прибегают к использованию бранной лексики и ругательств, что является крайней степенью эмоциональности и всегда вызывает у публики смех: «*die Pisser*» (гады), «*Scheiß auf euch*» (идите к черту), «*Scheißfilm*» (фуфло), «*Missgeburten-Goals*» (идеальный кретин), «*Blöde Frage, blöde Antwort*» (тупой вопрос – тупой ответ). Переводчик переводит данные выражения, подбирая им стилистически равноценные эквиваленты в русском языке, из-за чего сохраняется фамильярность речи комиков и комический эффект шутки.

В выступлении Эниссы Аmani встречается много имен собственных, которые несут в себе определенную оценку. Например, она говорит, что в различных жизненных ситуациях, когда ей нужно принять решение, она спрашивает себя: «*Was würde Mandela tun?*», в дальнейшем она приводит пример, как при покупке хлеба, она задает себе этот вопрос, что вызывает у публики смех, так как имя Манделы связано с великим делом, борьбой за справедливость и права человека, из-за чего употребление его имени в такой бытовой ситуации становится смешным. Особой трудности для переводчика здесь не возникло, так что он перевел данное предложение практически дословно: «*Как бы поступил Мандела?*».

Нередко речь комиков изобилует прилагательными с оценочной семантикой и с эмоциональными усилителями: «... eine unglaublich belesene Frau...» – «... невероятно начитанная женщина...»; «Ich bin zu real für Werbung» – «Я слишком настоящая для рекламы»; «...wahnsinnig intellektuell» – «Насколько она умная!». Переводчик подбирает для них равноценные по эмоциональной окраске эквиваленты в русском языке, или же в последнем случае использует модуляцию, подстраивая смысл фразы под ситуацию, усиливая комический эффект восклицанием.

В выступлении Ильки Бессин встречается много слов-сравнений, которые в рамках самоиронии она приводит для описания своей фигуры и особенностей ее тела. Здесь важную роль играет коннотативное значение слова. Пример: «So ein Rollbraten in Flip-Plops?» – «Кусок сала в шлепанцах?». Слово «Rollbraten» имеет значение «мясной рулет», однако вместо него переводчик решил использовать более близкое русскому зрителю: «кусок сала». Определенно, данное слово несет в себе отрицательную оценку, отождествляя фигуру человека с данным блюдом, из-за чего и работает шутка и создается комический эффект.

Часто комики прибегают к созданию собственных слов, на чем и строится шутка. Так, Энисса, высмеивая парочки, которые подписывают свои фото в Instagram как «couple goals», т.е. «идеальная пара», говорит следующее: «Du musst Krassivität, du muss Krassheit nicht dadurch erklären, dass du es darunterschreibst» – «Не нужно объяснять всю *крутоту* и всю *крутость*, подписывая, что это круто». Она использует прием контаминации, образуя существительные «Krassivität» и «Krassheit» от прилагательного «krass» с помощью типичных суффиксов существительных в немецком языке. Переводчик использует ту же тактику, что и комик, и образует русские существительные «крутота» и «крутость», выражающие такую же оценку, и именно из-за того, что слова придуманы, они звучат смешнее. Подобный пример можно встретить в выступлении Кайи Янара, где он придумывает слово «Knorpfologie», шутя про террористов-смертников: «Hat er das studiert zwei Jahre, Knorpfologie?», что переводчик перевел как «Курсы кнопочников заканчивал?». В данном случае он прибегнул к модуляции и развил смысл данного слова, сохранив при этом его значение и заключающуюся в нем оценку.

В своем выступлении Кайя много рассказывает о том, что любит иностранные языки и диалекты немецкого языка, поэтому он в качестве примеров приводит некоторые диалектизмы, выражая свое отношение к данным словам и их звучанию. Так, он шутит над голландским немецким, говоря, что в Германии на пачках сигарет пишут: «Rauchen kann tödlich sein» (русский аналог – «Курение убивает»), а в Голландии же – «Roken is dodelijk», и затем иронизирует над смешным по звучанию словом «dodelijk»: «Каау, seit wann rauchst du? Ich bin gleich dodelijk» – «Кайя, ты сколько скурил? Я уже почти додлик». Как можно заметить, переводчик использовал транскрипцию и передал звучание данного слова, но не его значение, из-за чего для русскоязычного зрителя эта шутка наверняка осталась не совсем

понятной. Данный диалектизм имеет ярко-выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, играющую важную роль в создании комического эффекта вышеупомянутой шутки, суть которой заключается в сравнении слов «tödlich» и «dodelijk», где второй, голландский вариант, для немцев звучит смешно. Однако, к сожалению, в процессе перевода эта окраска была утрачена, как и эффект от шутки.

Заключение

Таким образом, сравнив субтитры выступлений и их перевод, мы пришли к выводу, что при создании комического эффекта важную роль играет именно оценочное и эмоциональное значение слова или выражения, которое оно приобретает в конкретной ситуации и от правильности передачи которого зависит успех шутки. Это подчеркивает тот факт, что просто подобрать эквивалент бывает недостаточно, поэтому переводчик прибегает к использованию трансформаций и особых приемов. Итак, в проанализированных нами примерах чаще всего встречались такие переводческие трансформации как лексико-семантические замены, а именно модуляция и контекстуальная замена, а среди приемов – лексические добавления.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Букреев А. А. Перевод юмористического текста в жанре стендап как особый вид аудиовизуального перевода / А. А. Букреев, И. В. Решетарова // Исследования молодых ученых : материалы XVI Междунар. науч. конф. – Казань : Молодой ученый, 2021. – С. 84-87.
2. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык: синтаксис : учебное пособие для пед. институтов / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – Изд. 2-е. – Москва : URSS, 2009. – 198 с.
3. Komiker der Welt. Deutschland [Электронный ресурс] / Netflix. – URL: <https://www.netflix.com/title/81008236> (дата обращения: 10.11.2021)
4. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва: Юрайт, 2000. – 136 с.
5. Лобова О. К. Английская стенд-ап комедия как жанр комического институционального дискурса : автореф. дис. : 10.02.04 / О. К. Лобова. – Харьков, 2013. – 20 с.
6. Манжелевская Е. В. Прагматические особенности речи комиков, выступающих в жанре «стендап» (на материале английского языка) / Е. В. Манжелевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 10(76). – С. 107-111.
7. Решетарова И. В. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии / И. В. Решетарова // Вестник донецкого национального университета. Серия д: филология и психология. – Донецк, 2020. – С. 108-111.
8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 443 с.
9. Секунова А. В. Эффект обманутого ожидания как способ создания комического в англоязычной стендап-комедии / А. В. Секунова // материалы 54-й международной научной студенческой конференции мнск-2016: иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2016. – С. 153-154.
10. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка : учеб. пособ. для студентов пед. институтов по специальности «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – М. : URSS : Либроком, 2009. – 305 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Bukreev A. A. Perevod jumoristicheskogo teksta v zhanre standap kak osobyj vid audiovizual'nogo perevoda [Translation of a humorous stand-up text as a special kind of audiovisual translation] / A. A. Bukreev, I. V. Reshetarova // Issledovaniya molodyh uchenyh : materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf. [Researches of young scientists : materials of the XVI International Scientific Conference]. – Kazan' : Molodoy uchenyj [Young scientist], 2021. – P. 84-87. [in Russian]
2. Galkina-Fedoruk E. M. Sovremennyy russkiy jazyk: sintaksis : uchebnoe posobie dlja ped. Institutov [Modern Russian language: syntax : textbook for pedagogical institutes] / E. M. Galkina-Fedoruk, K. V. Gorshkova, N. M. Shanskij. – 2nd edition. – Moskva : URSS, 2009. – 198 p. [in Russian]
3. Komiker der Welt. Deutschland [Comedians of the world. Germany] [Electronic resource] / Netflix. – URL: <https://www.netflix.com/title/81008236> (accessed: 10.11.2021) [in German]
4. Komissarov V. N. Obshhaja teorija perevoda [General theory of translation] / V. N. Komissarov. – Moskva: Jurajt, 2000. – 136 p. [in Russian]
5. Lobova O. K. Anglijskaja stand-ap komedija kak zhanr komicheskogo institucional'nogo diskursa [English stand-up comedy as a genre of comic institutional discourse] : abstract of the dissertation : 10.02.04 / O. K. Lobova. – Har'kov, 2013. – 20 p. [in Russian]
6. Manzhelevskaja E. V. Pragmaticheskie osobennosti rechi komikov, vystupajushhih v zhanre «standap» (na materiale anglijskogo jazyka) [Pragmatic features of the speech of stand-up comedians (based on English stand-up)] / E. V. Manzhelevskaja // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological sciences. Problems of theory and practice.] – Tambov : Gramota, 2017. – № 10(76). – P. 107-111. [in Russian]
7. Reshetarova I. V. Strukturnye i kompozicionnye osobennosti jumoristicheskikh tekstov v zhanre standap-komedii [Structural and compositional features of humorous texts in the stand-up comedy] / I. V. Reshetarova // Vestnik doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya d: filologija i psihologija [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. – Doneck, 2020. – P. 108-111. [in Russian]

8. Rozentel' D. E. Sovremennyj russkij jazyk [Modern Russian language] / D. E. Rozentel', I. B. Golub, M. A. Telenkova. – Moskva : Ajris-press, 2005. – 443 p. [in Russian]
9. Sekunova A. V. Jefferkt obmanutogo ozhidaniya kak sposob sozdaniya komicheskogo v anglojazychnoj stendap-komedii [The effect of deceived expectations as a way to create a comic in English stand-up comedy] / A. V. Sekunova // materialy 54-j mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii mnsk-2016: inostrannye jazyki: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Materials of the 54th International Scientific Student Conference MNSC-2016: foreign languages: linguistics and intercultural communication]. – Novosibirsk, 2016. – P. 153-154. [in Russian]
10. Shanskij N. M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka : ucheb. posob. dlja studentov ped. institutov po special'nosti «Russkij jazyk i literatura» [Lexicology of the modern Russian language : textbook for students of pedagogical institutes specializing in "Russian language and literature"] / N. M. Shanskij. – M. : URSS : Librokom, 2009. – 305 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.11>**ВЗАИМОСВЯЗЬ ОМОНИМИИ И СИНОНИМИИ В СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Научная статья

Гаджиева С.Г. *

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (mekhdymekhdym[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о взаимосвязи омонимии и синонимии в служебных частях речи на основе азербайджанского языка. В ходе исследования автор опирается на описательный и описательно-сравнительный методы лингвистики. Главная цель данной статьи выявить причину взаимосвязи омонимии и синонимии между вспомогательных слов азербайджанского языка. Все языковые факты, которые анализируются в данной статье, рассматриваются в сравнительном освещении с русским языком. При анализе языковых фактов отмечается, что омонимичность и синонимичность служебных слов связаны с их многофункциональностью. В конце статьи подводятся итоги исследования и указывается, что данный вопрос требует более широкого и детального изучения в будущем.

Ключевые слова: омоним, синоним, вспомогательные слова, служебные части речи, азербайджанский язык.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN HOMONYMY AND SYNONYMY IN THE AUXILIARY PARTS OF SPEECH IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE

Research article

Gadzhieva S.G. *

Baku State University, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author (mekhdymekhdym[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the relationship between homonymy and synonymy in the auxiliary parts of speech of the Azerbaijani language. In the course of the research, the author relies on descriptive and descriptive-comparative methods of linguistics. The main purpose of this article is to identify the cause of the relationship of homonymy and synonymy between auxiliary words of the Azerbaijani language. All the linguistic facts analyzed in this article are examined in a comparative coverage with the Russian language. During the analysis of linguistic facts, it is noted that homonymy and synonymy of auxiliary words is associated with their multifunctionality. At the end of the article, the author summarizes the results and notes that this issue requires a broader and more detailed study in the future.

Keywords: homonym, synonym, auxiliary words, auxiliary parts of speech, the Azerbaijani language.

Введение

Словарный запас языка состоит из слов, богатых лексическими и семантическими признаками. Все эти слова играют важную роль в формировании и выражении мысли человека. Вспомогательными частями речи являются также слова, которые помогают строить речь и формировать соответствующие мысли. С этой точки зрения вспомогательные части речи нельзя считать бессмысленными единицами. Одни из них служат для связи слов в предложении, другие придают речи особое значение, служат для более точного выражения мыслей, выступают в качестве «строевого элемента» [8, С. 48] в составе предложения. С этой точки зрения вспомогательные части речи, как и главные части речи, играют ключевую роль в формировании речи. «При этом грамматическая и синтаксическая сила служебных частей речи может варьироваться в зависимости от их функционирования и целостной прагматики предложения, которое они формируют» [13, С. 19].

«Конкретное свидетельство отсутствия у служебного слова необходимых качеств для того, чтобы выполнять полноценную номинативную функцию, можно получить, обратившись к любой словарной статье, посвящённой объяснению значения служебного слова: это объяснение не является толкованием, подобным толкованию знаменательных слов; оно является лишь иллюстрацией употребления служебного слова» [1, С. 8].

Хотя служебные части речи не имеют самостоятельного лексического значения, они оказывают существенное влияние на выяснение семантики внутри предложения. В этом смысле каждое из них объединяется в определенные группы по грамматической функции. Их объединение в соответствующих группах обусловлено функциональным положением этих слов. Вспомогательные части речи близки или сходны друг с другом по синтаксической функции, которую они выполняют в предложении, и по смысловым оттенкам, которые они передают языковой единице, к которой они принадлежат. Характер оттенков значения, придаваемого морфологической или синтаксической единице, в которой развиваются объединенные в группу вспомогательные части речи, носит общий характер. «Служебные слова в соответствии со своим статусом в системе языка таковы, что каждое из них, взятое в отдельности, представляет собой высочайшую самоценность: каждое из них типологически значимо; каждое вносит непосредственный вклад в формирование неповторимой специфики языка» [1, С. 9].

Интересно, что есть слова, относящиеся к одной служебной части речи, которые хотя иногда и омонимичны, но являются синонимами другой вспомогательной части речи по нескольким функциям одновременно. Отметим, что эта особенность относится не только к вспомогательным частям речи, но и к словам с самостоятельным лексическим

значением — основным частям речи. В этом случае между омонимией и синонимией не всегда наблюдается определенная внутренняя смысловая связь.

Связь между омонимией и синонимией служебных частей речи проявляется двояко: в первом случае омонимия находится в пределах соответствующей вспомогательной части речи, а во втором случае одно слово не является релевантным, но связано к другой служебной части речи. Первый факт в азербайджанском языке встречается редко, потому что одному и тому же слову трудно выполнять разные функции в пределах служебной части речи. Однако нередки случаи, когда одно и то же слово по разным причинам относится к той или иной служебной части речи, и выполняет разные функции.

Главная цель данного исследования анализировать омонимию и синонимию компонентов служебных частей речи в азербайджанском языке, исследовать их схожие и отличительные функции в речи.

Методы и принципы исследования

Классификация служебных слов, как особенная группа частей речи, всегда был предметом разногласий среди лингвистов. Например, А.А.Реформатский считал, что эти слова можно классифицировать, как вспомогательные части речи [7]. Е.Р.Курилович же полагает, что эти слова, а также лексические элементы, которых можно включить в эту группу многофункциональны [4].

Изучая грамматический строй современного азербайджанского языка, М.Гусейнзаде утверждает, что единицы служебных частей речи имеют свойства омонимичности. Наряду этим между ними также наблюдается синонимичность [11]. Но, вопрос омонимии и синонимии между вспомогательными лексическими элементами в азербайджанском языке в его трудах изучаются поверхностно. После него А.Абдуллаев, изучая семантические особенности сложноподчиненных предложений современного азербайджанского языка, более широко разъясняет полифункциональность союзов, которые выступают связывающим элементом между компонентами [10]. В рамках данной статьи мы постараемся рассмотреть омонимичность и синонимичность служебных частей речи на основе азербайджанского языка.

Основные результаты

Омонимия и синонимия служебных частей речи

Известно, что синонимия и омонимия лексическое явление, т.е. «они относятся к словам с лексическим значением» [7, С. 91]. Но в лингвистической литературе утверждается, что эти явления можно отнести и грамматическому значению. Е.Р.Курилович отмечает, что значение — это абстракция [4, С. 78]. В.А.Звегинцев считает общее значение комбинацией конкретных значений в обыденном смысле, что в конечном итоге создает абстракцию [3, С. 217].

В азербайджанском языке существуют такие служебные части речи, которые имеют синонимическую черту внутри той функциональной группы, к которой принадлежат. Конечно, не всегда слова, выполняющие одну и ту же функцию, могут заменять друг друга. Причина этого в том, что соединение этих слов происходит не по семантическому принципу, а по абстрактно-грамматическому содержанию. В ином источнике данная черта вспомогательных слов называется «полифункциональностью». Автор этого высказывания отмечает, что «считаем возможным выделять в качестве особого класса языковых единиц полифункциональные служебные слова. В качестве критериев, позволяющих отнести конкретные языковые единицы к данному классу, предлагаем следующий набор признаков: данные единицы представляют собой функциональный омоккомплекс; включают в состав различные переходные и синкретичные явления; как правило, имеют сложную семантическую структуру; имеют сложную систему парадигматических и синтагматических отношений; обладают особым функционально-коммуникативным и прагматическим потенциалом; способны функционировать в синтаксических конструкциях различного типа, в том числе и переходных; часто сохраняют этимологическую связь со словами или формами, на основе которых были образованы» [2, С. 56].

Например, в азербайджанском языке частица «*ki*» в зависимости от контекста может употребляться как усилительный элемент вопросительной интонации, так и показатель эмоционального всплеска в речи в обычных предложениях, без интенции спросить чего-либо. С данной точки зрения его можно считать омонимичной частицей.

Исследуя исторические тексты на азербайджанском языке, можно наблюдать, что данная частица до средневековья выступала исключительно в качестве союза. В современном азербайджанском языке частица «*ki*» выполняет функцию элемента вопросительной интонации придает ему особенный эмоциональный окрас. Например, *Burada həll edilə bilməyəsi nə var ki?* — *А что здесь такого, чего нельзя решить?*

Данное выражение является вопросительным предложением. Частица «*ki*» — «а» не является здесь вопросительным показателем, а только придает эмоциональный фон высказыванию. «Автор речи с помощью модальных частиц актуализирует, своё высказывание, вносит уточнение в суть сообщения» [5, С. 61]. Если его убрать, суть предложения не изменится, а изменится всего лишь его эмоциональный фон. Например, *Burada həll edilə bilməyəsi nə var?* — *Что здесь такого, чего нельзя решить?*

На самом деле, когда это слово употребляется как усилительная или вопросительная частица, возникают определенные различия, что дает повод к их изучению как разные виды частиц. Во-первых, в азербайджанском языке вопросительная частица обычно используется рядом с сказуемым, а усилительная частица может стоять рядом с любым словом. Во-вторых, при исполнении вопросительной функции, частицы употребляются в вопросительных предложениях, образованных с участием вопросительного местоимения. Наконец, в любом случае, когда в предложении имеется усилительная или вопросительная частица, их можно заменить соответствующими синонимами в той группе значений, к которой они принадлежат.

Рассматривая омонимичность на основе частицы «*ki*», хотим отметить, что данная частица в азербайджанском языке также является уточняющим союзом и служит соединительным элементом для большинства типов ветвей

сложного предложения с основным предложением. Например, *Maşın elə sürətlə gedirdi ki, göy zəmilər bütöv bir xalça kimi görünürdü.* – Автомобиль ехал так быстро, **что** зеленые поля были видны как большой ковер.

Здесь азербайджанская частица «*ki*» является эквивалентом «что» в русском языке. Анализируя данный пример, можно сказать, что эти предложения связаны между собой смыслом и без данного союза. Но, с союзом «*ki*» смысловая связь между этими компонентами сложного предложения усиливается. Значит, даже выступая в роли союза данный лексический элемент сохраняет значение усиления. «Можно заключить, что в союзах кроется не только выражение отношений взаимозависимости между компонентами высказывания, но и отношений в самой действительности» [9, с. 67]. Данный факт подтверждает то, что оба элемента этимологически имеют единый корень. Это весьма заметно, когда частица «*ki*» употребляется рядом с сказуемым. Например, 1) *Babam elə gözəl nağıllar danışır ki, qulaq asmaqdan doymurdum* – Дедушка рассказывал такие красивые сказки, что я неустанно слушала его; 2) *Babam elə gözəl nağıllar danışır ki!* – Дедушка **такие** красивые сказки рассказывал!

В первом предложении данный элемент выступает в качестве союза между предложениями, а во-втором предложении служит как усилительная частица. Можно утверждать, что второе предложение является эллиптической трансформацией первого. По данному поводу А.Зейналов пишет так: «..., первая причина, по которой союз трансформировался в частицу, заключалась в том, что вторая часть придаточно-сложного предложения не произносилась сознательно» [14, С. 211].

Т. Музаффароглу более четко следит за данным процессом. Автор показывает, что ответвление не теряет союза «*ki*», который является основным средством в соединении главного предложения с придаточным предложением и который употребляется на границе придаточного и основного предложения. Поскольку указательное местоимение в этих предложениях теряет свою корреляционную функцию, оно приближается к частице и служит в качестве стимулирующего элемента. Союз «*ki*», служащий для соединения компонентов в сложноподчиненном предложении, в новой позиции превращается в усилительную частицу» [12, С. 150].

Г. Полищук отмечает, что в речи главное предложение может развиваться без придаточного. Как правило, эти предложения имеют эмоциональное значение, которое выражается в лексической нагрузке основного предложения, а придаточное предложение определяет смысл целой конструкции [6, С. 159].

Именно, данный факт показан в примере выше. Следовательно, можно предположить, что «***ki***» во-втором примере произошел от первого; в первом армирование, которое было относительно скрыто, во втором было усилено и трансформировано в единственную функцию. В обоих случаях оно выступает как асемантическая морфема, не придавая конструкции особого значения.

Схожая ситуация в азербайджанском языке наблюдается с морфемами *-sa*, *-sə* [-джа, джэ]. В современном азербайджанском языке данный морфем выполняет функцию и предлога, и частицы, а также встречается в роли причастия и иногда выступает в качестве словообразующего суффикса.

Данный морем выполняя функцию предлога в азербайджанском языке соответственно контексту выражает три семантических оттенков. Рассмотрим данный случай на основе примеров:

Dəryaca ağlın olsa, yoxsul olsan, gülərlər — Имея ум морем (размером моря), над тобой будут смеяться, если ты беден.

Nə gözəldir yol boyunca söyüdlər. – Какие красивые ивы вдоль дороги.

Sözün quruluşca üç növü var. – По структуре слова имеют три вида

Выполняя функцию предлога в первом случае морфема «*-sa*» является синонимом предлога с сравнительным значением «*qədər*», что не имеет лексического эквивалента в русском языке. Во-втором случае данная морфема выступает как синоним предлога единения «*ilə*» в азербайджанском языке. В переводе предложений с таким предлогом на русский язык, как видно из примера, эквивалентно выступает «в». В третьем примере оно выступает синонимом предлогов «*görə*, *əsasən*», что является эквивалентом предлога «по» в русском языке.

С добавлением данного морфема в основу прилагательного в азербайджанском языке формируются новые прилагательные со степенью умножения. Например, *Xirdaca işlərlə işi olmazdı* – Он не занимался мелочами (**очень** мелкими делами).

В данном примере в составе слово морфема «*-sa*» переводится на русский язык, как «**очень**», тем самым формируя новое слово с более увеличенным или умноженным значением.

Иной случай подобной омонимии в азербайджанском языке демонстрирует слово «*ancaq*» ([ándжаг]), которое в большинстве случаев переводится на русский язык как частица («как только») или союз («но»). Но в данном случае исследователи утверждают, что союз «*ancaq*» и частица «*ancaq*» в азербайджанском языке по этимологии имеют разные происхождения. По данному поводу Ф.Зейналов пишет так: «Это слово в предложении приобретает понятие отрицания, сравнения, противоречия, которое вытекает из контекста, оно в данном случае выполняет функцию связки. Это слово функционирует в качестве частицы тогда, когда оно служит для создания нового оттенка значения с точки зрения ограничения, дифференциации» [14, С. 184].

Однако следует отметить, что грамматические значения, которые данное слово придает предложению, различны. Это различие связано с тем, что оно выполняют разные функции. Функция данного слово в обоих позициях заключается в соединении компонентов. Хотя эта функция первична для связующего, она вторична по отношению к частице. Например, 1) *Cümşüd onu görəndə özünü itirdi, ancaq tez də özünü ələ aldı* — Джумишуд растерялся, когда увидел ее, **но** вскоре взял себя в руки; 2) *Həqiqətin nə yerdə olduğunu biləndə ancaq yatan sarsıldı.* — Он **очень** расстроился **как только** узнал правду.

В каждом предложении наблюдается значение сопоставления, но в первом предложении данное значение не очень четко вытекает из содержания. Поскольку слово «*ancaq*» здесь выступает в роли союза, его с легкостью можно заменить синонимичными ему единицами, такими как, «*amma*» и «*lakin*»: *Ayaq üstə durub diqqətlə dinlədi, ancaq(lakin // amma) bir azdan həqiqətin nə yerdə olduğunu biləndə yatan sarsıldı.*

Обсуждение

Различие между двумя омонимичными языковыми единицами обусловлено, конечно, только функциональным положением слова. Поскольку союз не только связывает слова, но и играет роль в образовании соответствующей смысловой связи между компонентами, либо в прояснении этого содержания. А частица не связывает компоненты внутри предложения, она не участвует в создании каких-либо содержательных отношений между ними. «Использование в речи частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой позволяют автору высказывания выразить свои чувства, дать оценку своему сообщению, отразить степень уверенности, предположения или сомнения» [5, С. 61]. Таким образом, в омонимичных синтаксических конструкциях синонимы служебных частей речи играют роль в определении смысловой связи между перечисленными компонентами.

Каждая служебная часть речи имеет свое грамматическое значение и функцию. Однако у них также наблюдаются идентичные, схожие функции, как по отдельности, так и в рамках более крупной структуры. Они входят в состав системы служебной части речи, выполняют грамматическую функцию и имеют в этом отношении функциональное сходство. Этот аспект проявляется в связующих функциях союзов, в усилении соответствующего содержания частиц и союзов и т.д. Поэтому можно увидеть функциональную связь и близость между разными служебными частями речи, даже между разными видами служебных частей речи.

Заключение

Все это показывает, что сопоставление синонимических и омонимических отношений служебных частей речи является одновременно и сложной проблемой, и языковым явлением, играющим важную роль в определении и уточнении грамматико-функциональных признаков соответствующих слов. Поэтому возникает необходимость в более широком и детальном изучении данного вопроса.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Блох М. Я. Слово и его воплощение / М. Я. Блох // Вестник Иркутского лингвистического университета. — 2012. — № 1 (17). — С. 6-15.
2. Григорьева Н. О. Статус полифункциональных служебных слов в системе языка / Н. О. Григорьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2013. — № 2 (121). — С. 55-61.
3. Звегинцев В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. — Москва: Изд. Московского Университета. — 1957. — 321 с.
4. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова / Е. Р. Курилович // Вопросы языкознания. — 1955. — №3. — С.76-89.
5. Негматова С. М. Частицы как средство выражения субъективной модальности / С. М. Негматова // Вестник Педагогического университета. — 2021. — № 1 (90). — С. 60-63.
6. Полищук Г. Г. Незавершенные высказывания в разговорной речи / Г. Г. Полищук // В.кн. «Переходность в системе сложного предложения в современном русском языке». — Казань: «Изд.-во Казанского университета». — 1982. — С. 148-164.
7. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. — Москва: Изд. 4-е. — 1967. — 464 с.
8. Султанбаева Х. В. К проблеме выделения служебных частей речи в тюркологии / Х. В. Султанбаева // Вестник Башкирского университета. — 2007. — Т. 12. — № 2. — С. 47-49.
9. Ячин С. Е. Союзы как языковые универсалии / С. Е. Ячин, И. Н. Кохан // Манускрипт. 2019. — Т. 12. — № 2. — С. 66-70.
10. Abdullayev Ə. Müasir Azərbaycan dilində tabeli mürəkkəb cümlələr / Ə. Abdullayev. — Bakı: "Maarif". — 1974. — 417 s.
11. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili, III hissə. Morfologiya / M. Hüseynzadə. — Bakı: Şərq-Qərb. — 2007. — 420 s.
12. Muzaffaroglu T. Muasir Azerbajdzhan dilinde murekkeb dzhumlenin struktur semantikasi / T. Muzaffaroglu. — Baku: Azerneshr, 2002. — 304 p.
13. Uryson E. V. Conjunctions, Contextualizers, and Syntax Theory / E. V. Uryson. // Studies in Applied Linguistics. — 2013. — Vol. 7. — Iss. 2. — PP. 7-20.
14. Zeynalov F. Müasir türk dillərində köməkçi nitq hissələri / F. Zeynalov. — Bakı: Maarif. — 1971. — 340 s.

Список литературы на английском / References in English

1. Blokh M. Y. Slovo i ego voploshhenie. [On the incarnation of the word] / M. Y. Blokh // Vestnik Irkutskogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of the Irkutsk Linguistic University]. — 2012. — No. 1 (17). — Pp. 6-15. [in Russian].
2. Grigor'eva N. O. Status polifunkcional'nyh sluzhebnyh slov v sisteme yazyka [The status of polyfunctional function words in the language system] / N. O. Grigor'eva // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvtovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history]. — 2013. — № 2 (121). — PP. 55-61. [in Russian].
3. Zvegincev V. A. Semasiologiya [Semasiology] / V. A. Zvegincev. — Moscow: Moscow University Publ. — 1957. — 321 p. [in Russian].
4. Kurilovich E. R. Zаметki o znachenii slova [Notes on the meaning of the word] / E. R. Kurilovich // Voprosy jazykoznanija [Issues on linguistics]. — 1955. — №3. — Pp.76-89. [in Russian].

5. Negmatova S. M. Chasticy kak sredstvo vyrazheniya sub#ektivnoj modal'nosti [Particles as a means of expressing] / S. M. Negmatova // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Pedagogical University]. — 2021. — № 1 (90). — PP. 60-63. [in Russian].
6. Polishhuk G. G. Nezavershennyye vyskazyvaniya v razgovornoj rechi [Incomplete statements in colloquial speech] / G. G. Polishhuk // V.kn. «Perchodnost' v sisteme slozhnogo predlozheniya v sovremennom russkom jazyke» [In the book: "Transitivity in the system of complex sentences in modern Russian"]. — Kazan: Kazan University Publ. — 1982. — PP. 148-164. [in Russian].
7. Reformatsky A. A. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to linguistics] / A. A. Reformatsky. — Moscow: IV ed.. — 1967. — 464 p. [in Russian].
8. Sultanbaeva H. V. K probleme vydeleniya sluzhebnyh chastej rechi v tjurkologii [On the problem of identifying service parts of speech in Turkology] / H. V. Sultanbaeva // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. — 2007. — Vol. 12. — № 2. — PP. 47-49. [in Russian].
9. Yachin S. E. Sojuzy kak jazykovye universalii [Conjunctions as language universals] / S. E. Yachin, I. N. Kohan // Manuskript [Manuscript]. 2019. — Vol. 12. — № 2. — Pp. 66-70. [in Russian].
10. Abdullayev A. Muasir Azerbajdzhan dilinde tabeli murekkeb dzhumleler [Subordinate compound sentences in modern Azerbaijani language] / A. Abdullayev. — Baku: Maarif. — 1974. — 417 p. [in Azeri].
11. Huseynzade M. Muasir Azerbajdzhan dili: Morfologiya [Modern Azerbaijani language: Morphology] / M. Huseynzade. — Baku: Sharg-Garb. — 2007. — 420 p. [in Azeri].
12. Müzəffəroğlu T. Müasir Azərbaycan dilində mürəkkəb cümlənin struktur semantikasi / T.Müzəffəroğlu. — Bakı: «Azərənşər», 2002. — 304 p. [in Azeri]
13. Uryson E. V. Conjunctions, Contextualizers, and Syntax Theory / E. V. Uryson. // Studies in Applied Linguistics. — 2013. — Vol. 7. — Iss. 2. — PP. 7-20.
14. Zeynalov F. Muasir turk dillerinde komekchu nitg hisseleri [Auxiliary parts of speech in modern Turkic languages] / F. Zeynalov. — Baku: Maarif. — 1971. — 340 p. [in Azeri].

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.12>**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Научная статья

Халина Е.Н. *

ORCID: 0000-0002-9183-8663,

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

* Корреспондирующий автор (katya_khalina[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются стратегии перевода языковой игры в рамках политического дискурса на материале немецкоязычных текстов СМИ, анализируются различные переводческие решения. В качестве материала исследования использовались заголовки из новостных текстов на политическую тематику, размещенные в Интернет-изданиях немецкоязычных газет и журналов и их переводы на русский язык. На основе проанализированного материала было выявлено, что перевод языковой игры не всегда возможен в силу различных причин. Невозможность передать языковую игру средствами языка перевода нередко приводит к снижению эстетического воздействия переведенного текста. Перевод языковой игры является сложной задачей для переводчика, решение которой требует от него глубоких лингвистических знаний и нестандартного мышления.

Ключевые слова: языковая игра, политический дискурс, перевод, проблемы перевода, стратегии перевода.

STRATEGIES OF TRANSLATING WORDPLAY IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Research article

Khalina E.N. *

ORCID: 0000-0002-9183-8663,

Orenburg State University, Orenburg, Russia

* Corresponding author (katya_khalina[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses strategies of translating wordplay within the framework of political discourse based on the German-language media texts and analyzes various translation solutions. The research material used headlines from news texts on political topics published in online editions of German-language newspapers and magazines and their translations into Russian. Based on the analyzed material, the study determines that the translation of wordplay is not always possible for various reasons. The inability to convey wordplay by means of translation often leads to a decrease in the aesthetic impact of the translated text. Translating wordplay is a difficult task for a translator, the solution of which requires deep linguistic knowledge and unconventional thinking.

Keywords: wordplay, political discourse, translation, translation problems, translation strategies.

Введение

Проблемы, связанные с языковой игрой, исследовали такие отечественные ученые, как С. В. Ильясова, Е. А. Земская, Е. Б. Курганова, на чьих идеях базируется данная статья. Исследования в области перевода языковой игры сегодня особенно актуальны, переводчик должен уметь адекватно передать языковую игру в современных условиях, когда языки под воздействием глобализации стремительно развиваются и меняются, обновляют лексический состав, активно обмениваясь лексикой между собой. В таком случае неизменно добавляются к многочисленным существующим новые способы конструирования языковой игры, а значит, потенциал исследуемой темы велик.

Данная статья посвящена проблеме перевода языковой игры в текстах СМИ, а также стратегиям, позволяющим эффективно ее решать. Цель работы заключается в анализе перевода языковой игры в заголовках немецких текстов политического дискурса для выявления оптимальных стратегий её передачи на русский язык.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: изучить природу языковой игры; провести анализ перевода заголовков текстов с использованием разных стратегий передачи языковой игры; выявить трудности перевода языковой игры; выделить оптимальные стратегии перевода языковой игры.

Методы и материалы исследования

Материалом данного исследования послужили открытые общественно-политические немецкие, австрийские и российские газеты и журналы в сети Интернет. Исследование было проведено с использованием поискового метода, метода компонентного, контекстного анализа, а также метода сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

Перевод языковой игры – это сложная и трудноразрешимая проблема, с которой сталкиваются специалисты в области перевода. К оптимальным стратегиям можно отнести «Языковая игра – языковая игра», «Языковая игра – другая стилистическая фигура речи», а также «Не языковая игра – языковая игра», если перевод недостаточно гармоничен.

Ввиду различных причин языковая игра в ряде случаев может быть неперевожимой. К таким причинам можно отнести различия в языковых или фразеологических системах, различия в экстралингвистических знаниях (например, в культурной или исторической областях), [4, С. 80] разный менталитет носителей разных языков.

В некоторых случаях переводчик жертвует авторским стилем или комическим эффектом («Языковая игра – не языковая игра»), что бывает оправданным решением в случае, если переводчик восполняет допущенный пропуск языковой игрой в другом фрагменте текста. Такой подход позволяет поддерживать образность переведенного текста на том же уровне. В то же время полное опущение языковой игры без замены ее на другое средство выразительности или без включения языковой игры в ином фрагменте текста приводит к утрате комического посыла языковой игры в исходном тексте, снижает его эстетическое воздействие и делает переведенный текст невзрачным.

Основная часть

И лингвисты, занимавшиеся вопросами языковой игры с давних пор, и ученые, которые продолжают изучать проблему в настоящий момент времени, имеют разные взгляды на изучаемый предмет. В своей работе мы рассматриваем языковую игру в широком понимании. Языковая игра может быть преднамеренной и непреднамеренной, случайной. Она призвана украсить речь, обогатить ее, сделать образной. Цели включения в речь приемов языковой игры могут быть различными. Языковая игра позволяет адресанту привлечь внимание адресата, акцентировать мысль, уйти от прямого ответа, вызвать положительные (или, наоборот, отрицательные) ассоциации, ненавязчиво добиться от адресанта принятия позиции адресата [6, С. 103].

Речь – один из основополагающих и наиболее важных инструментов управления, которыми располагают политики и СМИ. Уместно и умело использованная языковая игра делает оратора узнаваемым, формирует положительное представление о конкретном политике, о его партии или избирательной кампании. Таким образом, кандидат запоминается людям, расстояние до публики сокращается. Языковая игра может использоваться в политике как инструмент получения и удержания власти и распространения своих идей, как способ изменения общественного мнения.

Перевод языковой игры является сложной задачей не только из-за расхождения языковых структур разных языков, но и из-за различий речевых норм и культурных особенностей носителей языков. Разные языки могут использовать разные модели создания языковой игры, представители разных народов по-разному интерпретируют одну и ту же шутку. В ряде случаев языковая игра непереводаема, однако переводчики находят разные решения этой проблемы. Необходимо отталкиваться от того, что специалист должен передать регулятивное воздействие исходного текста (а в случае с языковой игрой – передать юмор, заложенный в ней), кроме того, переведенный текст должен быть адекватным.

Рассмотрим, как переводчики решают проблему передачи языковой игры на практике. В своем исследовании мы опирались на стратегии перевода, которые выделил Д. Деллабастиа.

При переводе языковой игры возможно использование стратегии «Языковая игра – языковая игра» [8, С. 134]. Такой подход применил переводчик статьи «Kreml wütet nach Einsatz von Erdogan-Drohnen» при передаче предложения «Der Kreml *schäumt* seitdem vor Wut und schwört Rache» [10]. В русском языке оно звучит так: «С тех пор Кремль *вне себя от ярости* и жаждет мести» [3]. Глагол «schäumen» имеет значение пениться, вспениваться. Однако идущее следом дополнение «vor Wut» придало глаголу переносное значение и повлияло на итоговый вариант перевода.

Разберем еще один случай использования языковой игры в новостной статье об октябрьских выборах в Германии «Hofreiter kündigt Gespräche in kleinem Kreis mit der FDP an» [9]. В качестве примера приведем отрывок из данной статьи: «Kuhle hält ein *Jamaikabündnis* von Union, Grünen und FDP für wahrscheinlicher als ein Bündnis unter Führung der SPD. «*Jamaika* ist mit dem gestrigen Tag wahrscheinlicher als in den drei Wochen zuvor»».

В данном примере языковая игра строится на отождествлении цвета каждой партии одному цвету флага Ямайки (т.е. Союзу соответствует черный, Зеленым – зеленый и СвДП – желтый, что в совокупности образуют цвета флага Ямайки), что позволяет употребить композит «Jamaikabündnis» для характеристики образованной коалиции. В следующем предложении используется сокращение «Jamaika», но читатель понимает, что речь идет о коалиции, а не о стране.

Рассмотрим тот же фрагмент, но в статье на русском языке: «Куле считает *коалицию ХДС/ХСС, Зеленых и СвДП* более вероятной, чем союз под руководством СДПГ. «По итогам вчерашнего дня, эта *коалиция* представляется более вероятной, чем три недели назад»» [2]. Сравнив два отрывка между собой, можно сделать вывод, что здесь использована стратегия, прямо противоположная предыдущей, а именно «Языковая игра – не языковая игра» [8, С. 134]. Мы видим, что языковая игра как явление не была передана, а была переведена описательно и эффект комического воспроизведен не был. Переводчик пожертвовал благозвучностью в процессе перевода, однако, если бы он этого не сделал, российский читатель скорее не смог бы, верно, интерпретировать игру слов. Таким образом, действия переводчика в данной ситуации можно назвать верными.

В некоторых случаях переводчиками используется стратегия опущения языковой игры [8, С. 134]. Рассмотрим ее в следующем примере. В заголовке «*Rekordregen verursachte Rekordschäden*» [11] языковая игра основывается на анафоре, что делает фразу запоминающейся и легко воспроизводимой. Этот эффект закрепляет рифма первого и третьего слов, закольцовывая композицию. Так, этот заголовок сразу бросается в глаза и удерживает на себе внимание читателей. Кроме того, автор статьи с помощью языковой игры пытается привнести нотку юмора в сложную ситуацию. В переведенном заголовке «ЕС так и не нашёл средств для помощи Германии после летних наводнений» [1] языковая игра была полностью опущена, а текст заголовка был составлен исходя из содержания всей статьи.

Новостной заголовок «Wie hält es *die Ampel* mit China und Russland?» [7] привлекает к себе внимание. В данном случае под «die Ampel» подразумевают die Ampelkoalition, т.е. коалицию из СДПГ, СвДП и Зеленых. Переводчик предпочел использовать стратегию «Языковая игра – другая стилистическая фигура речи» [8, С. 134]. В переводе на русский язык заголовок звучит следующим образом: «Северный поток – 2» станет *лакмусовой бумажкой* для новых властей Германии» [5]. Переводчик пожертвовал передачей языковой игры в случае с «die Ampel», обозначив участников коалиции как «новые власти Германии», однако в качестве компенсации включил такую стилистическую

фигуру речи как метафора («лакмусовая бумажка»), что потребовало введение новой информации. Использованный прием «Языковая игра – другая стилистическая фигура речи» восполнил утрату образности в первой части, и итоговый вариант передает то же эстетическое воздействие, что и оригинал.

Перевод языковой игры требует творческого подхода и нестандартности мышления. Перед переводчиком стоит многовариантный выбор, и специалист должен прийти к одному оптимальному решению. Для этого существуют различные стратегии перевода языковой игры. Не стоит забывать, что переводчик предпочтительно должен ориентироваться на адекватность перевода, передачу коммуникативной функции исходного текста и его эстетического воздействия на реципиента.

Заключение

В заключение хочется отметить, что перевод языковой игры – сложная задача для переводчиков, поскольку языковые системы подвержены изменениям, а также имеют свои особенности, влияющие на успешность перевода. Языковая игра служит различным целям в общественной или политической жизни народов, поэтому исследования в данном направлении не теряют своей актуальности. Языковая игра делает речь ярче, создает комический эффект, поэтому разрабатываются новые стратегии ее перевода, из которых опущение является самой простой, но одновременно – не передающей эстетическую задачу. Переводчик должен обладать рядом профессиональных компетенций, чтобы выявить и передать языковую игру с минимальными потерями содержательной и выразительной сторон текста.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Delabastita D. Introduction. / D. Delabastita // The Transtator. Vol. 2 : Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation. – 1996. – 2. – p. 127-139. DOI: 10.1080/13556509.1996.10798970
2. Ханина Е.А. Манипулятивный характер использования языковой игры в немецком политическом дискурсе. / Е.А. Ханина // Филология и человек. – 2014. – 3. – с. 102-109.
3. Руденко Е.С. Языковая игра как проблема перевода. / Е.С. Руденко, Р.И. Бачиева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – 2. – с. 78-85.
4. «Зеленый» политик Хофрайтер заявил о предстоящих переговорах с СвДП в узком кругу [Электронный ресурс] // Иносми. – 2021. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210927/250586162.html>. (дата обращения: 08.11.21)
5. «Северный поток – 2» станет лакмусовой бумажкой для новых властей Германии [Электронный ресурс] // N-TV. – 2021. – URL: <https://ru.rt.com/Iuz85>. (дата обращения: 10.11.21)
6. ЕС так и не нашёл средств для помощи Германии после летних наводнений [Электронный ресурс] // N-TV. – 2021. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-11-08/N-TV-ES-tak-i-ne>. (дата обращения: 09.11.21)
7. Кремль взбешен использованием дронов Эрдогана [Электронный ресурс] // Иносми. – 2021. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20211028/250800989.html>. (дата обращения: 07.11.21)
8. Salzen C. Koalitionsverhandlungen von SPD, Grünen und FDP Wie hält es die Ampel mit China und Russland? [Electronic resource] / Der Tagesspiegel. – 2021. – URL: https://m.tagesspiegel.de/politik/koalitionsverhandlungen-von-spd-gruenen-und-fdp-wie-haelt-es-die-ampel-mit-china-und-russland/27777146.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Finosmi.ru%2F (accessed: 10.11.2021).
9. Hofreiter kündigt Gespräche in kleinem Kreis mit der FDP an [Electronic resource] / Der Spiegel. – 2021. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundestagswahl-2021-anton-hofreiter-kuendigt-gespraech-in-kleinem-kreis-mit-fdp-an-a-105d264c-7394-4e8a-8080-d24ec2a104a0> (accessed: 08.11.2021).
10. Röpcke J. Kreml wütet nach Einsatz von Erdogan-Drohnen [Electronic resource] / Bild. – 2021. – URL: https://m.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/kiewer-neonazis-kreml-wuetet-nach-einsatz-von-erdogan-drohnen-78075476.bildMobile.html###wt_ref=https%3A%2F%2Finosmi.ru%2F&wt_t=1636432088495 (accessed: 07.11.2021).
11. Rekordregen verursachte Rekordschäden [Electronic resource] / NTV. – 2021. – URL: <https://www.n-tv.de/politik/Rekordregen-verursachte-Rekordschaeden-article22913748.html> (accessed: 09.11.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Delabastita D. Introduction. / D. Delabastita // The Transtator. Vol. 2 : Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation. – 1996. – 2. – p. 127-139. – DOI: 10.1080/13556509.1996.10798970
2. Xanina E.A. Manipulyativny'j karakter ispol'zovaniya yazy'kovo'j igry' v nemeczkom politicheskom diskurse [Manipulative nature of the use of the language game in German political discourse [in Russian]]. / E.A. Xanina // Filologiya i chelovek [Philology & Human]. – 2014. – 3. – p. 102-109. [in Russian]
3. Rudenko E.S. Yazy'kovaya igra kak problema perevoda [Wordplay as a translation problem]. / E.S. Rudenko, R.I. Bachieva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philological sciences]. – 2020. – 2. – p. 78-85. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-78-85 [in Russian]
4. «Zeleny'j» politik Xofrajter zayavil o predstoyashhix peregovorax s SvDP v uzkom krugu [The «green» politician Hofreiter announced the upcoming negotiations with the FDP in private] [Electronic source] // Inosmi. – 2021. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210927/250586162.html>. (accessed: 08.11.21) [in Russian]
5. «Severnoy'j potok – 2» stanet lakmusovoj bumazhkoj dlya novy'x vlastej Germanii [Nord Stream – 2 will become a litmus test for the new German authorities] [Electronic resource] // N-TV. – 2021. – URL: <https://ru.rt.com/Iuz85>. (accessed: 10.11.21) [in Russian]

6. ES tak i ne nashyol sredstv dlya pomoshhi Germanii posle letnix navodnenij [The EU has not found the means to help Germany after the summer floods] [Electronic resource] // N-TV. – 2021. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-11-08/N-TV-ES-tak-i-ne>. (accessed: 09.11.21) [in Russian]
7. Kreml' vzbeshen ispol'zovaniem dronov E'rdogana [The Kremlin has got into a rage by the use of Erdogan's drones] [Electronic source] // Inosmi. – 2021. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20211028/250800989.html>. (accessed: 07.11.21) [in Russian]
8. Salzen C. Koalitionsverhandlungen von SPD, Grünen und FDP Wie hält es die Ampel mit China und Russland? [Coalition negotiations between the SPD, Greens and FDP How is the traffic light with China and Russia?] [Electronic resource] / Der Tagesspiegel [Der Tagesspiegel]. – 2021. – URL: https://m.tagesspiegel.de/politik/koalitionsverhandlungen-von-spd-gruenen-und-fdp-wie-haelt-es-die-ampel-mit-china-und-russland/27777146.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Frussian.rt.com%2F (accessed 10.11.2021) [in German]
9. Hofreiter kündigt Gespräch ein kleinem Kreis mit der FDP an [The «green» politician Hofreiter announced the upcoming negotiations with the FDP in private] [Electronic resource] / Der Spiegel. – 2021. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundestagswahl-2021-anton-hofreiter-kuendigt-gespraech-in-kleinem-kreis-mit-fdp-an-a-105d264c-7394-4e8a-8080-d24ec2a104a0> (accessed 08.11.2021). [in German]
10. J. Roepke. Kreml wütet nach Einsatz von Erdogan-Drohnen [The Kremlin has got into a rage by the use of Erdogan's drones] [Electronic resource] / Bild [Picture]. – 2021. – URL: https://m.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/kiewer-neonazis-kreml-wuetet-nach-einsatz-von-erdogan-drohnen-78075476.bildMobile.html###wt_ref=https%3A%2F%2Finosmi.ru%2F&wt_t=1636432088495 (accessed 07.11.2021) [in German]
11. Rekordregen verursachte Rekordschäden [Record rain caused record damage] [Electronic resource] / NTV. – 2021. – URL: <https://www.n-tv.de/politik/Rekordregen-verursachte-Rekordschaeden-article22913748.html> (accessed 09.11. 2021) [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.13>

ТАБУ И СЛУРЫ

Научная статья

Гладилин А.В. *

ORCID: 0000-0001-8967-1502,

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

* Корреспондирующий автор (ovyur[at]mail.ru)

Аннотация

В последние годы среди англоязычных лингвистов и философов языка возрос интерес к слурам (slurs) – расовым, ксенофобным, гомофобным и другим ярлыкам, таким, как *nigger*, *kike*, *faggot* и др. Цель работы – доказать, что приписываемый западными исследователями слурам комплекс перлокутивных эффектов, получивший название *Offense-generation pattern* (модель порождения обиды) присущ не всем словам подобного рода, а только тем из них, которые табуированы. Таким образом, делается вывод, что наличие у слова свойств, составляющих модель порождения обиды, обусловлено его табуированностью. Результаты исследования могут найти практическое применение в юрислингвистике при лингвистической экспертизе текстов по делам об оскорблении и унижении чести и достоинства по признакам расы, национальности, религии, гендера и т.д.

Ключевые слова: модель порождения обиды, слуры, табу.

TABOOS AND SLURS

Research article

Gladilin A.V. *

ORCID: 0000-0001-8967-1502,

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

* Corresponding author (ovyur[at]mail.ru)

Abstract

In recent years, there has been an increased interest among English-speaking linguists and language philosophers in slurs – racial, xenophobic, homophobic and other labels, such as "nigger", "kike", "faggot", etc. The aim of the study is to prove that the complex of perlocutionary effects attributed by Western researchers to slurs named the offense-generation pattern is not inherent in all words of this kind, but only those of them that are taboo. It is concluded that the presence of the properties of the word that make up the model of generating resentment is due to its taboo nature. The results of the study can find practical application in legal linguistics in the linguistic examination of texts in cases of insult and humiliation of honor and dignity on the grounds of race, nationality, religion, gender, etc.

Keywords: the model of generating resentment, slurs, taboos.

Введение

В течение последних десятилетий в англоязычной научной литературе по лингвистике и философии языка появилось значительное количество работ, посвященных уничижительным существительным со значением лица, таким, как *nigger*, *kike*, *faggot* и др. Слова подобного рода существуют во всех языках мира (ср. русские *нигер*, *жид*, *педик*). Такие лексемы исследователи чаще всего называют *slurs* (слуры), в единственном числе – *slur* (слур).

В словарях значение “марающее слово” стало фиксироваться у лексемы *slur* не так давно. Данное значение зародилось в начале XX-го века в афроамериканской прессе. По словам Дж. Нанберга, этот термин широко распространился в западном общественно-политическом дискурсе в 50-60-е годы предыдущего века, на той же волне, что и такие выражения, как *colorblind* (расовый дальтонизм), *racial sensitivity* (расовая чувствительность), *hate speech* (язык вражды) и т.п., и стал таким образом одним из маркеров радикального пересмотра структуры гражданской добродетели (a sweeping revision of the framework of civic virtue) [13, С. 238]. То, что Дж. Нанберг называет пересмотром структуры гражданской добродетели, есть не что иное, как влиятельное общественное движение, которое больше известно в России под названиями *политика идентичности*, *новая этика* или попросту *политкорректность*. По нашему мнению, именно это движение явилось триггером исследовательского интереса западных лингвистов и философов языка к слурам.

В последнее время термин *slur* стал интернациональным. Он активно используется во многих языках мира не только в академической среде, но и в общественно-политическом и сетевом дискурсах. С некоторых пор он стал появляться и в пространстве русскоязычных социальных сетей в транслитерации *слур* или *слюр*. Первый вариант мы и будем использовать данной работе.

Исследователи слуров утверждают, что эти слова обладают некими уникальными лингвистическими признаками, которые обуславливают их экстремально токсичный характер. Это *Derogatory Autonomy* (автономия обиды), *Derogatory Variation* (вариативность обиды), *Perspective Dependence* (зависимость от перспективы), *Embedding Failure* (невозможность встраивания), *Insulation* (“обезоруживание”). Р. Болинджер, объединив все эти свойства в единый комплекс, дала ему название *Offense-generation pattern* (модель порождения обиды) [4, С. 439].

По нашему мнению, исследуя слуры, западные ученые часто находятся под влиянием идеологии политики идентичности, и поэтому в поле их интереса попадают только самые “сильные” и самые “неполиткорректные” случаи, другие разновидности уничижительных слов, как правило, авторы или совсем не замечают, или уделяют им мало внимания.

Цель данной статьи – доказать, что 1) модель порождения обиды (Offense-generation pattern) присуща не всему массиву слуров, а только наиболее сильным и «токсичным» из этих слов; 2) свойства, составляющие модель порождения обиды, присущи только табуированным слурам и обусловлены их табуированностью, эти свойства присущи и другим табуированным словам, например, обценной лексике; 3) таким образом, свойства, составляющие модель порождения обиды, не являются для слуров конститутивными и отличающими их от других слов.

Что такое слуры?

Приведем одно из типичных определений слуров: слуры – это уничижительные слова, которые: «...направлены на группы на основе расы (*nigger*), национальности (*kraut*), религии (*kike*), гендера (*bitch*), сексуальной ориентации (*fag*), иммигрантского статуса (*wetback*) и других демографических признаков» ('...target groups on the basis of race ('nigger'), nationality ('kraut'), religion ('kike'), gender ('bitch'), sexual orientation ('fag'), immigrant status ('wetback') and sundry other demographics') [2, С. 25].

Ключевым понятием для многих ученых при определении слуров является *группа*. Никто из ученых не пытается дать определение этому понятию, однако из работы в работу повторяется примерно одинаковый перечень оснований для выделения групп, принадлежность к которым может быть источником слуров: раса, этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация, национальность, иммигрантский статус. В отдельных работах к этому списку добавляются социально-экономический статус [11, С. 131]; политическая ориентация [3, С. 74], [13, С. 239]; род занятий [11, С. 131], [3, С. 74]. Хотя авторы статей о слурах обычно заканчивают перечни таких групп словами типа *и так далее*, на самом деле вопрос о том, какие ещё группы могут быть мишенями слуров, если таковые вообще существуют, остается неясным. Тем не менее, мы не будем углубляться в решение этого вопроса, поскольку это не входит в задачи данного исследования, и будем понимать слуры как уничижительные слова, направленные на членов перечисленных выше групп.

Модель порождения обиды

Исследователи выделяют ряд лингвистических признаков, которые позиционируются ими как конститутивные и вместе с тем уникальные для слуров. Все эти признаки связаны с перлокутивными эффектами, которые вызывают речевые акты, включающие в себя слуры. Комплекс этих свойств получил название модель генерации обиды (Offense-generation pattern).

Рассмотрим составляющие этой модели.

Во-первых, это *автономия обиды* (*Offence Autonomy*). Эта особенность состоит в том, что слуры обидны даже тогда, когда говорящий не намерен никого обидеть [2, С. 33], [8, С. 426], .

Во-вторых, это *провал встраивания* (*Embedding Failure*)— слур остается обидным, даже встраиваясь в такие речевые конструкции, где он не участвует в утверждении, например, в условные конструкции, в косвенную речь, в отрицательные предложения. Например, в высказывании *X is not a chink* отрицается тот факт, что *X* – китаец, но не отрицается, выражаемое словом *chink* презрение к китайцам. [2], [5], [6, С. 7], [14].

В-третьих, это *зависимость от перспективы* (*Perspective Dependence*) – слур всегда “принадлежит” говорящему, свидетельствуя о том, что именно он придерживается уничижительных взглядов [7, С. 74], [12] [14, С. 169].

В-четвертых, это *вариативность обиды* (*Derogatory Variation*) – не все слуры, даже если они кореферентны, воспринимаются как одинаково оскорбительные [2], [8], [10].

В-пятых, это *обезоруживание* (*Insulation*) – несмотря на все вышесказанное, слуры могут иногда употребляться неоскорбительно, и это относится даже к самым сильным случаям [9, С. 130], [16, С. 139].

Первые три свойства тесно связаны между собой. Чтобы проиллюстрировать их, рассмотрим конструкцию с косвенной речью, которая содержит слур.

(1) Петров сказал, что он уволит всех этих жидов

Автономия обиды (*Derogatory Autonomy*) в (1) проявляется в том, что слур оскорбителен, несмотря на то что говорящий, возможно, не намеревался никого оскорблять, он просто хотел передать чужую речь.

Провал встраивания (*Embedding Failure*) состоит в (1) в том, что обычно слова, встроенные в различные второстепенные конструкции (чужую речь, условные обороты и т.п.), не участвуют в утверждении, создаваемом основным высказыванием, однако в данном случае слур, находящийся в придаточном предложении, выражающем чужую речь, добавляет в главное высказывание утверждение о том, что говорящий – антисемит.

Зависимость от перспективы (*Perspective Dependence*): слур всегда принадлежит говорящему. Мы не можем точно сказать, является ли Петров антисемитом, но говорящий точно имеет предубеждения к евреям, иначе, передавая чужую речь, он мог бы не использовать слур.

Однако не все уничижительные слова, которые можно отнести к категории слов, унижающих лиц как членов определенных групп, характеризуется свойствами *Embedding Failure*, *Perspective Dependence* и *Offence Autonomy*.

Чтобы доказать это, обратимся к работам К. Бач и П. Сака, которые выделяются среди всего массива научных работ о слурах тем, что в них содержатся словники «марающих слов» [3], [15]. В словниках наряду с прототипическими слурами можно заметить слова, не похожие на «сильные» расовые, этнические и гомофобные ярлыки, но вполне отвечающие той дефиниции слуров, которую мы приняли за основу, поскольку референты этих слов принадлежат соответствующему набору групп. Так, к группе религиозных слуров относятся слова *infidel* (неверный), *heretic* (еретик), *papist* (папист); к политическим слурам принадлежат *radical* (радикал), *right winger* (правый), *reactionary* (реакционер), *fascist* (фашист), *Nazi* (нацист); к профессиональным слурам причисляется *demagogue* (демагог), *gigolo* (жиголо), *charlatan* (шарлатан) и т.д.

Если мы подставим любое из этих слов в (1) на место словоформы *жидов*, то мы не обнаружим тех эффектов, которые наблюдается в исходном варианте этого высказывания. Ср.:

(2) Петров сказал, что он уволит всех этих радикалов.

Мы не можем утверждать, что слово *радикал* обидно в (2) даже в тех случаях, если говорящий не хочет никого обижать, а просто передает чужую речь (*Derogatory Autonomy*), что оно, находясь в придаточном предложении, добавляет что-то к утверждению, производимому главным предложением в (2) (*Embedding Failure*), что оно в (2) принадлежит говорящему, а не Петрову (*Perspective Dependence*).

Это означает, что существуют слуры, которые не характеризуются *Offence Autonomy*, *Embedding Failure* и *Perspective Dependence*. Следовательно, данные признаки не являются конститутивными для слуров.

Табу

В чем состоят различия между дерогативами типа *nigger*, *kike*, *faggot*, с одной стороны, и *fascist*, *radical*, *infidel*, с другой? Неискушенному человеку скорее всего сразу бросятся в глаза два различия: а) первые представляются более обидными, более сильными чем вторые; б) первые являются табуированными, вторые – нет.

По нашему мнению, высокая степень обиды, которую несут в себе «сильные» *slurs* является проекцией их табуированности.

Табу – это «запрет на поведение в определенном сообществе, накладываемый на одно или нескольких лиц в определенное время в определенных контекстах» [1, С. 11].

Табуированные слова более эмоционально заряжены и несут в себе более сильную негативную оценку, чем нетабуированные слова.

Именно табуированность является причиной *Embedding Failure*, *Perspective Dependence* и *Offensive Autonomy*. Эти особенности не являются принадлежностью исключительно слуров. Обсценные слова и выражения тоже обладают этими особенностями, и тоже по причине табуированности. Если мы вставим в чужую речь, находящуюся в конструкции типа (1), обсценное слово, мы обнаружим в этом высказывании все те эффекты, которые обнаружались в (1).

Произнесение табуированного слова – это *род вербализованного мыслепреступления* [13, С. 239]. Это замечание хорошо отражает сущность употребления в речи любого табуированного слова, будь то табуированные слуры или обсценная лексика. Вербализованные мыслепреступления – это преступления, которые не надо расследовать. Преступник всегда на виду. Это тот, кто вербализует табуированное слово, то есть сам спикер, независимо от того, говорит ли он от себя, передает ли чужую речь, встраивает ли табуированные слова в отрицающие, условные или какие-то иные синтаксические конструкции.

Безусловно, табуированностью обусловлена и *вариативность обиды* (*Offence Variation*). Табуированные слуры представляются людям более обидными, чем нетабуированные. Однако и внутри класса табуированных слуров можно выделить более и менее табуированные. Чем шире круг социальных контекстов, в которых запрещено употребление табуированного слова, тем сильнее табу. Для русского слура *жид* этот круг очень широк, он включает в себя практически все коммуникативные ситуации, в которых используется стандартный язык. Круг социальных контекстов, в которых запрещено употребление слова *бич* “опустившийся человек”, не настолько широк, как в случае *жид*. Хотя слур *бич* запрещен в институциональной коммуникации, в некоторых социальных контекстах стандартного языка, обычно связанных с непринужденным общением, его употребление допустимо. Таким образом, *бич* менее табуирован, чем *жид*.

Обезоруживание (*Insulation*) тоже связано с табуированностью. Существуют социальные контексты, в которых запрет на употребление того или иного табуированного слова по определенным причинам снимается, и это слово, выражаясь метафорически, теряет свое жало. Известный пример – так называемое аффилированное использование слова *nigger* внутри афроамериканских сообществ. В коммуникативной ситуации, в которой невозможно выражение расовых предубеждений по отношению к чернокожим, поскольку все участники коммуникации – чернокожие, табу на употребление слова снимается.

Заключение

Лингвистические признаки, которые часто позиционируются как конститутивные для слуров, а именно автономия обиды (*Derogatory Autonomy*), вариативность обиды (*Derogatory Variation*), зависимость от перспективы (*Perspective Dependence*), невозможность встраивания (*Embedding Failure*), «обезоруживание» (*Insulation*), не являются конститутивными, поскольку присущи не всем слурам, а только тем из них, которые табуированы. Перечисленные признаки присущи не только некоторым из слуров, но и любым табуированным языковым единицам, например обсценной лексике.

Различаются табуированные и нетабуированные слуры. Табуированные слуры более эмоционально заряжены и несут в себе более сильную негативную оценку, чем нетабуированные. Произнесение табуированного слура, как и любого табуированного слова, есть вербализованное мыслепреступление. Такое слово всегда принадлежит адресанту речи, говорит ли он от себя, передает ли чужую речь, встраивает ли табуированные слова в какие-либо второстепенные синтаксические конструкции. Слуры могут характеризоваться большей и меньшей степенью табуированности. В некоторых коммуникативных ситуациях табу может “сниматься” даже с самых “сильных” слуров.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Allan K. *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language* / K. Allan, K. Burrage – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 303 p.
2. Saka P. *How to Think About Meaning* / P. Saka – Berlin: Springer, 2007. – 279 p.

3. Croom A. Slurs. / A. Croom // *Language Sciences*. – 2011. – 33(3). – p. 343-358.
4. Jeshion R. Expressivism and the offensiveness of slurs. / R. Jeshion // *Philosophical Perspectives*. *Philosophy of Language*. – 2013. – 27. – p. 231-259.
5. Hornsby J. Meaning and Uselessness: How to Think about Derogatory Words. / J. Hornsby // *Midwest Studies in Philosophy*. – 2001. – 25. – p. 128-141.
6. Jeshion R. R. Slur creation, bigotry formation: the power of expressivism. / R. Jeshion R. // *Phenomenology and Mind*. – 2016. – 11. – p. 130-139.
7. Camp E. Slurring Perspectives. / E. Camp // *Analytic Philosophy*. – 2013. – 54. – p. 330-349.
8. Anderson L. Slurring words. / L. Anderson, E. Lepore // *Nous*. – 2013. – 47(1). – p. 25-48.
9. Potts C. The Expressive Dimension. / C. Potts // *Theoretical Linguistics*. – 2007. – 33 (2). – p. 165-198.
10. Bolinger R. R. The Pragmatics of Slurs. / R. Bolinger R. // *Nous*. – 2017. – 51 (3). – p. 439-462.
11. Hom C. The Semantics of Racial Epithets. / C. Hom // *Journal of Philosophy*. – 2008. – 105. – p. 416-440.
12. Hedger J. The Semantics of Racial Slurs: Using Kaplan's Framework to Provide a Theory of the Meaning of Derogatory Epithets. / J. Hedger // *Linguistic and Philosophical Investigations*. – 2012. – 11. – p. 74-84.
13. McCready E. Varieties of Conventional Implicature. / E. McCready // *Semantics and Pragmatics*. – 2010. – 3. – p. 1-57.
14. Bach K. Loaded Words: On the Semantics and Pragmatics of Slurs. / K. Bach // *Bad words*; edited by David Sosa – Oxford: Oxford University Press, 2018. – p. 60-76.
15. Williamson T. Reference, inference and the semantics of pejoratives. / T. Williamson // *The Philosophy of David Kaplan*; edited by J. Almog, P. Leonardi – Oxford: Oxford University Press, 2009. – p. 137-159.
16. Nunberg G. The social life of slurs. / G. Nunberg // *New work on speech acts*; edited by D. Fogal, D. Harris, M. Moss – Oxford: Oxford University Press, 2018. – p. 237-295.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.14>**ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

Научная статья

Абросимова Т.^{1*}, Снигирева О.²¹ ORCID: 0000-0001-8993-0818;² ORCID: 0000-0002-3055-9556;^{1, 2} Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

* Корреспондирующий автор (tanya.abrosimova.2000[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности немецкой публичной политической речи. В последние годы все больше людей стали интересоваться обстановкой на мировой политической арене, а ученые-лингвисты исследовать общественно-политические тексты. Несмотря на достаточно большое количество трудов по проблеме публичной политической речи, появляется новый материал для изучения, который позволит дополнить уже существующие исследования. В нашей работе представлены результаты анализа особенностей немецкой публичной политической речи на материале выступлений Федерального канцлера Германии Олафа Шольца. Выводы о характерных чертах немецкой публичной политической речи, выделенных в ходе проведенного исследования, подтверждают результаты, представленные в работе немецкого языковеда Й. Кляйна [8].

Ключевые слова: публичная речь; политическая лингвистика; политическая риторика; особенности публичной политической речи.

FEATURES OF GERMAN PUBLIC POLITICAL SPEECH

Research article

Abrosimova T.^{1*}, Snigireva O.²¹ ORCID: 0000-0001-8993-0818;² ORCID: 0000-0002-3055-9556;^{1, 2} Orenburg State University, Orenburg, Russia

* Corresponding author (tanya.abrosimova.2000[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the features of German public political speech. In recent years, more and more people have become interested in the situation on the world political arena, while linguists begin to study socio-political texts. Despite a fairly large number of works on the problem of public political speech, there is new material for study that will complement existing research. The study presents the results of an analysis of the features of German public political speech based on the speeches of the Federal Chancellor of Germany Olaf Scholz. In the course of the study, the article features conclusions on the characteristic features of German public political speech that confirm the results presented in the work of the German linguist J. Klein [8].

Keywords: public speech; political linguistics; political rhetoric; features of public political speech.

Введение

Политическая деятельность всегда занимала особое положение в жизни общества. Статус страны на международной политической арене зависит не только от выбора политической стратегии, но и от способа представления интересов страны ее политическим лидером. Публичная политическая речь носит междисциплинарный характер и является объектом исследования многих гуманитарных наук, так как она связана с социальными, историческими, культурными и другими сферами жизни и отражает изменения, происходящие в них. Жанровое и функциональное разнообразие публичных политических речей дало основу для развития особой отрасли знания — политической лингвистики, возникшей на пересечении лингвистики и политологии.

В течение последних десятилетий публичная политическая риторика постоянно остается в центре исследовательского интереса. Публичное политическое выступление является важнейшим средством воздействия на массовое сознание в плане формирования общественного мнения. Публичная речь занимает центральное место в официальной коммуникации политика, что и определяет актуальность исследований по данной теме.

Политические выступления представляют собой либо заранее подготовленные, либо спонтанные устные сообщения политиков. При помощи публичной речи оратор представляет свои собственные политические идеи. Анализ политических речей может преследовать две цели. С одной стороны, это возможность идеологически-критического анализа содержания, который может помочь воспринять и понять политические явления и сделать выводы об их связи. С другой стороны, акцент делается на анализе отношений между содержанием и формой (например, стилистическими средствами), типа общения между говорящим и аудиторией или на анализе риторических навыков говорящего.

Таким образом, целью нашего исследования являются особенности немецкой публичной политической речи как одного из компонентов политического дискурса.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили публичные выступления Федерального канцлера Германии Олафа Шольца.

Изучение специфики политического дискурса проводилось с учетом теоретических оснований, представленных в исследованиях В. И. Карасика, Г. Г. Почепцова, Х. Гирнта, В. Е. Чернявской, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, Н. Фэрклафа, Р. Водак, Й. Кляйна и др.

Результаты исследования и обсуждение

Для объективного анализа особенностей немецкой публичной политической речи были использованы выступления Федерального канцлера Германии Олафа Шольца (9 выступлений разной тематической направленности за период времени с января по март 2022 года).

Многие политики в своих речах прибегают к приемам манипуляции, которая осуществляется за счет слов, символов, жестов, мимики – лингвальных и паралингвальных знаков, воздействующих в определенном контексте и смысле на получателя. Основными языковыми ресурсами манипуляции являются лексические средства. К наиболее востребованным из них относятся сравнения и метафоры, эмоционально-экспрессивная лексика, ирония, риторические вопросы, фразеологические единицы и использование точных цифр [2].

Данные языковые средства позволяют политику создавать у слушателей необходимые представления, формировать нужную картину мира. Технику манипуляции применяет в своих речи и Олаф Шольц:

Ja, wir werden diese Abhängigkeit beenden, so schnell, wie das nur irgendwie geht [9].

Das ist ein Lichtblick in diesen dunklen Tagen [7].

Nur weil man laut brüllt, hat man auch nicht recht [4].

Als eine starke europäische Säule im transatlantischen Bündnis, als eine unüberhörbare Stimme für Demokratie... [6]

Von den von uns gespendeten etwa 114 Millionen Dosen sind mehr als 40 Millionen Impfstoffdosen bei unseren afrikanischen Partnern angekommen.

Aber was es eben heute in Deutschland auch gibt... [7]

Для побуждения реципиентов к активным гражданским действиям Олаф Шольц в своих выступлениях использует также девизы и лозунги:

Nicht Jetzt mal langsam!, sondern Jetzt erst recht! [9]

Dieses Ziel werden wir nur gemeinsam erreichen! [9]

Aber es gibt sie ja tatsächlich, und das sollte uns zu denken geben [3].

Meine dringende Bitte ist: Liebe Bürgerinnen und Bürger, machen Sie alle mit! [10].

Политические лозунги, как правило, краткосрочный, ситуативный инструмент воздействия на сознание и поведение людей [1]. Зачастую такой прием влияет на людей только в момент речи, на протяжении которой политик подводит граждан к принятию какого-либо решения, а в конце произносит сам призыв в виде лозунга:

Das biete ich Ihnen allen an, und darum bitte ich Sie heute! [3]

Ich bitte Sie alle: Lassen Sie uns diesen Schritt in den nächsten Wochen gemeinsam gehen! [9]

Ещё одной отличительной особенностью публичных политических речей является эмоциональность, которая достигается употреблением разнообразных средств выразительности. Все это придаёт живость и красочность речи, показывает, что события, упоминаемые политиком, затрагивают лично его. Например:

Wir werden nichts unversucht lassen, bis wieder Frieden herrscht auf unserem Kontinent [7].

Doch das ist erst der Anfang! [9]

Одной из особенностей любой политической речи, согласно Й. Кляйну, является употребление терминов, относящихся к сфере политики, что делает ее узнаваемой и отличной от других типов дискурса. Например:

Damit gehen wir einen weiteren Schritt in Richtung europäischer Souveränität [9].

Die Welt des 21. Jahrhunderts wird weder uni- noch bipolar sein [6].

Ich habe gerade die geopolitischen Machtverschiebungen beschrieben [6].

Также в политических речах встречаются клише. Например, это стандартное приветствие, которое необходимо в начале каждой речи:

Sehr geehrte Damen und Herren Staats- und Regierungschefs, liebe Kolleginnen und Kollegen, liebe Gäste aus dem In- und Ausland [6].

Sehr geehrte Bürger und Bürgerinnen! [3]

Для утверждения собственной позиции в речах Олафа Шольца встречается однозначная оценка. Нередко такой прием направлен на обесценивание действий оппонента, за счет чего достигается возвышение собственных действий политика:

Das ist der große, große Fehler von Präsident Putin [7].

Es ist eine Lüge! [11]

Der Kanzler macht alles richtig! [11]

Ich mache alles richtig - schon immer, und jetzt auch [5].

Для выделения главного в своих выступлениях, для привлечения внимания слушателей, для акцентирования на важных и значимых моментах Олаф Шольц использует повторы:

Mir macht das Mut, weil es zeigt, dass wir in der Krise über uns hinauswachsen, weil es zeigt, wie viel Gutes in unserem Land steckt, und weil es zeigt, was wir gemeinsam bewegen können [7].

Vor uns liegen große Aufgaben und entscheidende Weichenstellungen – Weichenstellungen... [3]

Es ist mir wichtig, dass wir es weiter gemeinsam angehen, dass wir uns weiter unterhaken und so Corona besiegen [3].

Заключение

Таким образом, проанализировав материалы выступлений Федерального канцлера Германии Олафа Шольца, мы пришли к выводу, что публичная политическая речь обладает своими ярко выраженными особенностями, которые

отличают ее от других типов дискурса, а именно наличием языковых средств как рационального убеждения, так и эмоционального воздействия. Во многом именно благодаря своей специфике публичная политическая речь способна оказывать необходимый эффект на реципиентов, формировать нужные мнения и убеждения у слушателей, регулировать взаимодействие людей, что в свою очередь помогает политике достичь поставленных целей.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Вальтер Х. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса. / Х Вальтер // Медиалингвистика. – 2016. – 3. – с. 33–45.
2. Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции [Электронный ресурс] / Л.Г. Навасартян // Языковые средства и речевые приемы манипуляции. – 2017. – URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2017/06/13/dissertaciya_navasartyan.pdf. (дата обращения: 03.04.22)
3. Antrittsrede von Bundeskanzler Olaf Scholz [Electronic resource] – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/antrittsrede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2005572> (accessed: 01.04.2022)
4. Einer Rede über die Solidarität der Menschen in der Corona-Krise [Electronic resource] – URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/kanzler-scholz-kontert-stoerer---nur-weil-man-laut-bruehlt--hat-man-auch-nicht-recht--31752586.html> (accessed: 01.04.2022)
5. Energie-Embargo [Electronic resource] – URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/scholz-energie-embargo-russland-1.5556058> (accessed: 04.04.2022)
6. Kanzler Scholz bei der Münchner Sicherheitskonferenz [Electronic resource] – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-muenchner-sicherheitskonferenz-2006666> (accessed: 02.04.2022)
7. Kanzler Scholz bei Generaldebatte im Bundestag [Electronic resource] – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/rede-scholz-generaldebatte-2019644> (accessed: 31.03.2022)
8. Klein J. Deutsch: demokratisch. Politische Sprache und pluralistische Sprachgesellschaft in der Bundesrepublik Deutschland / J. Klein. – Mannheim: Dudenverlag, 2005. – S. 128–140.
9. Rede von Bundeskanzler Olaf Scholz zum Haushaltsgesetz 2022 vor dem Deutschen Bundestag [Electronic resource] – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2019954> (accessed: 03.04.2022)
10. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz [Electronic resource] – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-1992008> (accessed: 31.03.2022)
11. TV-Auftritt von Olaf Scholz [Electronic resource] – URL: <https://www.nzz.ch/international/olaf-scholz-bei-anne-will-er-will-alles-richtig-gemacht-haben-ld.1676754?reduced=true> (accessed: 02.04.2022)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Val'ter X Lozung kak rechevoj zhanr publicisticheskogo diskursa [Slogans as a speech genre of mass media discourse]. / X Val'ter // Medialingvistika [Media Linguistics]. – 2016. – 3. – p. 33–45. [in Russian]
2. Navasartyan L.G. Yazykovy'e sredstva i rechevy'e priemy' manipulyacii [Language tools and speech manipulation techniques] [Electronic source] / L.G. Navasartyan // Language tools and speech manipulation techniques. – 2017. – URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2017/06/13/dissertaciya_navasartyan.pdf. (Date of application: 03.04.22) [in Russian]
3. Antrittsrede von Bundeskanzler Olaf Scholz [Inaugural address by Federal Chancellor Olaf Scholz] [Electronic resource] – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/antrittsrede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2005572> (accessed: 01.04.2022) [in German]
4. Einer Rede ueber die Solidaritaet der Menschen in der Corona-Krise [A speech about the solidarity of people in the corona crisis] [Electronic resource] – URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/kanzler-scholz-kontert-stoerer-nur-weil-man-laut-bruehlt--hat-man-auch-nicht-recht--31752586.html> (accessed: 01.04.2022) [in German]
5. Energie-Embargo [Energy Embargo] [Electronic resource] – URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/scholz-energie-embargo-russland-1.5556058> (accessed: 04.04.2022) [in German]
6. Kanzler Scholz bei der Muenchner Sicherheitskonferenz [Chancellor Scholz at the Munich Security Conference] [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/gLrWU> (accessed: 02.04.2022) [in German]
7. Kanzler Scholz bei Generaldebatte im Bundestag [Chancellor Scholz at the general debate in the Bundestag] [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/gLrW4> (accessed: 31.03.2022) [in German]
8. Klein J. Deutsch: demokratisch. Politische Sprache und pluralistische Sprachgesellschaft in der Bundesrepublik Deutschland [German: democratic. Political language and pluralistic language society in the Federal Republic of Germany] / J. Klein. – Mannheim: Dudenverlag, 2005. – P. 128–140. [in German]
9. Rede von Bundeskanzler Olaf Scholz zum Haushaltsgesetz 2022 vor dem Deutschen Bundestag [Speech by Federal Chancellor Olaf Scholz on the Budget Law 2022 in front of the German Bundestag] [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/gLrUA> (accessed: 03.04.2022) [in German]
10. Regierungserklaerung von Bundeskanzler Olaf Scholz [Government statement by Federal Chancellor Olaf Scholz] [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/gLrVK> (accessed: 31.03.2022) [in German]
11. TV-Auftritt von Olaf Scholz [TV-appearance by Olaf Scholz] [Electronic resource] – URL: <https://www.nzz.ch/international/olaf-scholz-bei-anne-will-er-will-alles-richtig-gemacht-haben-ld.1676754?reduced=true> (accessed: 02.04.2022) [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.16>**О ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ**

Научная статья

Ешенкова Н.Л. *

Мордовский государственный университет, Саранск, Россия

* Корреспондирующий автор (nataliakomleva[at]mail.ru)

Аннотация

Настоящая работа ориентирована на проблемы преподавания иностранного языка в качестве факультативного курса для студентов старших курсов неязыковых факультетов. Как отмечается в статье, задача университета не только дать студентам знания и навыки, но и выработать у них постоянную привычку работать с иностранной литературой по своей специальности, а также перенести ее на будущую профессию или научно-исследовательскую деятельность. Таким образом, чтобы достичь целей, в первую очередь, преподавателям иностранного языка необходимо координировать процесс обучения с основной деятельностью профилирующих кафедр. В статье предлагается определенная схема повышения эффективности факультативных занятий основанная на личном опыте.

Ключевые слова: иностранный язык, неязыковые факультеты, учебная программа, факультативный курс, технический опыт.

FOREIGN LANGUAGE AS AN ELECTIVE COURSE IN NON-LANGUAGE FACULTIES

Research article

Eshenkova N.L. *

Mordovian State University, Saransk, Russia

* Corresponding author (nataliakomleva[at]mail.ru)

Abstract

The present paper is focused on the problem of teaching a foreign language as an elective course for senior students in nonlanguage faculties. As the article observes, the task of the university is not to provide students with knowledge and skills, but also to develop their constant habit of working with foreign literature in their specialty, as well as to transfer it to their future profession or research activities. So to achieve the objectives, first and foremost, foreign language teachers need to coordinate the learning process with the major special chairs activities. The paper suggests a certain scheme of improving the efficiency of the elective classes based on the personal experience.

Keywords: foreign language, nonlanguage faculties, curriculum, LSP teacher, elective course, technical experience.

Introduction

Nowadays it's difficult to imagine a modern scientific research without any references to foreign sources. That's why it seems extremely important to pay special attention to foreign language teaching at the engineering faculties of higher institutions in our country. A lot of LSP (language for specific purpose) teachers consider the problem of working on foreign literature as an essential [1], [2], [7].

The current foreign language curriculum for non-linguistic higher educational institutions provides a compulsory classroom training of foreign language in the volume of 340 hours for the 1-2 years of studying. The course is aimed to teach students to read the original literature in the specialty to obtain the required information, carry on a conversation, make notes and understand foreign speech aurally on the basis of the studied language material. However, due to the fact that the first-year students still do not study special subjects, at this particular stage of studying they are actually deprived of the opportunity to improve and use their language knowledge into practice immediately at least in the field of their specialty.

Therefore, even perfectly planned and organized academic work for undergraduates at the first years loses its practical meaning, unless it continues later, in the senior years.

As some modern authors note, the task of the university is not to provide students with the knowledge and skills only, but also to develop their constant habit of working with foreign literature in their specialty, as well as to transfer it to their future profession or research activities [2].

Methods

Since the article examines the specific experience of a certain faculty and foreign language teachers, it is worth mentioning that the institute, which has introduced this technique is engineering, so the word '*technical*' is found throughout the present paper.

In the classroom students are supposed to build up a critical approach to the foreign literature, learn how to evaluate foreign technical experience [10]. This work should be carried out mainly on the so-called **elective course** under the guidance of experienced LSP teachers.

To achieve the objectives, first and foremost, it is necessary to coordinate co-working of the Foreign Languages Chair and major special chairs. In these circumstances all the special translation material is supposed to be related to the students practical training. It definitely requires careful selection of foreign specific articles. Working with sources like this, students would have an opportunity to be acquainted better with their direct specialty or field of study.

In the Institute of Mechanics and Power Engineering (The Mordovian State University, Saransk city, Russia) the literature search is carried out by professors, lecturers and teachers of special subjects, mostly the heads of courses and degree projects, together with teachers of foreign languages (LSP teachers). The latter ones are responsible for the methodological aspect in terms of the language.

Such collaboration brings enormous benefits to the students and the teachers as well. The foreign language teachers have the opportunity to expand their knowledge by exploring the particular issues of the specialists' interest in this or that exact field.

On the other hand, the leading specialists of the university are able to assess the importance of obtaining the rapid scientific information from foreign sources in practice. It was rather difficult to establish such a contact between chairs, but gradually the mutual benefits of such cooperation have become so apparent that the foreign literature processing is conceived now as an integral component in carrying out coursework assignments and different projects.

For example, the Technology and Machine Service Chair (where course and diploma projects are aimed at the calculation of wear-out process of machine parts after prolonged use), the Agricultural Machinery Chair (dealing with the problem of optimizing the parameters of the working bodies of agricultural machines), and the Mobile Power-Producing Facilities Chair (working on the rationale diagnostic characteristics and parameters of the main components of agricultural machines) in collaboration with the Foreign Languages Chair have chosen the following materials in English: '*Troubles in Braking System*', '*Troubles of Steering Gear Components*', '*Transmission Mechanism*', '*Engines*', etc.

After the material selection the Chair provides its distribution among the students. Based on the scope of work, an article is able to be translated by several students. The task is determined by the rate of 25-35 hours per term. The Chair keeps an individual ledger card for each student. Students work with the texts independently, the Chair does not oblige them to attend classes and tutorials, but the task is mandatory.

The very nature of this co-working and elective courses is aimed to motivate the students, to create the positive atmosphere at the classes, where teachers help students to overcome the language difficulties and improve their practical skills. The psychological motivation plays a great role in the constructive solution of the problem.

Thus, at the elective course the LSP teacher should pay special attention to the following aspects:

- how to determine the context, read the material, find out the basic idea, relate the text with illustrations, graphs, diagrams, themes, etc., determine the category of unfamiliar words, work on the most commonly used abbreviations in the technical literature, word-reading formulas and physical signs.
- grammatical constructions, the ignorance of which complicates the disclosure of the text meaning (eg, the infinitive, participial, and gerundial constructions; Subjunctive Mood, Conditional Sentences; complex object and complex subject etc.).

Besides, during the elective course under the guidance of an experienced LSP teacher it is also possible to improve the earlier gained skills such as abstract, summary and essay writing.

In this way, during our experiment we have used such methods as theoretical (analysis, synthesis, generalization) and empirical (observation, testing) to gain certain results.

Results

A detailed examination of these aspects allows us to overcome the idea of considering tutorials as a series of disparate questions and answers and turns them into a strictly-designed, methodologically sound purposeful activity.

It is important that each task during the elective course provides for a specific result. The results of the work on foreign special literature necessarily take the form of a sample translation, writing an essay or review, oral presentations at scientific conferences, faculty meetings in the course or diploma project etc.

Therefore while organizing the elective course, the following sequence of the academic work has proved to be useful:

- LSP teacher approval in the individual student's card
- the head of the special Chair approval in the individual student's card

Thus, after double-checking of student's work which is actually an organic part of his course project, the student may proceed to complete the task or project.

As the experience has showed the active involvement of students in this kind of activity expands their outlook, enrich their expertise, attaches to scientific work. After several years of this work our major chairs have already amassed an interesting factual material, performed by students in the form of translations, essays, reports, abstracts. All these materials and projects are stored on the major specific chairs as a unique store of knowledge for students and teachers. This additional material from foreign sources is widely used by the engineers of the chairs, graduates and employees of research institutes.

Now the number of students attending the elective course at the Institute of Mechanics and Power Engineering is increasing. We have compared the statistics of the last three years (see figure 1).

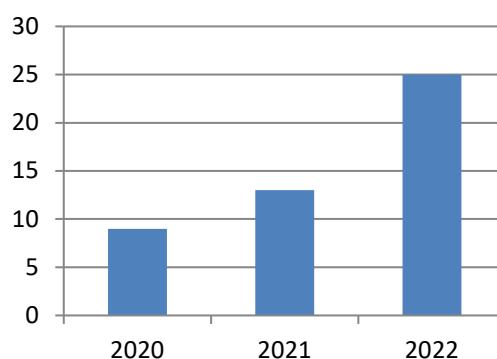

Fig. 1 – Elective course students

Consequently those students who have been working hard during the elective course form a sort of the *Student Translation Bureau*. Thus, the senior students are popularizers of technical expertise and now *Science and Technology Abroad* news stand is regularly issued on the basis of the Foreign Languages Chair.

Special major chairs, firstly very concerned of the new form of learning process, now are so interested in the open prospects of getting rapid information that they are also cooperating actively with the Foreign Languages Chair in the process of the literature selection, filing, storage and registration. Every chair has already registered a great number of students' works (see figure 2).

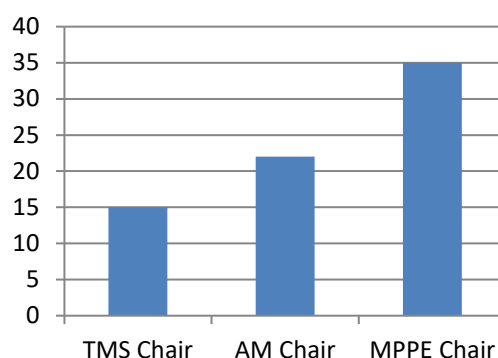

Fig. 2 – Students' works

Thus, the elective course has had a positive impact on the coursework level and the revival of the students' and the major chairs scientific activity.

Conclusion

Having described the main principle of the optional form of studying as a part of the educational process based on the personal experience, it's necessary to conclude: properly organized extracurricular activities like elective courses of foreign language for senior students are a powerful incentive. The courses supported by major chairs improve the practical language skills and motivate to the highest degree, because students have already formed the certain field of scientific interests by the senior years, that helps greatly to work on the foreign literature sources and process technical information in other languages.

Благодарности

Выражаем благодарность Институту Механики и Энергетики, который находится на базе Мордовского государственного университета. Благодарим за взаимодействие и сотрудничество кафедру Технического сервиса машин и кафедру Сельскохозяйственной техники.

Acknowledgement

We express our gratitude to the Institute of Mechanics and Power Engineering, which is located on the basis of the Mordovian N.P. Ogarev State University. We thank the Technology and Machine Service Chair and the Chair of Agricultural Machinery for their interaction and cooperation.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Каргина Е.М. Развитие у студентов навыка беспереводного чтения научно-технической литературы [Электронный ресурс] / Е.М. Каргина // Современная педагогика. – 2015. – № 1. – URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/01/3316> (дата обращения 14.04.2022)
2. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей / Н.Ф. Коряковцева. - М. : Изд-во АРКТИ, 2002. – 173 с.

3. Рубцова М. Г. Обучение чтению английской научной и технической литературы. Лексико-грамматический справочник / М.Г. Рубцова - М.: Наука, 1989. - 288 с.
4. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence / M. Byram – Clevedon, Philadelphia : MultilingualMatters, 1997. – 124 p.
5. Darvin R. Investment and motivation in language learning: What's the difference? / R. Darvin, B. Norton // Cambridge University Press - 2021 - PP. 1-12.
6. Hadley A.O. Teaching Language in Context: 3rd Edition. / A.O. Hadley // Oxford University Press – 2000 - PP. 348-353.
7. Lozitskaya E. I. The English Language: Practical Hand-book for Teaching Students to Read and Understand Science Literature with the Use of Module Technology / E.I. Lozitskaya - Minsk : BGUIR, 2016 – 136 p.
8. Marsh D. Content and Language Integrated Learning / D. Marsh // The European Dimension – Actions, Trends and Foresight Potential. – OUP Publ., 2002. — 204 p.
9. Siegel J. Research into practice: Teaching notetaking to L2 students. / Cambridge University Press – 2020 - PP. 1-15.
10. Strevens P. Special-Purpose Language Learning: A Perspective. / P. Strevens // Wolfson College – Cambridge, 2008 - P. 145 -163.
11. Römer U. Applied corpus linguistics for language acquisition, pedagogy, and beyond / U. Römer // Cambridge University Press, - 2021 - PP. 1-12.
12. Rose H. Defining English Medium Instruction: Striving for comparative equivalence / H. Rose, E. Macaro // Cambridge University Press – 2021 - PP. 1-12.

Список литературы на английском / References in English

1. Kargina E.M. Razvitie u studentov navyka besperevodnogo chtenija nauchno-tekhnicheskoy literatury [Development of students' skill of untranslated reading of scientific and technical literature] [Electronic resource] / E. M. Kargina // Sovremennaja pedagogika [Modern Pedagogy]. – 2015. – No. 1. – URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/01/3316> (accessed: 14.04.2022) [in Russian]
2. Koryakovtseva N.F. Sovremennaja metodika organizacii samostojatel'noj raboty izuchajushhikh inostrannyj jazyk: Posobie dlja uchitelej [Modern methods of organizing independent work of foreign language learners: A manual for teachers] / N.F. Koryakovtseva. - M. : Publishing House ARKTI, 2002. - 173 p. [in Russian]
3. Rubtsova M. G. Obuchenie chteniju anglijskoj nauchnoj i tekhnicheskoy literatury. Leksiko-grammaticheskij spravocnik [Learning to read English scientific and technical literature. Lexico-grammatical reference book] / M. G. Rubtsova. - M.: Nauka, 1989. - 288 p. [in Russian]
4. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence / M. Byram – Clevedon, Philadelphia: MultilingualMatters, 1997. – 124 p.
5. Darvin R. Investment and motivation in language learning: What's the difference? / R. Darvin, B. Norton // Cambridge University Press - 2021 - PP. 1-12.
6. Hadley A.O. Teaching Language in Context: 3rd Edition. / A.O. Hadley // Oxford University Press – 2000 - PP. 348-353.
7. Lozitskaya E. I. The English Language: Practical Hand-book for Teaching Students to Read and Understand Science Literature with the Use of Module Technology / E.I. Lozitskaya - Minsk : BGUIR, 2016 – 136 p.
8. Marsh D. Content and Language Integrated Learning / D. Marsh // The European Dimension – Actions, Trends and Foresight Potential. – OUP Publ., 2002. — 204 p.
9. Siegel J. Research into practice: Teaching notetaking to L2 students. / Cambridge University Press – 2020 - PP. 1-15.
10. Strevens P. Special-Purpose Language Learning: A Perspective. / P. Strevens // Wolfson College – Cambridge, 2008 - P. 145 -163.
11. Römer U. Applied corpus linguistics for language acquisition, pedagogy, and beyond / U. Römer // Cambridge University Press, - 2021 - PP. 1-12.
12. Rose H. Defining English Medium Instruction: Striving for comparative equivalence / H. Rose, E. Macaro // Cambridge University Press – 2021 - PP. 1-12.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.17>**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЙКОНИМОВ КАРМАСКАЛИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН, ОТРАЖЕННЫЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ГАЗЕТАХ**

Научная статья

Полякова Е.В.¹*, Костромина Д.А.²¹ ORCID: 0000-0001-6606-6342;² ORCID: 0000-0003-0933-5993;^{1, 2} Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (fotodarr[at]mail.ru)

Аннотация

Кармаскалинский район имеет географическое соседство с Уфимским районом, одним из наиболее развитых в Республике Башкортостан. Однако такое соседство не спасает район от потери таких элементов исторического наследия, как происхождение названий населенных пунктов. Исследование лексических особенностей топонимических единиц Кармаскалинского района – важная составляющая изучения истории и культуры народонаселения, его языкознания. Наиболее полная информация о происхождении топонимов содержится в исторических источниках, использованных в настоящем исследовании. В статье рассмотрены ойконимы сельских населенных пунктов Кармаскалинского района, образованные от лексических единиц башкирского языка, антропонимов и ойконимов некоторого иного происхождения. Выявлены главные особенности происхождения Кармаскалинских ойконимов.

Ключевые слова: Лексические особенности топонимов, башкирский язык, Кармаскалинский район, дореволюционные газеты.

LEXICAL FEATURES OF THE OECONYMS OF THE KARMASKALINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN REFLECTED IN PRE-REVOLUTIONARY NEWSPAPERS

Research article

Polyakova E.V.¹*, Kostromina D.A.²¹ ORCID: 0000-0001-6606-6342;² ORCID: 0000-0003-0933-5993;^{1, 2} Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (fotodarr[at]mail.ru)

Abstract

The Karmaskalinsky district is a neighboring area of the Ufa district, which is one of the most developed regions in the Republic of Bashkortostan. However, such adjacency does not save the district from the loss of such elements of historical heritage as the origin of the names of settlements. The study of lexical features of toponymic units of the Karmaskalinsky district is an important component of exploring the history and culture of the population and its linguistic aspects. The most complete information about the origin of toponyms is contained in the historical sources used in this study. The article examines the oeconyms of rural settlements of the Karmaskalinsky district formed from lexical units of the Bashkir language, anthroponyms and eoconyms of other origin; the author also identifies the main features of the origin of the oeconyms from the region under study.

Keywords: lexical features of toponyms, Bashkir language, Karmaskalinsky district, pre-revolutionary newspapers.

Введение

Большая часть информации об этногенезе башкирского народа, расселения населения на территории Кармаскалинского района и формирования топонимики изучаемой территории представлена посредством анализа статей дореволюционных газетных выпусков «Оренбургских...» и «Уфимских губернских ведомостей», некоторых современных научных источников, а также опроса местных жителей. Целью исследования является анализ лексических особенностей топонимики Республики Башкортостан. В статье впервые предпринята попытка исследования ойконимов Кармаскалинского района, отраженных в дореволюционных газетах. В задачу исследования входит выявление специфики местных ойконимов.

Основные результаты**История расселения населения Кармаскалинского района**

Территория Кармаскалинского района обладает богатыми природными ресурсами. Именно благодаря сочетанию природных компонентов: благоприятному климату, плодородным почвам, разнообразной растительности и животному миру, наличию водоёмов и водотоков, на этой территории издревле образовывались поселения древних племен [4]. История заселения территории современного Кармаскалинского района уходит своими корнями в середину XV века, в то время, когда древние башкиры начали активно переходить от кочевого образа жизни к оседлому. Немногим позднее на территорию стали переселяться другие племена – русские, татары, чуваш и мордва, – привнёсшие свою культуру и быт в жизнедеятельность башкир [5]. До наших времен сохранились некоторые названия древних поселений башкир, такие как Алайгир, Бишаул-Унгар, Верхний Тюкунь и другие.

В 1676 году местная Табынская волость была разделена на пять крупных вотчинных земель с сохранением уже образованных населённых пунктов и постепенным основанием новых. В 1758 году по берегам двух рек Карламан и Кармаскалы было образовано поселение Кармаскалы, которое, во многом благодаря такому расположению, быстро разрасталось.

К 1870 году началось активное освоение земель, и на территории современного Кармаскалинского района башкирское население составляло не основную часть, а чуть больше 26%, остальные 75% приходились на татар (48%), русских (12%), чувашей (6%) и мордвы (3%) и некоторые другие народы (5%). Заметно возрастала и численность населения, увеличившись к 1913 году почти в 2 раза.

Ранее Кармаскалинский район носил статус волости, непостоянными были и границы. С 1918 по 1929 год Кармаскалинская волость переходила от Дуван-Табынской к Стерлитамакскому уезду, далее к Табынскому кантону, позднее к Стерлитамакскому кантону, затем Кармаскалинская волость расширяется и входит в состав Уфимского кантона, отделяется и в 1930 году становится районом, закрепив современные границы.

К 2006 году район был зарегистрирован как муниципальный. Районным центром является село Кармаскалы, которое было основано ещё в далеком 1758 году. На территории Кармаскалинского района расположены 122 населённых пункта сельского типа, 16 из которых непосредственно сёла. Населённые пункты городского типа в районе отсутствуют [2].

Обсуждение

Лексический анализ колонимов Кармаскалинского района

В ономастике, – разделе языкознания, изучающем собственные имена, — существует отдельный раздел, посвященный названиям географических объектов. Общий термин, обозначающий названия географических объектов, – «топоним» (от древнегреческих τόπος – место; ὄνομα – имя, название), а населённых пунктов – «ойконим» (от древнегреческих οἶκος – жилище, дом; ὄνομα – имя, название). В состав Кармаскалинского района входят 122 населённых пункта, и все они относятся к сельскому типу. Названия сельских населённых пунктов принято называть термином «колоним» (от древнегреческих κόμη – деревня, селение, поселок; ὄνομα – имя, название) [1], [7]. Пример используемых терминологических единиц в настоящем исследовании представлен на схеме (таблица 1).

Таблица 1 – Топонимическая терминология

Топонимы		
	ойконимы	
		колонимы

Примечание: составлено авторами по данным [7]

Колонимы Кармаскалинского района условно можно разделить по происхождению на 3 крупные группы:

- 1) образованные от башкирских лексических единиц (таб. 2);
- 2) антропонимического происхождения (таб. 3);
- 3) другого происхождения (таб. 4).

Таблица 2 – Колонимы Кармаскалинского района, образованные от башкирских лексических единиц

Муниципальное образование	Населенный пункт	
	Название на русском	Происхождение названия
Адзитаровский сельсовет	Кушкуль	от башк. «птичье озеро»
	Сулу-Куак	от башк. «водяной кустарник»
	Тансаитово	от башк. «утренний рассвет»
	Чишма	от башк. «родник»
	Якты-Ялан	от башк. «светлая поляна»
Бузовьязовский сельсовет	Алмалык	от башк. «яблочное место»
	Бузовьязбаш	от башк. «ледяная весна» и «исток»
	Бузовьязы	от башк. «ледяная весна»
	Алайгирово	от башк. «пестрый жеребец»
Ефремкинский сельсовет	Алмалык	от башк. «яблочное место»
	Кулярово	от башк. «озёра»
	Новоказанка	от башк. «казан» или «котёл»
Кабаковский сельсовет	Кабаково	от башк. «тыква» или от антропонима кабаков
	Сальзигутово	от башк. «освободитель от позора»
	ст Кабаково	от башк. «тыква» или от антропонима кабаков
	Старые Киешки	от башк. «кривой» или «кривое озеро»
Камышлинский сельсовет	Каракуль	от башк. «черное озеро»
	Малаево	от башк. «мальчик»
Карламанский сельсовет	Карламан	от башк. «снежный»
	Кустугулово	от этнонима и башк. «монгольская сила»
	Улукулево	от башк. «большое озеро»
Кармаскалинский сельсовет	Кармаскалы	от башк. «муравей»
	Новоакташево	от башк. «белая гора»
Новокиешкинский сельсовет	Новые Киешки	от башк. «кривой» или «кривое озеро»
	Сарт-Чишма	от этнонима сарты и башк. «родник»
	Тубяк-Тазларово	от башк. «край» и этнонима таз
Подлубовский сельсовет	Булякай	от башк. «подарок»
	Сарсаз	от башк. «желтое болото»
	Суук-Чишма	от башк. «холодный родник»
	Якты-Куль	от башк. «светлое озеро»
Савалеевский сельсовет	Бишаул-Унгарово	от башк. «пять деревень» и антропонима унгар
Сахаевский сельсовет	Красноярво	от башк. «красный берег»
	Куяшкино	от башк. «солнечный»
	Староакташево	от башк. «белый камень»
Старобабичевский сельсовет	Карламанбаш	от гидронима карламан с башк. «снежный»
	Новый Бишаул	от башк. «пять деревень»
Старомусинский сельсовет	Аккуль	от башк. «белое озеро»
	Актюба	от башк. «белая вершина»
Шаймуратовский сельсовет	Ильтеряково	от башк. «край тополей»
	Таусенгирово	от башк. «жилистая гора»

Примечание: составлено автором и по данным [9]

По данным таблицы 2 наблюдается закономерность происхождения названий в использовании башкирских лексических единиц, обозначающих природные явления и объекты. Населенные пункты, расположенные в непосредственной близости к водоёмам и водотокам имеют особенности названий:

– В названиях Кушкуль, Каракуль, Якты-куль, Аккуль окончание *-куль* (башк. күл) переводится как «озеро», встречается также в названии Кулярово.

– Башкирское название Чишма дословно переводится как «родник», встречается также в названиях Сарт-Чишма и Суук-Чишма, с добавлением приставочных *сарт-*, обозначающее народность сарты, и *суук-* «холодный».

– Некоторые башкирские названия образованы от названий растительности, которая характерна в определенной местности: Сулу-Куак «водяной кустарник», Алмалык «яблочное место», Ильтеряково «край тополей».

– Наблюдаются также названия, образованные словосочетаниями и отдельными словами, обозначающими качественные признаки природного характера: Тансаитово «утренний рассвет», Якты-Ялан «светлая поляна», Карламан «снежный», Новоакташево и Староакташево «белая гора», Сарсаз «желтое болото», Красноярово «красный берег», Куяшкино «солнечный», Таусенгирово «жилистая гора».

Проведя анализ некоторых статей дореволюционных губернских газет, можно сделать выводы о том, что башкирские племена основывали свои поселения исходя из благоприятных для повседневной жизни имеющихся природных особенностей местности: наличие водотоков и водоёмов с пресной водой для приготовления пищи и бытовых нужд, нахождение неподалеку лесных массивов для охоты, собирательства и добывания материалов ремесла. Однако на формирование некоторых топонимических единиц также повлияло происхождение и самих башкир. Свою роль сыграли и пришлые на территории проживания башкирских племен иные народности [10].

Немалая часть колонимов Кармаскалинского района имеет антропонимическое (от древнегреческих *ἄνθρωπος* – человек; *ὄνομα* – имя) происхождение от личных имен или фамилий значимых исторических личностей либо владельцев земель (таб. 2). Свидетельства тому прослеживаются на страницах некоторых выпусков губернских газет [6], [8].

Таблица 3 – Колонимы Кармаскалинского района антропонимического происхождения

Муниципальное образование	Название населенного пункта	Муниципальное образование	Название населенного пункта
Адзитаровский сельсовет	Адзитарово	Кармаскалинский сельсовет	Константиновка
	Елизаветино		Николаевка
	Новоалексеевка		Ульяновка
	Староалексеевка	Новокиешинский сельсовет	Калгановка
	Староянбеково		Мукаево
	Яковлевка		Мурзино
Бузовьязовский сельсовет	Александровка		Утяганово
Ефремкинский сельсовет	Антоновка	Подлубовский сельсовет	Бекетово
	Бочкаревка		Вязовка
	Георгиевка		Ляхово
	Дмитриевка		Орловка
	Ефремкино		Ракитовка
	Матросовка		Сарт-Наурузово
	Мурсяково		Ибрагимово
	Никифоровка		Муксиново
Кабаковский сельсовет	Балтино	Прибельский сельсовет	Савалеево
	Верхнетимкино		Кулушево
	Верхнеугличино	Сахаевский сельсовет	Сахаево
	Нижнетимкино		Старошареево
	Новомусино		Сысканово
	Романовка	Старобабичевский сельсовет	Абдуллино
	Сихонкино		Новобабичево
Камышлинский сельсовет	Александровка		Новый Куганак
	Новопетровка		Смоленка
Карламанский сельсовет	Ивановка	Старомусинский сельсовет	Старобабичево
	Михайловка		Арсланово
	Покровка		Ильтуганово
	Урал		Новомусино
	Шарипкулово		Старомусино
Кармаскалинский сельсовет	Аксаково	Шаймуратовский сельсовет	Грачевка
	Алексеевка		Новоандреевка
	Качеван		Шаймуратово

Примечание: составлено автором и по данным [9]

Рассмотрим ещё несколько топонимических единиц Кармаскалинского района, имеющих иное происхождение (таб. 4). Название Боркотле произошло от названия птицы беркут, преобразованное на башкирский лад с окончанием

-ле, которое свойственно некоторым тюркским языкам. Также встречаются колонимы, образованные от гидронимов: Верхний и Нижний Тюкунь (р. Тюкунь), Камышлинка (р. Камышлы), Прибельский и Бельский (р. Белая), Симский (р. Сим). От названий растительности произошли названия сельских поселений Березовка и Липовка. Большое значение градообразующего предприятия отражено в названии поселения ст. Сахарозаводская. Происхождение колонима Кальмовка Николаевского сельсовета определить не удалось.

Таблица 4 – Топонимы Кармаскалинского района различного происхождения

Муниципальное образование	Населенный пункт	
	Название на русском	Происхождение названия
Адзитаровский сельсовет	Боркотле	от птицы беркут
Камышлинский сельсовет	Верхний Тюкунь	от гидронима «тюкунь»
	Камышлинка	от гидронима «камышлы»
	Нижний Тюкунь	от гидронима «тюкунь»
Карламанский сельсовет	Октябрь	от названия месяца
Кармаскалинский сельсовет	Березовка	от названия растительности
	Новотроицк	от ойконима «троицк»
Новокиешкинский сельсовет	ст Тазларово	от этнонима «таз»
Подлубовский сельсовет	Подлубово	предположительно от материала ремесла
Прибельский сельсовет	Прибельский	от гидронима «белая»
	ст. Сахарозаводская	от названия предприятия
	Набережный	от местности
Сахаевский сельсовет	Бельский	от гидронима «белая»
	Симский	от гидронима «сим»
Старобабичевский сельсовет	Адвокатовка	от профессии адвокат
	Липовка	от названия растительности липа
Шаймуратовский сельсовет	Варшавка	от ойконима «варшава»

Заключение

Упомянутые в настоящем исследовании колонимы Кармаскалинского района имеют простое происхождение: наиболее часто встречаются названия, образованные от башкирских лексических единиц, обозначающие природные объекты и явления. Такой факт свидетельствует о том, что при формировании названий своих поселений, башкирский народ большое значение уделял естественной составляющей своей повседневной жизни, неразрывности своего происхождения с природой. Носители башкирского языка без труда смогут определить основу башкирской лексики в топонимике практически любого района Республики Башкортостан и соседних субъектов России.

В топонимических единицах Кармаскалинского района, образованных от антропонимов, прослеживаются личные имена и фамилии как славянского, так и тюркского происхождения. Это говорит о том, что владение землями Кармаскалинского района не были закреплены абсолютно за башкирами. Некоторые современные антропонимические колонимы Кармаскалинского и других районов Республики Башкортостан ранее имели иные названия. На изменение многих названий населенных пунктов оказали влияние смена владельцев или управленцев земель и некоторые макро- и мезополитические факторы революционных времен и других значимых исторических событий.

Изучение происхождения региональной топонимики помогает укрепить связь с территорией, воспитывает патриотичность духа и более бережное отношение к истории родного края. Подобные исследования могут пролить свет не только на историю топонимики изучаемой местности, но и на общую картину и характер культуры населения на протяжении времен.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абдуллина Г. Р. Лексико-семантические, словообразовательные особенности тюркских эргонимов, функционирующих в лингвистическом пространстве Республики Башкортостан / Г. Р. Абдуллина, Л. Ф. Абубакирова, Л. Ф. Аюпова // Проблемы востоковедения. – 2019. – № 3(85). – С. 70-75. DOI: 10.24411/2223-0564-2019-10311.
2. Адельмурзина И. Ф. Использование историографического анализа работ по природопользованию при изучении географии Республики Башкортостан / И. Ф. Адельмурзина, С. А. Литвинова, Н. В. Николаева и др. // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 2(24). – С. 205-216. DOI: 10.15350/2409-7616.2020.2.19.
3. Ласынова Н. А. Этнонимы в составе топонимов Республики Башкортостан / Н. А. Ласынова // Единство. Гражданственность. Патриотизм: Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан, Уфа, 22–23 марта 2019 года. – Уфа: Издательство «Мир Печати», 2019. – С. 317-319.
4. Оренбургские губернские ведомости, 1847: № 24.

5. Оренбургские губернские ведомости, 1847: № 30.
6. Оренбургские губернские ведомости, 1852: № 12.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
8. Садыкова Н.А. Особенности культурно-специфической лексики в структуре газетного текста дореволюционного периода на примерах газет «Уфимские» и «Пермские губернские ведомости» / Н.А. Садыкова, Е.В. Полякова // Вестник Башкирского университета. – 2021. - Т. 26. № 2. – С. 515–519. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.42.
9. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. – 200 с.
10. Уфимские губернские ведомости, 1893: № 2.

Список литературы на английском / References in English

1. Abdullina G. R. Leksiko-semanticheskie, slovoobrazovatel'nye osobennosti tyurkskih ergonimov, funkcioniruyushchih v lingvisticheskom prostranstve Respubliki Bashkortostan [Lexico-semantic, word-formation features of Turkic ergonyms functioning in the linguistic space of the Republic of Bashkortostan] / G. R. Abdullina, L. F. Abubakirova, L. F. Ayupova // Problems of Oriental studies. – 2019. – № 3(85). – Pp. 70-75. DOI: 10.24411/2223-0564-2019-10311 [in Russian]
2. Adelmurzina I.F. Ispol'zovanie istoriograficheskogo analiza rabot po prirodopol'zovaniju pri izuchenii geografii Respubliki Bashkortostan [The use of historiographical analysis of works on nature management in the study of the geography of the Republic of Bashkortostan] / I. F. Adelmurzina, S. A. Litvinova, N. V. Nikolaeva et al. // CITISE. – 2020. – № 2(24). – Pp. 205-216 DOI: 10.15350/2409-7616.2020.2.19 [in Russian]
3. Lasynova N. A. Ehtnonimy v sostave toponimov Respubliki Bashkortostan [Ethnonyms as part of toponyms of the Republic of Bashkortostan] / N. A. Lasynova // Edinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm: Sbornik nauchnykh trudov k 100-letiju Respubliki Bashkortostan [Unity. Citizenship. Patriotism: Collection of scientific papers for the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan], Ufa, March 22-23, 2019. - Ufa: Publishing House «Mir Pechati», 2019. - pp. 317-319 [in Russian]
4. Orenburgskie gubernskie vedomosti [Orenburg Provincial Bulletin], 1847: No. 24 [in Russian]
5. Orenburgskie gubernskie vedomosti [Orenburg Provincial Bulletin], 1847: No. 30 [in Russian]
6. Orenburgskie gubernskie vedomosti [Orenburg Provincial Bulletin], 1852: No. 12 [in Russian]
7. Podolskaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskij terminologii. II ed., pererab. i dop. [Dictionary of Russian onomastic terminology. 2nd Ed., Revised and Expanded] / A. V. Superanskaya. - M.: Nauka, 1988. - 192 p. [in Russian]
8. Sadykova N.A. Osobennosti kul'turno-spezificheskij leksiki v strukture gazetnogo teksta dorevoljucionnogo perioda na primerakh gazet «Ufimskie» i «Permskie gubernskie vedomosti» [Features of cultural-specific vocabulary in the structure of the newspaper text of the pre-revolutionary period on the examples of the newspapers "Ufa" and "Perm provincial Vedomosti"] / N. A. Sadykova, E. V. Polyakova // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir State University].– 2021. – Vol. 26. No. 2. – Pp. 515-519. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.42 [in Russian]
9. Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1980. - 200 p. [in Russian]
10. Ufimskie gubernskie vedomosti [Ufa Provincial Newspaper], 1893: No. 2 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.18>**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «РОДИНА» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Научная статья

Гююшова Л.М. *

ORCID: 0000-0001-8593-8513,

Московский авиационный институт, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (leyla_mazakhirovna[at]bk.ru)

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу концепта «родина» в русской, азербайджанской и английской (британской) паремиологии. Пословицы, вербализующие данный концепт, отражают языковую картину мира и позволяют выявить некоторые особенности национальной культуры и менталитета, что способствует развитию межкультурного общения. Проведенный анализ выявил сходства и различия восприятия Родины русских, англичан и азербайджанцев. Исследовано 203 пословицы, вербализующих концепт «родина». Проведён анализ словарных дефиниций для сопоставления понятия «родина» в трёх языках. Сопоставительный анализ позволил составить семантическую классификацию пословиц трёх языков (азербайджанские пословицы распределены на 6 групп, русские – на 5, английские – на 3 группы).

Ключевые слова: пословицы, паремиология, концепт «родина», сопоставительный анализ, азербайджанский язык, русский язык, английский язык.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PAROEMIAS VERBALIZING THE CONCEPT OF "RODINA" (HOMELAND) IN RUSSIAN, ENGLISH, AND AZERBAIJANI LANGUAGES

Research article

Goyushova L.M. *

ORCID: 0000-0001-8593-8513,

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

* Corresponding author (leyla_mazakhirovna[at]bk.ru)

Abstract

The article conducts a comparative analysis of the concept of "rodina" (homeland, motherland) in Russian, Azerbaijani and English (British) paremiology. Proverbs that verbalize this concept reflect the linguistic worldview and allow for identifying some features of national culture and mentality, which contributes to the development of intercultural communication. The analysis revealed similarities and differences in the perception of the Homeland of Russians, British and Azerbaijanis. The article also examines 203 proverbs that verbalize the concept of "homeland" and provides an analysis of dictionary definitions to compare the concept of "homeland" in three languages. Comparative analysis allowed for making a semantic classification of proverbs of three languages (Azerbaijani proverbs are divided into 6 groups, Russian – into 5, English – into 3 groups).

Keywords: proverbs, paremiology, the concept of "homeland", comparative analysis, Azerbaijani, Russian, English.

Введение

Одним из ключевых подходов в современных лингвистических исследованиях является антропоцентрический подход, позволяющий изучать не только язык, но и его взаимосвязь с культурой и менталитетом народа-носителя. Данная работа посвящена изучению концепта «Родина», который является универсальным в концептосфере национального языка. Несмотря на универсальный характер, он имеет национально-специфические черты. Концепт «Родина» исследовался лингвистами как в отдельной языковой картине [8], так и в сопоставлении нескольких языков [7]. Новизной данной работы является выбор трёх разнотипных языков, паремиологический фонд которых ранее не изучался в сопоставлении. Исследование вербализации концепта «Родина» в русских, азербайджанских и английских пословицах позволяет выявить некоторые национальные особенности языковой картины мира, что способствует развитию межкультурного общения и доказывает актуальность данного исследования. Наиболее эффективным путем определением национально-специфичных концептов в языках является межязыковое сопоставление данных концептов.

В паремиях хранятся культурные традиции народного менталитета, «в них отражены моменты жизнедеятельности определенного языкового социума» [6, С. 10].

Материалом исследования послужили азербайджанские, русские и английские пословицы, представленные в словарях и сборниках пословиц [5], [10] и онлайн ресурсах [8], [13]. Всего было проанализировано 203 пословицы о «родине», из которых 76 азербайджанских пословиц, 95 русских и 32 английские пословицы. Само количество пословиц в каждом языке может отражать значимость понятия в языковой картине мира.

Методы и принципы исследования

В качестве ведущих методов исследования были использованы сопоставительный, описательный, метод сплошной выборки, метод концептуального анализа, лингвокультурологический метод и метод анализа словарных дефиниций.

Основные результаты

Пословицы представляют незаменимый материал для исследования культурно-исторических особенностей народа и его языковой картины мира. Концепт «Родина» в сознании носителей азербайджанского, русского и английского языков является культурно специфичным и отражает различия и сходства в восприятии понятия «родина» и отношении к ней.

Для выявления существующих дефиниций лексемы «родина» в данных языках были проанализированы словарные статьи толковых словарей, словарей синонимов и антонимов [5], [9], [11].

Таблица 1 – Понятие «Родина» в русском языке

определение	синонимы	антонимы
Родина: 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отчество. 2. Место зарождения, произрастания чего-л. 1. Отечество; страна, в к-рой человек родился и гражданином к-рой он состоит. 2. перен. Место возникновения чего-н. [5]	отчизна, отечество, колыбель, прародина, родная страна, родная земля, отчий край, край отцов, родная сторона, родная сторонка, родные палестины, родные осыны, родные места [5]	чужбина, граница, чужой [5]

Таблица 2 – Понятие «Vətən» в азербайджанском языке

Определение	синонимы	антонимы
Vətən (Родина)- Bir adamın doğulub böyüdüüyü və vətəndaşı olduğu ölkə, məmləkət (место рождения и проживания человека, страна, гражданином которой является человек); doğma yurd (родной край, родная земля), Ana yurd (родина, материнский край, отчизна) [11].	Məskən (жилье, место проживания), yurd (край, дом), yuva (гнездо), torpaq (земля) [11]	Qürbət (чужбина) [11]

Таблица 3 – Понятие «Homeland» в английском языке

определение	синонимы	антонимы
Homeland 1. the country you were born in, 2. (in the past) one of the areas in South Africa in which black people were separated from whites under the political system of apartheid, - the country in which you were born, or the country with which you feel most connected [9]	motherland, mother country, fatherland, home, house, nest	far away land, foreign country, alien land, another country, distant lands, faraway country, faraway land, foreign land, other countries, strange land, unfamiliar land, abroad, country beyond the seas, country over the sea, distant country, distant land

Как показано в таблицах 1,2,3, понятия «Родина»/ «Vətən» / «Homeland» означают место, где родился, где рос, это родная земля, дом.

Мы проанализировали пословицы о Родине в трёх рассматриваемых языках и выявили сходства и различия, распределив их по семантическим нескольким группам.

Так, в азербайджанских пословицах (atalar sözü) можно выделить несколько групп:

1. Отражающие любовь к Родине: *Dünyada Vətəndən əziz nə var?* – Что в мире дороже Родины? *Bülbül gülü sevər, insan – Vətəni.* – Садовник любит цветы, человек-Родину, *Doğma yurd şirin olar.* – Родной край сладок, *Hər kəsə öz Vətəni əzizdir.* – Каждому своя родина дорога.

2. Сравнивающие родину с матерью: *Bu dünyada şirin şey, bir anadır, bir Vətən.* – В этом мире самое милое-мать и родина, *Ana kimi yar olmaz, Vətən kimi diyar* – Нет друга лучше матери, нет страны лучше родины; *Vətən doğma anadır, qürbət ögey ana.* – Родина-мать, чужбина-мачеха.

3. Противопоставляющие родину и чужбину: *Vətənin bir qışı qürbətin yüz baharından yaxşıdır* – зима на родине лучше ста весен на чужбине, *Vətəni yadına düşən qərrib ağlamasın, neyləsin?* – Как не плакать живущему на чужбине, вспомнив родину? *Qürbət görməyən adam vətən qədri bilməz* – Не видевший чужбину, не будет ценить родину. *Qürbətdə xan olunca, Vətəndə dilən, göz.* – Лучше быть попрошайкой на родине, чем ханом на чужбине. *Köçən yurdu qədrini, düşən yurdda bilərlər.* – Переехав, ценишь край родной. *Gəzməyə qərrib ölkə, ölməyə vətən yaxşı.* – Гулять лучше за границей, а умереть-на родине.

4. Отражающие готовность защищать и умереть за родину: *Uğrunda qan tökülən torpağa VƏTƏN deyilir* – Родиной называют землю, за которую была пролита кровь. *Vətən uğrunda qan, dostunuz uğrunda göz yaşı, ailəniz uğrunda tər tökün.* – Проливайте кровь за Родину, слёзы –за друга, пот-ради семьи. *Ölər Koroğlu getməz bu yurddan* – Умрёт Кёроглу (герой народного эпоса), да не покинет этот край. *Ac qal, topal qal, kör qal, fəqət torpaqsız qalma.* – Остаться можешь голодным, хромым, слепым, но не оставайся без земли родной.

5. Связывающие родной народ и родину: *Elin gücü bir olsa, düşməni dara çəkər.* – Если сила народа едина, то враг будет побежден. *Nə qədər uzaq olsa, yol yaxşıdır, Nə qədər yaman olsa, el yaxşıdır.* – Как бы далека ни была, но дорога-

хороша, каким бы ни был плохим, свой народ мил. *Yersiz - el yetim, Elsiz - yer yetim*- Без края родного народ-сирота, без народа – родина.

6. Родина-дом: *Vətən elin evi, dayağıdır* – Родина-дом и поддержка народа. *Dağ yeri – duman yeri, Yurd yeri – gümən yeri*. – Горная местность туманна, Родной край-надежен.

Среди русских пословиц выявлены:

1. Сравнивающие Родину с матерью: *Одна у человека мать, одна у него и родина; Родина - всем матерям мать; Родина любимая – мать родимая; Родину-мать учись защищать; Родная сторона — мать, чужая — мачеха;*

2. Сравнивающие с гнездом: *Глуна та птица, которой свое гнездо не мило,*

3. Сравнивающие с героем, отражающие стремление защищать родину: *Береги землю родную, как мать любимую, Береги Родину, как зеницу ока, В бою за отчизну и смерть красна; Герой — за Родину горой; Главное в жизни — служить отчизне, Лучший друг – мать, лучшая страна – Родина, Любовь к Родине сильнее смерти.*

4. Характеризующие родину и чужбину:

а. выражающие любовь к родине, тоску по ней на чужбине: *На родной стороне даже дым сладок; На чужбине и собака тоскует; О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет; В своём болоте и лягушка поёт; Всяк кулик на своём болоте велик; Всяк кулик свое болото хвалит; Всякая птичка свое гнездо бережет; Своя сторонка и собаке мила; На чужбине родная земля и во сне снится; На чужбине, словно в домовине, — и одиноко, и немо; На чужой стороне и весна не красна; На чужой стороне и сокола зовут вороною; На родной стороне даже дым сладок; На родной стороне и камешек знаком; И пылинки родной земли — золото; За морем веселье — да чужое, а у нас и горе — да своё; За морем теплее, а у нас светлее; Ищи добра на стороне, а дом любви по старине; Каждому мила своя сторона; Каждому свой край сладок; Кто где родился, там и пригодился;*

б. поиск лучшей жизни за границей: *Где ни жить, только бы сыту быть; И за горами люди; И за рекой люди живут; Сокол на одном месте не сидит, а где птицу видит, туда и летит; Дома сидеть — ничего не высидеть.*

5. О народе: *Народное братство дороже всякого богатства; Народы нашей страны дружбой сильны; Если народ един, он непобедим.*

В английских пословицах (proverbs) само слово “homeland” не встречается, но подразумевается при использовании таких лексем как *home, house, country, nest*. Мы выделили следующие группы паремий:

1. Отражающие любовь к родине: *Home is where the heart is.* - Дом там, где сердце. *A bad bird is that that stains its own nest. A man's house is his castle / An Englishman's house is his castle / My home is my castle.*- Мой дом-моя крепость. *Birds live in their nests peacefully. Charity begins at home. Every bird likes its own nest.* - Всяк кулик свое болото хвалит. *Every bird loves its nest. Every cock will crow upon his own dunghill. Every dog is a lion at home.* - Всяк кулик на своем болоте велик. *It is a foolish bird that soils its own nest.*

2. Сравнение родины с чужбиной: *East or West — home is best.* - В гостях хорошо, а дома лучше. *He has no home whose home is everywhere. Home is home though it be never so homely. The more you wander, the more desirable your home is. The wider we roam, the welcomer home.* - Всякому мила своя сторона. *There is no place like home. Whether it's east or west, but home is better. Dry bread at home is better than roast meat abroad; Go abroad and you'll hear news of home.*

3. Готовность защищать родину: *As long as you are ready to die for humanity, the life of your country is immortal.* До тех пор, пока Вы готовы отдать свою жизнь за человечество, ваша Родина –бессмертна. *Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country.*

Заключение

Сопоставительный анализ паремий, представляющих концепт «Родина» в азербайджанском, русском и английском языках, показал, что данный концепт имеет важное значение для раскрытия национальной языковой картины мира. Во всех рассматриваемых языках ярко отражена любовь к родной земле, готовность защищать и оберегать её, тоска по родине на чужбине, ассоциация родины с домом. Однако, русские и азербайджанские пословицы содержат сравнение родины с матерью и готовность умереть за неё. Рассматриваемый концепт имеет как универсальные черты, так и национально специфические.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Свинцова А.А. Лингвокультурная доминанта «дом-родина-чужбина» в русских и английских пословицах. дис. ...канд.: 10.02.19 : защищена 2022-04-04 : утв. 2022-04-04 / А.А. Свинцова – Ижевск: 2022. – 20 с.
2. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. / J. Speake – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 625 p.
3. Привалова И.В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка. / И.В. Привалова // Язык. Сознание. Коммуникация. . – 2001. – 18. – с. 10-17.
4. Ибрагимова М.О. Специфика паремий, вербализующих концепт "Родина", в рутульской и русской концептосферах. / М.О. Ибрагимова // Язык и текст. – 2019. – 1. – с. 57-61.
5. Tadjieva M.F. The concept “love for the homeland” in the English and Uzbek proverbs. [Electronic source] / M.F. Tadjieva // European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. – 2019. – №12. – URL: <http://www.idpublications.org/wp-content/uploads/2019/11/Full-Paper-THE-CONCEPT-LOVE-FOR-THE-HOMELAND-IN-THE-ENGLISH-AND-UZBEK-PROVERBS.pdf> (accessed: 10.03.22)

6. Галимова Э.Н. Лексико-семантическое поле понятия «родина» в русской паремии [Электронный ресурс] / Э.Н. Галимова // Лесосибирский педагогический институт. – 2016. – URL: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2014/Philologia/7_160906.doc.htm (дата обращения: 15.03.22)
7. Алиева С.А. Репрезентация концепта «родина» в арабских и кумыкских паремиях. [Электронный ресурс] / С.А. Алиева, А.С. Зурхаева А.С. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №6. – URL: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2021/06/6-108-5.pdf#page=137> (дата обращения: 13.03.22) DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.165
8. Баско Н.В. Русские пословицы и поговорки о родине как отражение национальной ментальности (лингвистический и методический аспекты) [Электронный ресурс] / Н.В. Баско // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – №77. – URL: <https://portal.novsu.ru/file/1092845> (дата обращения: 10.03.22)
9. Онлайн-словари русского языка. [Электронный ресурс] / URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 15.03.2022)
10. Cambridge Dictionary. [Electronic resource] / URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/motherland> (accessed: 15.03.2022)
11. Bəydilli C. (Məmmədov). Atalar sözü [Электронный ресурс] / Bəydilli C. - Öndər nəşriyyat, Bakı, 2004. - 264 səh. - URL: http://anl.az/el/latin_grafikasi/axe/as.pdf (дата обращения: 12.03.2022)
12. Obastan. Lüğətlər. Azərbaycan dili. [Электронный ресурс] / URL: <https://obastan.com/> (дата обращения: 15.03.2022)
13. Vətənə aid atalar sözləri. [Электронный ресурс] / Təhsil Portalı. URL: <https://tehsil.com.az/veten-haqqinda-atalar-sozleri/> (дата обращения: 13.03.2022)

Список литературы на английском / References in English

1. Svinczova A.A. Lingvokul'turnaya dominanta «dom-rodina-chuzhbina» v russkix i anglijskix poslovicax. [Linguistic and cultural dominant "home-motherland-foreign land" in Russian and English proverbs] dis....of PhD in Social and human sciences: 10.02.19 : defense of the thesis 2022-04-04 : approved 2022-04-04 / A.A. Svinczova – Izhevsk: 2022. – 20 p. [in Russian]
2. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. / J. Speake – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 625 p.
3. Privalova I.V. Otrazhenie nacional'no-kul'turny'x cennostej v paremiologicheskom fonde yazy'ka [Reflection of national and cultural values in the paremiological fund of the language Language]. / I.V. Privalova // Yazy'k. Soznanie. Kommunikaciya. [Language. Consciousness. Communication.]. – 2001. – 18. – p. 10-17. [in Russian]
4. Ibragimova M.O. Specifika paremij, verbalizuyushix koncept "Rodina", v rutul'skoj i russkoj konceptosferax [The Specificity of Paremiology Verbalizing the Concept "Motherland" in the Rutulian and Russian Conceptual Spheres]. / M.O. Ibragimova // Yazy'k i tekst [Language and Text]. – 2019. – 1. – p. 57-61. [in Russian]
5. Tadjieva M.F. The concept "love for the homeland" in the English and Uzbek proverbs. [Electronic source] / M.F. Tadjieva // European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. – 2019. – №12. – URL: <http://www.idpublications.org/wp-content/uploads/2019/11/Full-Paper-THE-CONCEPT-LOVE-FOR-THE-HOMELAND-IN-THE-ENGLISH-AND-UZBEK-PROVERBS.pdf> (accessed: 10.03.22)
6. Galimova E'.N. Leksiko-semanticheskoe pole ponyatiya «rodina» v russkoj paremii [Lexico-semantic field of the concept "motherland" in Russian proverb] [Electronic source] / E'.N. Galimova // Lesosibirsk Pedagogical Institute. – 2016. – URL: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2014/Philologia/7_160906.doc.htm (accessed: 15.03.22) [in Russian]
7. Alieva S.A. Reprezentaciya koncepta «rodina» v arabskix i kumy'kskix paremiyax. [Representation of the concept "motherland" in Arabic and Kumyk proverbs] [Electronic source] / S.A. Alieva, A.S. Zurxaeva // International Research Journal. – 2021. – №6. – URL: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2021/06/6-108-5.pdf#page=137> (accessed: 13.03.22) DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.165 [in Russian]
8. Basko N.V. Russkie posloviцы' i pogovorki o rodine kak otrazhenie nacional'noj mental'nosti (lingvisticheskij i metodicheskij aspekty') [Russian proverbs and sayings about the motherland as a reflection of the national mentality (linguistic and methodological aspects)] [Electronic source] / N.V. Basko // Bulletin of the Novgorod State University. – 2014. – №77. – URL: <https://portal.novsu.ru/file/1092845> (accessed: 10.03.22) [in Russian]
9. Onlajn-slovari russkogo jazyka. [Online dictionaries of the Russian Language] [Electronic resource] / URL: <https://lexicography.online/> (accessed: 15.03.2022) [in Russian]
10. Cambridge Dictionary. [Electronic resource] / URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/motherland> (accessed: 15.03.2022)
11. Bəydilli C. (Məmmədov). Atalar sözü [(Mammadov). Proverb] [Electronic resource] / Bəydilli C. - Öndər nəşriyyat, Bakı, 2004. - 264 səh. - URL: http://anl.az/el/latin_grafikasi/axe/as.pdf (accessed: 12.03.2022) [in Azeri]
12. Obastan. Lüğətlər. Azərbaycan dili. [Obastan. Dictionaries. Azerbaijani language.] [Electronic resource] – URL: <https://obastan.com/> (accessed: 15.03.2022) [in Azeri]
13. Vətənə aid atalar sözləri. [Proverbs about the homeland] [Electronic resource] / Təhsil Portalı. – URL: <https://tehsil.com.az/veten-haqqinda-atalar-sozleri/> (accessed: 13.03.2022) [in Azeri]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.19>

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Научная статья

Бедарева А.В.¹*, Астапенко Е.В.²^{1,2} Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

* Корреспондирующий автор (alissaval[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье уточнены понятия научный текст и стратегия перевода научных текстов, представлены стратегии перевода научных текстов на материале переведенных статей журналах, входящих в базу цитирования Scopus. Анализируется двухступенчатая модель научного перевода, обусловленная двумя факторами: восприятием текста – свертывание текста оригинала, и созданием текста перевода – развертывание смысла выявленных и осмысленных научных понятий.

Ключевые слова: научный текст, перевод, стратегии перевода, научный перевод, научная коммуникация.

STRATEGIES FOR TRANSLATING SCIENTIFIC TEXTS

Research article

Bedareva A.V.¹*, Astapenko E.V.²^{1,2} Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia

* Corresponding author (alissaval[at]yandex.ru)

Abstract

The article clarifies such concepts as scientific text and the strategy of translating scientific texts, presents strategies for translating scientific texts based on translated articles in journals included in the Scopus citation database. The authors analyze a two-stage model of scientific translation due to two factors: the perception of the text – the folding of the original text, and the creation of the translation text – the unfolding of the meaning of identified and meaningful scientific concepts.

Keywords: scientific text, translation, translation strategies, scientific translation, scientific communication.

Введение

Актуальность исследования перевода научного текста, одного из видов переводческой деятельности, обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В нашем исследовании будем считать лингвистическим обоснованием необходимость дальнейшей разработки теории научного перевода, а также потребность в совершенствовании его методики. Анализ проблем научного перевода обнаруживает отсутствие достаточных знаний о способах трансляции специального текста. Целью данного исследования является изучение стратегии перевода научного текста и выявление специфики и оптимизации процесса перевода научного текста.

Функциональная стилистика относит научный язык и научный текст к научной сфере общения и речевой деятельности, в которой отражено теоретическое мышление, выражающееся в понятийно-логической форме. Поэтому научный текст обладает, в первую очередь, такими характеристиками как объективность, или отвлеченность от конкретного, подчеркнутая логичность, доказательность, точность, последовательность. Лишь во вторую очередь, научному тексту присуща определенная субъективность, некатегоричность изложения и диалогичность [1].

Согласно Л.М. Алексеевой научный текст это способность построить действующую модель явления или объекта [2, С. 6]. В основе лежит представление о гибкости понятий и их знаков, о взаимоиинтерпретируемости знаков. Исходный вербальный знак – научный текст, воспринимается переводчиком как «возможный след мысли» [2, С. 7].

Анализ научных публикаций [3], [6], [8] позволяет нам понимать перевод научного текста, как комплексный процесс, включающий лингвистические, когнитивные, коммуникативные механизмы, позволяющие точно воссоздать исходное научное знание в переводном тексте.

Функциональный подход является одним из ведущих подходов к изучению стратегии перевода – и трактуется как понимание стратегии перевода как своего рода цепочки избираемых переводчиком методов (приёмов) перевода. Данный подход находит отражение в трудах представителей западногерманской лингвистической школы. Так, например, Катарина Райс, исследуя типы текста оригинала, приходит к выводу, что тип текста обуславливает и метод перевода. Иными словами, метод перевода должен соответствовать типу текста, поскольку его главная задача – сохранить при переводе наиболее существенное, определяющее тип текста. Основой типологии текстов может быть функция, которую язык выполняет в данном тексте. К.Райс исходит из классификации функций текстов, в своё время предложенной Карлом Бюлером [4], [5].

С опорой на анализ интерпретаций понятия «стратегия перевода», вслед за И.С. Алексеевой мы будем определять стратегию как «осознанно выбранный переводчиком алгоритм переводческих действий при переводе одного конкретного текста (или группы текстов)» [6, С. 249].

Цель применения стратегии перевода научного текста состоит в создании адекватного перевода научного текста, выражающего авторскую модель знания. Выбор стратегии перевода научного текста обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. К числу первых относятся тип текста, тип коммуникации и тип познания [2], [4]. Второй вид факторов включает профессиональную компетенцию переводчика, подразумевающую помимо владения иностранным языком умения интерпретировать исходный научный текст, а также умение сформулировать понятое специальное знание в соответствии с нормами языка перевода.

Как известно, научная коммуникация обусловлена такими факторами, как адресантом, адресатом, спецификой их взаимодействия, характером сообщения, особенностями кода и др. С точки зрения коммуникации перевод научного текста представляет собой двухэтапный процесс, который включает понимание и передачу определенного специального знания. Понятия научного текста, научной коммуникации играют значимую роль в разработке основ стратегии перевода научного текста.

По Ю.М. Лотману перевод научного текста как тип научной коммуникации включает стадии интраперсональной («Я» – «Я») и интерперсональной («Я» – «ОН») коммуникации (термин Ю.М. Лотмана) [7]. На первой стадии (интраперсональная коммуникация) происходит понимание и декодирование переводчиком нового научного знания, выраженного в иностранном тексте. Результатом понимания является построение переводчиком исходной авторской модели знания. На второй стадии (интерперсональная коммуникация) переводчик транслирует понятие им специальное знание средствами другого языка в переведенный текст. Мы придерживаемся тезиса Л.М. Алексеевой о том, что двухступенчатая модель научного перевода обусловлена двумя разными по природе мыслительными процессами: «восприятием текста, в основе которого лежит свертывание текста оригинала, и созданием текста перевода, основанным на развертывании смысла выявленных и осмысленных научных понятий» [2, с. 13]. Первый этап является основным, так как от степени понимания исходного специального смысла зависит объективация научного знания в иной языковой культуре. Для выполнения качественного перевода научных материалов переводчик, как правило, должен быть не только специалистом в области лингвистики, но и разбираться в той или иной отрасли науки, к которой относится текст. Кроме того, перевод научных статей требует от переводчика знания структуры и правил оформления статьи на языке оригинала и языке перевода.

Материалы исследования

Материалом для данного исследования послужили научные статьи по математике, информатике, прикладной физике, материаловедению, машиностроению, агробизнесу в научных журналах «Modern Innovations, Systems and Technologies», «IOP Conference Series: Materials Science and Engineering», «Journal of Physics: Conference Series», «IOP Conference Series: Earth and Environmental Science» общим объемом 100 статей.

В первую очередь следует отметить каузальность специфики любого научного текста от используемой в нем терминологии. В своих исследованиях Н.Л. Шубина отмечает обусловленность интегративных процессов в области научных знаний и появление «заимствованной» терминологии: что приводит к переходу термина из одной терминосистемы в другую [8]. В фактическом материале исследования мы имеем дело и с так называемыми общепринятыми или общепотребительными терминами, перевод которых не вызывает сложностей. Эквиваленты таких терминов всегда есть в словарях, ср.: «университет» – “university”, «кинематический» – “kinematic”, «динамичный» – “dynamic”, «метод» – “method”, «механизм» – “mechanism”, «математическая модель» – “mathematical model» и т.д. Однако узкоспециальная лексика, т.е. термины, относящиеся к конкретной области знания, могут вызывать большие затруднения. Применение функциональных аналогов возможно при отсутствии эквивалентов в языке перевода, но с обязательной передачей прагматики предложения. Если смысл фразы с аналогом приводит к смысловой неточности, лучше использовать калькирование оригинальной лексической единицы (подземные воды – groundwater, сточные воды – wastewater, шероховатость – roughness, литейные сплавы – casting alloys). С опорой на многолетний опыт перевода научных статей для журналов, входящих в научную базу цитирования SCOPUS отмечаем, что наиболее распространенной временной формой глагола в научной статье является настоящее время. Е. И. Архипова и О.А. Казакова в статье «Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка)» подчеркивают, что настоящее время глагола в научной статье используется: – для обозначения ситуации/явления, которые существуют всегда («настоящее абстрактное»); – при указании на общепринятое, не опровергнутое мнение («настоящее постоянное»); – при характеристике точки зрения другого исследователя, даже, если этого исследователя давно нет в живых («настоящее историческое») [9, С. 267].

Обращаясь к переводу данной грамматической особенности научной статьи, необходимо подчеркнуть, что настоящее время глагола должно быть сохранено в полной мере. Рассмотрим несколько примеров: *Модель детали «Коромысло» создается зеркальным отражением модели «Рычаг» относительно плоскости, проходящей через ось ступицы. – The model of the "Rocker" parties created by mirroring the "Lever" model relative to a plane passing through the axis of the hub* [10]. Представим следующий пример: *В работах Брин'олфсон, Хортон, Озимек, Рок, Шарм, ТуЕ, 2020; Кейнер, Крейн, Декер, Хаминс-Пуэртолас, Курц, (2020) в качестве основной детерминанты неустойчивости рынка труда рассматривается пандемия Covid-19; проводится анализ рыночной конъюнктуры. – In the works of Brin'olfson, Horton, Ozimek, Rock, Sharm, TuE, 2020; Kayner, Krane, Deker, Hammins-Puertolas, Kurtz (2020), as the main determinants of the instability of the labor market, the pandemic COVID-19 is considered; an analysis of the market situation is carried out* [11]. Следующей языковой особенностью научной статьи выступает частое использование вводных слов и конструкций. Их сохранение в тексте перевода является обязательным условием для переводчика, т.к. они обеспечивают связность и логичность текста: *Однако для других режимов могут быть рассмотрены зависимости от других параметров, входящих в формулу магнитной силы. – However, for other modes, dependences on other parameters included in the magnetic force formula can be considered* [12].

Таким образом, разработка модели распределения энергии в установившемся режиме при электроннолучевой сварке и её реализация в рамках системы имитационного моделирования для упрощения визуализации дальнейшей интерпретации результатов является актуальной задачей. – *Thus, the development of an energy distribution model in the steady mode with electron beam welding and its implementation in the framework of the simulation system to simplify the visualization and further interpretation of the results is an urgent task* [13].

Основная проблема в процессе передачи синтаксической структуры сложного предложения научного текста состоит в обработке переводчиком грамматических конструкций, которые не имеют аналогов в языке перевода. В

процессе перевода основная задача состоит в извлечении смысла в сложном предложении и адекватной его передаче [2, С. 327]. Стоит отметить, что научные статьи содержат в себе достаточное количество предложений со сложным для понимания синтаксисом. В таких случаях допустимо применение переводческой трансформации – членение предложения, когда одно сложное предложение разделяется на несколько более простых, например:

Приборы этого типа включены в системы коммерческого учёта потребления электроэнергии, поэтому необходима периодическая проверка их характеристик, однако в большинстве случаев проверку необходимо осуществлять на месте установки оборудования в силу ряда причин, которые исключают демонтаж и транспортировку трансформаторов. - *Devices of this type are included in the systems of commercial metering of electricity consumption; therefore, periodic verification of their characteristics is necessary. However, in most cases, verification must be carried out at the installation site for a number of reasons that exclude the dismantling and transportation of transformers.* При переводе данного предложения мы использовали членение предложений – данное преобразование было необходимо в силу разного пунктуационного оформления сложных предложений в английском и русском языках.

При анализе перевода сложных предложений в научном тексте мы применяли следующие синтаксические трансформации: членение и объединение предложений, замена членов предложений, замена типа предложений. Лексико-семантическое содержание научного текста потребовало использования сложных синтаксических единиц, перегруженных информацией, что создало определенные трудности при переводе. Одна из базовых проблем перевода сложного предложения в научном тексте заключается в подборе необходимой синтаксической конструкции, которая наиболее полно соответствовала бы смысловому содержанию эквивалентной синтаксической единицы.

Заключение

Таким образом, приходим к выводу, что особенностью стратегии перевода научного текста, обусловленной объективными и субъективными факторами, является воссоздание переводчиком исходной модели знания, заложенной в исходном тексте, на основе интерпретации и понимания особенностей концептуализации научного знания в исходном тексте. Особую роль в интерпретации и понимании научного текста играет когнитивная составляющая, поскольку в научном тексте представлен результат когнитивной деятельности ученого, выраженный в создании целостной модели специального знания, системы концептов.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина. - М.: Флинта: Наука, 2008 - 464 с.
2. Алексеева, Л. М. Специфика научного перевода / Л.М. Алексеева — Пермь: Перм. гос. ун-т., 2002. — 132 с.
3. Харитоновна Е.А. Концептуализация как стратегия перевода научного текста: На материале русского и английского языков. дисс. канд. филол. наук: 10.02.20, Пермь, 2006
4. Райс К. Классификация текстов и методы перевода [Электронный ресурс] / К.Райс URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (дата обращения: 10.02.2022)
5. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache / Bühler K. — Jena, 1934. — 434 p.
6. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С.Алексеева. – СПб.: Союз, 2004 – 288 с.
7. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — С.-Петербург: Искусство — СПб, 2000. — С.159-165.
8. Шубина Н.Л. Научная статья: особенности ее текстовой организации / Н.Л. Шубина // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. №2. С. 65-66.
9. Архипова Е.И. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) / Е.И. Архипова, О.А. Казакова // Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика. – 2013. – №1 (7). – С. 263-270.
10. Anamova R. R. Digital modelling in aviation and mechanical engineering: 3D-model transformation algorithms for creating new structures. / R. R. Anamova, G. K. Khotina // AIP Conference Proceedings 2402, 030005 – 2021.
11. Yanchenko E. V. Labor Market In Pandemic: Challenges To Sustainable Development / E.V. Yanchenko, L.V. Sankova, L.A. Otstavnova et al. // Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences – European Publisher – vol 116. – pp. 2709-2717. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.302
12. Minaev A.J. Creation of a magnetoelastic material deformation / A. J. Minaev, J. V. Korovkin // J. Phys.: Conf. Ser. 1889 – 022111 – 2021
13. Murygin A.V. The use of ANSYS for modelling the energy distribution in steady mode with electron beam welding / A.V. Murygin – J. Phys.: Conf. Ser. – 1889 – 042061 – 2021

Список литературы на английском / References in English

1. Kozhina M.N. Stilistika russkogo jazyka: uchebnik. [Stylistics of the Russian language: textbook] / M.N. Kozhina – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 464 p. [in Russian]
2. Alekseeva L.M. Specifika nauchnogo perevoda [The specifics of scientific translation] / L.M. Alekseeva — Perm': Perm. gos. un-t., 2002. — 132 p. [in Russian]
3. Haritonova E.A. Konceptualizacija kak strategija perevoda nauchnogo teksta: Na materiale russkogo i anglijskogo jazykov [Conceptualization as a strategy for translating a scientific text: Based on the material of the Russian and English languages] dis....of PhD in Philological sciences: 10.02.20 – Perm', 2006. [in Russian]

4. Rajs K. Klassifikacija tekstov i metody perevoda [Classification of texts and translation methods] [Electronic resource] / K. Rajs URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (accessed 10.01.2022). [in Russian]
5. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache [Language theory. The representational function of language] / Bühler K. — Jena, 1934. — 434 p. [in German]
6. Alekseeva I.S. Professional'nyj trening perevodchika [Professional translator training] / I.S.Alekseeva. — SPb.: Sojuz, 2004. — 288 p. [in Russian]
7. Lotman J. M. Avtokommunikacija: "Ja" i "Drugoj" kak adresaty (O dvuh modeljah kommunikacii v sistemekul'tury) [Autocommunication: "Me" and "The Other" as addressees (About two models of communication in the cultural system)] // Lotman Ju. M. // Semiosfera. — S.-Peterburg: Iskustvo — SPB, 2000. — PP.159-165. [in Russian]
8. Shubina N.L. Nauchnaja stat'ja: osobennosti ee tekstovoj organizacii [Scientific article: features of its textual organization] // Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta [Universum: Herzen University Bulletin] — 2007. — №2. — PP. 65-66. [in Russian]
9. Arhipova E.I. Zhanrovaja specifika nauchnoj stat'i po lingvistike (na materiale russkogo jazyka) [Genre specifics of a scientific article on linguistics (based on the material of the Russian language)] / E.I. Arhipova, O.A. Kazakova // Vestnik nauki Sibiri. Serija Filologija. Pedagogika [Siberian Science Bulletin. Series: Philology, Pedagogy] — 2013. — №1 (7). — PP. 263-270. [in Russian]
10. Anamova R. R. Digital modelling in aviation and mechanical engineering: 3D-model transformation algorithms for creating new structures. / R. R. Anamova, G. K. Khotina // AIP Conference Proceedings 2402, 030005 — 2021.
11. Yanchenko E. V. Labor Market In Pandemic: Challenges To Sustainable Development / E.V. Yanchenko, L.V. Sankova, L.A. Otstavnova et al. // Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences — European Publisher — vol 116. — pp. 2709-2717. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.302
12. Minaev A.J. Creation of a magnetoelastic material deformation / A. J. Minaev, J. V. Korovkin // J. Phys.: Conf. Ser. 1889 — 022111 — 2021
13. Murygin A.V. The use of ANSYS for modelling the energy distribution in steady mode with electron beam welding / A.V. Murygin — J. Phys.: Conf. Ser. — 1889 — 042061 — 2021

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.20>**СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ АЛЛОФРОНИИ В НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**

Научная статья

Массальская Ю.В.¹*, Николаева А.В.²¹ ORCID: 0000-0003-4258-2304;² ORCID: 0000-0002-9588-427X;^{1, 2} Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (massalskaya[at]rgau-msha.ru)

Аннотация

Противоречивость современного мира, современных тенденций не может не сказываться на развитии языковой структуры. Целью данного исследования является выявление элементов аллофронии в разговорной речи немецкого языка в стилистическом аспекте. Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в рамках изучения теории аллофронии анализируются элементы противоречия в немецком разговорном языке с точки зрения стилистического подхода. Аллофрония – лексическая категория, введенная в общее языкознание профессором Б.Т. Ганеевым. Данная категория охватывает речевые и языковые проявления противоречия в речевом и языковом аспектах. В статье проводится анализ лексических единиц немецкой разговорной речи на наличие стилистических аллофронных элементов. В результате исследования установлено, что аллофрония присутствует в разговорном языке и проявляется в большей степени в виде таких стилистических средств как энантиосемия, оксюморон, ирония.

Ключевые слова: аллофрония, противоречие, оксюморон, энантиосемия, ирония, метафора.

ON THE STYLISTIC ASPECT OF STUDYING THE ELEMENTS OF ALLOPHRONY IN GERMAN COLLOQUIAL SPEECH

Research article

Massalskaya Y.V.¹*, Nikolaeva A.V.²¹ ORCID: 0000-0003-4258-2304;² ORCID: 0000-0002-9588-427X;^{1, 2} Russian State Agrarian University -Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

* Corresponding author (massalskaya[at]rgau-msha.ru)

Abstract

The inconsistency of the modern world and modern trends cannot but affect the development of the language structure. The purpose of this study is to identify elements of allophrony in the colloquial speech of the German language in the stylistic aspect. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time in the framework of studying the theory of allophrony, the elements of contradiction in the German spoken language are analyzed from the point of view of a stylistic approach. Allophrony (allofroniya) is a lexical category introduced into general linguistics by Professor B.T. Ganeev. This category covers speech and language manifestations of contradiction in the speech and language aspects. The article analyzes the lexical units of German colloquial speech for the presence of stylistic allophronic elements. As a result of the study, it was found that allophrony is present in the spoken language and manifests itself to a greater extent in the form of such stylistic means as auto-antonym, oxymoron, irony.

Keywords: allophrony, contradiction, oxymoron, auto-antonym, irony, metaphor.

Introduction

The relevance of the research is due to the fact that the concept of allophrony is of great interest in modern linguistics, both from a practical and theoretical points of view. It is important and relevant today to study this phenomenon in colloquial speech since this communication layer covers all aspects of language and speech. It is in the colloquial speech that allophrony exists not only at the usual level but also manifests itself occasionally. The aim of the study is to identify allophrony in the colloquial speech of the German language. To achieve this goal the following tasks were to be solved:

- 1) to define the theoretical basis of the term "allophrony";
- 2) to investigate the manifestation and functioning of allophronia in German colloquial speech;
- 3) to analyze empirical material.

The following methods were used to solve the tasks:

- 1) the method of dictionary definitions (semantic analysis of allophronic elements),
- 2) contextual analysis and
- 3) the method of structural analysis.

The theoretical significance of this work lies in the necessity for a theoretical understanding of allophrony as a linguistic concept characteristic of colloquial speech.

In the language of any nation the existence of two opposing types of linguistic units (logical and illogical) can be considered as a norm. Human speech is also multifaceted and manifests itself mainly in two main categories – logical (orthophrony) and illogical, contradictory (allophrony). “Otrofrony” and “allophrony” are concepts introduced into modern linguistics by Professor B.T. Ganeev. If *orthophrony* is seen as something consistent and unambiguous, allophrony is directly opposed to it being viewed as something inconsistent, contradictory, illogical and ambiguous. According to the proposed theory, *allophrony* can be called a synonym of the term “contradiction” in the case of a single use of lexical units of the language.

According to B.T. Ganeev, *allophrony* is “that implicit, mental statement behind the expressed linguistic unit” [5, P. 43]. The notion of *allophrony* “covers a layer of linguistic and speech phenomena in which alogisms are present in one way or another and to contrast it with a layer of logical elements called *orthophrony*” [5, P. 44]. *Orthophrony* and *allophrony* do not exist separately but are constantly in the process of interaction. According to the theory put forward, orthophronic (i.e. logically correct, corresponding to all linguistic norms) speech in its pure form hardly ever occurs, especially if the language is considered within the diachrony of its development. Any orthophrony contains elements of contradiction (allophrony), whereas allophrony is always based on the logical norm of language (orthophrony).

Allophronicity is a category that manifests itself not only in obvious contradictions (paradox, oxymoron, antithesis) but also in a number of other linguistic and stylistic manifestations which are based on a contradiction that produces certain alogisms (such as metaphor, irony, grammatical inconsistencies, phonetic discrepancies). Thus, the features of allophrony include 1) the presence of an internal (latent) contradiction, 2) the polysemy of the lexeme, 3) phonetic inconsistencies (pronunciation), 4) grammatical incompatibility (gender, tense), etc.

Colloquial speech is the speech of native speakers using their literary language in the terms of free, unprepared and direct communication. V.D. Devkin describes colloquial speech “as relaxed, somewhat reduced, spontaneous, oral, mostly situationally conditioned, mostly in a form of a dialog. *Colloquial* means not having access to the official sphere due to a deviation from the obligation to comply with the cultural standard” [3, P. 112]. An integral part of “colloquial speech is the colloquial vocabulary which includes stylistically versatile elements with lower degrees of stylistic norm” [1, P. 18].

Analyzing lexical units of the spoken language it should be noted that it is characterized by the frequent use of members of synonymous series. The native speaker does not often have time to think about his speech, to select expressive means, thus he uses the main lexical unit of a certain semantic series. So O.B. Sirotina notes that “colloquial vocabulary is ... the main initial words of synonymous series, the primary “representatives” of semantic fields” [7, P. 16]. Consider the main manifestations of allophronic elements in German colloquial speech below.

1) Oxymoron – is an alogism based on contradiction (i.e. allophrony), used within a certain context. It is considered to be a figure of speech connecting semantic concepts or separate linguistic units that contradict each other usually or contextually.

E.g. (1) *Weiblicher Knabe* [Mädchen in Jungmännertracht]. The synthesis of the linguistic units “das Weib” (woman, woman) and “der Knabe” (boy, youth) already indicate the inconsistency of the statement which is used in the meaning of *the girl in a man's suit*. The same inconsistency can be traced in the examples below:

E.g. (2) *Elend prima* (terribly great) [unübertrefflich] (meaning *unsurpassed*)

E.g. (3) *Altes Mädchen* (old girl) [ältliche Ledige] (meaning *an elderly single lady*).

E.g. (4) *Saure Schokolade* (sour chocolate) [sehr unangenehme Sache] (meaning *a very unpleasant thing, a situation*).

In the examples above there is an obvious contradiction in the combination of language units which are considered to be a manifestation of allophrony.

2) *Enantiosemy* is a complex term which is considered within the framework of the theory of polysemy. Linguists define this category in three main meanings: 1) a trope (antiphrase) in which linguistic units are used in the opposite meaning; 2) a linguistic reality combining two antonymically opposed meanings; 3) the loss of outdated semantics and the acquisition of a new contrasting meaning. In this article *enantiosemy* is seen as the existence of opposite (allophronic), contrasting meanings in the semantic structure of one linguistic unit. *Enantiosemy* manifests itself both in language and in speech. *Enantiosemy* can be introduced in vocabulary units thus being the unit of language or it can be expressed in speech in relation to a certain situation, then it is attributed to speech *enantiosemy*. For example,

E.g. (5) *Toter* (deceased) [alter Mann] (meaning *an old man but alive*);

E.g. (6) *in der Schokolade sitzen* [sich in Not befinden] (meaning *to be poor*).

E.g. (7) *Held* [Taugenichts, Versager] (meaning *a loser, failure*);

E.g. (8) *Der Blinder* [Zuschauer beim Kartenspiel] (meaning *the one who watches a card play*).

These examples (5-8) of colloquial speech illustrate contradictions in the form of a stylistic figure “*enantiosemy*” which, according to the present theory, is included in the concept of allophrony. In this case there is a shift of the main denotation from the usual to the contextual-occasional (*deceased* in the meaning of *alive*, *hero* in the meaning of *loser*, *blind* in the meaning of *sighted*). There is no direct contradiction within the semantics of a language unit but non-causality can be traced within a certain conditionality which allows us to refer the above mentioned examples to allophrony.

3) Many linguists have noticed the semantic ambiguity of metaphor. Thus, the essence of its ambiguity was characterized by Ch. Pyle as following: “Metaphor is a paradox of duality. The metaphor is both false and true: true in one sense – figuratively and false in another – literally ...” [8]. Metaphor, according to E. McCormack's point of view, on the one hand implies a sign of similarity between the properties of its semantic objects, and on the other hand it implies differences between them, since the use of metaphor is aimed at creating a new semantic image. Later studies on a conceptual metaphor led to the fact that the concept of “metaphor” began to be understood, first of all, as a verbalized method of thinking about the world” [4, p. 360]. Consider the examples below for the use of colloquial vocabulary within the framework of the suggested theory.

E.g. (9) *Seelische Erkältung* [Rohheit, Gefühllosigkeit] (meaning *heartlessness, insensitivity*) and E.g. (10) *grüner Winter* [kühler Sommer] (meaning *cold summer*).

Using a metaphorical utterance in colloquial speech the speaker's task is not only to inform the listener correctly (orthophrony) but also to use a secondary meaning of a linguistic unit (allophrony). Thus, an allophronic effect is achieved (not a contradictory but a secondary meaning).

4) *Irony* is a stylistic device that enables to express implicitly speaker's emotional and evaluative attitude to the situation. We define this implicitness, or latent contradiction, of the lexeme as one of the features of allophrony.

E.g. (11) *Gern: das habe ich gern!* (direct meaning I like it very much). But when it is used ironically the listener realizes the implicit meaning of the utterance which is completely the opposite *das ist mir höchst unerwünscht, verhaßt!* [(It's terribly unpleasant! I don't like it!];

Using irony the speaker sets a logically sounding goal (orthophonic) since his main task is to inform the listener unerringly he uses a usual, standard form of a language unit. No contradiction in the use of lexical units is observed but the opposite (allophonic) effect in the meaning of the utterance is achieved.

Conclusion

Considering colloquial German speech in the terms of the theory of allophony the author identifies the following contradictions that characterize the colloquial speech of any language: 1) the speaker's desire to go beyond the boundaries of linguistic means and express his/her thoughts through certain situationally expressed occasionalisms which leads to deviations from linguistic norms which are more characteristic of the spoken language; 2) simultaneous similarity and difference in the communication goals of the listener and the speaker. On the one hand, they have one common goal, i.e. to understand each other and convey their thoughts, but on the other hand, the speaker using certain linguistic means intends to express his/her personal attitudes which may not always coincide with the listener's attitudes; 3) the existence of two opposite tendencies: the tendency to brevity, conciseness and the tendency to excessiveness. This feature of the spoken language was described in the 19th century by F. Wunderlich who was the first to establish the above mentioned tendencies in colloquial speech – brevity (*Kürze*) and excessiveness or abundance (*Breite*) [6, P. 141].

In this article the main trends in the manifestation of contradiction in German colloquial speech within the framework of the theory of allophony in the stylistic aspect have been examined. In the course of the study we have come to the conclusion that allophony is a natural category of language and speech found not only in the main genres of fiction but also widely used in colloquial speech. And its main manifestations have been observed in such stylistic techniques as enantiosemy, oxymoron, irony and metaphor.

Studies on this issue is at the research stage and further study on other areas of manifestation of allophony is to be carried out.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аминова А. А. Разговорный стиль и культура речи в переводных текстах: монография / А. А. Аминова, А. А. Хафизова, А. Г. Садыковой. — Казань : Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2018. — 176 с.
2. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи. / Б.Т. Ганеев – Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. – 205 с.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. / В.Д. Девкин – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
4. Макормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Макормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 501 с.
5. Массальская Ю.В. Аллофония в языке и речи (на материале немецкой литературы): диссертация на соискания ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. / Ю.В. Массальская – Уфа, 2012 – 224 с.
6. Массальская Ю.В. Особенности немецкой разговорной речи / Ю.В. Массальская // Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2015 – № 5 (47): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 140-142.
7. Сиротина О.Б. Современная разговорная речь и её особенности / О.Б. Сиротина – М., 2006. – 144 с.
8. Pyle Ch. The duplicity of language [Electronic resource] / Ch. Pyle URL: <https://clck.ru/gLvix> (accessed: 14.04.2022)
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper – Stuttgart – München – Düsseldorf – Leipzig: Klett, 1997. – 960 S.

Список литературы на английском / References in English

1. Aminova A. A. Razgovornyj stil' i kul'tura rechi v perevodnyh tekstah: monografiya [Conversational style and culture of speech in translated texts: monograph] / A. A. Aminova, A. A. Hafizova, A. G. Sadykova. - Kazan : Kazan National Research Technological University, 2018. - 176 p. [in Russian]
2. Ganeev B.T. Protivorechiya v yazyke i rechi [Contradictions in language and speech]. / B.T. Ganeev – Ufa: Publishing House of BSPU, 2004. - 205 p. [in Russian]
3. Devkin V.D. Nemeckaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika [German colloquial speech: Syntax and vocabulary] / V.D. Devkin - M.: International Relations, 1979. - 256 p. [in Russian]
4. McCormack E. Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive theory of metaphor] / E. McCormack // The theory of metaphor. - M.: Progress, 1990 – 501 p. [in Russian]
5. Massalskaya Yu.V. Allofroniya v yazyke i rechi (na materiale nemeckoj literatury) [Allophony in language and speech (based on the material of German literature)]: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences: 02.10.19. / Yu.V. Massalskaya – Ufa, 2012 – 224p. [in Russian]
6. Massalskaya Yu.V. Osobennosti nemeckoj razgovornoj rechi [Features of German colloquial speech] / Yu.V. Massalskaya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice] –Tambov: Diploma, 2015. – No. 5 (47): in 2 parts – Pt. I. – PP. 140-142. [in Russian]
7. Sirotina O.B. Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti [Modern colloquial speech and its features] / O.B. Sirotina – M., 2006. – 144 p. [in Russian]
8. Pyle Ch. The duplicity of language [Electronic resource] / Ch. Pyle URL: <https://clck.ru/gLvix> (accessed: 14.04.2022)
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache [Dictionary of German Slang] / H. Küpper – Stuttgart – München – Düsseldorf – Leipzig: Klett, 1997. – 960 p. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.21>**ТОПОНИМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ДЕНДРОНИМОМ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ**

Научная статья

Абрамова Е.И. *

ORCID: 0000-0002-7044-8199,

Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия

* Корреспондирующий автор (abramel[at]mail.ru)

Аннотация

В статье описывается социокультурная сущность топонимов с дендронимическим компонентом. Утверждается, что, будучи единицами языка, топонимы с компонентом-дендронимом имеют культурологическую, социальную и историко-этнологическую значимость, сформировавшуюся в англо-саксонский период на германской и кельтской основах и закрепившуюся позднее. Описаны культурные и социально-исторические основы использования дендронимов *oak, thorn, birch, willow, yew, elm, tree, beam* в топонимии Великобритании. Как продукт освоения природного пространства, включенного в социальную и экономическую жизнь человека, топоним свидетельствуют о культурной и религиозной значимости дерева в определенном этноисторическом социуме.

Ключевые слова: дендроним, топоним, дерево, англо-саксонский, социокультурный.

TOPONYMS WITH THE TREE-NAME-COMPONENT: SOCIOCULTURAL ANALYSIS

Research article

Abramova E.I. *

ORCID: 0000-0002-7044-8199,

Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

* Corresponding author (abramel[at]mail.ru)

Abstract

The paper describes the sociocultural character of place names with dendronymic components. It argues that place names, being elements of language, with dendronymic components have cultural, social and ethnological value, related to Celtic and Germanic traditions, which evolved in Anglo-Saxon times and took hold later. The article discusses cultural, social and historical factors of using the dendronyms *oak, thorn, birch, willow, yew, elm, tree, beam* in British place names. As the product of the development of natural environment by man, the tree was integrated into man's social and economic relations, thus acquiring cultural and religious value in a particular ethnic and historical social group.

Keywords: dendronym, toponym, tree, Anglo-Saxon, sociocultural.

Introduction

The paper analyses the social and cultural character of place names with dendronymic components («dendronym» is the term for tree species), which appeared in Anglo-Saxon period to nominate geographical areas exploited and integrated into social and economic relations.

Verbal denotation of the geographical place has cultural value since it institutionalizes the significance of the place in social relationships and in its further development. The tree as an element of natural geographical environment, is integrated in social interaction. The toponym as a place nomination indicates the boundaries between social and natural phenomena, between socially and geographically different areas, between communities. The limitation of area is advocated by the need to control the area, develop and exploit it in economic life, which requires its precise designation. Therefore, the boundary between culture and nature, formed by the tree, is verbalized in the place name with a dendronymic component [6, P. 7]. Consequently, the place name survives for a long time, acquiring the function of the object of cultural heritage and a historical document providing implicit information about changes in landscape and climate, about geographical features of the place, its population, culture and environment.

The toponym is of interest not only to linguistics, but also to a number of related scientific studies researching into territorial development, cultural and economic traditions, transformation of natural areas, and climate change. In the latter case toponyms with dendronymic components provide ample evidence to the earlier climate, nature and vegetation conditions, from social and cultural perspective, toponyms with dendronymic components reflect the world view of the people who inhabited the place at the time of nomination, language and dialect distribution.

Discussion

Dendrotoponyms or toponyms with dendronymic components are place names including tree names, which identify the location of the place as close to trees or woods serving as landmarks for the place, thus making the place stand out. Place nomination relies on the individual features of the object which make the place unique and different from similar ones. As a geographical and spatial landmark, the tree or the wood interacts with man as an element of social and economic life. Consequently, place nomination by means of the tree name identified the community among the others.

The dendrotoponyms are frequently centuries old, thus they reveal the state and the structure of woods in Celtic or Anglo-Saxon period, mostly through the prism of economic and social relationships, as well as the value of each tree species verbalized in the place name. The abundant use of tree names in toponyms bears evidence to the tree growing widely in that area in the past, although sometimes missing in the local ecosystem presently. So, place names with dendronymic components have cultural, social and ethnological value.

We will consider cultural, social and historical factors enabling the use of tree names in British, and their functioning.

Bede the Venerable took interest in the natural and Biblical space, as a result he thoroughly described the geography and topography of the place. In his work «Ecclesiastical History of the English People» Bede describes a monastery in Ireland and researches into the etymology of the place name *Dearmach* (now *Durrow*), correlating its first component with the Irish word meaning «oak», and translates the Irish place name into Anglo-Saxon as «oak field» [11, P. 3]. The attempts to understand and interpret the structure and meaning of place names are not rare in other Anglo-Saxon literary works.

Della Hooke, who researched into the value of trees in social history, highlighted their contribution into the formation of British natural and cultural landscape and area mapping in Anglo-Saxon period. The Anglo-Saxon charters provide ample evidence to the function of the tree as the domineering landmark in space and as a tool in the formation of boundaries within the area. According to the statistics based on the charters, the trees referred to in the descending order are *thorn*, *oak*, *willow*, *ash*, *hazel*, which were common and widespread at that time and functioned as landmarks for land plots standing out against the vegetation due to their sizes and clustering. Although the charters are classified as documents by the genre, tree names are often accompanied by adjectives highlighting the peculiar features of the trees, like the size, shape, species and others which visually distinguish the tree from the others. In most cases the adjectives function linguistically as epithets, as they describe more vividly and distinctly the landmarks and boundaries of the land plot from the land surveyor's perspective. Afterward, the names of tree landmarks transformed into place names.

The Soviet linguist O. Akhmanova counted 24 tree species names in English place names, among which the most common ones are *ac/oak*, *beorc/ birch/ birch*, *alder*, *ash*, *willow*, *apple tree*, and *plum tree*: *Greenoak* in Yorkshire, *Birchington* in Kent, *Alter* in Devonshire, *Ash* in Derbyshire, *Wilby* in Norfolk, *Apley* in Lincolnshire, *Plumley* in Cheshire [1, P. 36].

Ethnolinguistic research proves that the tree is a common topos in English folklore, for example, the word *tree* is used ten times more often in English place names than the word «дереву» in Russian toponyms. The terms for tree species serve as epithets to the word *tree* [4, P. 289].

There are two Old English lexemes for the «tree»: *bēam* (*beam*) and *treo / treow* (*tree*). The English word *tree* goes back to the Indo-European root **deru* [3, P. 54] (Old English: *treo*, *treow*). But the Indo-European root **deru* in Celtic languages underwent the shift of meaning, which became narrowed and now means *oak*. The lexeme *tree / treow* is used in place names in three facets:

- 1) as an element of a compound word with a dendronymic component: *Appletreewick* (*æppel+treow+wic*) «dwelling or farm by the apple-trees»;
- 2) as nomination for a tree irrelevant of its species: *Treyford* (*treow+ford*) «ford marked by a tree or with a tree-trunk bridge»;
- 3) to nominate a landmark tree belonging to a person, whose name is used in the toponym: *Aymestrey* (tree of a man called Æthelmund).

The English lexeme *beam* goes back to the Germanic root **baumaz* «tree», and its meaning in Old English was «living tree». The word *beam* was used idiomatically as in *fyrrenne bēam* (pillar of fire), *sigebeām* (tree of victory, cross), *bēama beorthost* (brightest tree) [7, P. 187]. The name of an English towns in Oxfordshire contains the components *bēam* (tree) and *tūn* (town). It suggests that in pre-Christian times there used to grow a tree, which the inhabitants of the place worshipped. There is a strong opinion that the component *beam* in place names identifies a place of worship with a tree in the centre or with a tree over a river / stream which functioned as a bridge or crossing: *Bempton* in Yorkshire, *Bladbean* in Kent, [7, P. 206].

The name of the oak tree is used in place names of Celtic and Germanic origin. Its indicator in Celtic-related toponymy is *Der-*: *Londonderry*, *Ballinderry*, *Dernish*, *Derrycau*, *Derrylane* etc. [10, P. 151-153]. These place names prove the high status of the oak as a spatial and social landmark in Celtic culture, as the sacred and religious tree and as a place of prayer. Germanic place names with the *-oak-* component are marked with either Old English form *ac*: *Acomb*, *Ackton*, *Acol*, *Acton*, *Acon*, *Acha*, *Ach* [10, P. 3], or with the initial 'O': *Oake*, *Oaken*, *Oakengates*, *Oakenshaw*, *Oakford*, *Oakham*, *Oakhanger*, *Oakley*, *Oakmere*, *Okeford* [10, P. 353]. Simple toponyms with the *-oak-* component identify the oak as the focal point of the place. Compound toponyms also include a descriptive or localizing adjective [9, P. 196], which describes or highlights a certain tree or a wood. The oak-component is used in 11.9% place names with dendronymic components, which proves the role of the oak as the spatial landmark in social and economic relationship [8, P. 13].

The thorn comes first as a dendronymic component in place names (18.2%). The role of the thorn as a spatial landmark is similar to the one of the oak. Furthermore, as the thorn spreads quickly and grows on agricultural land, thorn bushes perform the function of the boundary between land plots, farms, estates, woods, clearings, and enclosed areas. Consequently, place names with the *thorn-* component are compound words, in which the thorn is related to the place, mostly a geographical or topographical place or a farm: *Thorington* and *Thornage* (thorn-tree enclosure or farmstead), *Thornby* (farmstead where thorn trees grow), *Thorndon* (hill where thorn trees grow), *Thorncombe* (valley where thorn trees grow). These place names are found in a number of counties (*Thornham* in Suffolk and Norfolk), which proves that the functions of the thorn tree are universal in Anglo-Saxon society.

Like the thorn, the ash functioned as a distinctive feature of an island, a village, a farmstead, a wood, a clearing, an enclosure, and a river bank. Therefore, place names with the *ash-* component are compound words: *Ashby*, *Ashcombe*, *Ashfield*, *Askern*, *Askham*, *Askwith*, *Escrick*, *Eshott*, *Eshton* etc. The *ash-/ ask-/ esc-/ esh-* component is used in place names with another component denoting a place.

The dendronym with the meaning «birch» as a place name component is a linguistic marker for a dialect or a language. *Birk-* dominates in Scotland and Northern England: *Birkenhead*, *Birkhall*, *Birkdale*, *Birkby*, *Birkenshaw*, *Birkin* и *Berkhamstead*. *Birch-* place names are found in Southern England: *Birchanger*, *Bircher*, *Birchover*. The Gaelic name *Beithe* is not rare in the Highlands: *Glen an Beithe* в Argyll, *Loch a Bhealaich Bheithe* in Invernes-shire and *Beith* in Sutherland.

The place names with the dendronymic components willow (Old English: *welig*), elm (Old English: *elm*), yew (Old English: *iw*, *eow*) allude to the significance of the trees in social and economic life of Anglo-Saxon society: *Wilby*, *Wilden*, *Wilford*, *Willey*, *Willington*, *Willoughby*, *Elm*, *Elmbridge*, *Elmdon*, *Elmham*, *Elmley*, *Elmore*, *Elmsall*, *Emsett*, *Elmstone*, *Elmton*, *Yew tree Hill*, *Yew Tree Heath*, *Ivegyll*, *Iden*, *Ewden*, *Iwode*, *Ewe*. Roman place names with the component «yew» still survive, like in the toponym *York – Eboracum* (150 BC.) [5, P. 2], OE: *Eoforwic*. This place name is a reminder of the yews which used to grow in Yorkshire.

Results

The place names with dendronymic components 1) originated mostly in Anglo-Saxon period and took hold later; 2) are the product of the development of natural environment by man and integration into man's social and economic relations; 3) acquire cultural and religious value in an ethnic and religious society. 4) The sociocultural principles underlying the formation of place names with dendronymic components are common for Celtic and Germanic traditions; 5) The tree name is used as a place name or becomes part of the compound word with another element, which is an anthroponym, a descriptive adjective, a tree species term, or a «place» term (farmstead, farm, field, clearing, crossing etc.), which identifies the domineering or distinctive position of the tree in the area.

Conclusion

Place names with dendronymic components are vivid lexical components of the world view and constitute a phytonymic cultural code. They encode cultural, social and economic information from previous centuries and thus function as encoded culture bearing signs [2, P. 257].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахманова О.С. К вопросу о синхроническом изучении названий населенных пунктов / О.С. Ахманова, И.А. Данчинова // Вопросы языкознания. – № 6. – 1979. – С. 32-41.
2. Лукаш Г. Конотонім як концепт культури / Г. Лукаш // Семантика мови і тексту. – Івано-Франківськ, 2006. – С. 257-259.
3. Телегин Л.А. Англо-русские лексические изоглоссы / Л.А. Телегин, Е.И. Дмитриева, Д.А. Ковалева – М.: Глосса-Пресс, 2014. – 72 с.
4. Хроленко А.Т. Словарь языка фольклора как база для этнолингвистических исследований / Т.А. Хроленко // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. – М.: Индрик, 1998. – С 284-291.
5. Bevan-Jones R. The Ancient Yew: A History of *Taxus baccata* / R. Bevan-Jones – Windgather Press, 2016 – 216 p.
6. Bintley M.D.J. Trees and Timber in the Anglo-Saxon World / M.D.J. Bintley, M.G. Shapland – Oxford: OUP, 2013. – 258 p.
7. Blair J. Holy beams: Anglo-Saxon cult sites and the place names element Beam / J. Blair // Trees and Timber in the Anglo-Saxon World. – OUP Oxford, 2013. – PP. 186-210.
8. Church A.R. Depletion of the Sylvan Sea: Seventeenth-century English Shipbuilding / A.R. Church – Morrisville: Past Foundation, 2008. – 98 p.
9. Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape / D. Hooke – Suffolk: Boydell & Brewer, 2010. – 310 p.
10. Mills A.D. Oxford Dictionary of the British Place Names / A.D. Mills – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 538 p.
11. Ryan M.J. Place-names, Language and the Anglo-Saxon Landscape: Introduction / M.J. Ryan // Place-names, Language and the Anglo-Saxon Landscape. – Woodbridge: Boydell Press, 2011. – PP. 1-22.

Список литературы на английском / References in English

1. Ahmanova O.S. K voprosu o sinhronicheskom izuchenii nazvanij naseleennykh punktov [To the issue of synchronic studies of names of settlements] / O.S. Ahmanova, I.A. Danchinova // Voprosy yazykoznaniya [Problems of Linguistics]. – № 6. – 1979. – P. 32-41. [in Russian]
2. Lukash G. Konotonim yak koncept kul'turi [Konotonym as a Concept of Culture] / G. Lukash // Semantika movi i tekstu [Semantics of Language and Text]. – Ivano-Frankivs'k, 2006. – PP. 257-259. [in Ukrainian]
3. Telegin L.A. Anglo-russkie leksicheskie izoglossy [Anglo-Russian Lexical Isoglosses] / L.A. Telegin, E.I. Dmitrieva, D.A. Kovaleva – M.: Glossa-Press, 2014. – 72 p. [in Russian]
4. Hrolenko A.T. Slovar' yazyka fol'klora kak baza dlya etnolingvisticheskikh issledovaniy [Dictionary of Folklore Language as a Base for Ethnolinguistic Research] / A.T. Hrolenko // Slovo i kul'tura. Pamyati Nikity Il'icha Tolstogo [Word and Culture. In Memory of Nikita Il'ich Tolstoy]. – M.: Indrik, 1998. – PP. 284-291. [in Russian]
5. Bevan-Jones R. The Ancient Yew: A History of *Taxus baccata* / R. Bevan-Jones – Windgather Press, 2016 – 216 p.
6. Bintley M.D.J. Trees and Timber in the Anglo-Saxon World / M.D.J. Bintley, M.G. Shapland – Oxford: OUP, 2013. – 258 p.
7. Blair J. Holy beams: Anglo-Saxon cult sites and the place names element Beam / J. Blair // Trees and Timber in the Anglo-Saxon World. – OUP Oxford, 2013. – PP. 186-210.
8. Church A.R. Depletion of the Sylvan Sea: Seventeenth-century English Shipbuilding / A.R. Church – Morrisville: Past Foundation, 2008. – 98 p.
9. Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape / D. Hooke – Suffolk: Boydell & Brewer, 2010. – 310 p.
10. Mills A.D. Oxford Dictionary of the British Place Names / A.D. Mills – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 538 p.
11. Ryan M.J. Place-names, Language and the Anglo-Saxon Landscape: Introduction / M.J. Ryan // Place-names, Language and the Anglo-Saxon Landscape. – Woodbridge: Boydell Press, 2011. – PP. 1-22.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.22>**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОВЕСТЬ» КАК ФИЛОСОФСКО-НРАВСТВЕННОЙ КАТЕГОРИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ И ИДИОМАТИКЕ**

Научная статья

Жехрова М.В. *

ORCID: 0000-0003-0224-2823,

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (marizh7[at]bk.ru)

Аннотация

Цель нашего исследования заключается в изучении концепта «совесть» как философско-нравственной категории и анализе его объективации в лексике и идиоматике английского языка. В настоящем исследовании решаются следующие задачи: раскрывается сущность концепта «совесть» как философского понятия и нравственной категории; обосновывается его личностная и социальная значимость; определяется содержание и описываются характеристики понятия «концепт» в когнитивной лингвистике; прослеживается история объективации концепта *conscience* в английском языке; выявляются его понятийный, образный и оценочный компоненты при вербализации в лексике и идиоматике английского языка. Материал исследования может быть использован при подготовке лекционных курсов и написании учебных пособий по лексикологии английского языка, а также в практике преподавания английского языка на факультетах иностранных языков и филологических факультетах университетов в качестве лингвокультурологического источника. Кроме того, исследовательский материал может быть применим на уроках английского языка в старших классах и на факультативных занятиях в общеобразовательных учреждениях.

Ключевые слова: совесть как философско-нравственная категория, концепт «совесть», английский язык, полевая структура, семантические компоненты, когнитивные признаки, англоязычная лексика и идиоматика.

ON THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF "CONSCIENCE" AS A PHILOSOPHICAL AND MORAL CATEGORY IN ENGLISH VOCABULARY AND IDIOMS

Research article

Zhekhrova M.V. *

ORCID: 0000-0003-0224-2823,

St. Petersburg State University of Civil Aviation, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (marizh7[at]bk.ru)

Abstract

The purpose of the research is to study the concept of "conscience" as a philosophical and moral category and to analyze its objectification in the vocabulary and idioms of the English language. The study solved the following tasks: determining the essence of the concept of "conscience" as a philosophical concept and moral category; substantiating its personal and social significance; determining and describing the content and characteristics of the term "concept" in cognitive linguistics; tracing the history of objectification of the concept of conscience in English; revealing its conceptual, figurative, and evaluative components during verbalization in the vocabulary and idioms of the English language. The material of this study can be used in the preparation of lecture courses and writing teaching manuals on the lexicology of the English language, as well as in the practice of teaching English at the faculties of foreign languages and philological faculties of universities as a linguoculturological source. In addition, the research materials can be applied in English lessons in high school and in elective classes in general education institutions.

Keywords: conscience as a philosophical and moral category, the concept of "conscience", English, field structure, semantic components, cognitive features, English vocabulary and idioms.

*«Свет вечности сияет для меня не в знании, а в совести».**Вильгельм Виндельбанд***Введение**

С точки зрения философии, совесть представляет собой способность человеческого духа познавать этические ценности вместе с выдвигаемыми ими требованиями [13]; в более узком смысле совесть трактуется в философии как один из способов нравственного самосознания личности, характеризующегося способностью осуществлять нравственный самоконтроль, производить нравственную самооценку совершаемых действий, осознавать нравственную ответственность не только за свои поступки, но и за свои намерения, мысли и чувства. Исходя из вышеизложенного, совесть можно понимать как субъективное сознание соответствия или несоответствия собственного поведения нравственным ценностям.

Совесть находит свое выражение как в форме рационального осознания нравственного значения совершаемых поступков, так и в форме эмоциональных переживаний [12, С. 620]. В. Виндельбанд отмечает, что эмоциональная составляющая совести проявляется, когда человек судит о самом себе как о личности, когда, анализируя свои решения и поступки, сознает свою вину или, напротив, ощущает удовлетворение и, благодаря этому своему суждению, часто испытывает очень сильные чувства [6, С. 644].

В. Виндельбанд считает ответственность перед своей совестью наивысшей формой ответственности и утверждает, что сознание нравственных норм возвышает совесть до уровня психологической силы в развитии душевной жизни [6, С. 200, 644]. Тем не менее, философ отмечает, что в случае, когда человек, обладая знанием этической нормы, под влиянием своих мотивов поступает сообразно своему произволению, он становится нравственно несвободным, поскольку истинная нравственная свобода заключается в сознательном подчинении своих желаний познанному нравственному закону. «Свобода есть господство совести», – пишет философ [6, С. 204].

Следует подчеркнуть, что совесть выступает не только духовной основой жизни человека, его личностным нравственным ориентиром, но и регулятором социальных взаимодействий как внутри одной нации, так и между народами. Исторический опыт свидетельствует, что с течением времени всякое замкнутое в себе общество нравственно дичает, и человечество, с его многовековым историческим прошлым, окончательно могло бы утратить этическую совесть, если бы его время от времени не возрождало неиспорченное сознание молодых народов. «В борьбе за существование между народами моральность есть могущественнейшая и решающая сила» [6, С. 198].

Именно архиважностью сохранения нравственного сознания на личностном, микро и макросоциальном, на межнациональном уровнях в условиях современной действительности продиктован наш выбор темы исследования.

Методы и принципы исследования

Для проведения настоящего исследования автором использовались следующие методы: анализ философской и лингвистической литературы; этимологический анализ; анализ и обобщение словарных дефиниций; структурный анализ, концептуальный анализ; методики исследования вербализации концептов, разработанные Н. Д. Арутюновой, А. Н. Бабушкиным, В. И. Карасиком; метод сплошной выборки; методы семантического анализа и когнитивной интерпретации экспериментального языкового материала; описательный метод.

Обсуждение

Будучи одним из ключевых понятий современной когнитивной лингвистики, термин «концепт» является междисциплинарным, охватывая несколько областей: когнитивистику, семантику и лингвокультурологию. Принимая, вместе с тем, во внимание и абстрактный характер понятия «концепт», становится очевидной причина отсутствия в современной лингвистике его инвариантного определения. В настоящем исследовании мы будем придерживаться трактовки М. В. Пименовой, которая определяет «концепт» как «некое представление о фрагменте картины мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными образами и средствами» [9, С. 10].

На культуросообразность концепта указывает Ю. С. Степанов, описывая концепт как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [11, С. 779]. Это свойство концепта отмечается и М. В. Пименовой в ее работе «Душа и дух: особенности концептуализации»: «Концепт, – пишет лингвист, – отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [9, С. 10].

Непосредственная связь концепта с языком устанавливается многими лингвистами. А. П. Бабушкин утверждает, что существование концепта вне языка, в котором «концепт вербализуется, обозначается словом», невозможно [3, С. 29]. Согласно З. Д. Поповой, И. А. Стернину, концепт репрезентуется в языке посредством лексем, фразеологических словосочетаний, предложений, текстов, совокупности текстов, исследуя которые, мы можем получить представление о его содержании в сознании носителей языка [10, С. 20-21].

Концепту свойственна определенная, и, по мнению Н. Н. Болдырева, нежесткая [4, С. 29] структурная организация, в которой выделяются понятийный, образный и оценочный компоненты [1], [2, С. 39]. Однако, на сегодняшний день не существует единой теории, четко определяющей структуру концепта. Мы соглашались с мнением И. А. Стернина, З. Д. Поповой, Н. Н. Болдырева, Р. М. Фрумкиной, которые предлагают полевое описание концепта – «в терминах ядра и периферии» [4, С. 29], [10, С. 15], [14, С. 3]. Заметим, что ядром концепта, в этом случае, является его понятийный компонент, т. е. словарное значение лексической единицы, которая вербализует концепт [14, С. 3], тогда как образный и оценочный компоненты составляют его периферию. Наряду с понятийной, образной и ценностной составляющей, лингвист С. Г. Воркачев выделяет ещё и значимостную, которая определяет место, занимаемое номинантом концепта в лексико-грамматической системе языка. Значимостный компонент включает в себя также этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта [7, С. 7]. В настоящей статье мы рассмотрим этимологический, понятийный, образно-оценочный компоненты англоязычного концепта «совесть».

Основные результаты

Концепт «совесть» в английском языке вербализуется посредством лексемы *conscience*. Исследование этимологии слова-репрезентата позволило нам проследить процесс объективации концепта *conscience* в англоязычной лингвокультуре. Истоки происхождения слова *conscience*, которое номинирует исследуемый концепт, лежат в латинском языке. По предположениям этимологов, латинское слово «*conscientia*» является заимствованием греческого «*syneidesis*», буквально означающим «обладающий знанием». Ученые полагают, что развитие смысла лексемы, вероятно, происходит через «знать вместе с другими; совместное знание» (что правильно или неправильно), чтобы «знать правильное или неправильное внутри себя, знать в своем собственном уме» (*conscire sibi*) [16].

В английский язык слово пришло в XII в. из старофранцузского, где «совесть» означала «сокровенные мысли, желания, намерения; чувства». В древнеанглийском языке лексема *conscience* первоначально обладала значением «способность знать, что правильно» и была свойственна преимущественно для христианской этики.

Позднее, в конце XIV в., слово *conscience* приобрело иной оттенок значения: «осознание того, что действия, за которые человек чувствует ответственность, соответствуют или не соответствуют его идеалу справедливости» [16]; в более общем смысле: «чувство справедливости или справедливости, нравственный смысл» [16].

В современном понимании, закреплённом в англоязычных словарных дефинициях, лексема *conscience* имеет следующие семантические компоненты значений:

- 1) *нравственное сознание*: понимание разницы между правильным и неправильным;
- 2) *нравственный эталон*: комплекс этических и нравственных принципов, который контролирует или сдерживает действия или мысли индивида – источник нравственного или этического суждения;
- 3) *реализация нравственных принципов в действительных проявлениях*: нравственное чувство, управляющее мыслями и действиями человека, которое побуждает его поступать нравственно;
- 4) *оценка этичности собственных действий*:
  - *согласованность с нравственным законом, проявление моральной ответственности*: соответствие эталону нравственно правильного поведения;

- *осознание несоответствия нравственному эталону*: чувство вины;

- *сожаление о неисполненном нравственном долге*: раскаяние;

- 5) *сознание / осознание чего-либо*; самопознание;

- 6) *добросовестность, трудолюбие*.

Когнитивная интерпретация выявленных, на основе обобщения англоязычных словарных дефиниций, семантических компонентов значений лексемы *conscience* позволила нам выделить ядро англоязычного концепта *conscience* – его понятийную составляющую, наряду с когнитивными признаками исследуемого концепта, который они объективируют.

Исследование этимологии и семантический анализ лексемы *conscience* наглядно демонстрируют, что ядро англоязычного концепта «совесть» значительно расширилось за счет обогащения первоначальных когнитивных признаков и присвоения новых. По нашему мнению, это является свидетельством развития общественного сознания и повышения уровня духовно-нравственного самосознания народа, находящие свое выражение в социальном взаимодействии представителей англоязычной культуры. Также необходимо отметить акцент на индивидуализации изучаемого нами концепта в сознании носителей английского языка.

Реализацию образного и оценочного компонентов англоязычного концепта *conscience* проследим в ходе семантико-когнитивного анализа его вербализации на уровне лексических и идиоматических словосочетаний, поскольку идиома представляет собой конечный результат развития значения целых словосочетаний, являясь, при этом, отличительной особенностью конкретного языка (по В. Далю). Под идиоматическими словосочетаниями, вслед за В. Л. Архангельским, мы будем понимать своеобразные выражения английского языка, «являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обычно не поддающимися точной передаче на другие языки и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски» [1, С. 25].

В результате анализа синтаксических сочетаний имени концепта *conscience* нами были выделены когнитивные признаки, послужившие основанием для представленной систематизации англоязычных лексических и идиоматических словосочетаний.

- 1) *Нравственный выбор*: freedom / right / liberty of conscience (свобода совести);
- 2) *Нравственная оценка*: a question / matter of conscience (вопрос чести); in all / good conscience (по совести, честно); for reasons of conscience (из этических соображений);
- 3) *Ответственность*: a duty of conscience (высокий моральный долг / обязанность); civil conscience (гражданская ответственность);
- 4) *Описание*: a still small voice (тихий слабый голос); inner voice; a shining light (сияющий свет); (one's) guide (ориентир); God's presence in man (присутствие Бога в человеке); a self-accuser (нравственный судья);
- 5) *Характеристика*:

- *положительная (спокойная / чистая совесть)*: (one's) conscience is clean / clear; have a clear / clean / quiet / good / healthy conscience (about someone or something); in good conscience (с чистой совестью); unflagging conscience (недремлющая совесть); a scrupulous conscience (щепетильная совесть);

- *отрицательная (отягощенная совесть)*: a guilty / bothered / troubled / bad / evil conscience (нечистая совесть); have something / be / weigh on one's conscience (лежать грузом на совести); have a conscience about something (чувствовать вину); weather-beaten conscience (больная совесть); seared conscience (уснувшая совесть);

- *личностная*: conscience-stricken / conscience-smitten (мучимый угрызениями совести); prisoner of conscience (узник совести); not guided or controlled by conscience (бессовестный); lack a conscience (бессовестный); have no conscience at all (не иметь совести);

- 6) *Взаимоотношения с самим собой*: voice of conscience (голос совести); come to terms / compromise with one's conscience (идти на сделку с совестью), search (one's) conscience / heart / soul (спрашивать совесть), for conscience sake (для очистки совести), dictates of conscience (веление совести); salve / soothe one's conscience or get smth. off one's conscience (успокоить свою совесть); battle with (one's) conscience (бороться со своей совестью); pricks / pangs / attacks / stings / qualms / twinges of conscience or the worm of conscience (угрызения совести); eat (away) at (someone's) conscience (поступиться своей совестью); guided / controlled by conscience (направляемый совестью); to act / go against one's conscience (идти против совести); have a conscience (иметь совесть);

- 7) *Социальные взаимоотношения*: prick one's conscience or appeal to the conscience of somebody (усоветить / пристыдить); conscience money (сумма подоходного налога, анонимно присылаемая налогоплательщиком, первоначально уклонившимся от уплаты; анонимное возмещение ущерба, выплата долга); have the conscience (иметь наглость); conscience clause (пункт закона, постановления, допускающий несоблюдение его по этическим,

религиозным и др. принципам); conscience keeper (начальник, который своим влиянием заставляет своих подчиненных поступать так, как ему заблагорассудится);

8) *Сознательность*: an act of conscience (проявление сознательности); political conscience (политическая сознательность).

9) *Сознание*: a critical conscience (критическое осмысление); religious conscience (религиозное сознание); scientific conscience (научное сознание); liberal conscience (свободолюбивое сознание); legal conscience (правовое сознание); public / social conscience (общественное сознание); individual conscience (личностное сознание); the nation's conscience (национальное сознание); false conscience (ложное сознание);

10) *Мнение*: to speak / to tell one's conscience (откровенно высказывать свое мнение);

11) *Отвлеченное*: body conscience silhouette (приталенный силуэт).

Семантико-когнитивный анализ номинативного поля англоязычного концепта *conscience*, наряду с изучением его происхождения и развития в английском языке, позволяют нам получить целостное представление о репрезентации исследуемого концепта в национальном сознании, в ценностной и языковой картинах мира представителей английской лингвокультуры.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что совесть представляет собой внутренний (духовный) нравственный ориентир, который, по мнению современных британских исследователей, является врожденным, данным человеку от природы, и призван регулировать его социальные проявления. Однако, в результате проведенного исследования, мы убедились в том, что обладанию совестью, как личностным духовно-нравственным качеством, предшествует усвоение индивидуумом концепта «совесть» на ментальном уровне. Вместе с тем, то, насколько нравственно осознанным будет являться национальный микро и макросоциум, т. е. насколько будет соблюдаться морально-этический аспект в межличностных и личностно-групповых взаимодействиях, диктуется личностным нравственным выбором и является индивидуальной ответственностью каждого человека.

В качестве послесловия хочется добавить, что согласно Евангельскому учению, совесть – это «духовное око, чистота которого определяется светом, который в тебе».

Благодарности

Автор благодарит Николая Евгеньевича Баранова, кандидата технических наук, доцента, заведующего кафедрой аэродинамики и динамики полёта СПб ГУГА за вдохновение для возобновления лингвистических исследований.

Acknowledgement

The author thanks Nikolay Evgenievich Baranov, PhD in Engineering, Associate Professor, Head of Aerodynamics and Flight Dynamics Department of St. Petersburg State University of Civil Aviation for the linguistic research inspiration take off.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В. Л. Архангельский. – Изд-во Ростовского университета, 1964. – 314 с.
2. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: [курс лекций по англ. филол.] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 2001. – 123 с.
5. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 15.04.2022)
6. Виндельбанд В. Дух и история : Избранное / В. Виндельбанд; пер. с нем. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
7. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
8. Карасик В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 1999. – 196 с.
9. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
10. Попова З. Д. Понятие «концепта» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 30 с.
11. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
12. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
13. Философский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.04.2022)
14. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – М.: Наука, 1976. – С. 353-378
15. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 15.04.2022)

16. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 15.04.2022)
17. The Free Dictionary by Farlex. [Electronic resource]. – URL: <https://www.thefreedictionary.com> (accessed: 15.04.2022)

Список литературы на английском / References in English

1. Arhangel'skij V. L. Ustojchivye frazy v sovremennom russkom yazyke [Sustainable phrases in modern Russian] / V. L. Arhangel'skij. – Publishing House Rostovskogo universiteta, 1964. – 314 p. [in Russian]
2. Antologiya konceptov [Anthology of concepts] / edited by V. I. Karasik, I. A. Sternin. – M.: Gnozis, 2007. – 512 p. [in Russian]
3. Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka, ih lichnostnaya i nacional'naya specifika : dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk : 10.02.19 [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language, their personal and national specifics : dissertation... Doctor of Philology : 10.02.19] / A. P. Babushkin. – Voronezh, 1997. – 330 p. [in Russian]
4. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika: [kurs lekcij po angl. filol.] [Cognitive semantics: [a course of lectures on English philol.] / N. N. Boldyrev. – Tambov: Publishing House Tamb. Un-ta, 2001. – 123 p. [in Russian]
5. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. [Great Russian encyclopedia]. [Electronic resource]. – URL: <https://bigenc.ru/> (accessed: 15.04.2022) [in Russian]
6. Vindel'band V. Duh i istoriya : Izbrannoe [Spirit and history : Selected works] / V. Vindel'band. – M. : Yurist, 1995. – 687 p. [in Russian]
7. Vorkachyov S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj concept [Happiness as a linguocultural concept] / S. G. Vorkachev. – M.: Gnozis, 2004. – 192 p. [in Russian]
8. Karasik V. I. Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauch. tr. [Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics: collection of scientific works] / V. I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 1999. – 196 p. [in Russian]
9. Pimenova M. V. Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii [Soul and spirit: features of conceptualization] / M. V. Pimenova. – Kemerovo: IPK «Grafika», 2004. – 386 p. [in Russian]
10. Popova Z. D. Ponyatie «koncepta» v lingvisticheskikh issledovaniyah [The notion of “concept” in linguistic research] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – Voronezh, 2000. – 30 p. [in Russian]
11. Stepanov Yu. S. Yazyk i metod. K sovremennoj filosofii yazyka [Language and method. To the modern philosophy of language] / Yu. S. Stepanov. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. – 784 p. [in Russian]
12. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary] / ed. by L. F. Il'ichev et al. – Moscow: Sov. Enciklopediya [Soviet Encyclopedia] – 1983. – 839 p. [in Russian]
13. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. [Philosophical encyclopedic Ddctionary]. [Electronic resource]. – URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/> (accessed: 15.04.2022) [in Russian]
14. Frumkina R. M. Konceptual'nyj analiz s tochki zreniya lingvista i psihologa [Conceptual analysis from the point of view of a linguist and psychologist] / R. M. Frumkina // Nauchno-tehnicheskaya informaciya [Scientific and technical information]. – M.: Nauka, 1976. – PP. 353-378 [in Russian]
15. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 15.04.2022)
16. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource]. – URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 15.04.2022)
17. The Free Dictionary by Farlex. [Electronic resource]. – URL: <https://www.thefreedictionary.com> (accessed: 15.04.2022)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.23>**СРАВНЕНИЕ БРИТАНСКИХ СИСТЕМОЙ И ИНТЕГРАЦИОННОЙ ТЕОРИЙ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В РОССИИ**

Научная статья

Гаврилова Ю.В. *

Национальный исследовательский университет МЭИ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (march1378[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена сравнению двух теорий, которые появились в Великобритании в XX веке. Первая теория называется системно-функциональным подходом или системной грамматикой, ее автором был Майкл Халлидей. Другая теория, именуемая интеграционной лингвистикой или интеграционизмом, появилась на несколько десятков лет позже и была разработана Роем Харрисом. В то время как Майкл Халлидей был непосредственным учеником и последователем Джона Фёрса и принадлежал Лондонской школе, Рой Харрис работал самостоятельно и часто ставил под сомнение многие идеи более ранних направлений лингвистики и предлагал собственный подход к изучению лингвистических теорий. В конце статьи автор приводит несколько имён российских исследователей, которые изучали указанные теории и применяли их в своих разработках. Применяется метод сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что несмотря на то, что речь идет о совершенно разных научных теориях, возникших в разные десятилетия XX века, можно говорить об их определённом сходстве, так как они обладают характерной чертой, присущей британской лингвистической науке, где школы и направления являются по сути тесно взаимосвязанными.

Ключевые слова: интеграционный, системно-функциональный, подход, эмпирический метод, сравнительный метод, метафункция.

BRITISH SYSTEMIC AND INTEGRATIONAL THEORIES COMPARED AND THEIR IDEAS PERCEIVED IN RUSSIA

Research article

Gavrilova Yu.V. *

National Research University MPEI, Moscow, Russia

* Corresponding author (march1378[at]yandex.ru)

Abstract

This article considers and compares two theories that were developed by British linguists of the 20th century. The first theory is called systemic-functional approach, or systemic grammar, its author was Michael Halliday. The other theory is integrational linguistics, or integrationism, it appeared some decades later and was offered by Roy Harris. While Michael Halliday was John Firth's immediate follower and belonged to the London School, Roy Harris worked independently, often questioned many ideas developed and introduced by previous linguists and set up his own approach to studying linguistic problems. At the end of the article the author gives some names of Russian linguists that dealt with the problems and applied the theories to their research. The method of comparative analysis is used. The author comes to the conclusion that despite being separate theoretical approaches that appeared in different time periods there is much in common as both of them form a characteristic feature of British linguistic approach where schools and ideas are interconnected and interdependent.

Keywords: integrational, systemic-functional, approach, empirical method, comparative method, metafunction.

Introduction

As we know, systemic-functional grammar and integrational linguistics appeared in different time periods, but both approaches were developed in Great Britain. They were later transformed into other versions and applied to different kinds of linguistic analysis carried out by scholars. This article will attempt to compare both approaches and will also deal with the perception of the ideas in our country.

Theoretical background

The present research is based mostly on a selection of basic papers written by two British scholars of the 20th century, M. Halliday and R. Harris. Both theories have been influential and are considered separate and different ones. So an attempt to compare them and to find similarities is taken in this article.

Methods

Methods of our analysis include studying papers of British scholars critically paying special attention to the examples provided in their works and to the whole tradition of British linguistics.

Systemic-functional grammar

Systemic-functional grammar can also be called systemic linguistics or systemic-functional linguistics is now one of the sections of applied linguistics, which studies language notions in the context of communication, or context of situation. The approach appeared due to Michael Halliday (1925-2018), John Firth's follower. Its appearance dates back to the 1970s of the 20th century. At the beginning of its existence it included 2 components only: 1) paradigmatic or vertical dimension which

meant the priority of the author. Grammar structures of the utterance later were perceived as being the result of the author's choice; 2) orientation towards meaning and not form, which means that the aim is to describe how words and word combinations are used to express meaning. Some time later, in the book published in 1985, the principles of functional grammar were given as follows:

"1) Grammar is functional in the sense that it exists in order to explain how language is used. Every text is understood in the context of its use and these contexts have shaped the language system. Functional grammar is natural grammar as anything can be explained with its help.

2) Fundamental components of meaning in a language are functional components. All languages are based on two types of meaning – ideational or reflective and interpersonal or active. These components, or metafunctions, are the reflection of language system.

3) Every element in a language is interpreted with reference to its function in the general language system. From this point of view functional grammar unites all elements of a language as natural configurations of functions. Every part is interpreted as functional in relation to the system in general" [12; P.XIII].

Language form is as important as its function in a sentence. This idea explains the name of the theory, functional grammar. Systems in a language do not exist in isolation, but cooperate with each other. Relatively easy systems are then united into systemic groups and this reveals the diversity of the meaning which is transmitted in every utterance.

Halliday saw the text as a semantic notion, and not as a grammar only as semantics must be closely connected to grammar as meanings in language are usually reflected with the help of definitions or wordings that is grammar actually. And in order to identify the meaning of the text grammar is supposed to be functional and semantic at the same time, grammar categories are to interpreted as revealing semantic models.

Language is a system for reflecting meanings. Meanings are contained in grammar (or syntagmatic) units. M. Halliday identified three basic metafunctions in his theory. They are interpersonal, experiential, textual. Interpersonal metafunction unites the systems that exist in order to express social connections between the author of the utterance and the addressee. In the following list of sentences grammar helps to identify the differences in meaning:

The flight is confirmed. (statement)

Is the flight confirmed? (question)

Confirm the flight. (imperative)

Would you confirm the flight? (direction with a positive modal meaning)

The flight must not be confirmed. (direction with a negative modal meaning)

As it is seen from the examples above not all the interrogative sentences function as questions and so the choice of every particular grammar form will totally depend on the context. Experiential metafunction implies studying the language from the point of view of its use for describing events, states and creating the speaker's picture of the language. The third metafunction is textual and takes into consideration the part of grammar that reveals the way the meanings in a sentence are organized in connection to the ideas around them and form the part of a wider utterance context.

The grammar category of transitivity is devoted to the type of the process (or action) described and voice. Mood systems are oriented at interpersonal meaning. The choice of the topic shows the sentence division into theme and rheme.

The types of grammar meanings are given in the table below.

Table 1 – Meaning types

Type of meaning	Clause systems
experiential	transitivity
interpersonal	mood
textual	theme
logical	hypotaxis, parataxis

As Thompson put it, systemic-functional grammar is one of the most fully developed alternative to the concept that was basic during most part of the 20th century and developed the problem of language description into separate spheres, such as syntax, semantics, social linguistics... Language is a means of communication among people and can be duly understood only if the condition of total consideration of all the language notions and at all the stages of research [12, P. 231].

Among other books by M. Halliday we should also mention "Learning How to Mean. Explorations in the Development of Language" [4] and "Lexis as a Linguistic Level" [5].

Integrational linguistics

Integrational approach was developed and introduced by another British linguist, Roy Harris (1931-2015). Harris's career is connected to Oxford University, but during his academic career he gave many lectures abroad. He is also one of the founders of International Association for Integrational Study of Language and Communication, IAISLC that was set up in 1998 and now has members from more than 25 countries.

According to Harris, the division of linguistics into theoretical and applied was not correct and symbolized so-called 'intellectual malaise' in science. And as a result linguistics has stopped paying attention to the fact that language is primarily a means of communication among people.

Harris was sure that none of the issues of theoretical linguistics has to do with an average language speaker. But at the same time identification of the key problem gave the opportunity of studying language in order to shaping linguistics as a multidisciplinary subject and carrying out analysis of communication mechanisms.

The fundamental idea of Roy Harris was understanding that only by communication we shape language as it is, both for an individual and society. In this context language is understood as a cumulative product of communicative situations.

Roy Harris worked on his theory for 25 years and he saw his goal as defining an integrational approach to symbols and semiotic systems and thus to human communication in general. And this approach supposed reconsideration of the existing educational practice along with all the history of linguistic ideas. He also believed that integrationism is very important for understanding interpersonal relations and modern society with its communicative resources.

Harris defined three integrational parameters relating to identification of time continuum: biomechanical, macrosocial and circumstantial. Biomechanical parameter takes into account physical and mental abilities of communicating people, macrosocial takes into account customs and traditions existing in society or social group, and circumstantial parameter relates to the conditions of a particular communicative situation.

So from the point of view of a scholar communication is a creative process, because it is seen not as a closed process of transmitting some messages and signs among people automatically, but as creating the conditions which would help communicating people freely interpret received messages depending on contexts. And these contextual possibilities are infinite and do not have any rules or special codes. Language from this point of view is actually human ability to communicate, while integrating signs into speech or writing. And while traditionally signs were seen as written or pronounced integrational approach concentrates on a communicative function of a sign in the context of communication.

Integrational approach in linguistics pays great attention to context, as there no signs without context and contexts in their turn are created by participants of speech situations.

Among many books published by Roy Harris probably the most well-known are the following three. They are “The Language Makers” [7], “The Language Myth” [8] and “The Language Machine” [9]. The book “The Language Makers” [7] deals with reconsideration of some basic ideas of linguistics and philosophy, that was necessary due to society development. The book “The Language Myth” [8] the author writes about the perception and role of language and from the point of view of society. And the book “The Language Machine” [9] that concludes the trilogy Harris states that due to massive development of mass media in the 20th century our perception of language has inevitably changed as a mechanical view on intellect appeared. A later book by Harris was “Signs of Writing” and it deals with reconsideration of some key points of written speech and its perception by traditional linguistics through the framework of integrational approach. Written speech is studied in this book as a kind of communication which helps to identify connection between events and shows how mathematical, musical and other kinds of writing are subject to the same principles as oral communication.

Brief comparison of theories

Both theories are known in Russia, but Systemic grammar is probably more famous among linguists. Although the theories were developed during different time periods and by two different scholars (both from Great Britain) they certainly have similar points. Both approaches concentrate on language as a means of communication and claim to look at utterances in connection to the contexts they exist. Language is seen as a system and grammar is used to express meaning of utterances. Context of situation as a term is not new, as it was introduced by B. Malinowski and then developed by J. Firth.

Perception of theories in Russia

In Russia the theories described above have been used in many thesis papers and research of other kinds, such as, for example, by Bubnova [1], Golubeva [2], Lifen, Sharafutdinov [11]. We may say that both of the theories are applied and their ideas are employed in further research. More literature is available in English, than in Russian. Material about systemic grammar is generally more thoroughly studied, but this fact can be explained by a later appearance of integrational theory in time.

Concluding remarks

Summing up the ideas expressed above we should say that although two theories claim to be different from each other they obviously have got similar points, such as looking at language as a complex phenomenon and paying attention to context of situation. In Russia both theories are known, developed and successfully applied in research.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бубнова Н.А. Ключевые слова социального словаря как инструмент речевого воздействия и манипуляции сознанием в аналитической публицистике: автореф. Дис. ... канд. филол. наук. / Н.А. Бубнова – М., 2012. – 22 с.
2. Голубева С.Л. Трансформация культуры в системе интернет-коммуникаций: дис. ... канд. филол. наук. / С.Л. Голубева – СПб., 2016. – 242 с.
3. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday – London: Arnold, 1985. - 387 p.
4. Halliday M.A.K. Learning How to Mean. Explorations in the Development of Language / M.A.K. Halliday – New York: Elsevier, 1975. – 164 p.
5. Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level / M.A.K. Halliday, C.E. Bazell – London: Longmans, 1966. – P. 148-162.
6. Harris R. Integrationism [Electronic resource] / R. Harris – URL: http://royharrisonline.com/integrational_linguistics.htm. (accessed: 15.04.2022)
7. Harris R. The Language Makers. / R. Harris – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1980. – 194 p.
8. Harris R. The Language Myth. / R. Harris – London: Duckworth, 1981. – 212 p.
9. Harris R. The Language Machine. / R. Harris – London: Duckworth, 1987. – 182 p.

10. Harris R. Signs of Writing. / R. Harris – London and New York: Routledge, 1995. – 185 p.
11. Lu L. Analysing the text of the Announcement of the President of Russia to Federal Government in 2016 from the Point of View of Systemic Linguistics. / Lifen Lu, D. Sharafutdinov // Moscow: Political Linguistics – №5 71. – P. 73-80
12. Thompson G. Systemic-Functional Grammar / G. Thompson // Key Ideas in Linguistics and Philosophy of Language – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 267 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Bubnova N.A. Ključevye slova social'nogo slovarja kak instrument rečevogo vozdejstvija i manipuljacii soznaniem v analitičeskoj publicistike [Keywords of the social dictionary as a tool of speech influence and manipulation of consciousness in analytical journalism]: extended abstract of Candidate's thesis. Philology / N. A. Bubnova – Moscow, 2012–22 p. [in Russian]
2. Golubeva S.L. Transformacija kul'tury v sisteme internet-kommunikacij [Transformation of culture in the system of Internet communications]: Candidate's thesis. Philology. / S. L. Golubeva. – St. Petersburg, 2016 – 242 p. [in Russian]
3. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday – London: Arnold, 1985. – 387 p.
4. Halliday M.A.K. Learning How to Mean. Explorations in the Development of Language / M.A.K. Halliday – New York: Elsevier, 1975. – 164 p.
5. Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level / M.A.K. Halliday, C.E. Bazell – London: Longmans, 1966. – P. 148-162.
6. Harris R. Integrationism [Electronic resource] / R. Harris – URL: http://royharrisonline.com/integrational_linguistics.htm. (accessed: 15.04.2022)
7. Harris R. The Language Makers. / R. Harris – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1980. – 194 p.
8. Harris R. The Language Myth. / R. Harris – London: Duckworth, 1981. – 212 p.
9. Harris R. The Language Machine. / R. Harris – London: Duckworth, 1987. – 182 p.
10. Harris R. Signs of Writing. / R. Harris – London and New York: Routledge, 1995. – 185 p.
11. Lu L. Analysing the text of the Announcement of the President of Russia to Federal Government in 2016 from the Point of View of Systemic Linguistics. / Lifen Lu, D. Sharafutdinov // Moscow: Political Linguistics – №5 71. – P. 73-80
12. Thompson G. Systemic-Functional Grammar / G. Thompson // Key Ideas in Linguistics and Philosophy of Language – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. – 267 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.24>**ЧАСТОТА ОПРЕДЕЛЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ В РАЗНЫХ КОНТЕКСТАХ**

Научная статья

Ширалиева Р.О. *

Азербайджанский университет языков, Баку, Азербайджан

* Корреспондирующий автор (geray.80[at]mail.ru)

Аннотация

Слова и сочетания, выражающие неопределенное количество, в английском и азербайджанском языках выражаются неопределенными количественными показателями – кванторами в разных контекстах в силу объективных и субъективных причин. Углубленное изучение процесса речевой деятельности может быть достигнуто только методом статистического анализа. Использование методов статистического анализа играет важную роль в определении частотности квантификаторов в сравниваемых языках. С этой целью на основе различных формул и диаграмм была проанализирована частотность неопределенных числительных (в азербайджанском языке)/квантификаторов (в английском языке) в разных материалах, задействованных в исследовании, из обоих языков.

Ключевые слова: квантификатор, числительное, неопределенность, частота, статистический анализ.

FREQUENCY OF QUANTIFIERS IN ENGLISH AND AZERBAIJANI IN DIFFERENT CONTEXTS

Research article

Shiraliyeva R.O. *

Azerbaijan University of languages, Baku, Azerbaijan

* Corresponding author (geray.80[at]mail.ru)

Abstract

Words and combinations expressing indefinite quantity in English and Azerbaijani languages are expressed by indefinite quantitative indicators — quantifiers in different contexts as a result of objective and subjective reasons. In-depth study of the process of speech activity can be achieved only through the method of statistical analysis. The use of statistical analysis methods plays an important role in determining the frequency of quantifiers in the compared languages. For this purpose, the frequency of indefinite numerals (in Azerbaijani)/ quantifiers (in English) in different materials involved in the study from both languages was analyzed on the basis of different formulas and diagrams.

Keywords: quantifier, numeral, indefiniteness, frequency, statistical analyses.

Introduction

Numerals and the ability to think in numbers is one of the oldest and most important achievements of human beings. It is also known that in addition to the basic meanings of numerals, there are many cases when the constitution has an additional (connotative) – cultural-typological meaning. Quantity is not only one of the forms of activity of numbers in matter, but also has a logical-philosophical nature and occupies a major place in the conceptual picture of the world. Numerals are ideas and forces with a symbolic meaning. Quantitative category is one of the important ontological categories that plays the role of methodological and worldview that has penetrated human existence, as well as mental event, the result of human perception of the quantitative definition of the real world and the classification activity of human thinking. The concept of quantity represents the image of objective reality, its reflection in the human mind. Numerals represent one of the oldest layers of the lexical layer of a language. According to H.M. Zarbaliyev, *"they, like other lexicons of the language, can provide interesting materials for the study of languages from a genetic, areal, comparative and typological point of view"* [11, P. 14].

In modern English, the semantics and functionality of an indefinite quantity depends on the nature of the quantity or the notion of majority (minority): 'many', 'much', 'few', 'little', 'a number of', 'a great deal', 'some tea', 'a few minutes', 'several monuments' and so on.

Indefinite numerals in the Azerbaijani language represent special lexical units that are different from definite quantities which are expressed by cardinal numerals. For example, 'az', 'çox', 'xeyli', 'bir az', 'bir qədər', 'o qədər', 'filan qədər', 'lap az', 'lap çox', 'daha çox' and so on.

The reasons for the usage of indefinite numerals in both languages can be divided into two groups:

- 1) objective reason, despite the lack of accurate/definite information;
- 2) subjective reason from the point of view of the choice of the speaker.

Research methods and materials

Words and phrases expressing indefinite quantity are widespread in all areas of human use of language in their activities. Considering the degree of intensity and significance between the lexical units of the numerals expressing indefinites in the English and Azerbaijani languages, the frequency of their usage in the conversation act was determined based on statistical analysis.

The statistical method is a universal method of understanding reality. The statistical method, which includes objectivity and procedure, is widely used in the analysis, interpretation, and generalization of the results of observations and experiments. However, the application of statistical methods in linguistic research is not an easy procedure and requires the harmonization of these two disciplines. The harmonization of the statistical method in solving linguistic problems is carried out in two

directions: the linguistic revision of statistical categories (selection, correlation, etc.) and the statistical revision of linguistic categories (language, speech, text, etc.).

It is known that modern empirical research is based on quantitative analysis and qualitative analysis. The research object of qualitative analysis includes words, phrases, texts, surveys, and even the interpretation of videos or pictures. Quantitative analysis is descriptive and interpretational and is concerned with numbers and statistics [7].

Assessing corpus linguistics as a scientific statistical method in modern linguistics, V. Brezina noted: *"In essence, corpus linguistics is a quantitative methodology; this means that corpus linguistics typically works with numbers which reflect the frequencies of words and phrases in corpora"* [4, P. 3]. For this reason, the author used various mathematical expressions, several diagrams and divisions based on computer technology in the statistical analysis.

Conducting research on the statistical analysis of corpus linguistics, V. Brezina paid special attention to the measurement value "mean", which means the average, and gave the procedure for its calculation as follows [4, P. 3]:

$$\text{mean} = \frac{\text{sum of all values}}{\text{number of cases}} \quad (1)$$

Research results

Fiction and news texts were used to conduct a comparative statistical analysis of words and expressions expressing indeterminacy used in English and Azerbaijani and to determine the frequency of their processing. The frequency of indefinite quantitative indicators used in the original and English translation of the story used as an example of fiction in the Azerbaijani language was investigated.

The story involved in the statistical analysis in the Azerbaijani language consists of 4714 words [2]. The English translation of this story consists of 6,259 words [1]. The first major difference between comparing original and translated texts is that they do not overlap in the number of lexical units and phonemes. The substantial number of lexical units in English can be explained by the fact that the language belongs to the type of analytical language in terms of grammatical meaning. The second difference in the texts is that the number of the words and phrases denoting indefinite quantity in both languages is expressed in different terms. The number of indefinite quantitative indicators used in the story in the Azerbaijani language is 62, and in the English translation text it is 55.

Using the formula presented by V. Brezina [4], we can find the average percentage of the frequency of quantitative indicators expressing indefinites in the texts involved in the statistical analysis for both languages:

$$\text{"mean" (in Azerbaijani)} = \frac{4714}{62} = 76.03 \quad (2)$$

$$\text{"mean" (in English)} = \frac{6259}{55} = 113.8 \quad (3)$$

The word 'çox' denoting indefinite quantity in the Azerbaijani language is used many times in this story. But it should be noted that in most cases this word is in the function of adverb. However, the words and phrases 'bir, bir neçə, heç bir, bu qədər' expressing indefinite quantity are used in the function of indefinite numerals in Azerbaijani.

The word 'all' used in the story, translated into English, expresses indefinites. Unlike Azerbaijani, the word 'all' used in English is an indefinite quantitative indicator. In the Azerbaijani language, this word means 'hamı' and it is accepted as a pronoun. In the translated text, the words 'all', 'no', 'many', 'more', 'some', 'every', 'any', 'few' are used as expressions of indefinites.

The achieved results from the analyzed texts can be converted to diagrams:

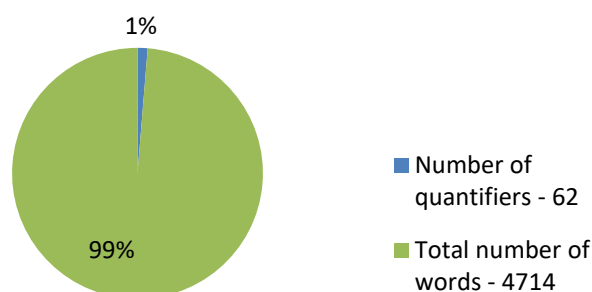

Fig. 1 – Expression of identifies in Azerbaijani

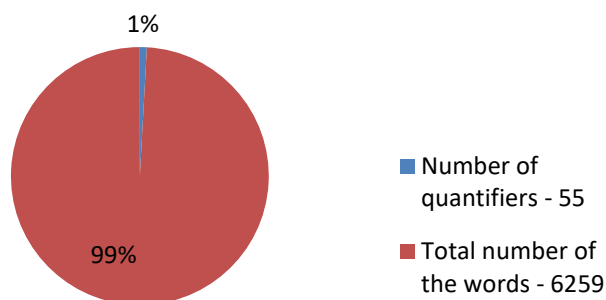

Fig. 2 – Expression of indefinites in English

The news material in the Azerbaijani language consisting of 176 words, the lexical units ‘*çoxtərəfli*’, ‘*bir sıra*’ act as indicators of indefiniteness [3]. In this piece of text taken from the media, numbers indicating indefinite quantity were used only twice. In this statistically analysed piece of text, words denoting indefinite quantity mean equals to 88:

$$“mean” = \frac{176}{2} = 88 \quad (4)$$

The English text of the news is taken from BBC Future magazine [5]. There are 269 words in the text. In this text, the words and phrases ‘some, several’, ‘decades’, ‘much more’, ‘a lot of’ are used 6 times to express indefinite quantity. The mean in this text for the indefinite quantifiers is 44.83:

$$“mean” = \frac{269}{6} = 44.83 \quad (5)$$

If we compare the results of statistical analysis with the given texts for both languages in general, we see that the words expressing indefinite quantity do not constitute a high percentage.

Conclusion

As a conclusion of the research, statistical analysis of indefinite quantitative words and phrases based on fiction samples and media news was carried out in the form of various formulas, mathematical calculations and diagrams.

The more or less use of indefinite quantitative indicators (quantifiers), depending on the content of the text, is an indication of their close connection with the context and the volume of the text.

Discussion

Summarizing this article, I would like to note that the study of quantifiers, their frequency in the Azerbaijani and English languages needs more investigation and research. In this article, the frequency of quantifiers is determined with the help of small sized texts. We hope, this article will be helpful for larger investigations.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Anar. Dante’s Jubilee and other stories / Anar. — Volume 3. Baku: Azerbaijan International, 2017. — 233 p.
2. Anar. Jakhshy Padshahyn nagyly / Anar. — Baku: YYSQ, 2009. — 260 p.
3. Azerbajdzhan ve Latviya parlamentleri arasinda elaqelerin genishlendirilmesi muzakire edilib [Electronic resource] – URL: <https://apa.az/az/xeber/xarici-siyaset/azerbaycan-ve-latviya-parlamentleri-arasinda-elaqelerin-genishlendirilmesi-muzakire-edilib-647002> (accessed: 07.09.2021).
4. Brezina V. Statistics in corpus linguistics: a practical guide / V.Brezina. — Cambridge; New York: Cambridge University Press 2018. — 296 p.
5. Gerretsen I. Algae is a powerhouse for the climate, sending carbon to the seafloor and deacidifying oceans. In Australia, scientists are just beginning to tap its potential. [Electronic resource] / I. Gerretsen – URL: <https://www.bbc.com/future/article/20210406-how-kelp-can-help-solve-climate-change> (accessed: 02.02.2022).
6. Huseynzade M. Muasir Azerbajdzhan dili. Morfologiya / M.Huseynzade. — Baku: Sharq-Qarb, 2007. — 280 p.
7. Jasen D. Quantative Data analysis 101: Yje lingo? Methods and techniques, explained simply. [Electronic resource] / D. Jasen, K. Warren – URL: <https://gradcoach.com/quantitative-data-analysis-methods/> (accessed: 13.01.2022).
8. Kroeger P. (2019). Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics / P.Kroeger. — Berlin: Language Science Press, 2019. — 482 p.
9. Partee B. Many quantifiers / B. Partee // Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H.Partee – Oxford: Blackwell Publishing. — 2004. — pp. 241-258.

10. Solt S. Vagueness in Quantity: Two Case Studies from a Linguistic Perspective. [Electronic resource] / S. Solt – URL: <https://www.logic.at/lomorevi/vaguebook/solt.pdf/> (accessed: 23.01.2022)
11. Забралиев Х.М. Типология числительных и числовых конструкций / Х.М. Забралиев — Баку: Азия, 1997. — 267 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Anar. Dante's Jubilee and other stories / Anar. — Volume 3. Baku: Azerbaijan International, 2017. — 233 p.
2. Anar. Jakhshy Padshahyn nagyly [Nagili of the king of Yahshua] / Anar. — Baku: YYSQ, 2009. — 260 p. [in Azeri]
3. Azerbajdzhan ve Latviya parlamentleri arasynnda elaqelerin genishlendirilmesi muzakire edilib [The expansion of relations between the parliaments of Azerbaijan and Latvia was discussed] [Electronic resource] – URL: <https://apa.az/az/xeber/xarici-siyaset/azerbaycan-ve-latviya-parlamentleri-arasinda-elqelerin-genislendirilmesi-muzakire-edilib-647002> (accessed: 07.09.2021). [in Azeri]
4. Brezina V. Statistics in corpus linguistics: a practical guide / V.Brezina. — Cambridge; New York: Cambridge University Press 2018. — 296 p.
5. Gerretsen I. Algae is a powerhouse for the climate, sending carbon to the seafloor and deacidifying oceans. In Australia, scientists are just beginning to tap its potential. [Electronic resource] / I. Gerretsen – URL: <https://www.bbc.com/future/article/20210406-how-kelp-can-help-solve-climate-change> (accessed: 02.02.2022).
6. Huseynzade M. Muasir Azerbajdzhan dili. Morfologiya [Modern Azerbaijani language. Morphology] / M.Huseynzade. — Baku: Sharq-Qarb, 2007. — 280 p. [in Azeri]
7. Jasen D. Quantative Data analysis 101: Yje lingo? Methods and techniques, explained simply. [Electronic resource] / D. Jasen, K. Warren – URL: <https://gradcoach.com/quantitative-data-analysis-methods/> (accessed: 13.01.2022).
8. Kroeger P. (2019). Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics / P.Kroeger. — Berlin: Language Science Press, 2019. — 482 p.
9. Partee B. Many quantifiers / B. Partee // Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H.Partee – Oxford: Blackwell Publishing. — 2004. — pp. 241-258.
10. Solt S. Vagueness in Quantity: Two Case Studies from a Linguistic Perspective. [Electronic resource] / S. Solt – URL: <https://www.logic.at/lomorevi/vaguebook/solt.pdf/> (accessed: 23.01.2022)
11. Zarbaliev H. M. Tipologiya chislitel'nykh i chislovykh konstruksij [Typology of numerals and numerical constructions] / H.M. Zarbaliev. — Baku: Azija, 1997. — 267 p. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.25>**СПЕЦИФИКА ПРИСУТСТВИЯ ЛЕКСЕМ «СОБСТВЕННОСТЬ» / “PROPERTY”
В ТЕКСТОВЫХ КОРПУСАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Научная статья

Кравчук Ю.С. *Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (juliabritish[at]mail.ru)

Аннотация

Известно, что национальный корпус русского языка, равно как и Британский национальный корпус представляют собой унифицированный, филологически компетентный массив языковых данных в реальном контексте, что позволяет решать различные лингвистические задачи. Целью данной статьи является сопоставительное изучение функционирования лексем «собственность» / “property” в речевых ситуациях русского и английского языков. В статье выявляется частотность использования данных лексем и их эквивалентов, функционирование синонимии, затрагивается роль в терминологическом и общеупотребительном контекстах. Проведенный анализ показал, что для построения правильного соотношения информационных полей, отражающих проблематику собственности в русском и английском языках, следует исходить из расширительного толкования лексем «собственность» / “property”, обогащая их дополнительными лексемами. Английский язык в большей степени адаптирован к отображению нюансов явлений материальной жизни, тогда как в русском языке достаточным признается употребление более общего понятия для описания одного и того же явления в различных контекстах.

Ключевые слова: текстовый корпус, корпусная лингвистика, понятие «собственность» / “property”, термин.

**ON THE SPECIFICS OF THE PRESENCE OF THE LEXEMES "SOBSTVENNOST" / "PROPERTY" IN THE
TEXT CORPORA OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Research article

Kravchuk Yu.S. *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

* Corresponding author (juliabritish[at]mail.ru)

Abstract

It is known that the national corpus of the Russian language, as well as the British national corpus, represent a unified, philologically competent array of linguistic data in a real context, which allows solving various linguistic problems. The purpose of this article is a comparative study of the functioning of the lexemes "sobstvennost" / "property" in speech situations of the Russian and English languages. The article determines the frequency of use of these lexemes and their equivalents, the functioning of synonymy, and touches on the role in terminological and commonly used contexts. The analysis demonstrates that in order to build the correct correlation of information fields reflecting the problems of property in Russian and English, one should proceed from an expansive interpretation of the lexemes "sobstvennost" / "property", enriching them with additional lexemes. English is more adapted to the display of nuances of the phenomena of material life, whereas in Russian it is sufficient to use a more general concept to describe the same phenomenon in different contexts.

Keywords: text corpus, corpus linguistics, the concept of "sobstvennost" / "property", a term.

Introduction

"The ability to verbalize thoughts is not only a distinctive feature of a person as a single individual but is also an unconditional essential characteristic of human community" [13, P. 94]. Among the most striking manifestations of the designated dichotomous – personal-social – nature of verbalization is an example of the verbalization of property relations: relations between individuals "about things that consist in the appropriation or ownership of material goods to one person and the corresponding alienation of these goods from all other persons" [9, P. 193].

Data and Methods

The concept "sobstvennost", as an integral component of national culture, can have its own distinctive features that characterize it as belonging to a certain national culture. It should be pointed out that the very concept "sobstvennost" and the phenomena associated with it are considered not only in the legal sciences but also in such branches of scientific knowledge as history, economics, sociology, psychology, political science, and in interdisciplinary sciences, such as, for example, cultural studies, socioculturology, theory intercultural communication. Interest in this concept and related phenomena is also awakened in linguistic sciences, such as, for example, terminology, comparative linguistics, linguopolitology, anthropolinguistics, linguoculturology, sociolinguistics, language theory for special purposes. The analysis of relations to the concept of "sobstvennost" also presents significant interest from the point of view of many historical disciplines (history of state, history of economics, history of philosophy, etc.).

With the development of information technologies, materials reflecting the state of modern languages are rapidly being transferred to the digital environment. As "a branch of applied linguistics related to the development of general principles for the construction and use of linguistic corpora (text corpora) using computer technologies" [5, p. 25], corpus linguistics declares its main task to be "the advancement of theoretical foundations and practical mechanisms for the creation and use of

representative arrays of linguistic data intended for linguistic research in the interests of a wide range of users" [5, P. 29]. "The corpus of texts becomes an important tool of linguistic research, a source of data about the language under study – along with such traditional sources as linguistic introspection of the researcher, grammars, and dictionaries" [12, P. 1].

The available electronic text corpora accessible to the user via the Internet provide the researcher with the opportunity to conduct various types of analysis of language material.

The purpose of the study is a comparative examination of the functioning of the Russian lexeme "sobstvennost" and its English equivalent in speech situations of the Russian and English languages.

Appeal to S.I. Ozhegov's most famous dictionary of the Russian language provides the right to assert that "property (sobstvennost) is material values, property belonging to someone or being at the complete disposal of someone or something" [11, P. 738]. Consequently, the generic concept of "sobstvennost" (property) includes the concepts of "imushchestvo" (property) and "materialnye tsennosti" (material values) as composite structural components, which are specific. Lexemes designed to nominate these concepts can act as synonyms in certain speech situations, in other words, the specific terms "imushchestvo" and "materialnye tsennosti" can replace the generic term "sobstvennost".

Based on lexicographic data provided by the Oxford Dictionary of Law, Barron's Law Dictionary, S.I. Ozhegov's Explanatory Dictionary, A.B. Borisov's legal dictionary, it is established that the English equivalents of the Russian term "sobstvennost" are "property", "estate", "possession".

Results and Discussion

The main body of the Russian language, presented on the website www.ruscorpora.ru, as well as the British National Corpus (<http://corpus.byu.edu/bnc/>) offer a wide range of sources on various topics. While studying the list of documents with the lexemes under study, the authors put emphasis on the legal profile of the texts.

The analysis of text corpora showed the following results.

The national corpus of the Russian language contains 2,224 documents (100%) with the mention of the lexeme "sobstvennost". Of these, the largest part of the sources (works of art, magazines and newspapers on wide variety of topics) use the lexeme "sobstvennost" in its commonly used meaning, whereas only in about 130 documents the lexeme in question acts as a legal term, which is about 6%. For example: "Article 1.2. Ownership of the subsoil. The subsoil within the borders of the territory of the Russian Federation, including the underground space and minerals, energy and other resources contained in the subsoil, are state property" [6].

"The right of state ownership of objects of the animal world. The animal world within the territory of the Russian Federation is state property" [7].

"Article 34. Forms of ownership of water bodies. the Russian Federation establishes state ownership of water bodies. Municipal and private ownership is allowed only for isolated water bodies" [2].

Regarding the lexeme "imushchestvo", which is synonymous with the lexeme "sobstvennost", the Russian national corpus offers 2,311 documents (100%), of which only 8% (about 190 sources) recognise this lexeme as a legal term:

"On January 1, 2004, a tax on the property of organizations was introduced on the territory of the city of Moscow. Based on paragraph 1 of Article 374, the list of tax benefits for corporate property tax is provided in Article 381 of the Code and Article 5 of the Law" [3, P. 44-48].

As for the lexeme "materialnye tsennosti" as another synonym for the lexeme "sobstvennost", the Russian corpus offers 85 sources, of which only one finds the lexeme in question as a legal term, i.e. 1% out of 100%: "Article 660. Use of the property of the leased enterprise. Unless otherwise provided by the lease agreement of the enterprise, the lessee has the right, without the consent of the lessor, to sell, exchange, provide for temporary use or loan the material values that are part of the property of the leased enterprise, sublet them and transfer their rights and obligations under the lease agreement in respect of such values to another" [4].

Let's turn to the English equivalents of the Russian lexeme "sobstvennost", namely to its main equivalent, which is "property". The Oxford English Dictionary defines the lexeme "property" as: "that which one owns; a thing or things belonging to or owned by some person or persons; a possession (usually material), or possessions collectively; (one's) wealth or goods" [18].

In addition, the Oxford English Dictionary offers another meaning of the lexeme in question: "a piece of land owned; a landed estate" [18].

Based on the definitions given in the Oxford English Dictionary, we will attempt to analyze the synonyms of the lexeme "property", which include the lexemes "estate" and "possession".

One of the meanings of the English lexeme "estate" describes it as "property, possessions, fortune, capital" [18].

The English lexeme "possession" is described in the Oxford English Dictionary as follows: "that which is possessed or held as property; a thing possessed, a piece of property, something that belongs to one; possessions, property, wealth" [18].

Let's turn to the analysis of the frequency of use of these English lexemes in the British national corpus.

The British National Corpus records the lexeme "property" in 12369 documents (100%), the main body of which consists of fiction, poetry, personal letters, tabloid, and mass media articles, as well as user's manuals. The number of sources mentioning the legal term "property" totals 3250, 26% of the total number of documents. For example: "In the case of contracts creating continuing or recurrent liabilities incident to the disposition or holding of property, such as a settlement or a leasehold tenancy, the infant, on gaining full age, becomes bound unless within a reasonable time he takes steps to repay liability" [15].

As for the English lexeme "estate", it is reflected in the British national corpus in 5273 documents, 596 of them use this lexeme as a legal term, thus making up 11% of 100%. Example: "Great simplifications have been made in the law as to estates and interests in land, with the result that the law of property has been made very much more uniform" [15].

The lexeme "possession" is found in the British national corpus in 3097 sources (100%), 953 of them contain this lexeme as a legal term, i.e. 31% of the total: "the owner of land may be out of possession, and another without right may be in possession. In this case, the forcible retaking of possession is prohibited under penalties by statute; but the retaking, though punishable, is none the less effective to restore the possession" [15].

Conclusions

Based on the results obtained, the following conclusions can be drawn.

From the analysis of text corpora it is clear that in order to build the correct correlation of information fields reflecting the problems of property in Russian and English, one should proceed from an expansive interpretation of the lexeme "sobstvennost", enriching it with additional lexemes, such as "materialnye tsennosti", "imushchestvo". Only in this case, the amount of information displayed by such a complex of tokens will be acceptable for comparison with the corresponding information field in the English language, in which, in turn, the main lexeme "property" is supplemented by the lexemes "estate" and "possession", the use of which is characterized by the features of the English linguistic worldview. In addition, like any semantic unit used in various spheres of life, the lexeme "sobstvennost" is used not only as a commonly used expression but also as a term.

The analysis of the Russian and the British corpora shows that the English language is more adapted to the display of the nuances of the phenomena of material life, whereas in Russian it is sufficient to use a more general concept to describe the same phenomenon in different contexts. The designated feature of the Russian language can be explained by its synthetic (antonomical logical) nature, due to which preference is more often given to the characteristics of the phenomena of material life, taking into account their original essence.

A feature of the behavior of the lexeme in question in English is a large (compared to the Russian language) multiplicity of shades of meanings, resulting from the nuances of subject-object relations in society in the context of the property problem, as well as presumably from local specific of language use.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борисов А. Б. Большой юридический словарь / А. Б. Борисов. – М. : Книжный мир, 2010. – 848 с.
2. Водный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 03 июня 2006 года № 74-ФЗ (ред. от 13.07.2015). СПС КонсультантПлюс.
3. Глинкин А.А. О порядке применения налоговых льгот, предусмотренных главой 30 Налогового кодекса Российской Федерации / А.А. Глинкин // Учет, налоги, право. – 2004. – № 8. – С. 44-48.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.10.2016). СПС КонсультантПлюс.
5. Грудева Е.В. Корпусная лингвистика / Е.В. Грудева. – М. : Флинта, 2012. – 166 с.
6. Федеральный закон Российской Федерации «О недрах» [Электронный ресурс] : федеральный закон от 21 февраля 1992 года № 2395-1 (ред. от 13.07.2015). СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон Российской Федерации «О животном мире» [Электронный ресурс] : федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2015). СПС КонсультантПлюс.
8. Корпусная лингвистика [Электронный ресурс] – URL: <http://corpora.iling.spb.ru/theory.htm> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Малько А.В. Правоведение / А.В. Малько. – М. : Кнорус, 2010. – 400 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2022).
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Оникс, Мир и образование, 2007. – 640 с.
12. Перцов Н.В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях / Н.В. Перцов // Труды межд. конференции Корпусная лингвистика : СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во РХГА. – 2006. – С. 318–331.
13. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории / Б.Ф. Поршнев. – М. : Фэри-В, 2006. – 640 с.
14. British National Corpus [Электронный ресурс] – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 10.02.2022).
15. Geldart W. Introduction to English law. / W. Geldart, D. Yardley. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 224 p.
16. Gifis Steven H. Law dictionary / Steven H. Gifis. – NY : Barron's educational series, 2003. – 591 p.
17. Jonathan, K. Oxford Dictionary of Law / K. Jonathan, Elizabeth A. Martin. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 602 p.
18. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oed.com/> (accessed: 10.02.2022).

Список литературы на английском / References in English

1. Borisov A. B. Bol'shoj juridicheskij slovar' [Big legal dictionary] / A. B. Borisov. – M. : Knizhny mir, 2010. – 848 p. [in Russian]
2. Vodnyj kodeks Rossijskoj Federacii [The Water Code of the Russian Federation] [Electronic resource] : Federal Law No. 74-FZ of June 03, 2006 (as amended on July 13, 2015). SPS ConsultantPlus [in Russian]
3. Glinkin A.A. O porjadke primeneniya nalogovykh l'got, predusmotrennykh glavoy 30 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii [On the procedure for applying tax benefits provided for in Chapter 30 of the Tax Code of the Russian Federation] / AA Glinkin // Uchet, nalogi, pravo [Accounting, taxes, law]. – 2004. – No. 8. – pp. 44-48 [in Russian]

4. Grazhdanskijj kodeks Rossijskojj Federacii [The Civil Code of the Russian Federation] [Electronic resource] : Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on 10/25/2016). SPS ConsultantPlus [in Russian]
5. Grudeva E.V. Korpusnaja lingvistika [Corpus linguistics] / E.V. Grudeva. – M. : Flinta, 2012. – 166 p. [in Russian]
6. Federal Law of the Russian Federation "O nedrakh" (On Subsoil) [Electronic resource] : Federal Law No. 2395-1 of February 21, 1992 (as amended on 07/13/2015). SPS ConsultantPlus [in Russian]
7. Federal Law of the Russian Federation "O zhivotnom mire" (On the Animal World) [Electronic resource] : Federal Law No. 52-FZ of April 24, 1995 (as amended on 07/13/2015). SPS ConsultantPlus [in Russian]
8. Corpus linguistics [Electronic resource] – URL: <http://corpora.iling.spb.ru/theory.htm> (accessed: 10.02.2022) [in Russian]
9. Malko A.V. Pravovedenie [Jurisprudence] / A.V. Malko. – M. : Knorus, 2010. – 400 p. [in Russian]
10. National Corpus of the Russian language [Electronic resource] – URL: www.ruscorpora.ru (accessed: 10.02.2022) [in Russian]
11. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov. – M. : Onyx, the world and education, 2007. – 640 p. [in Russian]
12. Pertsov N.V. roli korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh [On the role of corpora in linguistic research] / N.V. Pertsov // Trudy mezhd. konferencii Korpusnaja lingvistika [Proceedings of the international conference Corpus Linguistics]: St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; Publishing House of the Russian Academy of Sciences. - 2006. - pp. 318-331 [in Russian]
13. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskojj istorii [About the beginning of human history] / B.F. Porshnev. – Moscow : Fari-V, 2006. – 640 p. [in Russian]
14. British National Corpus [Electronic resource] – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 10.02.2022).
15. Geldart W. Introduction to English law. / W. Geldart, D. Yardley. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 224 p.
16. Gifis Steven H. Law dictionary / Steven H. Gifis. – NY : Barron's educational series, 2003. – 591 p.
17. Jonathan, K. Oxford Dictionary of Law / K. Jonathan, Elizabeth A. Martin. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 602 p.
18. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oed.com/> (accessed 10.02.2022).

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.26>**КОВИД-ЛЕКСИКА КАК ЭКСПЛИКАТОР АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

Научная статья

Абсальмова Л.Ф.^{1*}, Нурғалина Х.Б.²

Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета, Сибай, Россия

* Корреспондирующий автор (absalyam80[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются неологизмы, появившиеся в русском языке период пандемии коронавируса COVID-19. В роли экспликатов выступают языковые единицы разного уровня, т.е. ковид-лексика. В статье особое внимание уделяется выражению авторской модальности, т.е. позиции автора текста по отношению как к самому ковид-неологизму, так и к явлению или объекту, обозначаемому этой лексемой. Материалом для анализа послужили тексты русскоязычных средств массовой информации, представленных как на бумажном носителе, так и в электронном виде. По результатам исследования были сделаны следующие выводы: наиболее «чувствительным» пластом является язык СМИ, освещающий самые актуальные события, нововведения, изменения во всех сферах жизнедеятельности человека. Соответственно, можно утверждать, неологизмы, используемые в текстах СМИ журналистами, помогают сформулировать всеобщее отношение населения к данной проблеме.

Ключевые слова: ковид-лексика, неологизм, экспликатор, авторская модальность, пандемия коронавируса, COVID-19, тексты СМИ.

COVID VOCABULARY AS AN EXPLICATOR OF AUTHOR'S MODALITY IN THE TEXTS OF RUSSIAN MASS MEDIA

Research article

Absalyamova L.F.^{1*}, Nurgalina H.B.²

Sibai Institute (branch) of Bashkir State University, Sibai, Russia

* Corresponding author (absalyam80[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the neologisms that appeared in the Russian language during the COVID-19 coronavirus pandemic. The explicators are language units of different levels, i.e. covid-vocabulary. The article pays special attention to the expression of the author's modality, i.e. the position of the author of the text in relation to both the covid-neologism itself and the phenomenon or object designated by this lexeme. The material for the analysis was the texts of Russian-language mass media, presented both on paper and in electronic form. According to the results of the study, the following conclusions were made: the most "sensitive" layer is the language of the media, covering the most current events, innovations, changes in all spheres of human activity. Accordingly, it can be argued that most of the neologisms get into the lexicon of speakers through the media. Accordingly, it can be argued that the neologisms used in media texts by journalists help to formulate the general attitude of the population to this problem.

Keywords: covid vocabulary, neologism, explicator, author's modality, coronavirus pandemic, COVID-19, mass media texts.

Введение

Как известно, в языке отображаются все изменения, происходящие в жизни общества. Если, с одной стороны, язык представляет собой устойчивую и консервативную систему, то, с другой стороны, он находится в непрерывном движении в течение всего своего существования в качестве средства коммуникации для представителей данного общества.

Самым подвижным слоем языка является лексика, т.е. словарный фонд. Открытия в области науки, появление новых культурных объектов, масштабные события в сфере политики и экономики – все эти явления находят свое прямое отражение в лексической системе языка, поскольку всякий новый объект или всякое новое явление требует незамедлительной номинации. Соответственно, одни слова появляются в словарном составе языка, другие переходят в пассивный запас с последующим исчезновением в силу отсутствия необходимости номинации устаревшего предмета. По мнению С.В. Ильясовой, новообразования не только тематически отражают все изменения, происходящие в различных сферах современной жизни, но и «способствуют интерпретации явлений действительности и пониманию специфики их восприятия в определенной лингвокультурной общности людей [8, С. 216-217].

Обсуждение

Принадлежность языковых новообразований к категории неологизмов является свойством относительным, так как в языке до сих пор нет критериев, согласно которым слову дается статус «неологизм». Проанализировав ряд дефиниций данного термина, мы пришли к выводу, что наиболее всеобъемлющим является определение В.В. Виноградова, который характеризует их как «не просто новые, а очень новые, новенькие, совсем недавно появившиеся слова, новизна и свежесть которых ощущается говорящими. Пребывание слова в «неологизмах» обычно непродолжительно. Если слово образовано удачно, а явление, которое им обозначается, прочно вошло в язык, название этого явления перестаёт быть неологизмом, становясь обычным словом языка» [5, С. 205].

Язык средств массовой информации (далее СМИ) нередко называют лакмусовой бумажкой состояния языка. Практически все, что касается проблем языка как феномена, в наиболее полной, и, пожалуй, острой форме отражается в языке СМИ [1, С. 80-86]. Следовательно, и новое слово, перед тем как получить статус общеупотребительного, из уст своего сочинителя попадает прямо в СМИ. В то же время можно сказать, что язык СМИ играет большую роль в развитии самого языка, поскольку сочинителями неологизмов в большинстве случаев выступают именно сами авторы газетных и журнальных статей. Особенностью текстов газетных публикаций является влияние мировоззрения автора на восприятие аудитории посредством языковых ресурсов, с их помощью автор высказывает свою точку зрения, но не как отдельный субъект, а как обобщенное лицо, выступающее от имени группы людей. В современных лингвистических исследованиях с этой целью активно используется термин «образ автора», означающий «...имплицитно или эксплицитно отраженную в тексте информацию об общих свойствах отправителя данного текста» [4, С. 112]. О.С. Муранова считает более целесообразным употребление термина «позиция автора», «так как здесь речь идет о различных средствах выражения отношения автора к предмету сообщения, а также авторской оценки существующих научных взглядов, теорий, мнений и т.д.» [9, С. 240]. Следует отметить, что явления, объединенные тем признаком, что все они, так или иначе, - грамматически, лексически или интонационно - выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности в языкознании определяются термином «модальность» [10, С. 214].

В.Г. Адмони понимает модальность как оценку реальности действия, которая выражается категориями утверждения и отрицания [2, С.56].

Цель и замысел журналиста, необходимость завоевать доверие читателя являются источником формирования авторского образа и интерпретации события. Т.Г. Добросклонская отмечает, что «творческая языковая личность порождает тексты с коммуникативно-прагматической установкой на креативное общение, используя при этом в качестве текстообразующих смысловых и оценочных доминант окказиональные образования, являющиеся, в свою очередь, эмблемами эпохи конца XX — начала XXI вв» [7].

В современной лингвистике насчитывается большое количество исследований, посвященных неологизации (И.В. Арнольд, С.И. Алаторцева, Ю.К. Волошин, Л.Л. Касаткин, Н.З. Котелова, А.И. Смирницкий, Н.М. Шанский и др.). Кроме этого, появляются работы, в которых изучается функционирование неологизмов, появившихся в период пандемии COVID-19 (Е.К. Сергеева, Н.В. Аксенова, О.Н. Селезнева, Ю.М. Шемчук и др.). Исследование возникновения и употребления неологизмов, связанных с пандемией, составляет научный интерес, поскольку дает представление об изменениях в лексическом составе русского языка, о его развитии.

Основные результаты

В рамках настоящей работы объектом нашего анализа выступили неологизмы, появившиеся в русском языке в период пандемии коронавируса. Материалом для анализа послужили СМИ тексты в связи с тем, что, как было уже отмечено выше, именно СМИ являются первоисточником, где раньше всех упоминается новая языковая единица. К лексике COVID-19 можно отнести слова, которые образовались в словарном запасе населения планеты в период с января 2019 года по настоящее время. В статье особое внимание уделяется выражению авторской модальности, т.е. позиции автора текста. Поскольку любая эпидемия или пандемия, любое заболевание представляет собой явление крайне нежелательное и негативное, неологизмы, появившиеся в период коронавирусной инфекции, часто имеют отрицательную коннотацию: 1) *«Количество погибших от «коронабесия» минимум втрое больше, чем от коронавируса»*, - уверен известный экономист Михаил Делягин (Бизнес Online, 27.12.2020); 2) *«Коронабесие продолжается. Кому выгодно повторное введение ограничений?»* (Медицинская газета, 25.11.2020). Неологизм «коронабесие» появился по аналогии с исконно русскими словами «мракобесие» и «чужебесие» путем слияния двух компонентов – «коронавирус» и «бесие». Как видно из примеров, авторы используют этот термин для выражения неоправданной всенародной паники по поводу коронавируса. Следовательно, данный неологизм имеет отрицательное значение, в силу чего выражает негативное отношение автора к описываемому явлению.

В начале пандемии неологизмы «антимасочник» и «антиваксер» / «антипрививочник» имели негативное значение и использовались по отношению к лицам, которые якобы виновны в распространении вируса из-за отказа носить медицинскую маску или отказа вакцинироваться. Однако с течением времени общество убедилось, что ни маски, ни вакцина не защищают человека от заражения нововирусом, и, соответственно, данные лексемы позже приобрели более положительную коннотацию:

1) *«Масочники» против «антимасочников»: из рекомендаций ВОЗ ясно следует, что маски нужны далеко не всем. Более того, они опасны для отдельных категорий людей* (Дагестанская правда, 22.12.2021);

2) *«Я не антиваксер, я против укола непроверенной бякой»*, - говорит музыканта Юрий Лоза;

3) *Актриса и телеведущая Мария Шукина в Фейсбуке написала, что перечисленные в письме «антипрививочники» в большинстве своем не против процесса вакцинации, а против порядка его реализации* (Би-би-си: Русская служба, 21.11.2021).

Из примеров ясно, что авторы выражают свое негативное отношение к тотальному принудительному ношению масок или тотальной вакцинации, а не наоборот.

Как известно, многие неологизмы в период пандемии появились в первую очередь в английском языке. Это неудивительно – английский язык является признанным официальным языком в деловом мире, в сфере политики и экономики, здравоохранения. Слова “covidiot” и “covid-dissident”, появившиеся в словаре англоязычного сленга Urban Dictionary в самом начале пандемии, вошли в лексикон русскоязычных в 2020 году с исходной отрицательной коннотацией: ковидиот – это тот, кто безрассудно пренебрегает средствами коллективной и индивидуальной защиты в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 (Астахов 3); ковид-диссидент – человек, неверующий в существование коронавируса, поэтому не соблюдающий санитарные меры безопасности [6]. На первых порах авторы

текстов СМИ использовали эти неологизмы для выражения недовольства по отношению к лицам, утверждающим, что COVID-19 не так опасен, как его малюют: *Квебекские «ковидиоты» планируют «нашествие» на торговые точки: эксперты по коронавирусу говорят, что поведение ковид-диссидентов их угрожает* (Ведомости, 11.05.2020).

Однако с течением времени общество начало понимать, что по каким-то непонятным причинам пандемия «затянулась», хотя по статистическим данным количество жертв уменьшилось. В подобных условиях недоверия к власти выпущенный неологизм «ковидиот» постепенно приобретает противоположное значение: это человек, который переоценивает вероятность гибели от коронавирусной инфекции, и, соответственно, принимает чрезмерные меры предосторожности: *Ковидиоты, или «Маски-шоу» в Вологде: охваченный маниакальной идеей спасения населения от злобного коронавируса, губернатор Вологодской области Кувшинников железной рукой спасает неразумных вологжан от импортной заразы* (Горизонтальная Россия, 26.10.2020).

Ковид-неологизмы чаще всего встречаются в газетных заголовках по той единственной причине, что новое и неизвестное всегда способно заинтересовать читателя с первого взгляда: *Какие регионы выходят на работу, а какие продлевают «ковикулы»* (Новости в Башкортостане, 07.11.2021). Лексическое новообразование «ковикулы» появилось путем слияния двух основ – «ковид» и «каникулы» для обозначения школьных каникул, вынужденно продлеваемых в зависимости от эпидситуации в населенном пункте. По своему звучанию данный неологизм напоминает языковую игру (pun).

В период самоизоляции резко возросла роль интернета в жизни общества: важные деловые встречи, консультации, занятия, олимпиады, даже концерты и спектакли были переведены на дистанционный режим. В результате образовался целый ряд неологизмов, связанных с Интернет-платформами. Одним из самых популярных ковид-неологизмов среди представителей молодого поколения являются лексемы «zoom-вечеринка», «виртуальная вечеринка» и «онлайн-вечеринка»: *Рассказываем, как организовать и во что поиграть во время онлайн-вечеринки* (АиФ, 18.04.2020). В этих словах проскакивают нотки сарказма – проведение вечеринки в режиме онлайн кажется чем-то абсурдным и непонятным. У авторов публикаций двойное понимание подобного рода явления: *Онлайн-вечеринка пройдет в сервисе «VK Чекбэк» — специально ко дню рождения уже появилась вкладка «Вечеринка». Каждый пользователь может занять место за виртуальным праздничным столом* (Город, 01.10.2021). Соответственно, и отношение к ним нельзя назвать ни положительным, ни отрицательным, поскольку только малая часть населения понимает, как в действительности проходят виртуальные вечеринки.

Список неологизмов, образовавшихся в лексиконе русскоязычных в период пандемии коронавируса, пополняется ежедневно, так как никто определенно не может сказать, как долго это нежелательное явление будет продолжаться. Сами термины «пандемия», «вирус», «инфекция» уже несут негативную коннотацию, соответственно, и эмоциональная окраска ковид-лексики выражает отрицательную оценку называемого понятия, к примеру: *коронавирус, сатурация, ковид-госпиталь, санитайзер, коронафобия, цифровой концлагерь, чипизация, маскопаника* и т.д. Большая часть ковид-лексики является результатом остроумия и находчивости журналистов, политиков и иных известных лиц. Эти слова можно отнести к категории языковой игры (pun): *ковидиот, путикулы, зумификация, зумиться, коронапофигист, суперспредер, карантинки* (онлайн послания типа валентинок), *корониал* (ребенок, рожденный в период пандемии), *ковикулы, маскобесие* и т.д.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ еще раз подтверждает тот факт, что язык как губка мгновенно впитывает все, что происходит в жизни общества. Наиболее «чувствительным» является язык СМИ, освещающий самые актуальные события, нововведения, изменения во всех сферах жизнедеятельности человека. Соответственно, можно утверждать, что большая часть неологизмов попадает в лексикон говорящих именно через СМИ. Естественно, не все ковид-неологизмы войдут в словарный фонд русского языка. С завершением пандемии многие из них постепенно перейдут сначала в пассивный слой лексики, а затем – в категорию архаизмов с последующим исчезновением.

Позиции авторов текстов СМИ к наименованиям, возникшим или актуализированным в период пандемии коронавируса COVID-19, являются социально значимыми и необходимыми для ориентации читателей, иногда для изменения их отношения к происходящему или убеждения их в истинности или ложности той или иной информации, поступающей из разных источников. Неологизмы, используемые в текстах СМИ журналистами, помогают сформулировать всеобщее отношение населения к данной проблеме. Окационные слова нередко выступают главными смысловыми индикаторами текстов, репрезентируя актуальные социальные, экономические, политические, культурные и другие проблемы конкретного исторического периода.

При этом авторская модальность становится одним из ведущих способов интерпретации действительности, а СМИ задают приоритеты событий, интерпретируют их, преобразуя действительность, моделируя вторичную реальность.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аветисян Н.Г. Язык СМИ как фактор развития языка / Н.Г. Аветисян // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 80-86.
2. Адмони В.Г. О модальности предложения / В.Г. Адмони // "Ученые записки" Ленинградского пед.ин-та. Т. XX1. Вып. 1. – Л., 1956. – С. 56.

3. Астахов А. Ковидиоты, курс лимона и карантинулы: коронавирус подарил россиянам новые слова [Электронный ресурс] / А. Астахов // Волжская правда. – 1.05.2020. – URL: <https://gazeta-vp.ru/kovidioty-kurs-limona-i-karantikuly-koronavirus-podaril-rossiyanam-novye-slova/> (дата обращения: 04.01.2022)
4. Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста / И.И. Бакланова // М: Наука, 2014. – 272 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
6. Джеймс Ю. «Это равносильно убийству»: как врачи оказались на передовой борьбы с ковид-диссидентами [Электронный ресурс] / Ю. Джеймс, Е. Бердникова // Би-би-си: Русская служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56566933> (дата обращения: 04.01.2022).
7. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2008. – 282 с.
8. Ильясова С.В. Словообразовательная игра: аспекты исследования / С.В. Ильясова // Русское словообразование. – 2005. – № 4. – С. 216-217.
9. Муранова О.С. Способы выражения позиции автора в тексте научнопопулярной статьи / О. С. Муранова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – С. 238-244.
10. Шведова Н.Ю. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова и др. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 214 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Avetisyan N.G. Yazyk SMI kak faktor razvitiya yazyka [The language of mass media as a factor of language development] / N.G. Avetisyan // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication]. – 2002. - No. 4. – P. 80-86. [in Russian]
2. Admoni V.G. O modal'nosti predlozheniya [On the modality of the sentence] / V.G. Admoni // "Uchenye zapiski" Leningradskogo ped.in-ta. ["Scientific notes" of the Leningrad Pedagogical Institute]. Vol.XX1. Issue 1. – L., 1956. – P. 56. [in Russian]
3. Astakhov A. Kovidioty, kurs limona i karantikuly: koronavirus podaril rossiyanam novye slova [Covidiotes, lemon course and quarantine: coronavirus gave Russians new words] [Electronic resource] / A. Astakhov // Volzhskaya Pravda [Volzhskaya Pravda]. – URL: <https://gazeta-vp.ru/kovidioty-kurs-limona-i-karantikuly-koronavirus-podaril-rossiyanam-novye-slova/> (accessed: 04.01.2022) [in Russian]
4. Baklanova I.I. Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta [The image of the author and the image of the addressee of a non-fiction text] / I.I. Baklanova // M.: Nauka, 2014. – 272 p. [in Russian]
5. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography] / V.V. Vinogradov. – M.: Nauka, 1977. – 310 p. [in Russian]
6. Dzhhejms Yu. «Eto ravnosil'no ubijstvu»: kak vrachi okazalis' na peredovoj bor'by s kovid-dissidentami ["This is tantamount to murder": how doctors found themselves at the forefront of the fight against covid dissidents] [Electronic resource] / Yu.James, E. Berdnikova // Bi-bi-si: Russkaya sluzhba [BBC: Russian Service] – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56566933> (accessed: 04.01.2022). [in Russian]
7. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika. Sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI [Media Linguistics. A systematic approach to the study of the language of the media] / T.G. Dobrosklonskaya. – M.: Flint, 2008. – 282 p. [in Russian]
8. Ilyasova S.V. Slovoobrazovatel'naya igra: aspekty issledovaniya [Word-formation game: aspects of research] / S.V. Ilyasova // Russkoe slovoobrazovanie [Russian word formation]. - 2005. – No. 4. – P. 216-217. [in Russian]
9. Muranova O.S. Sposoby vyrazheniya pozicii avtora v tekste nauchnopopulyarnoj stat'i [Ways of expressing the author's position in the text of a popular scientific article] / O. S. Muranova // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena [Bulletin of the Russian State Pedagogical A.I. Gercen University]. - 2009. – pp. 238-244. [in Russian]
10. Shvedova N.Yu. Russkaya grammatika [Russian grammar] / N.Yu. Shvedova, N.D. Arutyunova et al. – M.: Publishing House "Science", 1980. - p. 214. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.27>**ЯЗЫК SMS – ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НОРМА ИЛИ ЕЕ НАРУШЕНИЕ?**

Научная статья

Гурьева З.И.^{1*}, Петрушова Е.В.²^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (ziguryeva[at]mail.ru)

Аннотация

В статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые теоретические проблемы текстуальной деятельности как важного регулятора социального взаимодействия в процессе коммуникации. Поскольку способ осуществления речи значительно влияет на отбор и аранжировку языковых средств в процессе речевой коммуникации, в статье приводятся примеры передачи информации посредством текстовых сообщений в современном английском языке. Рассматриваются лингвистические особенности написания текстовых сообщений, анализируются графическая самобытность и особенности их орфографии.

Ключевые слова: коммуникация, текстовая деятельность, текстовое сообщение, информация, социальное взаимодействие, культура, орфография, лингвистическая норма.

SMS LANGUAGE – A LINGUISTIC NORM OR ITS VIOLATION?

Research article

Guryeva Z.I.^{1*}, Petrushova E.V.²^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (ziguryeva[at]mail.ru)

Abstract

The article attempts to examine some theoretical problems of textual activity as an important regulator of social interaction in the process of communication. Since the method of speech implementation significantly affects the selection and arrangement of language means in the process of speech communication, the article provides examples of information transmission through text messages in the modern English language. The study examines the linguistic features of writing text messages as well as analyzes the graphic identity and the peculiarities of their spelling.

Keywords: communication, text activity, text message, information, social interaction, culture, spelling, linguistic norm.

С давних времен новые технологии воспринимаются настороженно. Страхи сопровождали появление телеграфа, телефона и радио. Но было ли когда-нибудь лингвистическое явление, которое вызывало бы такое любопытство, подозрение, страх, замешательство, антагонизм, восхищение, волнение и энтузиазм одновременно, как текстовые сообщения? Тем не менее, сегодня человечество не представляет жизни без sms-сообщений.

Появление такого нового средства коммуникации как SMS не могло не вызвать пристального внимания лингвистов. Краткость SMS-сообщений привела к необходимости создания особого языка, изобилующего большим количеством знаков, представляющих собой различные сочетания букв и цифр. Это может быть:

– одна буква или цифра, обозначающая целое слово или даже несколько разных слов, например: B = be, 2 = Two, to, too, C = see;

– сочетание буквы и цифры, например: B4 = before, D8 = date, F8 = fate, L8 = late; редукция слова до одного слога, результатом которой является усеченное слово, например: BRO = brother, sis = sister; сочетание первых букв компонентов сложного слова, например: GF = girlfriend, BF = boyfriend; аббревиатура, обозначающая целое предложение, например, HAND = have a nice day; CUL = see you later; HRU – How are you? и т.д.

Иными словами, с лингвистической точки зрения такие языковые знаки представляют собой стяжение слов, словосочетаний и даже целых предложений в один языковой знак-универб.

С одной стороны, объясняя возникновение таких языковых единиц стремлением к экономичности языкового выражения, некоторые исследователи приходят к заключению о том, что подобный процесс универбации свидетельствует об эволюции языка от сложного к простому [1], [2]. Следует отметить, что само понятие об «экономии языка» возникло давно. О влиянии принципа экономии на развитие и функционирование языка говорили многие выдающиеся лингвисты на протяжении нескольких веков (Г. Спенсер, Г. Пауль, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Е. Поливанов, У. Вайнрих, Р.А. Будагов, А. Мартине, В.Г. Костомаров и многие другие). Согласно этому принципу, изменение языка – компромисс между потребностями коммуникации и стремлением человека к минимизации усилий.

С другой стороны, высказывалась мысль о том, что создание текстовых сообщений типа CUL (see you later), 2day (today), BTW (by the way), L8R (later), TNX (thanks) приводят современный литературный английский к ухудшению. На страницах английских СМИ в начале XXI века даже развернулась острая полемика по вопросу о негативных тенденциях в развитии английского языка в связи с использованием текстовых сообщений. В газетной статье под заголовком «I h8 txt msgs: как текстовые сообщения разрушают наш язык», Джон Хамфрис утверждал, что текстовые сообщения – это вандалы, которые делают с нашим языком то, что Чингисхан сделал со своими соседями 800 лет назад. Они разрушают его: грабят нашу пунктуацию, искажают наши предложения, насилуют наш словарный запас. Их нужно остановить [3].

Джон Сазерленд назвал SMS «текстовыми», «жаргонными», «цифровыми вирусами», маскирующими дислексию, плохую орфографию и умственную лень. По его мнению, текстовые сообщения – это стиль для неграмотных [4].

Совершенно закономерно возникает вопрос о том, является ли язык SMS нормой или ее нарушением. Дэвид Кристал, один из самых известных исследователей современного английского языка, при обсуждении причин нарушения некоторых правил орфографии, а также употребления некоторых английских словоформ говорит о «нестандартных» (non-standard), «не соответствующих языковой норме» (substandard), «неправильных» (incorrect) случаях употребления [5].

Однако, более поздние исследования Д. Кристала [6], [7] ясно показали, что ранняя реакция на нестандартность (и, следовательно, опасность) текстовых сообщений была неуместной. В пользу этого аргумента высказывается следующая мысль. Люди думают, что письменный язык, видимый на экранах мобильных телефонов, является новым и чуждым, но все распространенные представления о текстовых сообщениях неверны. Его графическая самобытность не является новым явлением, и его использование не ограничивается молодежью. Появляется все больше свидетельств того, что это скорее помогает, чем мешает грамотности. И только очень маленькая часть SMS использует характерную орфографию. Триллион текстовых сообщений может показаться многовато, но, когда мы сопоставляем их с многочисленными примерами стандартной орфографии в повседневной жизни, они кажутся не более чем несколькими волнами на поверхности моря языка.

Хотя многие авторы сообщений сознательно нарушают правила орфографии, они прекрасно осознают, что эти сообщения нужно понимать. Нет смысла платить за отправку сообщения, если оно нарушает так много правил, что перестает быть понятным. Когда сообщения длиннее и содержат больше информации, количество стандартной орфографии увеличивается. Многие текстовики изменяют только грамматические слова (такие как «ты» и «быть»). По мере того, как начали писать более старые и консервативные пользователи языка, появился еще более стандартизированный стиль. Некоторые авторы текстов вообще отказываются отходить от традиционной орфографии. А обычная орфография и пунктуация являются нормой, когда учреждения рассылают информационные сообщения, как в этом университетском тексте студентам: «Предупреждение о погоде! Сегодня занятий нет из-за снежной бури», или в текстах, которые радиослушателям предлагается присылать в программы. Эти институциональные сообщения в настоящее время составляют большинство текстов в киберпространстве, а некоторые организации вовсе запрещают использование сокращений.

Существует несколько отличительных особенностей написания текстов, которые в совокупности создают впечатление новизны, хотя, очевидно, что все они известны носителям языка очень давно. Многие из них использовались в чатах, которые предшествовали появлению мобильных телефонов. Это использование отдельных букв, цифр и символов для представления слов или частей слов. Так, например, долговая расписка «I owe you» (IOU) известна с 1618 года.

Д. Кристал в своей книге «Language and the Internet» говорит о том, что во многих текстах мы находим такие формы, как msg («сообщение») и xInt («отлично»). Почти любой wrd может быть удален в этом году, хотя между текстовыми сообщениями нет согласованности. Далее он справедливо отмечает, что это тоже не ново, поскольку в опубликованном Эриком Партриджем Словаре сокращений (1942 г.) содержались десятки примеров, похожих на SMS, таких как agn «сна», mth «месяц» и gd «хорошо» задолго до появления текстовых сообщений [8].

В английском языке сокращенные слова существуют с тех пор, как его начали записывать. Такие слова, как eham, vet, fridge, bus, воспринимаемые большинством носителей языка как обычные, знакомые слова, тем не менее, подвергались критике. Джонатан Свифт считал сокращение слов «варварским обычаем» А Джозеф Аддисон в 1711 году жаловался на то, что слова «ужасно сокращаются» – он упомянул pos (itive) и incog (nito). [9].

Новизна текстовых сообщений заключается, главным образом, в том, как они развивают некоторые из процессов, использовавшихся в прошлом. Так, например, в iowan2bwu (I only want to be with you – «Я только хочу быть с тобой») объединено не менее четырех процессов – полное слово + инициализм + сокращенное слово + две логограммы + инициализм + логограмма [10]. При этом буквы, символы и слова расположены вместе, без пробелов. Это, безусловно, необычно в истории специальных систем письма. Но лишь немногие тексты связывают воедино длинные последовательности загадочных графических единиц.

Отправители сообщений часто используют ненормативное написание, как, например, cos “because” или wot “what”. Но многие из таких примеров можно найти в литературных произведениях на диалектах (работы Ч. Диккенса, М. Твена, В. Скотта, Д.Х. Лоуренса или А. Блосдейла). Большинство из них были записаны в Оксфордском словаре английского языка [11].

Некоторые люди не любят общаться с помощью SMS. Многих это даже раздражает. Но, как справедливо отмечает Д. Кристал, это всего лишь последнее проявление человеческой способности к лингвистическому творчеству и адаптации языка в соответствии с требованиями различных условий. Никакой катастрофы не предвидится. Мы не увидим, как вырастет новое поколение взрослых, неспособных правильно писать по-английски. Язык в целом не придет в упадок. В текстовых сообщениях то, что мы видим, в некотором роде, является языком в эволюции [12].

В заключение отметим, что выбор методов передачи информации посредством текстовых сообщений в современном английском языке служит, во-первых, ярким примером того, что язык является чутким отражением развития инфокоммуникационных технологий и способа общения в процессе социального взаимодействия. А во-вторых, процесс создания современных SMS не является нарушением лингвистической нормы, поскольку сама языковая норма, будучи исторически обусловленной совокупностью общеупотребительных языковых средств, а также правил их отбора и использования, признаваемых обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период, призвана, с одной стороны, «сохранять речевые традиции, а с другой – удовлетворять актуальным и меняющимся потребностям общества» [13].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Лозинская Е.А. Развитие понятия языковой экономии в лингвистической литературе. / Е.А. Лозинская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1(43): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 123-126.
2. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине – В кн.: Новое в лингвистике, вып. 3 – М., 1963. – 568 с.
3. How Texting Wrecking Language [Electronic resource] / Dailymail – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-483511/I-h8-txt-msgs-How-texting-wrecking-language.html> (accessed: 18.04.2022)
4. Cn u txt? [Electronic resource] / The Guardian – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2002/nov/11/mobilephones2> (accessed: 18.04.2022)
5. Crystal D. Who cares about English usage? / D. Crystal. – Harmondsworth: Penguin. – 132 p.
6. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – Routledge. – 2016. – 278 p.
7. Crystal D. English as a Global Language / D. Crystal, Second Edition. – Cambridge. 2003. – 224 p.
8. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal – Cambridge: Cambridge University Press, 2001, pt.1 – 278 p.
9. Hurd R. The Works of Joseph Addison / R. Hurd – London: George Bell & Sons. 1903. – 626 p.
10. Radir Z.A. Linguistic Features in the Online Discussion Forums / Z.A. Radir, M. Maros, B.M. Hamid // International journal of Social Science and Humanity – Vol. 2 – No 3 – May 2012 – p. 277.
11. Oxford English Dictionary. The 2-nd edition in 20 vol. – Oxford University Press. – 1989. – 21728 pp.
12. Crystal D. 2b or not 2b? [Electronic resource] / D. Crystal // The Guardian – URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/jul/05/saturdayreviewsfeatures.guardianreview> (accessed: 18.04.2022)
13. Норма языковая // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Архивировано 15 сентября 2015 года.

Список литературы на английском / References in English

1. Lozinskaya E.A. Razvitie ponjatija jazykovojj ehkonomii v lingvisticheskoyj literature. [Development of the concept of linguistic economy in linguistic literature] / E. A. Lozinskaya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice] – Tambov: Diploma, 2015. – No. 1(43): in 2 volumes. – Vol. II. – Pp. 123-126. [in Russian]
2. Martine A. Osnovy obshhejj lingvistiki [Fundamentals of general linguistics] / A. Martine. - In: Novoe v lingvistike [New in Linguistics], vol. 3. M., 1963 – 568 p. [in Russian]
3. How Texting Wrecking Language [Electronic resource] / Dailymail – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-483511/I-h8-txt-msgs-How-texting-wrecking-language.html> (accessed: 18.04.2022)
4. Cn u txt? [Electronic resource] / The Guardian – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2002/nov/11/mobilephones2> (accessed: 18.04.2022)
5. Crystal D. Who cares about English usage? / D. Crystal. – Harmondsworth: Penguin. – 132 p.
6. Crystal D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – Routledge. – 2016. – 278 p.
7. Crystal D. English as a Global Language / D. Crystal, Second Edition. – Cambridge. 2003. – 224 p.
8. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal – Cambridge: Cambridge University Press, 2001, pt.1 – 278 p.
9. Hurd R. The Works of Joseph Addison / R. Hurd – London: George Bell & Sons. 1903. – 626 p.
10. Radir Z.A. Linguistic Features in the Online Discussion Forums / Z.A. Radir, M. Maros, B.M. Hamid // International journal of Social Science and Humanity – Vol. 2 – No 3 – May 2012 – p. 277.
11. Oxford English Dictionary. The 2-nd edition in 20 vol. – Oxford University Press. – 1989. – 21728 pp.
12. Crystal D. 2b or not 2b? [Electronic resource] / D. Crystal // The Guardian – URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/jul/05/saturdayreviewsfeatures.guardianreview> (accessed: 18.04.2022)
13. Norma yazykovaya [The language norm] // Rossijskijj gumanitarnyj ehnciklopedicheskijj slovar' [Russian Humanitarian Encyclopedic Dictionary]. Archived on September 15, 2015 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.28>**СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОЦЕССЫ В АВТОРСКОМ ИРОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Научная статья

Готовцева Е.С. *

ORCID: 0000-0003-1331-2364,

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж, Россия

* Корреспондирующий автор (elenagotvtseva[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению понятия иронического дискурса, его структуры, закономерностей, месту и роли иронии, а также семиотических процессов в нём. Цель работы – рассмотреть структуру иронического дискурса, связь с когнитивными процессами участников коммуникации и уточнить, что оказывает влияние на восприятие адресатом сообщения. В результате исследования выяснено, что иронический дискурс соотносится с когнитивными процессами в сознании коммуникантов и внеязыковая информация вместе с совокупностью языковых средств оказывает влияние на восприятие адресатом сообщения. Его основная задача – восприятие, анализ зашифрованного автором иронического послания. Процесс коммуникации тесно связан с семиотикой, где знак понимается как двусторонняя сущность. Результаты данного исследования могут быть применены в различных дисциплинах и исследованиях по филологии, литературоведению и языкознанию. При этом были использованы методы дистрибутивного, компонентного, дифференциального, текстового анализа, индукции и дедукции.

Ключевые слова: семиотика, знак, вербальный, экстралингвистический, текст.

SEMIOTICAL ASPECTS AND PROCESSES IN AN AUTHOR'S IRONICAL DISCOURSE

Research article

Gotovtseva E.S. *

ORCID: 0000-0003-1331-2364,

Voronezh Air Force Academy, Voronezh, Russia

* Corresponding author (march1378[at]yandex.ru)

Abstract

The article is devoted to irony as a culture phenomenon, which is examined by various aspects of science. The term of an author's ironic discourse is examined and the peculiarities of ironical communication. Also in this article language is studied as a sign system with an author's illocutionary intention and a recipient's perlocutionary reaction, and also the influence of extralinguistic factors, including the way of organizing a text communication and an author's consciousness peculiarities. Also the influence of the inner and outer contexts on the recipient's understanding of the information is examined in the research. Examples are given from works of English authors.

Keywords: semiotics, verbal, extralinguistic, text, sign.

Introduction

Irony has been studied and used for several centuries. It is becoming more and more a separate intellectual discipline and has become an object of examining by the Humanities. V.M. Pivoev in his work "Irony as a cultural phenomenon" thinks possible to speak about philosophy and linguistics of irony, speaks about a big potential of changes of it under the influence of social – cultural conditions of realization of it. He finds irony a polifunctional phenomenon, belonging to the sphere of examining of linguistics, philology, literature studying, esthetics and philosophy, semiotics and psychology [Pivoev 2000: 50].

An author's ironical discourse, demonstrating superiority, presents a communication event and at the same time a process, connected with the cognitive processes in communicators' consciousness, on whom extralinguistic information influences, and which are expressed by the totality of language and extralinguistic means.

An author's ironical discourse always realizes an author's subjective modality and has mostly a personal character. In modern researches there is an opinion that in the process of an ironical communication there is the necessity of an active intellectual, laughing and playing contact of the participants. The effectiveness of the communication depends on the correlation of subjective and traditional, implicit and explicit components in the utterance semantics.

Discussion

A communicative structure of a text, which must carry a definite sense, determines the model of communication chosen by the author, his interconnection with the receiver and definite speech strategies. The system and structure of an esthetic utterance themselves as a communication act suppose a receiver of the information, an addresser – a reader. He is, first of all, a participant of the agreement, who took a number of conditions-obligations. Among them the main is – decoding the author's many – side codified report, which is addressed to the reader, provoking him to take part in the game, in understanding the true meaning of the text, in enriching the report got with his own pictures and meanings. First, the receiver pays attention to the verbal component. It is here, where he looks for signals of irony. The key to the utterance as ironical is behind the limits of the utterance itself. That's why the receiver must appeal to the outer context, which can contain signals of a various difficulty. The outer context is a situation, in which all the three sides: the speaker, the addresser and the irony object take part. Quotation marks may be a true signal of irony (they become assistants of un verbal signals, helping an addressee to understand an author's

true opinion of an irony's object), the changes of the inner context, the appearance of a new referent, intertextual connections or the utterance. Sometimes it is necessary for defining who or what is the object of irony, in other cases – to understand what kind of attitude exactly to the irony object the speaker has. According to Orlova, the variety of irony verbal signals provides understanding of the speaker's hidden intention. The choice of a text organization characterizes not only the genre nature of a text, but also the author's consciousness specialties [4].

The inner context principally differs from the outer and is a ground for numerous interpretations. The outer context functions as a set of limits, allowing to interpret the utterance as ironical.

Both contexts play different roles in the interpretation of irony. Moreover, both contexts dynamically interact with each other. That's why more often in the process of interpretation of an ironical utterance the addresser relies on both the verbal component and the knowledge of the outer situation. Their role is to say to the receiver about the additional meaning.

Finally, the suitable for the author's idea reader becomes a creative founder of his own sense, the world picture of the work of art and even his own image system. That means that the reader recodes and, in the known degree, appropriates the work of art in the indefinite limits. The variety of verbal signals provides understanding of the speaker's hidden intention. In an ironical text, according to N.N. Chuich, language units get an unusual interpretation, and situations are gone to somewhat unexpected categories. An irony interpretation is a difficult pragmacommunicative task, demanding to differ the meaning of the utterance and the meaning of the speaker. It is still complicated by the fact that a receiver creates relations between himself, the utterance and the object of irony, which can have different aims: setting the relations of commanding, critics or praising of the irony object, aggression, etc. So, the receiver must not only identify the speaker's ironical intention, but also decide, what the aim of irony is in this situation. The signals and markers of irony can contain elements of different levels of a communicative context – linguistic, psychological, cultural, which transfer the active dialogue of an author and a reader into a communication with the cultural context [7].

Semiotics is closely connected with processes of communication, artistic as well. Ch. Morris and R. Carnap understand a sign as some material carrier. F. de Saussure and L. Elmslev think a sign a two – side essence: a material carrier is called meaning and what it presents a meaningfulness of a sign.

The structure, in its turn consists of the signs themselves and the relations between them. So, an ironical image gives a feeling of the sense multidimensionality of the space, available to the mind in the sign meaning, facing the paradoxes, which sharply change the way of the thought. It doesn't let the mind concentrate in the frames of some known meaning of the described, that means it creates the principal multidimensionality of the senses and their units. The smallest semiotic unit of irony is the semiotic code which is formed by the sender of the ironical utterance under the influence of the receiver's expected reaction and extralinguistic factors. The false decoding of the ironical code leads to the misunderstanding of the implicit sense of the utterance and the communicative failure. The code represents a system, which includes a structure of signs and rules of its functioning. According to U.M. Lotman, an artistic space of a text presents an individual(author's) model of the world and exists in connection with the appropriate for a given culture semiotic sphere. Then the sender is called an author, the receiver is a reader and signs are esthetic language signs. So, a text space is a semiotic space, made by signs. It, in its turn, joins the large semiotic space of a given culture – a semiosphere, representing many languages. An artistic text is a model of a semiosphere, which is a semiotic model of the world, set in a given culture [2].

The greatest private disciplines in the modern language knowledge and the theory of text and discourse are: *paralinguistics* (studies sound codes of un verbal communication), *auscultation* (studies hearing perception of sounds and people's audio behaviour in the process of communication), *okulesics* (studies eye language and people's visual behaviour in the communication).

In the fragment below the author's estimation of the conditions in which *Oliver Twist* was born, without decoding his ironical intention can seem unreal: as if he really thinks that the baby would surely have died if while his birth there had been caring grannies, wise doctors, experienced nurses, and not a drunk beggar – woman and a parish surgeon. So, the main character in Ch. Dickens' novel "*Oliver Twist*, Or, *The Parish Boy's Progress*" was born in a working house despite all the obstacles and claimed about his birth with the soul – breaking cry [9].

Also an example of auscultation is comical-ironical dialogue of Mr Hamfield and an ass in the same book, when he himself pronounces ass sounds, teasing the animal. 9]

In the pseudo-dumb dialogue between a dog and a cat in the novel "*Three men in a boat*" the contrast between the danger, in which the cat was, and her calm behaviour, which surprised dog Montmorency, reflects in the intonation and character of their speech exchange: the cat behaves as a polite lady at a tea ceremony, though keeping the initiative in the conversation, and the dog is constantly trying to retire. The soundless dialogue gives an additional sharpness and paradox [Jerome 2005: 100].

Also *kinesics* (studies gestures and gesture movements, processes and systems); *gaptics*(studies touching language and communication); *gastics* (studies sign and communicative functions of food and drinks, eating, about cultural and communicative functions of drugs and treating); *olfaction* (studies smell language, given with the help of smells, and smell role in communication); *procemics*(studies communication space, its structure and functions) and *chronemics* (studies communication time, its structural, semiotic and cultural functions).

Lord Henry's original understanding of beauty in O. Wilde's novel "*The Picture of Dorian Grey*" positively contradicts to the traditional. He thinks that real beauty ends where an intellectual expression begins [12].

In W.S. Maugham's novel "*The Painted Veil*" the ironical and at the same time dramatic effect appears in the strain between the wife's artificial indignation, who doesn't love her husband, but suggests him reasonable, as she thinks, reasons of her refusal to go with her husband to Japan-and the simple-heartedness of the honest husband, disappointed by the wife's refusal from the trip. The ironical information can be explicated only with the help of intellectual efforts and the knowledge of the general sense of the novel and the context [11].

An ironical utterance can be connected with another text or an utterance. An outer signal of such a connection of two texts (and two situations) becomes a word game. So, even a few lines from G.G. Byron's poem "Childe Harold's Pilgrimage" can't be read with understanding of the sense if you don't know who Brute and Virgil are [8].

In W. Thackeray's novel "Vanity Fair" the story-teller with the evident feeling of acciological superiority, and moral as well, tells, how greatly a relative of the mercenary characters changes the attitude towards the old lady, when they learn that she has got a bill in a bank: "What a dignity it gives an old lady, that balance at the banker's! How tenderly we look at her faults if she is a relative (and may every reader have a score of such), what a kind, good-natured old creature we find her!" [13].

G. L. Prokofiev speaks about the asymmetry of a speech act which is characterized by the lack of coincidence of the initial psychological state of the speaker and the direct meaning of the utterance, with the help of which this act is realized. In the terms of the indirect speech act it is understood in the next way: the illocutive function and the intention of the speaker disagrees with the basis illocution, which is the propositional content of the utterance [6].

For example, the method of ironical explanation. With the help of the introductory clause at least and the remark about his own version of the origin of the addresser's fortune, the author underlines his ironical attitude to the truth of the story [9].

So, in a very funny and, as it can seem, not demanding to the reader book by J.K. Jerome "Three men in a Boat" some dramatic and deeply hidden lyrical motives can be unexpectedly found, "laugh through tears". For example, in antithesis between the character's too careful attitude to his toothbrush, which became his demon power, and senseless, mean-spirited existing, which reflects him and his life insignificance [10].

In the next fragment from G.G. Byron's novel "Beppo" it's difficult to understand how exactly the author treats his country and the political institutes, if, on the one hand, his estimation contains ironical intentions, and, on the other hand, everything, said in the main text, is disproved in brackets:

"England! with all thy faults I love thee still,"
I said at Calais, and have not forgot it;
I like to speak and lucubrate my fill;
I like the government (but that is not it);
I like the freedom of the press and quill;
I like the Habeas Corpus (when we've got it);
I like a parliamentary debate,
Particularly when 'tis not too late..." [8].

It happens so, that the situation itself makes one understand a word or a phrase in a sense, directly opposite to the traditional. Putting them in another context changes the meaning onto the ironical. For example, Lord Henry's discussion about the paradox of out of place generosity in O. Wilde's book "The Picture of Dorian Grey". Lord Henry calls ironically "deep generosity" the situation, when a person gives away what he badly needs himself [12].

In the fragment below, taken from G.G. Byron's poem "Don Juan", an ancient, Renaissance and enlightening understanding of a person, on one side, as if coming back to the initial understanding of a person's place in the nature, is overthought. But Byron's man is not archaic, he is too, in the author's opinion, modernized. And modernized as much as allows himself incomprehensible entering in his own nature, changing himself in the worst way using the modern instruments. The playing, laughing and ironical atmosphere creates an antithesis "health" and "diseases" (indecent diseases); the "nature" and its ugly civilized analogues. The author himself is surely on the side of the healthy and natural person's nature-against its modernized and artificial distortions. And it can be seen in the use of the neutral and invective lexical material in the description of "strange" biological, medical, political and social innovations of the modern world [8].

Everything said before reflects the difficulty of the processes, which take part in the interpretation of the speaker's illocution, the receiver's perlocution and the ironical utterance itself.

The necessity of creating a text is conditioned by the need of communication, that's why, as any speech act, it is oriented to understanding by a definite communication partner. For the successful communication the pragmatic competence chosen by an author is very important. Every artistic utterance is closely connected with the present and past epochs, and an esthetics as well, with an individual consciousness and collective unconscious, has in itself a prognostic potential. And this everything makes what can be called a verbal – esthetic picture of the world, including an artistic code and peculiarities of a reception in the process of an artistic communication. It is not a fragment of nature and life, taken from their great context by a chance and replaced to the artificial space. It's a finished, relatively complete, potentially existing and coded semantic totality, where the conception of not only the artist, but his contemporaries as well, and/or brothers on humanity of the world and a place of a person in it is reflected [3].

Conclusion

The results of the semiotic researches demonstrate the parallelism of a language semantics and other sign systems. Though a natural language is the most difficult, powerful and a universal sign system, immediate carrying of semiotic methods to linguistics has a problem character. But linguistics methods and a linguistic semantics as well influenced actively and continue influencing on semiotics developing, and on the traditional linguistic understanding of irony as well as a phenomenon, conditioned by asymmetry of a language sign and a way of the second nomination.

Rhetoric has worked out in details the principals and methods of keeping the receiver's attention, among which are the most interesting in linguistic attitude general-addressed appeals with the use of different sign systems besides the verbal one (intonation, mimicry, gestures, etc.)

Cultural-semiotic background, very important for the sense, and the structure, and the language material of the work of art composes as a system of precedent phenomena of different size and different un verbal components, called “languages” or “paralinguistics”/ “un verbal semiotics”. The term “un verbal semiotics” seems to us the most exact and also coming out of the space of scientific discussions about the term “paralinguistics” content.

Setting on getting the ironical effect is also typical for antiproverbs, where the speaker “plays” with a proverb form. All scientists mark their closeness to an anecdote. Antiproverbs can be considered as a realization of an esthetic task, even very modest: “an ordinary person often feels a conscious or unconscious desire not only to use the language in utilitarian aims, but also feel and make another person feel an esthetic feeling by the speech form itself. Most often this feeling is realized in an idea of setting on the comic effect.” For example, “The more firewood, the less forest is”, “It’s better to see one time than to hear a hundred times, because after hearing a hundred times, you can go crazy” [1].

Making conclusions we can approve that semiotic processes with verbal and un verbal components play a great role in creating a literary text and in the communication. Decoding the ironical effect allows to find the asymmetry or the antinomy of implicit and explicit means in the author – reader communication.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Батулина А.В. О речевых приемах комического в антипословицах / А.В. Батулина // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2009 – №12 – С.94-103
2. Лотман Ю.М. Язык. Семиотика. Культура. Сборник работ. / Ю.М. Лотман - М.: Гнозис, 1994 – 165 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. - М.: Искусство, 1970 – С. 21-22
4. Орлова С.Н. Характеристики когнитивно-дискурсивного подхода при исследовании заголовков англоязычной экономической прессы / С.Н. Орлова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2010 – №2(14) – С.20-27
5. Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. / В.М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. - 106 с.
6. Прокофьев Г.Л. Ирония как прагматический компонент высказывания (на материале английского языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. / Г.Л. Прокофьев.- Киев, 1988 – 16 с.
7. Чуич Н.Н. Парадоксы интерпретации иронического текста / Н.Н. Чуич // Понимание и интерпретация текста: Сб. науч. тр. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та – 1994 – С.123
8. Byron G.G. N. Selected Poems. / G.G. N. Byron. - London: Penguin Books, 1996, 444 p.
9. Dickens Ch. Oliver Twist, Or, The Parish Boy's Progress / Ch. Dickens. - London: Penguin Books Ltd., 2003.- 486 p.
10. Jerome K. J. Three men in a boat. / K. J. Jerome. – London: Penguin Books Ltd, 2005 – 149 p.
11. Maugham W. S. The Painted Vail. / W. S. Maugham. - М.: КАРО, 2004. – 248 p.
12. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. / O. Wilde – London: Penguin Books Ltd 2008. – 304 p.
13. Thackeray W. M. Vanity Fair / W. M. Thackeray. - London: Penguin Books Ltd. – 2012. – 928 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Batulina A.V. O rechevyh priemah komicheskogo v antiposlovicah [On speech techniques of the comic in anti-proverbs] / A.V. Batulina // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo arhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Seriya sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya [Scientific Bulletin of the Voronezh University of Architecture and Civil Engineering. A series of modern linguistic and methodological-didactic studies]. – 2009 – №12 – pp. 94-103
2. Lotman Yu.M. Yazyk. Semiotika. Kul'tura. Sbornik rabot. [Language. Semiotics. Culture. Collection of works.] / Yu.M. Lotman - M.: Gnozis, 1994 – 165 p.
3. Lotman, Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [The structure of the literary text] / Yu. M. Lotman. - M.: Iskusstvo, 1970 – pp. 21-22
4. Orlova S.N. Harakteristiki kognitivno-diskursivnogo podhoda pri issledovanii zagolovkov angloyazychnoj ekonomicheskoy pressy [Characteristics of the cognitive-discursive approach in the study of the headlines of the English-language economic press] / S.N. Orlova // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Seriya: sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: modern linguistic and methodological and didactic research]. – 2010 – №2(14) – pp. 20-27
5. Pivoev V. M. Ironiya kak fenomen kul'tury [Irony as a cultural phenomenon] / V.M. Pivoev. – Petrozavodsk: Publishing House PetrGU, 2000. - 106 p.
6. Prokofev G.L. Ironiya kak pragmaticheskij komponent vyskazyvaniya (na materiale anglijskogo yazyka): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Irony as a pragmatic component of the utterance (on the material of the English language): Abstract of the thesis. dis. cand. philol. Sciences] / G.L. Prokofev.- Kiev, 1988 – 16 p.
7. Chuich N.N. Paradoksy interpretacii ironicheskogo teksta [Paradoxes of the interpretation of an ironic text] / N.N. CHuich // Ponimanie i interpretaciya teksta: Sb. nauch. tr. [Understanding and interpretation of the text: Sat. scientific w.] – Tver': Publishing House Tversk. un-ta – 1994 – 123 p.
8. Byron G.G. N. Selected Poems. / G.G. N. Byron. - London: Penguin Books, 1996, 444 p.
9. Dickens Ch. Oliver Twist, Or, The Parish Boy's Progress / Ch. Dickens. - London: Penguin Books Ltd., 2003.- 486 p.
10. Jerome K. J. Three men in a boat. / K. J. Jerome. – London: Penguin Books Ltd, 2005 – 149 p.
11. Maugham W. S. The Painted Vail. / W. S. Maugham. - М.: КАРО, 2004. – 248 p.
12. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. / O. Wilde – London: Penguin Books Ltd 2008. – 304 p.
13. Thackeray W. M. Vanity Fair / W. M. Thackeray. - London: Penguin Books Ltd. – 2012. – 928 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.29>**ФОРМИРОВАНИЕ НАЗВАНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ИМЕНАМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ, В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ**

Научная статья

Кегенбекова А.Д.¹*, Рамазанов Т.Б.², Слямбеков К.Б.³^{1, 2, 3} Институт языкознания имени Байтурсынова – Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

* Корреспондирующий автор (kegenbekova.altyn[at]gmail.com)

Аннотация

В статье анализируются названия семантических групп и категорий степени прилагательных в первых трудах по казахскому языкознанию. На основе сравнительно-сопоставительного анализа, а также изучения научных трудов исследуются проблемы терминоведения. Первыми работами по казахскому языкознанию являются труды по казахской грамматике, написанные в начале XX века. Как известно, начало XX века является периодом становления отечественного языкознания, в частности, формирования лингвистической терминологии казахского языка. Одной из характерных особенностей термина является то, что он четко определяет понятие и понятен простому народу. Рассматривая названия прилагательных, авторы ищут ответ на вопрос, соответствуют ли их термины правильному грамматическому значению. В этой связи с многие труды начала XX века сыграли важную роль в формировании лингвистической терминологии. На основе результатов исследования и обсуждения делаются соответствующие выводы и рекомендации. Статья написана в рамках исследовательского проекта «BR 11765619 «Разработка Национального корпуса казахского языка как информационно-инновационной базы государственного языка: научно-исследовательский и обучающий интернет-ресурс».

Ключевые слова: имя прилагательное, степени сравнения прилагательных, термин, сравнительная степень прилагательных, положительная степень прилагательных.

FORMATION OF NAMES RELATED TO ADJECTIVES IN KAZAKH LINGUISTICS

Research article

Kegenbekova A.D.¹*, Ramazanov T.B.², Slyambekov K.B.³^{1, 2, 3} Baitursynov Institute of Linguistics – Al-Farabi Kazakh National university, Almaty, Kazakhstan

* Corresponding author (kegenbekova.altyn[at]gmail.com)

Abstract

The article analyzes the names of semantic groups and categories of adjectives in the first research works on Kazakh linguistics. On the basis of comparative analysis, as well as the study of scientific works, the article investigates the problems of term creation. The first studies on Kazakh linguistics examine Kazakh grammar written in the early twentieth century. It is a known fact that the beginning of the twentieth century is the period of formation of national linguistics, in particular, the formation of linguistic terminology of the Kazakh language. One of the characteristic features of the term is that it clearly defines the concept and is understandable to ordinary people. During the examination of the names of adjectives, the authors are looking for an answer to the question whether their terms correspond to the correct grammatical meaning. In this regard, many works of the early twentieth century played an important role in the formation of linguistic terminology. Based on the results of the study and discussion, the author makes relevant conclusions and recommendations. The article was written within the framework of the research project "BR 11765619 "Development of the National corpus of the Kazakh language as an information and innovation base of the state language: a research and training Internet resource".

Keywords: adjective name, degrees of comparison of adjectives, term, comparative degree of adjectives, positive degree of adjectives.

Введение

Казахская грамматика изучалась русскими учеными еще до образования отечественного языкознания. Одними из основных научных трудов в этой области можно отметить «Материалы для изучения кыргызского диалекта» Н.И. Ильминского (1861 г.), «Грамматика турецкого, персидского и киргизского, узбекского» (кн. I, СПб., 1875) М.А. Терентьева, «Краткая грамматика казахско-киргизского языка» (СПб., 1894, ч. 1) П.М. Мелиоранского, «Грамматика кыргызского языка» (Оренбург, 1897 г.) В.В. Катаринского, «Заметки по грамматике кыргызского языка» (Ташкент, 1912 г.) Н. Созонтова и «Грамматика казахского языка» (1927 г.) Г.В. Архангельского. Эти работы также получили высокую оценку казахстанских ученых. Однако в вышеуказанных трудах ученые акцентируют внимание только на грамматических особенностях казахского языка, а не на казахском эквиваленте грамматических терминов. В начале XX века, в период становления отечественного языкознания, Ахмет Байтурсынов первым заложил основы грамматических терминов казахского языкознания, и на его научной основе были изданы труды Тельжана Шонанова, Кошке Кеменгерулы, Кудайбергенова Жубанова.

В начале XX века в казахской науке сформировались термины не только в языкознании, но и других отраслях науки. Такие ученые, как А. Байтурсынов, Е. Омаров и др., представили принципы образования терминов в казахском языке и показали лучший пример терминообразования. А. Байтурсынов сформировал термины казахского языка, литературоведение и методологию казахского языкознания, Е. Омаров сформировал термины физики, геометрии, медицины, М. Жумабаев – педагогические термины, Ж. Аймауытов – термины психологии и др. термины науки на казахском языке. Основными принципами Алашской интеллигенции при принятии термина были следующие:

- а) использование казахских слов в качестве термина, способного раскрыть смысл понятия;
- б) если такие слова не встречаются в казахском языке, принять его из родственных (тюркских) языков;
- б) популярные международные термины могут быть приняты, но они должны быть изменены в соответствии с особенностями казахского языка;

в) все заимствованные слова должны быть изменены в соответствии со спецификой казахского языка.

Эти принципы были приняты на I съезде кыргызских (казахских) ученых в Оренбурге [1, С. 422].

Е. Омаров, один из первых исследователей терминов, оставил ценную идею по поводу формирования термина в казахском языке: «Новое слово, ранее не звучавшее, должно быть сразу понятно народу. Но если термин взят из казахского языка и может раскрыть нужное понятие, пусть и малозначащее: понять будет несложно. Поэтому термин должен быть подобран из казахского языка» [2].

Обсуждение

На основании изложенных выше принципов и мнения Е. Омарова в 1914 году А. Байтурсинов написал работу, первую казахскую научную грамматику «Тіл – құрал» (Язык – инструмент) и сформировал термины казахского языкознания. Жизнеспособность терминов, придуманных ученым, подтверждается тем, что они используются и сегодня. Согласно исследованиям, А. Байтурсинов создал сотни терминов, относящихся к грамматике (67 терминов морфологии, 46 терминов синтаксиса), и в настоящее время большинство терминов активно используются. Есть также термины из области фонетики и лексики.

После А. Байтурсинова над формированием грамматических терминов в казахском языкознании трудились Тельжан Шонанов, Кошке Кеменгерулы, Кудайберген Жубанов. Из работ указанных ученых видно, что они придерживались и отстаивали терминологические позиции Ахмета Байтурсинова. Несмотря на то, что К. Жубанов изменил многие термины А. Байтурсинова, многие его термины вышли из употребления.

Каждая часть речи в казахском языке изменялась и дополнялась по сей день. Рассмотрим более подробно прилагательные. Прилагательное – это слово, имеющее важное значение в определении качества предмета, явления. А. Байтурсинов показывает два типа прилагательных: «тек сыны», «сыр сыны». Здесь слово «тек» в переводе с казахского на русский означает происхождение, род, а «сын» – имя прилагательное. «Сыр» – это краска, палитра. Таким образом, «тек сыны» – относительное прилагательное, «сыр сыны» – качественное прилагательное.

К «тек сыны» можно отнести слова, указывающие на происхождение предмета, например: деревянная ложка, серебряная ложка, золотое кольцо и др. К «сыр сыны» можно отнести слова, указывающие на внешнее качество, т.е. вид, цвет, форму, положение, состояние, к примеру, – высокий, низкий, белый, черный, красный, желтый и др. [3, С. 353]. Отсюда следует, что к «тек сыны» относятся относительные прилагательные, к «сыр сыны» – качественные прилагательные.

Что касается мнения ученого относительно категории степени сравнения, то здесь названия терминов уникальны. В своем труде он показывает три типа категории сравнения:

- жай шырай (положительная степень);
- талғаулы шырай (отборная степень);
- таңдаулы шырай (превосходная степень);

Ученый пишет, что *отборная степень* («талғаулы шырай») указывает на превосходство одного качества над другим: для обозначения этого к прилагательному присоединяют суффикс «-рак», «-рек». Иными словами, здесь сравнивается качество двух предметов.

«Превосходная степень («таңдаулы шырай») показывает, что качество одного предмета очень высокое по сравнению с качествами других предметов; для того чтобы показать это, к корню добавляются слова ең, нақ, тап, тым, бек, қас (самый, ровно, точно, слишком)» [3, С. 354]. К этому типу относятся также прилагательные, образованные путем усиления слогов. Здесь сравнивается качество несколько предметов и только один из них имеет высокое качество.

А. Байтурсинов рассматривал такие формы, как *-лау, -леу, -дау, -деу, -тау, -теу, -шыл, -шыл, -ғылт, -ғылтым*, которые сейчас являются формами сравнительной степени в разделе «Сын есімнен туған сөздер» («Слова, которые образовались от прилагательных»), и объяснил их грамматические значения. К примеру, о форме *-лау, -леу*: «...например, к слову «желтый» (сары) прибавляем суффикс *-лау* и получаем, что оно не просто «желтое», а «пожелтеет» (сарылау); к слову «грязное» прибавляем суффикс *-лау* и получаем, что оно не «грязное» (кір), а «грязнее» (кірлеу)...» [3, С. 358].

Т. Шонанов приводит *качественные* и *относительные* виды прилагательных, категории степени сравнения в русском языке:

1. Положительная степень.
2. Сравнительная степень. В эту категорию входят прилагательные, образованные формой «-рак/-рек».
3. Превосходная степень. Сюда входят прилагательные, образованные от слов *очень, слишком много, огромный, самый настоящий* [4, С. 47].

Т. Шонанов выделяет прилагательные, образованные усилительным слогом, в отдельный вид – *ласкательная форма прилагательных*.

К. Кеменгерулы также делит прилагательные на *качественные* и *относительные*, положительную степень не рассматривает в категории степени сравнения, указывает только «салыстырмалы шырай» (сравнительная степень) и «таңдаулы шырай» (превосходная степень) [5].

Ни у А. Байтурсинова, ни у Т. Шонанова, ни у К. Кеменгерулы суффиксы *-шыл, -ғыл, -ғылт, -ша, -лау* не даются как форма степени сравнения. Ученые называют их *уменьшительно-ласкательными суффиксами прилагательного* (сын есімнің кішірейту мәнді жұрнақтары).

У К. Жубанова другая классификация имен прилагательных. Ученый указывает на шесть видов степени сравнения:

- 1) «жай шырай» (положительная степень);
- 2) «араластырмалы шырай» (смешанная степень);
- 3) «салыстырмалы шағын шырай» (сравнительная меньшая степень) (-рақ, -рек, -леу);
- 4) «жалаң шағын шырай» (простая меньшая степень) (қызыл, қаралым, көтеріңкі, созылыңқы);
- 5) «таңдаулы шырай» (превосходная степень) (өте қысқа, қып-қысқа, ұзын-ақ);
- 6) «орта шырай» (средняя степень) (бір қос, бірсыпыра, бірқатар, бір жөн, едәуір) [6].

Еще одна особенность труда К. Жубанова состоит в том, что суффиксы -лау, -леу образуют сравнительную степень прилагательных, также суффиксы -ғыл, -ғылт (-ым), -шыл, -ша и т.д. и союз -ақ используются как показатели степени прилагательных. До К. Жубанова ученые не рассматривали эти суффиксы как показатели степени прилагательных, лишь после выхода его труда эти суффиксы стали использоваться.

Об этом пишет О. Жубаева и приводит следующие данные: «С.Е. Малов говорит, что в уйгурских надписях, манихейских памятниках есть грамматический показатель -рак/-рек, М. Томанов говорит, что суффиксы -рак/-рек и -лау/-леу образованы от одной основы, т.е. в результате фонетического соответствия л>р, у>қ основа делится на два разных суффикса [126]. Также Н. Ильминский отмечает, что суффиксы -лау, -леу характерны только для казахского языка. Это мнение подтверждает и Г. Мусабаев. Таким образом, мы видим, что суффикс -лау/-леу произошел от суффикса -рак/-рек и в дальнейшем эти суффиксы сохранились. Закон экономии в языке – это процесс, который происходит постоянно. Однако, похоже, имеют место причины, по которым два разных суффикса, выражающие одно и то же значение, используются параллельно. Например, -ғыл, -ғылт (-ым), -шыл, -қай, -аң и др. Суффиксы не присоединяются ко всем качественным прилагательным, они присоединяются выборочно. Хотя эти суффиксы могут присоединяться к прилагательным, как серый, белый, синий, желтый, коричневый, бледный, красный и т.д., однако присоединяются, как черный, зеленый, рыжий, фиолетовый, прерывистый, овальный и т.д. не присоединяют такие суффиксы. А различные оттенки цвета в природе, как известно, присущи и названным прилагательным. Они образуются с участием суффикса -лау/-леу. Более того, суффиксы -ғылт, -ғылт (-ым) не всегда выражают слабость одного и того же признака, а в большинстве случаев указывают на усиление признака, тона. К. Кемегерұлы поясняет значение данного суффикса: «...присоединяясь к имени прилагательному, он обозначает сходство, но более сильное: бозғыл – более белый, сизый; сұрғылт – более серый; тұшқылым – более пресный» [7, С. 83].

А слабая форма этих признаков создается при наличии суффикса -лау/-леу. В связи с этим мы считаем, что А. Байтұрсынов, Т. Шонанов, К. Кемегерұлы не рассматривали суффикс -лау/-леу в ряду степени сравнения.

Выше были рассмотрены труды о прилагательных, написанные в начале XX века. В середине XX века языковед А. Ыскаков, обобщая труды, вышедшие до него, выделяет два смысловых вида прилагательных – качественные и относительные и называет четыре вида степени сравнения прилагательных – «жай шырай» (положительная степень), «салыстырмалы шырай» (сравнительная степень), «күшейтпелі шырай» (усиливающая степень), «асырмалы шырай» (превосходная степень) [8]. В дальнейшем в казахском языке в отношении прилагательных используется классификация, предложенная А. Ыскаковым, а в академической грамматике казахского языка 2002 года «күшейтпелі шырай» (усиливающая степень) и «асырмалы шырай» (превосходная степень) объединяются и обозначаются как «күшейтпелі шырай» (превосходная степень) [9].

Заключение

В языкознании одна из задач термина заключается в том, чтобы он мог точно передать нужное значение объекта, то есть раскрыть его грамматический смысл. Учитывая эту основную цель, мы считаем, что в казахском языкознании при передаче имен, относящихся к прилагательным, термины, предложенные А. Байтұрсыновым, даны рационально. Неслучайно А. Байтұрсынов дал названия «талғаулы шырай» (отборная степень) и «таңдаулы шырай» (превосходный). Глагол «талға» имеет значения «талғау», «іріктеу», «сұрыптау» [10, С. 242], в русском языке употребляется в значении выбора, отбора или сортировки. Сопоставляя признаки двух предметов друг с другом, определяют, какой из них является более или менее выраженным. А когда говорим о «таңдаулы шырай» (превосходная степень), то здесь берутся признаки нескольких предметов и в результате сравнения определяется, какой из признаков значительно больше или меньше. Мы считаем, что приведенные термины ясно раскрывают функциональный характер имен прилагательных в казахском языке.

В заключение хотелось бы отметить, что необходимо более детально изучать термины, относящиеся к прилагательным, раскрывающие их грамматический смысл, отражающие функциональный характер.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Байтұрсынов А. Тіл тағылымы / А. Байтұрсынов, Ғ. Әнесов, А. Мектепов и др. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 445 б.
2. Омаров Е. Қазақ тілінің орфографиялық электрондық базасы [Электронный ресурс] / Е. Омаров // Тіл-Қазына – 2016 – URL: <https://emle.kz/articles/get/193> (дата обращения: 18.04.2022)
3. Ахмет Ә. Байтұрсынұлының тілтанымдық мұрасы / О. Жұбаева, Ә. Ахмет – Астана: Алашорда – 2017. – 752 б.
4. Шонанов Т. Самоучитель казахского языка для русских / Т.Шонанов – Қызылорда: КазИздат, 1929. – 113 с.
5. Кемегерұлы Қ. Үш томдық шығармалар жинағы. Б 3 б. 2 б. / Қ. Кемегерұлы, Р. Сыздықова – Алматы : Алаш, 2006. – 262 б.

6. Жұбанов Қ. Қазақ тіл білімінің мәселелері / Қ. Жұбанов, Ғ.Әнес – Алматы : Абзал-ай, 2013. – 640 б.
7. Жұбаева О. Қазақ тіл білімінің қалыптасып, даму жолы / О.Жұбаева – Алматы: Дайк-Пресс, 2011. – 662 б.
8. Жанпейісов Е. Қазақ грамматикасы: фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис / Е. Жанпейісов. – Астана: Астана полиграфия, 2002. – 784 б.
9. Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі: Филология факультеттері студенттеріне арналған оқулық / А. Ысқақов. – Алматы: Ана тілі, 1991.
10. Фазылжанова А. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Б 15 б. 13 б. / А. Фазылжанова, Н. Оңғарбаева, Қ. Ғабитханұлы және т.б. – Алматы: Дәуір, 2011. - 752 б.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bajtursynov A. Til tagylymy [Language lessons] / A. Bajtursynov, G. Anesov, A. Mektepov et al. – Almaty: Ana tili, 1992. – 445 p. [in Kazakh]
2. Omarov E. Kazak tilinin orfografijalyk jelektrondyk bazasy [Spelling electronic database of the Kazakh language] [Electronic resource] / E. Omarov // Til-Kazyna. -2016. - URL: <https://emle.kz/articles/get/193>. (accessed: 18.04.2022) [in Kazakh]
3. Ahmet A. Bajtursynulynyn tiltanyndyk murasy [Linguistic heritage of Baitursynov] / O. Zhubaeva, A. Ahmet – Astana: Alashorda – 2017 – 752 p. [in Kazakh]
4. Shonanov T. Samouchitel' kazahskogo jazyka dlja russkih [Kazakh language tutorial for Russians] / T.Shonanov – Kyzylorda: KazIzdat, 1929. -113 p. [in Russian]
5. Kemengeruly K. Ysh tomdyk shygarmalar zhinagy. B 3 b. 2 b. [A three-volume collection of works. Vol. 3 p. 2 p.] / K. Kemengeruly, R. Syzdykova – Almaty : Alash, 2006. – 262 p. [in Kazakh]
6. Zhubanov K. Kazak til biliminin maseleleri [Problems of Kazakh linguistics] / K. Zhubanov, G. Anes – Almaty : Abzal-aj, 2013. - 640 p. [in Kazakh]
7. Zhubaeva O. Kazak til biliminin kalyptasyp, damu zholy [The way of formation and development of Kazakh linguistics] / O.Zhubaeva – Almaty: Dajk-Press, 2011. – 662 p. [in Kazakh]
8. Zhanpejiso E. Kazak grammatikasy: fonetika, sozzhasam, morfologija, sintaksis [Kazakh grammar: phonetics, word formation, morphology, syntax] / E. Zhanpejiso. – Astana: Astana poligrafija, 2002. – 784 p. [in Kazakh]
9. Yskakov A. Kazirgi kazak tili: Filologija fakul'tetteri studentterine arnalgan okulyk [Modern Kazakh language: A textbook for students of philological faculties] / A. Yskakov. – Almaty: Ana tili, 1991. [in Kazakh]
10. Fazylyzhanova A. Kazak adebi tilinin sozdigi. B 15 b. 13 b. [Dictionary of the Kazakh literary language. Vol. 15 p. 13 p.] / A. Fazylyzhanova, N. Ongarbaeva, K. Gabithanuly et al. – Almaty: Dauir, 2011. - 752 p. [in Kazakh]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.30>**НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА-РЕБЕНКА: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД**

Научная статья

Абаева Е.С.^{1*}, Канунникова А.С.²^{1,2} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (abaevaes[at]bk.ru)

Аннотация

В статье поднимается проблематика межъязыковой передачи речи персонажа-ребенка в художественном тексте. В качестве речевой особенности указывается нарушение постулатов Г.П. Грайса и максим Дж. Лича. Источником материала исследования послужил текст романа Д.С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» и его перевод на русский язык. В качестве основных методов выступил: метод сплошной выборки, метод сопоставительного анализа, метод классификации и ряд других. Авторы указывают, что особенности использования нарушений правил речевой коммуникации в качестве характеристики персонажа позволяют создать необходимый автору образ. При межъязыковой передаче этих особенностей большую роль играет анализ прагматической ситуации с учетом стереотипных правил речевого поведения, характеристики героев, языковой асимметрии и контекста разного рода.

Ключевые слова: речевая характеристика, перевод, персонаж-ребенок, максимы Дж. Лича, постулаты Г.П. Грайса.

A CHILD CHARACTER'S VIOLATION OF COMMUNICATION RULES: ORIGINAL TEXT AND TRANSLATION

Research article

Abaeva E.S.^{1*}, Kanunnikova A.S.²^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russia

* Corresponding author (abaevaes[at]bk.ru)

Abstract

The article raises a problem of literary translation, a child character's speech translation in particular. The violation of Grice's principle and Leech's maxims is indicated as a peculiar feature of the child's speech. The source of the material for the study is the text of the novel by Jonathan Safran Foer "Extremely loud and incredibly close" and its translation into Russian. The major methods for the study are the method of continuous sampling, the method of comparative analysis, the method of classification etc. The authors point out that some peculiarities of using violation in communication as speech characteristics of a hero help create the necessary image. The analysis of the pragmatic situation, as well as the stereotypical rules of speech behavior, characters peculiarities, linguistic asymmetry and different types of context, plays an important role.

Keywords: speech characteristics, translation, child character, Leech's maxims, Grice's principle.

Introduction

The peculiar features of a character's speech in a literary text have already been the object of analysis in different papers [3]. It is known that speech characteristics include both social and psychological aspects of a person, as well as peculiarities of his speech activity and speech behavior.

It is worth noticing that a child character appears quite often in literary texts. The reasons for using a child, for example, as a storyteller differ. This may be a desire to strengthen or, conversely, to soften the emotional impact on a reader. The child narrator also allows the authors to consider some situations or subjects from a new angle, encouraging the reader to take a fresh look at them. The strategies of the authors when creating a speech image of children's heroes also vary. Some prefer to use a narrative style characteristic of an adult rather than a child. Others, on the contrary, try to imitate children's speech by recreating its peculiar nuances. The speech of the child character in this case may be generally similar to the speech of an adult with some specific features of a child's speech only. Some researchers - such as William O'Grady (2005), Michael Tomasello (2009), Kristin Denham (2013), Anne Lobeck (2013), Tseytlin S.N. (1989), Chebotareva I.M. (1996), Solntseva K.V. (2013) and others - distinguish various characteristics of a child's speech: mistakenly formed irregular verbs, excessive generalization, inversion errors, abbreviations, comparisons and personifications, etc.

Moreover, it is important to note that "the speech of a child character is presented in a stylized form, which presupposes the selection of certain speech features by the writer that, in their opinion, may be a part of a child's vocabulary" [5].

The problematic area of a child's speech characteristics could be of great interest not only for cultural, behavioral or just linguistic reasons, but for a purpose of translation as well. For example, answering the question about the problems of a child's speech translation, the translator of "The Dead Fathers Club" (Matt Haig, 2006) told that the difficulty was to recreate the "stream of consciousness of an eleven-year-old boy experiencing a personal tragedy" and her desire to preserve "rhythm and flow of the text, its continuity". She is aware of the ambiguous nature of her choice to use punctuation marks and dialogues but refers it to the well-known inevitability of losses in translation [4].

For that reason, the knowledge of some speech patterns, mistakes, or peculiar language usage in a child's speech is crucial, especially when systematically and logically organized and described.

The texts of the novel "Extremely loud and incredibly close" written by Jonathan Safran Foer (2005) [7] and its translation (2007) [6] were taken as a material for the study. The narration is by a nine-year-old boy named Oskar, whose dad died in the terrorist attack (11.09.2001). The novel is included into the group of prosaic works of 9/11 and was analyzed from the trauma perspective a lot [8].

One of the peculiar things about Oskar is that he hates lies and tries to tell the truth only. What is more, due to his age he doesn't know some basic rules of communication which on the one hand can cause misunderstandings or create a humorous

effect, but on the other hand provide an atmosphere of naivete. The translator in turn had to recreate the same things in the text of translation that, in our opinion, was not an easy task.

Thus, the aim of our paper is to enumerate, classify and decompose the cases when the rules of communication [2] are broken by Oskar and analyze the ways and methods of their translation.

Research methods and principles

To make the study more coherent in the methodological base, some methods should be introduced in this section. First, the continuous sampling method with the help of the pragmatic analyses was applied to find out all the cases of the communication rules violation. The method of classification was used not only to group the cases according to the famous classifications, but to classify the ways and methods of translation as well. The method of comparative analyses was used in a traditional way to compare and contrast the original text and the text of translation.

The base for the study from the pragmatic point of view is represented by the rules of communications: Grice's cooperative principle – "make your contribution such as is required, at the stage at which it occurs, by the accepted purpose or direction of the talk exchange in which you are engaged" [9, P. 45], which falls into four conversational categories (quantity, quality, relation and manner), and six Leech's maxims of politeness [10].

To begin with, there are lots of dialogues in the novel with different people: relatives (Oskar/mother, Oskar/father, Oskar/grandmother, Oskar/grandfather), acquaintances (Oskar/the postman), people Oskar doesn't know at all (for example, people with a family name "Black"). Thus, because of the difference in relationships the communicative fails differ. For example, Oskar's father used to play with the son, so lots of misunderstandings were created by him on purpose to make Oskar think and analyze. In dialogues with women Oskar sometimes wants to pay a compliment, but as he lacks experience, the intention leads to misunderstandings as well. All these pragmatic nuances should be taken into consideration while translating the novel.

Results and Discussion

The process of translating when a translator has to deal with the area of pragmatics is rather complex. It is even more complex than the problem of lacunas or grammatic asymmetry between the languages because the area in discussion is rather vague and everything is based on the relationships between different people, as well as on the analyses of the situation and context in general.

For our study we are to enumerate the maxims which make up the cooperative principle and the ones which constitute the politeness principle to show how they are violated in the context of the novel and analyze if there are any significant changes in the text of the translation to preserve the violation.

I. The violation of the cooperative principle

The **category of quantity** could be divided into following maxims:

"Make your contribution as informative as is required (for the current purpose of the exchange).

Do not make your contribution more informative than is required" [9, P. 45].

The first maxim is violated when Oskar gives less information because he doesn't want to explain or doesn't have enough knowledge about the subject as in the following example: "Don't cry," I told her. "Why not?" she asked. "Because," I told her. "Because what?" [7].

We do have the same pattern in communication between adults and children in Russia (почему – потому), so the lines were easily translated: «Не плачьте», – сказал я. «Почему нет?» – спросила она. «Потому», – сказал я. «Что потому?» – спросила она. [6]

The second maxim is violated because of the boy's desire to explain what is going on in his life, to share his interests. As in the example below where the redundancy is obvious to any reader and is clearly transferred into the text of translation:

"I'm an amateur epidemiologist." "There aren't many of those." "Yeah. And I conducted a pretty fascinating experiment once where I told Feliz to save all the dust from our apartment for a year in a garbage bag for me. Then I weighed it. It weighed 112 pounds. Then I figured out that seventy percent of 112 pounds is 78.4 pounds. I weigh 76 pounds, 78 pounds when I'm sopping wet. That doesn't actually prove anything, but it's weird. Where can I put this?" [7] // «Я эпидемиолог-любитель». – «Это большая редкость». – «Ага. И я провел один довольно-таки обалденный эксперимент, попросив Фелиза весь год собирать пыль из нашей квартиры в отдельный пакет. Потом я его взвесил. Он весил 51 килограмм. Потом я подсчитал, что семьдесят процентов от 51 килограмма – это 35,7 килограмма. Я вешу 34,5 килограмма, или 35,3, если в мокрой одежде. Это, конечно, ничего не доказывает, но прикольно. Куда это можно выбросить?» [6]

Sometimes Oskar tries to motivate people to ask a question he likes to answer himself.

So what's actually going on?" "I don't know." "How do they do it?" "It?" "How do they set up meetings if they don't have E.S.P.?" "You're asking me?" "Yes." "I don't know." "Do you want to know?" "Sure." "A lot?" "Sure." "They're making very, very, very, very deep calls, way deeper than what humans can hear. They're talking to each other. Isn't that so awesome?" "It is. I ate a strawberry. [7] // Никто не мог понять, как им это удастся. Какой механизм?» – «Я не знаю». – «Как им это удастся?» – «Что именно?» – «Договариваться о встречах без Э.С.В.» – «Ты меня спрашиваешь?» – «Да». – «Я не знаю». – «А хотите узнать?» – «Конечно». – «Очень?» – «Очень». – «Они издают низкие-пренизкие позывные, намного ниже тех, что могут слышать люди. Они разговаривают друг с другом. Скажите, клево?» – «Клево». Я съел клубничину. [6]

The translator, as he is Russian, is aware of the cliches and usual speech patterns, like repetition in conversations with children (Очень? – Очень.). He works brilliantly with word order and add, for example, a conjunction (А хотите?) to make the child's speech sound more natural.

The **category of quality** – “try to make your contribution one that is true” – is also violated by Oskar. It falls into two more specific maxims: “Do not say what you believe to be false” [9, P. 46] and “Do not say that for which you lack adequate evidence” [9, P. 46].

On the one hand, the character's essential features do not allow him to violate this rule even when it contradicts to the maxims of politeness. That could be illustrated by the following example:

He said, “Do you have dreams of becoming a jujitsu master?” “No,” I told him, even though I don't have dreams of running the family jewelry business any-more. [7] // Он сказал: «Разве ты не мечтаешь о том, чтобы стать мастером дзю-джитсу?» «Нет», – сказал я, хотя о том, чтобы возглавить ювелирный бизнес нашей семьи, я тоже перестал мечтать. [6]

But at the same time Oskar tells lies to some people in order to reach his goal. As it hurts him, he counts how many times he is unfair to people: Lie #3, Lie #4 etc. Once he tells his mother that his temperature is one hundred point seven degrees. The boy does not realize that the temperature he is talking about is fatal, but his mother does. In order to make the lie clear for a Russian reader, the equivalent to the system was found («У меня сорок два» [6]).

This category is also violated because Oskar is apt to romance, as in the example when he is suggesting something absolutely unbelievable in a real world:

“What I'll do is, I'll invent an invisibility suit that has a camera on my back that takes video of everything behind me and plays it on a plasma screen that I'll wear on my front, which will cover everything except my face. It'll look like I'm not there at all.” She said, “Nifty.” [7] // «А давайте я изобрету костюм-невидимку со встроенной камерой на спине, чтобы она снимала все, что за мной, и показывала это на плоском экране передо мной, но чтобы экран закрывал меня целиком, все, кроме лица. Будет полное впечатление, что меня там вообще нет». Она сказала: «Стильно». [6]

Oskar is a nine-year boy only, so it is a problem for him to be relevant, for example, to the topic of conversation all the time. Thus, the **category of relation** – “be relevant” – is violated when, for example, he does not answer his mother's question (“Is everything OK?” [7]) with obvious “Yes, sure”. Instead, he starts his own conversation with “I'm gonna need a laminator.” [7]

He usually changes the topic of conversation and makes the dialogue unclear for people around. He makes strange skips which distort the usual flow of thoughts and talks about things people even do not like as in the example below. It is his granny (or mom) who must explain Oskar's intentions to people.

Here, the conversation is about the limousines and life in general, but then of a sudden Oskar decides to tell a joke (1).

Mom squeezed, and Grandma knitted, and I told Gerald, “I kicked a French chicken in the stomach once,” because I wanted to make him crack up, because if I could make him crack up, my boots could be a little lighter. He didn't say anything, probably because he didn't hear me, so I said, “I said I kicked a French chicken in the stomach once. (1)” “Huh?” “It said, ‘Oeuf.’” “What is that?” “It's a joke. Do you want to hear another, or have you already had un oeuf?” (2) [7] // Мама все сжимала, бабушка все вязала, а я сказал Джеральду: «Встречаются на парижской улице две курицы», – мне хотелось, чтобы он по-настоящему раскололся, потому что, если бы у меня получилось по-настоящему его расколоть, гири на сердце стали бы чуть-чуть легче. Он ничего не сказал, может, просто потому, что не услышал, поэтому я сказал: «Я сказал: на парижской улице встречаются две курицы» (1). – «А?» – «Одна нормальная, а у другой две головы и восемь крыльев. И та, которая нормальная, говорит: Bonjour, ma tante». – «Ну и что?» – «Это шутка такая. Рассказывать следующую или вы тоже ma tante?» (2) [6]

Oskar violates the rules unintentionally because, as we can see from the context, he is upset and wants to cope with his emotions. But he does it with the real joke which includes a word play, which makes the passage problematic for translation. The decision of the translator to use another joke is supported by its function [1] – to change the subject: the real sense of the joke is not so valuable. But we should underline the skills and creativity of the translator who could find the joke with almost the same lexical elements (парижская, курицы) and the final wordplay where the boy's speech feature, French language, is used (2).

The next category we are going to discuss is the **category of manner** – be perspicuous – consists of four maxims: “avoid obscurity of expression; avoid ambiguity; be brief (avoid unnecessary prolixity); be orderly” [9, P. 47].

In the next example Oskar intentionally does not want to answer straightforwardly and explain why he gave the key to a stranger. He is rather ambiguous and gives unnecessary details, focusing on the gender of a receiver to avoid the obvious question “why”.

“Did you give a copy of our apartment key to the mailman?” <...> “The mailperson is a mailwoman.” [7] // «Это ты дал запасной ключ от нашей квартиры почтальону?» <...> «Не почтальону, а почтальоние». [6]

In Russian there is no word to denote a person who delivers post without gender characteristics, so the choice of translation is supported by the language asymmetry.

II. The violation of the politeness principle

The second set of rules that are always violated by the main character of the novel is the politeness principle of Geoffrey Leech which consists of six maxims: the tact maxim, the generosity maxim, the approbation maxim, the modesty maxim, the agreement maxim and the sympathy maxim [10].

Oskar is naïve and doesn't know all the rules of communication, so it is obvious for him to ask a married woman for a kiss because he likes her (that is a violation of the tact maxim). He seems rude to a postman when he is in a blue mood, although they are friends (the violation of the approbation maxim). He even seems absolutely unpolite when he talks to strangers and tries to be truthful enough.

Everyone understands that not always we need to say what we really think because we might hurt someone's feelings. Because of his age, Oskar cannot always follow the rule as in the example below when he says to his mother:

"So it will be OK if I throw away all of your things and forget about you after you die?" [7] // «Значит, нормально, если я выкину все твои вещи и забуду про тебя, когда ты умрешь?» [6]

The illustration of the violation of the sympathy maxim is given above. As English and Russian cultural norms are similar in the situation, all the methods of translation can be explained by the language asymmetry.

Sometimes Oskar violates the norms because of his impulse behavior (1) but then tries to make things better (2).

"Grandma?" "Yes, darling?" "It's just that where's the plate block?" <...> "The plate block! These stamps. Aren't Valuable!" (1) She looked at me for a few seconds. "Yeah," she said, "I guess I heard of that. So I'll go back to the stamp shop tomorrow and get another sheet. These we can use for the mail." "There's no reason to get another." (2) I told her, wanting to take back the last few things I said and try them again, being nicer this time, being a better grandson or just a silent one. [7]// «Бабушка?» – «Да, лапонька?» – «А где же тут серыйный штамп?» <...> «Серыйный штамп! Без него. Эти марки. Не стоят. Ни цента!» (1) Она смотрела на меня несколько секунд. «Ну, да, – сказала она. – Кажется, я про это слышала. Завтра же снова зайду в филателию и куплю тебе другой блок. А эти марки пустим на конверты». – «Не надо другой» (2). – сказал я, потому что уже хотел взять все сказанное назад и попробовать заново, как воспитанный хороший внук или хотя бы как молчаливый. «Надо, Оскар». – «Я в порядке». [6]

Parcellation in the first example is also used in the text of translation to underline the anger of the boy and preserve his usual way of speaking (he uses parcellation in many cases): *These stamps / aren't / valuable! = Эти марки / не стоят / ни цента!* In the second example the changes are reasonable due to the cohesion/coherence of the text in general (wide context): *get another sheet – There's no reason to get another = куплю тебе другой блок – Не надо другой.*

The example above shows us his good nature. The same thing we can see in some dialogues when Oskar tries to pay compliments, even if they are not contextually approved. He is willing to follow the maxims, to be polite, but unfortunately fails to do it:

"What can I do for you?" "You're incredibly beautiful," I told her, because she was fat, so I thought it would be an especially nice compliment, and also make her like me again, even though I was sexist. [7] // «Я могу чем-нибудь помочь?» – «Вы запредельно красивая», – сказал я, потому что она была толстая, и я решил, что ей это будет особенно приятно услышать, и еще для того, чтобы ей снова понравиться, хоть я и вел себя, как сексист. [6]

The question in the example below sounds very rude, but the violation is not intentional, too. Oskar perceives the world rather straight, and this is a perfect illustration of his naivete and straightforwardness:

Mom said that school wasn't on the way, and we couldn't be late to the cemetery. "Why not?" I asked, which I actually thought was a good question, because if you think about it, why not? [7] // Мама сказала, что школа не по пути и что нам нельзя опоздать на кладбище. «Почему нельзя?» – спросил я, что, по-моему, было хорошим вопросом, потому что, если подумать, то действительно – почему нельзя? [6]

The translation is justified here by the repetition (as a pattern of a child's speech), variability of the language means (не должны опоздать / не можем опоздать / нельзя опоздать) and, finally, general cohesion/coherence of the text (нельзя – почему нельзя).

The climax of the rudeness is the fictional dialogue during the stage play. Oskar imagines the way he could fight his co-student Jimmy Snyder changing the lines in a dialogue to offend him greatly, for example, using such degraded words as "a jerk of infinite stupidity", accusing him of having abused those less strong and so on. But everything is in his head only.

When it comes to the problematic area of communication rules violation we need to deal with pragmatics, which is not a purely linguistic thing. The ways and methods of translation are caused by the dialogical structure, the image of a child, the language asymmetry and so on. As the violations are clearly transmitted into the frames of Russian culture, all the transformations were induced not to adapt, not to create the violence, but to make it clear to see and to read.

Conclusion

Analyzing the novel and its translation, we could see the violation of all the maxims which is usually unintentional and creates the image of a young boy through his speech characteristics: he is naïve, inexperienced, likes truth. The convergence of his age and all the enumerated individual traits gives the writer the opportunity to vividly delineate the character.

Summarizing the violation in translation, first and foremost, we should underline that as two linguacultures have much in common, no significant changes in meaning to adopt the violation to the system of the Russian language and culture were made. No losses in translation were found. In most cases the choice of the translator is based on the textual characteristics and wide context.

In general, it could be noted that not to lose the pragmatic nuances in translation it is vital to include such details as socio-cultural context, clichés, patterns, stereotypes, norms of communication, languages asymmetry, cohesion/coherence, as well as wide context into consideration.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Солнцева К.В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе дис. ...канд.: 10.02.04 : защищена 2008-12-15 : утв. 2009-04-15 / К.В. Солнцева – М.: 2008. – 191 с.
2. O'Grady W. How Children Learn Language / W. O'Grady – New York: Cambridge University Press, 2005. – 240 p.
3. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech – London: Longman, 1983. – 257 p.
4. Фоев Д.С. Жутко громко и запредельно близко / Д.С. Фоев – М.: ЭКСМО, 2021. – 512 с.

5. Фоер Д.С. Жутко громко и запредельно близко: книга для чтения на английском языке / Д.С. Фоер – СПб: КАРО, 2020. – 416 с.
6. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 316 с.
7. Абаева Е.С. Юмор как речевая характеристика персонажа в художественном тексте: проблемы перевода. / Е.С. Абаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – 4. – с. 49–57.
8. Grice P. Logic and Conversation . / P. Grice // Syntax and Semantics 3: Speech Acts – NY: Academic Press, 1975. – p. 41–58.
9. Bolaño J. Transcendental Intuition After 11/9: Jonathan Safran Foer's Extremely Loud and Incredibly Close. / J. Bolaño // 39th Conference of the Portuguese Association for Anglo-American Studies; – Portugal: University of Evora, 2018. – pp. 137–145.
10. Канунникова А.С. Лексические особенности речи персонажа-ребенка в романе Д.С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» . / А.С. Канунникова // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности учителя английского языка и русского языка как иностранного: Сборник научных статей; под ред. Викуловой Л.Г. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2022. – с. 133–143.
11. Крупник М. О «Клубе призрачных отцов» Мэтта Хейга [Электронный ресурс] / М. Крупник // О «Клубе призрачных отцов» Мэтта Хейга . – 2021. – URL: <https://www.labirint.ru/now/klub-prizrachnyh-otcov/>. (дата обращения: 05.04.22)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Solnceva K.V. Yazy'kovy'e markery' rechevoj karakteristiki detskogo personazha v angloyazy'chnoj xudozhestvennoj proze [Language markers of the speech characteristics of a child character In English-language fiction] dis....of PhD in Social and human sciences: 10.02.04 : defense of the thesis 2008-12-15 : approved 2009-04-15 / K.V. Solnceva – М.: 2008. – 191 p. [in Russian]
2. O'Grady W. How Children Learn Language / W. O'Grady – New York: Cambridge University Press, 2005. – 240 p.
3. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech – London: Longman , 1983. – 257 p.
4. Foer D.S. Zhutko gromko i zapredel'no blizko [Extremely Loud and Incredibly Close] / D.S. Foer – М.: Е'КСМО, 2021. – 512 p. [in Russian]
5. Foer D.S. Zhutko gromko i zapredel'no blizko: kniga dlya chteniya na anglijskom yazy'ke [Extremely Loud and Incredibly Close] / D.S. Foer – SPb: KARO, 2020. – 416 p. [in Russian]
6. Vikulova L.G. Osnovy' teorii kommunikacii: praktikum [Fundamentals of communication theory: a practical course] / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 316 p. [in Russian]
7. Abaeva E.S. Yumor kak rechevaya karakteristika personazha v xudozhestvennom tekste: problemy' perevoda [Humour as a speech characteristic of a character: problems of translation]. / E.S. Abaeva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics]. – 2021. – 4. – p. 49–57. [in Russian]
8. Grice P. Logic and Conversation . / P. Grice // Syntax and Semantics 3: Speech Acts; – NY: Academic Press, 1975. – pp. 41–58.
9. Bolaño J. Transcendental Intuition After 11/9: Jonathan Safran Foer's Extremely Loud and Incredibly Close. / J. Bolaño // 39th Conference of the Portuguese Association for Anglo-American Studies; – Portugal: University of Evora, 2018. – pp. 137–145.
10. Kanunnikova A.S. Leksicheskie osobennosti rechi personazha-rebenka v romane D.S. Foera «Zhutko gromko i zapredel'no blizko» [Lexical features of speech of a child character in the novel “Extremely loud and incredibly close” by J.S. Foer]. / A.S. Kanunnikova // Philological support of professional activity of a teacher of English and Russian as a foreign language: scientific articles; edited by Vikulovoj L.G. – М.: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Yazy'ki Narodov Mira", 2022. – p. 133–143. [in Russian]
11. Krupnik M. O «Klube prizrachny'x otcov» Me'tta Xe'jga [About “The Dead Fathers Club” by Matt Haig] [Electronic source] / M. Krupnik // About “The Dead Fathers Club” by Matt Haig. – 2021. – URL: <https://www.labirint.ru/now/klub-prizrachnyh-otcov/>. (accessed: 05.04.22) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.31>**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА БЛОГОСФЕРЫ**

Научная статья

Козьякова О.А.¹*, Кочева О.Л.²^{1, 2} Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (kora.00[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена изучению феномена проявления гендерного аспекта в языке, применяемых блогерами на различных источниках интернет-медиа. Целью статьи является изучение тенденции маскулинизации и феминизации текстового порождения в блогосфере. В качестве ключевых доказательств явления автор статьи анализирует известные блоги и интернет-ресурсы, дает обобщенную характеристику феминитивам и словам, подвергнутым процессу маскулинизации. В результате изучения были выявлены основные причины данных процессов и особенности их проявления в зависимости от коммуникативных установок и временного параметра. Автор статьи приходит к выводу, что при освещении данной тематики особое значение имеет лексическая форма анализируемых текстов, которая определяется их воздействующей направленностью.

Ключевые слова: маскулинизация речи, блог, блогосфера, женская речь, мужская речь, маскулинизация текстового порождения, женщины-блоггеры, феминитивы.

GENDER ASPECT OF THE LANGUAGE OF THE BLOGOSPHERE

Research article

Kozyakova O.A.¹*, Kocheva O.L.²^{1, 2} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

* Corresponding author (kora.00[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the phenomenon of gender aspect manifestation in the language used by bloggers on various Internet media sources. The purpose of the article is to study the trend of masculinization and feminization of text generation in the blogosphere. As key evidence of the phenomenon, the author of the article analyzes well-known blogs and Internet resources, gives a generalized description of feminatives and words subjected to the process of masculinization. As a result of the study, the main causes of these processes and the features of their manifestation were identified, depending on the communicative attitudes and time parameter. The author of the article comes to the conclusion that when covering this topic, the lexical form of the analyzed texts is of particular importance, which is determined by their influencing orientation.

Keywords: masculinization, blog, blogosphere, women's speech, men's speech, masculinization of text generation, female bloggers, feminatives.

Введение

Распространение информационных технологий и их доступность одновременно с появлением Интернета послужило тому, что общение в Сети в XXI веке стало неотъемлемой частью жизни людей, в частности молодежи. В настоящее время именно этот тип общения оказывает наибольшее воздействие на трансформацию и смещение норм языка [8, С. 58].

Письменная форма языковой среды является основной в интернет-коммуникации, при этом в ней наиболее заметны нарушения стандартных правил оформления текста, а именно, грамматические, лексические, и орфографические ошибки.

Методология

Достижение результатов настоящего исследования стало возможным при применении общенаучных методов в рамках сравнительного, логического и статистического исследования, а также посредством анализа социальных сетей как неотъемлемой части современной блогосферы. Указанные способы исследования позволили комплексно проанализировать сложившиеся тенденции и на её основе установить и доказать неразрывную взаимосвязь рассматриваемых явлений.

Обсуждение

Рамки сетевого общения способствуют наблюдению за тенденциями трансформации и развития языка в его живой форме: появлению новых языковых конструкций, динамическому обновлению интерпретации и использования традиционных форм, приемов языкового выражения, в основе которых лежат изменения в жизни общества.

Небывалая свобода доступа к информации способствует активному и свободному изменению языковых установок в процессе коммуникации, позволяет демонстрировать определенные идеологические настроения и мысли. В данном аспекте проявляется и русскоязычная блогосфера. Под термином «блогосфера» мы понимаем обозначение совокупности всех существующих блогов как динамичное, постоянно меняющееся информационное поле. Термин впервые был представлен в 2001г. Уильямом Квиком [20] и быстро подхвачен СМИ.

Во второй половине XX века научная парадигма подверглась значительным изменениям. Одним из проявлений является формирование парадигмы социального акционализма, взявшей за основу идеи А. Турена, французского социолога, отраженных в работах «Социология действия» (1965) и «Производство общества» (1973). Ее сторонники

принимали участие в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя тем самым метод социологической интервенции — вмешательства в социальные процессы с целью выявления «исторического» назначения движения. В результате парадигмального кризиса исследовательская деятельность социологов стала развиваться не в направлении теоретико-методологического консенсуса, а в направлении плюрализма, что оказало значительное влияние на развитие феминистского движения, появление новых научных направлений в социалингвистике [22] и, как следствие, возникновение феминистской критики языка (феминистской лингвистики), основной задачей которой и стало изучение гендерной асимметрии в языке [7].

Понятие «гендер» было введено в научный оборот более пяти десятилетий назад и за время своего существования претерпело серьезные изменения [10, С. 119]. Созданный как инструмент для разграничения биологических и социальных проявлений принадлежности к определенному полу, в настоящее время гендер все чаще трактуется как параметр самоидентификации индивида, не связанный с полом. Концептуальные трансформации подобного рода характеризуют как научный дискурс, так и обыденные представления о гендере.

Многие исследователи отмечают, что гендерное направление возникло в русле феминизма, однако отличается от последнего предметом, тактикой, целями. Так, в частности, в современном русскоязычном пространстве объектом исследования для прикладной феминистской лингвистики становится именно блогосфера, в которой выявляются множественные нарушения синтаксической нормы.

Четвертая волна феминизма, начавшаяся в 2012 г., спровоцировала многочисленные инфоповоды, которые даже при преимущественно нейтральном отношении к ним традиционных СМИ, обращают на себя внимание новых медиа. Наибольшую активность в этом отношении проявляют Instagram-площадки, вербализованные тексты которых включают в себя преимущественно заимствованную лексику и сложные синтаксические конструкции, оказывая положительное влияние на сторонников консерватизма. Сегмент аудитории массмедиа — преимущественно, молодежь. Главным инструментом ее привлечения и удержания является использование всех возможностей аудиовизуального формата — их предлагает блогосфера, в частности, видеохостинг YouTube. Авторы, выбравшие эту площадку для популяризации идей феминизма, пока находятся в поиске наиболее действенных способов взаимодействия со зрителем, поскольку в русскоязычном блогосфере эта тема возникла относительно недавно [5].

Можно рассмотреть основные проявления гендерной лингвистики на примере видеороликов, расположенных на платформе YouTube: программы на каналах «Ксения Собчак» [17], «Нежный редактор» [14], «Nixel pixel» [21], «Женщина, вы кто?» [19], и «РФО «ОНА» [27]. Во данных проанализированных видеороликах можно выделить общее семантическое поле, влияние на которое оказывает актуальная заимствованная лексема — гендер. Благодаря данной тенденции возможно увидеть все изменения, произошедшие за последние годы в русскоязычных блог- и медиасферах: все чаще используется понятие «гендер» — в отличие от понятия «пол» [5, С. 34].

Данная особенность позволяет сделать вывод о том, что в современном российском медиапространстве большое влияние имеют «западные» смысловые и аксиологические установки. Так, в частности, на Западе дискурсивные практики повседневности демонстрируют многочисленные примеры выхода за рамки бинарной гендерной системы и наделяния индивида правом на определение собственной гендерной принадлежности. Еще несколько лет назад в социальной сети Facebook англоязычным пользователям предлагался выбор из нескольких десятков вариантов гендера, а сейчас при регистрации предусмотрено три опции — *female*, *male* и *custom*. В последнее поле пользователь может сам внести определение своей гендерной идентичности. В профиле Instagram дополнительно к опциям *male*, *female* и *custom* дается вариант *prefer not to say* («предпочитаю не отвечать»). Аналогичный формат используется в оценочных формах многих американских отелей, при регистрации на конференциях, и т.д. Таким образом, наряду с возможностью самостоятельно определять свой гендер предусматривается опция отказа от гендерной категоризации [9, С. 20].

Кроме того, в рассмотренных нами роликах часто используются обобщающие номинации «мужчина и женщина» — построение сюжета на противопоставлении этих номинаций определяет высокую частотность употребления данных слов. Во многих случаях в этих блогах активно используются лексические единицы из группы феминитивов, под которыми понимаются «слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола» [3, С. 54]. Именно феминитивы позволяют идентифицировать отношения определенных людей к феминизму как к явлению.

В современном русском медиапространстве новые наименования от той же основы образуются, в частности, с целью избежать ярко выраженной разговорности суффикса, коей, несомненно, обладает суффикс *-их(а)*. Так, в попытке избавить феминитив к слову *врач* от ярко выраженной пейоративности вместо устоявшегося в разговорной речи *врачиха* используются варианты *врачица* (1), *врачина* (2) и даже *врачея* (3), тем самым активизируя другие или малопродуктивные стилистически нейтральные типы словообразовательной категории феминитивности: (1) У меня есть знакомая — старенькая, уважаемая *врачица* [15]; (2) *Врачина* хорошо справляется, внимательная, подробно все объясняет, а это главное [IREcommend.ru]; (3) Я — *врачея*, поэтому смерти я не боюсь [25].

В числе новообразований, например, дериват к заимствованному из английского языка слову *краш* — *крашиха*. В одном из номеров «Космополитен» читаем про российскую ведущую популярной телевизионной передачи Ларису Гузееву, которую одна из ее поклонниц назвала «к р а ш и х о й», вызвав недоумение остальных фолловеров звезды. Многих интересовало, что это значит. Знающие подписчики Ларисы Гузеевой объяснили: это от английского слова *crush* — «увлечение, предмет обожания, человек, который нравится». А «к р а ш и х а» — то же значение, только в женском роде [16]. Другой пример — «эйчариха» (коррелят к «эйчар» — специалист в области управления персоналом, от англ. *HR*) — обладает отрицательной окраской: «Будь у тебя хоть семь пядей во лбу — э й ч а р и х а, юная особа из приезжих, причём, поинтересуется возрастом (да, мне через 4 месяца полтинник!), а потом: «Мы вам перезвоним!» [12].

В некоторых случаях пейоративность суффикса *-их(а)* используется намеренно, с целью оскорбить: Маша уже несколько лет учится в РАНХиГС и рассказывает, что ее преподаватель по праву, как она отмечает, с издевкой называет аудиторию девушек э й ч а р и х а м и и кадровичками [24]. В приведенном примере очевидно, что

оценочность касается, скорее, феминитивов в целом, в противовес гендерно-нейтральным наименованиям мужского рода, однако разнообразие средств выражения категории феминитивности оставляет место языковой игре. Характерный пример диады «акселератка» (нейтральный вариант) – «акселератиха» (оценочный вариант): «А это еще что за а к с е л е р а т и х и ? Если это первокурсники, то я африканская принцесса!» [25].

Попытки использовать феминитивы на -их(а) в нейтральном контексте не всегда воспринимаются однозначно. Так, в примере с Ларисой Гузеевой некоторые фолловеры звезды заявили, что «к р а ш и х а » звучит как-то оскорбительно. К беседе подключилась 20-летняя дочь Гузеевой, Ольга Бухарова: «А мне нравится! Мамка краш молодежи!» [16].

Распространено мнение, что сторонники феминистского течения обязательно применяют феминитивные формы слов, в отличие от консервативно настроенных противников движения, выступающих за «сохранение» языка. Так, в тематическом выпуске на канале Ксении Собчак «Секс, феминизм и игла мужского одобрения: фемактивистки на девичнике у Собчак» [17] встречаются героини-антагонистки, позиционирующие себя сторонниками феминизма, и те, кто не выступают «за» данное движение. Ключевым вопросом дискуссии является необходимость использования такой лексики как «авторка», «блоггерка» и подобных слов. В данном случае аксиологические представления девушек определяют их модель коммуникации. То же самое можно наблюдать в блоге Ники Водвуд (YouTube-канал Nixel Pixel) [21]. Она позиционирует себя как интерсекциональная феминистка. В видеороликах данного автора всегда используются феминитивы, если речь идет о представительницах какой-либо профессиональной среды. Когда Ника Водвуд становится гостьей программы на другом YouTube-канале («Нежный редактор» [14], тема феминитивов становится главной темой обсуждения в выпуске. В этом видео девушки, сторонницы феминизма, выражают противоположные позиции касательно феминизации речи и необходимости использования феминитивов в процессе повседневной коммуникации. Таким образом, можно понять, что принадлежность к идейному течению не является ключевым критерием определения речевого поведения человека, и не всегда те, кто разделяют феминистские взгляды, используют феминитивы. Вероятно, это связано с языковой консервативностью, и аксиологические представления не всегда напрямую отражаются в речи [13].

Общим компонентом медиаконцептов в семантических полях текстов блоггеров является концепт «труд». Его ассоциативное поле включает слова «работа», «карьера», «зарплата», «повышение» – часть смысловых доминант в контексте современного «российского» феминизма в медиа-сфере. Так, Катерина Гордеева и Татьяна Фельгенгауэр в выпусках «Женщина и феминизм» и «Женщина и карьера» (канал «Женщина, вы кто?») строят дискуссию вокруг этих понятий и используют их в разговоре о равноправии (концепт, используемый авторами всех проанализированных нами видео) [19].

Лексика, связанная с трудовой деятельностью, также определяет смысловую структуру фильма «Слово на букву Ф» (канал «РФО «ОНА») [27]. Стоит отметить, что корреспонденты упомянутых каналов часто освещают темы карьеры, труда, применяя лексику из данного семантического поля.

Появившиеся в последние годы в лингвистике такие направления исследования, как маскулинизация и феминизация текстов, не могли обойти стороной блогговую деятельность. Об этом пишут Дж. Батлер, АА. Григорян, А.В. Кириллина [9]. Интерес, вызванный к этому явлению, бесспорно способствует увеличению публикаций о гендерной лингвистике.

Маскулинизацией называется процесс, при котором происходит изменение речевого поведения женщин в сторону мужского стиля коммуникации. Феминизация, напротив, выражается в образовании форм женского рода от слов мужского рода. Перед тем, как подробнее рассмотреть проявления данных тенденций и возможные их причины, необходимо определить основные особенности мужской и женской речи.

Мужское речевое поведение традиционно считается более категоричным, так как характеризуется высокой эгоцентричностью и наличием тактики прямого воздействия на коммуникативного партнера, на публику [23]. Считается, что мужчины последовательно излагают мысли, так как факты в повествовании мужчин выстраиваются в логическую цепь, которая приводит к формулировке вывода. В мужской речи преобладают профессиональный жаргон и термины, она быстрее вбирает новые языковые явления. В бытовой речи можно проследить использование нецензурных инвективов, в том числе в качестве вводных слов, и конструкций, обозначающих действия и процессы.

В отличие от мужчин женская речь обладает большей метафоричностью и выразительностью, так как женское речевое поведение менее категорично в потенциальных и прямых конфликтных ситуациях, поскольку женщины в целом склонны поддерживать кооперативные отношения с коммуникативным партнером. Девушкам больше импонируют вежливые слова, такие, как «спасибо» и «пожалуйста». Также они склонны избегать использования нецензурной лексики [26].

Стоит отметить, что тенденция маскулинизации речи наблюдается достаточно заметно в сфере делового общения, поскольку именно там возникает острая необходимость эффективного донесения мыслей до аудитории [4].

В качестве примера можно привести несколько блогов, которые ведут женщины в сети Инстаграм. Известный блоггер Ellen Sheidlin подавляющее количество публикуемых фотографий подписывает краткими фразами (*Imagine you're blowing on...; My favorite jam is cherry; Natural SPA*, др), в которых она отражает основную идею фотографий, что, безусловно, привлекает внимание читателей [22]. Такая же тенденция в блогах Кати Клэп [11] и Большедворовой Катерины [2]: *Back in 2001; Back to black; Отголоски прошлой цивилизации; и др.*

Как и деловая сфера, блогосфера также начинает активно меняться в плане языкового выражения: тексты становятся короче, информация до собеседника доносится в возможно короткие сроки, чтобы также быстро получить обратную связь.

Такая скорость высказывания приводит к снижению выразительности речи, к более редкому использованию вводных конструкций со степенями уверенности и ссылок на собственное или другое мнение. Все чаще для выражения эмоций используются нецензурные выражения или сленговые слова.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что мужчины и женщины в равной степени участвуют в виртуальном общении, поэтому стало возможным различать как гендерные сходства, так и различия в текстах блогосферы.

Гендерные различия в виртуальном общении зависят от коммуникативных установок, типа дискурса и временного параметра.

Во всех проанализированных ресурсах можно выделить общее семантическое поле, влияние на которое оказывает актуальное заимствованная лексема - гендер, поспособствовавшая появлению ряда родственных лексических единиц и актуальных словосочетаний: «гендерные роли», «гендерные установки», «гендерные стереотипы». Благодаря данной тенденции возможно увидеть все изменения, произошедшие за последние годы в русскоязычных блогах и медиасферах: все чаще используется понятие «гендер» – в отличие от понятия «пол» оно является более широким определением, учитывает не только биологические аспекты, но еще и социальные, психические и культурные. Данная особенность позволяет сделать вывод о том, что в современной российской блогосфере значительное место занимают смысловые и аксиологические установки, заимствованные из западной медийной среды.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Анастасия [Электронный ресурс]. – URL: https://www.instagram.com/anastasia_asl/ (дата обращения: 25.12.2021).
2. Большедворова К. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.instagram.com/bolshedvorova_k/ (дата обращения: 22.12.2021).
3. Гузаева Р.Р. Специфика феминитивов в современном русском медиа-пространстве / Р.Р. Гузаева, В.А. Косова // Филология и культура. – 2017. – № 8. – С.11-14.
4. Джиева А. А. Конструирование фемининности и маскулинности в политической коммуникации / А.А. Джиева, Е.Д. Бузык. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015. – № 11. – С. 7.
5. Егорова М. А. Тенденции развития гендерной лингвистики / М.А. Егорова, Ю.А. Степаненко // Global and Regional Research. – 2020. – № 9. – С.30-37
6. Жирнова Э.Н. Феминизм как часть медиакультуры / Э.Н.Жирнова // Медиа. Информация, Коммуникация. – 2018. – № 27. – С. 8-16.
7. Захарова М.А. Российская блогосфера: культурологический анализ / М.А. Захарова // Вестник университета Российской академии образования - 2018. – № 11. - С. 85-88.
8. Иванова М.В. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации / М.В.Иванова, Н.И.Клушина // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 50–62.
9. Кирилина А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка) / А.В. Кириллова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – Вып. 2(40). – С. 12–27
10. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А.В. Кириллина, М.В. Томская // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (22). – С. 112-132.
11. Клэп Катя [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.instagram.com/kateclapp/> (дата обращения: 22.12.2021).
12. Литературный салон. [Электронный ресурс] – URL: <https://lit-salon.ru/stihi/novogodnii-razgovor-s-bogom-38658.html> (дата обращения: 19.12.2021)
13. «Настоящий смысл 8 марта | NIXELPIXEL у ПОДПУГ» [Электронный ресурс] – URL: <https://trvid.com/w/ника+водвуд+нежный+редактор> (дата обращения: 22.12.2021).
14. Нежный редактор [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/channel/UCByhZ-JEe5OOZSuq0uaXOng> (дата обращения: 22.12.2021)
15. Яндекс.Дзен. [Электронный ресурс] – URL: <https://zen.yandex.ru/media/psixologyny/mne-stydno-za-nashih-rossiiskih-vrachei5ec8a8d6b0fd9d46fdb0f6f6> (дата обращения: 19.12.2021)
16. Cosmopolitan [Электронный ресурс] – URL: <https://clck.ru/gMWuL> (дата обращения: 19.12.2021)
17. DOOVI [Электронный ресурс] – URL: www.doovi.com (дата обращения: 19.12.2021)
18. IRecommend.ru. [Электронный ресурс] – URL: <https://irecommend.ru/content/krupnaya-klinika-s-uzkimi-spetsialistami-vsemividami-diagnostiki-i-laboratorii-v-tom-zhe-d> (дата обращения: 22.12.2021)
19. «Женщина и феминизм: феминистки, феминитивы и зарплата» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=d6o0a1I3J9Y&list=PLVWa2qDl43-KmB1M0Of3amyhoIocSth6Z&index=2> (дата обращения: 22.12.2021)
20. Quick W. I propose a name [Electronic resource] / W. Quick – URL: http://www.iw3p.com/DailyPundit/2001_12_30_dailypundit_archive.php (accessed: 22.12.2021)
21. Nixelpixel [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/c/NixelPixel> (дата обращения: 22.12.2021)
22. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft / I. Samel – Berlin: Erich Schmidt, 1995. – 247 p
23. Sheidlin Ellen [Electronic resource] – URL: <https://www.instagram.com/sheidlina/> (accessed: 22.01.2021).
24. Topka L.V. Speech Behavior Analysis In Terms Of Holism / L.V. Topka // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 3 (23). – pp. 102-105.
25. The Vyshka [Электронный ресурс] – URL: <https://theyyshka.ru/27869-sexism-at-uni/> (дата обращения: 19.12.2021)

26. VK. [Электронный ресурс] – URL: https://vk.com/wall-27722136_3735 (дата обращения: 19.12.2021)
27. Xiufang X. Gender Differences in Using Language [Электронный ресурс] / X. Xiufang – China, 2013. – С. 5. – URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol03/08/28.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).
28. ONA [Электронный ресурс] – URL: <https://ona.org.ru/projects> (дата обращения: 22.12.2021).

Список литературы на английском / References in English

1. Anastasia [Electronic resource] – URL: https://www.instagram.com/anastasia_asl/ (accessed: 25.12.2021) [in Russian]
2. Bolshedvorova K. [Electronic resource]. – URL: https://www.instagram.com/bolshedvorova_k/ (accessed: 25.12.2021) [in Russian]
3. Guzaerova R.R., Kosova V.A. Specifika feminizma v sovremennom russkom media-prostranstve [The specificity of feminism in the modern Russian media space] / R.R. Guzaerova, V.A. Kosova // Filologiya i kul'tura [Philology and Culture] – 2017. - № 8. – pp.11-14 [in Russian]
4. Dzhioeva A.A. Konstruirovaniye femininnosti i maskulinnosti v politicheskoy kommunikatsii [Construction of femininity and masculinity in political communication] [Electronic resource] / A.A. Dzhioeva, E.D. Butsyk – Moscow, 2015. - pp. 7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-femininnosti-i-maskulinnosti-v-politicheskoy-kommunikatsii> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]
5. Egorova M.A. Tendentsii razvitiya gendernoy lingvistiki [Trends in the development of gender linguistics] / Egorova M.A., Stepanenko Yu.A. // Global and Regional Research. – 2020. – № 9. – pp.30-37 [in Russian]
6. Zhirnova E.N. Feminizm kak chast' mediakul'tury [Feminism as part of media culture] / E.N. Zhirnova // Media. Informatsiya, Kommunikatsiya. [Media. Information, Communication.] – 2018 – No. 27. – p. 8-16. [in Russian]
7. Zakharova M.A. Rossiyskaya blogosfera: kul'turologicheskij analiz [Russian blogosphere: cultural analysis] / M.A. Zakharova // Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education] - 2018. – № 11. - pp. 85-88. [in Russian]
8. Ivanova M.V. Klushina N.I. Publicistika v istorii russkogo literaturnogo yazyka: ot drevnerusskoj slovesnosti k internet-kommunikatsii [Publicism in the history of the Russian literary language: from ancient Russian literature to Internet communication] // Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya [Bulletin of RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of their teaching] – 2018. – V. 16. – No. 1. – pp. 50–62. [in Russian]
9. Kirilina A.V. Oboznacheniya genderno znachimoj leksiki v svete protivopostavljeniya global'nogo i otechestvennogo (po materialam Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Designations of Gender Significant Vocabulary in the Light of Contrasting Global and Domestic (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)] / A.V. Kirilina // Voprosy psiholingvistiki [Questions of Psycholinguistics] – 2019 – Issue. 2(40). – pp. 12–27 [in Russian]
10. Kirilina A.V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic gender studies] [Electronic resource] / A.V. Kirilina, M.V. Tomskaya // Otechestvennye zapiski [Domestic notes]. – 2005. – No. 2 (22). – pp. 112-132. – URL: <http://ru.b-ok.org/book/3115351/f062d1> (accessed: 21.12.2021). [in Russian]
11. Clap Katya [Electronic resource]. – URL: <https://www.instagram.com/kateclapp/> (accessed: 22.12.2021). [in Russian]
12. Literaturniy salon [Literary salon] [Electronic resource] – URL: <https://lit-salon.ru/stihi/novogodnii-razgovor-s-bogom-38658.html> (accessed: 19.12.2022) [in Russian]
13. “Nastoyashchij smysl 8 marta” | NIXELPIXEL u PODRUG [“Real meaning of March 8” | NIXELPIXEL at FRIENDS] [Electronic resource] – URL: <https://trvid.com/w/nika+wodwood+gentle+editor> (accessed: 22.12.2021) [in Russian].
14. Nezhniiy redactor [Gentle editor] [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/channel/UCByhZ-JEe5OOZSuq0uaXOng> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]
15. Yandex.Zen. [Electronic resource] – URL: <https://zen.yandex.ru/media/psixologiny/mne-stydno-za-nashih-rossiiskih-vrachei5ec8a8d6b0fd9d46fdb0f6f6> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]
16. Cosmopolitan. [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/gMWuL> (accessed: 19.12.2021) [in Russian]
17. DOOVI [Electronic resource] – URL: www.doovi.com (accessed: 19.12.2021)
18. IRecommend.ru. [Electronic resource] – URL: <https://irecommend.ru/content/krupnaya-klinika-s-uzkimi-spetsialistami-vsemividami-diagnostiki-i-laboratorii-v-tom-zhe-d> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]
19. “Zhenshchina i feminizm: feministki, feminizmy i zarplata” [Woman and feminism: feminists, feminisms and wages] [Electronic resource] – URL: <https://clck.ru/gMWvB> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]
20. Quick W. I propose a name [Electronic resource] / W. Quick – URL: http://www.iw3p.com/DailyPundit/2001_12_30_dailypundit_archive.php (accessed: 22.12.2021)
21. Nixelpixel [Electronic resource] – URL: <https://www.youtube.com/c/NixelPixel> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]
22. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft / I. Samel – Berlin: Erich Schmidt, 1995. 247 p. [in German]
23. Sheidlin Ellen [Electronic resource] – URL: <https://www.instagram.com/sheidlina/> (accessed: 22.01.2022).
24. Topka L.V. Speech Behavior Analysis In Terms Of Holism // Russian Linguistic Bulletin. - 2020. - No. 3 (23). – pp. 102-105.
25. The Vyshka [Electronic resource] – URL: <https://theyvyshka.ru/27869-sexism-at-uni/> (accessed: 19.12.2021) [in Russian]
26. VK [Electronic resource] – URL: https://vk.com/wall-27722136_3735 (accessed: 19.12.2021) [in Russian]
27. Xiufang X. Gender Differences in Using Language [Electronic resource] / X. Xiufang – China, 2013. – P. 5. – URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol03/08/28.pdf> (accessed: 22.12.2021)
28. ONA [Electronic resource] – URL: <https://ona.org.ru/projects> (accessed: 22.12.2021) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.32>**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВКУСОВЫХ ОЩУЩЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРМОДАЛЬНОСТЬ (СИНЕСТЕЗИЯ)**

Научная статья

Нурутдинова А.Р. *

ORCID: 0000-0001-5759-0820,

Казанский Федеральный Университет, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (AiRNurutdinova[at]kpfu.ru)

Аннотация

В языке мир воспринимается по-своему, т.е. имеет определенный способ концептуализации и рассматриваются как когнитивные механизмы в основе сенсорного познания действительности. В статье анализируется процесс концептуализации вкусовых ощущений на основе анализа вкусовых компонентов с учетом метафорических и метонимических переносов. Язык как идеальный инструмент действительности, определяется посредством концептуализации, а наличие неразрывной связи между человеком (носителем когнитивного опыта) и способами вербализации способствует расширению лингвистических исследовательских подходов в языкознании. Исследовательская работа по лексической семантике посвящена анализу особенностей концептуализации вкуса и восприятия через фиксацию типа восприятия, поскольку информация о вкусовых особенностях воспринимается слуховым и зрительным, а также обонятельным, тактильным сенсорными каналами. Цель - выявление когнитивных оснований концептуализации и вербализации восприятия вкуса (феномены полимодальности, интермодальности (синестезии)). Объект - когнитивно-семантические механизмы и способы концептуализации фрагментов реальности, составляющие основу процесса вербализации вкусовых ощущений. Перспективой дальнейших исследований может стать изучение семантики групп со сходным, но не идентичным значением, обозначающих перцептивный модус вкуса, с целью выявления общих и дифференциальных признаков, а также анализ концептуализации вкусовых ощущений в других типах дискурса.

Ключевые слова: когнитивно-семантические механизмы, сенсорное познание, вербализация ощущений, концептуализация вкусовых ощущений, сенсорный канал, метафорические переносы, метонимические переносы.

**CONCEPTUALISATION OF TASTE IN THE CONTEXT OF COGNITIVE RESEARCH: POLYMODALITY,
INTERMODALITY, SYNAESTHESIA**

Research article

Nurutdinova A.R. *

ORCID: 0000-0001-5759-0820,

Kazan Federal University, Kazan, Russia

* Corresponding author (AiRNurutdinova[at]kpfu.ru)

Abstract

A fundamental postulate in linguistic science is that language divides the world in its own way, i.e. it possesses a particular way of being conceptualized. Metaphorical and metonymic transpositions are the main forms of conceptualization, which are analyzed as cognitive mechanisms at the basis of the sensory cognition. The article deals with the taste senses conceptualization on the basis of analysis taste by means of which the object features are described with the account of metaphorical and metonymic transpositions. The language is an ideal instrument of organizing reality, it defines its concrete contours through conceptualization. Due to the existence of an inseparable connection between a person (the cognitive experience bearer) and the language verbalization, the traditional framework of linguistic research has been expanded. The presented research paper is a study of lexical semantics, implemented in the framework of the cognitive approach, and is devoted to the conceptualization analysis of taste sensations and gustatory perception. By describing the semantics, it is possible to have access to the conceptualization of gustatory sensations valuation in human consciousness. An important aspect in the taste conceptualization is the fixation of the perception type, since information about taste features is perceived audibly and visually, and can also come through olfactory, tactile sensory channels. The purpose is to reveal cognitive bases of taste sensations conceptualization and verbalization (phenomena of polymodality, intermodality (synaesthesia). Object of study - cognitive-semantic mechanisms and ways of reality fragments conceptualization, which form the gustatory sensations visualization process. The further research may include the study of semantics of similar groups, but not identical meaning, denoting perceptual taste modus in order to identify common and differential features, as well as analysis of mechanisms of taste sensation conceptualization in different discourse types.

Keywords: cognitive-semantic mechanism, sensory cognition, sensory verbalization, taste conceptualization, sensory channel, metaphorical transfer, metonymic transfer.

Introduction

In discussing the sensual cognition, David Hume concluded that the world is presented as a sensation: *"some sensations <...> coming from different senses <...> may be temporarily combined, but <...> we soon notice that they allow for separation and can be given separately"* [41, P. 306]. In general, according to the philosopher, all sensations evoked by the same object correctly reflect the world, since no single sensation in isolation reflects what the object in question actually represents. In other words, human cognitive activity does not proceed with reliance on only one isolated modality (monomodality) - on the

contrary, perception as a complex sensory reflection form is the association result, the interaction of polymodal and intramodal sensations [10], [22], [31], [32].

The synaesthesia phenomenon is actively studied in the context of various disciplines: linguistics, philosophy, psychology. Philosophers have made a significant contribution to understanding the interaction of the human perceptual system elements. As far back as in the ancient philosophy there was an opinion that sensation is capable of taking forms of sensually perceived objects without their matter. In his *"Experience on the Human Mind"* (1690), John Locke assumed that sounds, colours, tastes are within things and are the forces which cause us to experience various sensations. Considering the sense organs interrelation, the philosopher outlines the possible ways of interaction analysers, forming human sensations, and superimposing one over the other qualitatively different sense images.

Kant believed that cognition begins with sensations that are triggered by influences from the external environment and suggested the polymodal perception nature. *"Dirt seems to arouse disgust not so much because it is repugnant to the eyes and tongue as because one expects it to smell bad..."* [15].

The German Researcher G. Loze highlighted the similarities between the different sensations: *"In the series of vowels we see similarities with the range of colours, and colours for a different impressionable sensibility repeat the properties of tastes <...> the similarities noticed between different sensations are based not on the comparison of their direct contents, but on sensation"* [31, P. 98]. In the philosophical paradigm, the key concept in the synaesthesia definition is "sensation", which is the starting point of cognition, through which the human connection with the surrounding world is realized.

Philosophical research lays the foundation for the synaesthesia study in the field of psychology, from which the concept later transferred to linguistics. Psychology sees synaesthesia as sensory impressions that cross the modalities boundaries, so one *"hears"* colours or *"sees"* sounds. In his analysis of sensation and perception, S. L. Rubinstein views synaesthesia as *"such an amalgamation of the qualities of different spheres of sensitivity, in which the qualities of one modality are transferred to another, heterogeneous one"* [33, P.152]. It follows from this definition that to understand the synaesthesia's specificity as a psychological phenomenon, not only sensation, in its psychological sense, is important, but also the *"modality"* that characterizes the quality experienced by a person. It is considered that different sensations are different modalities kinds [18]. In ordinary perception, a person sees, hears, or tastes something at the same time. Synesthesia in a narrow sense leads to heteromodal sensations in which sounds receive a certain coloring and paints a certain sound [20].

According to the fair comment of A. A. Ponukalin, *"man is almost continuously immersed in the sensory field of all modalities"* [29, P. 211]. In the synaesthesia definition as a psychological phenomenon one can identify a common feature: the qualities transfer of one modality to another, to denote the specific (undivided) sensual-emotional sides of a person's perception of the world and the possible creative origins associated with them. R. O. Jakobson, A. P. Zhuravlev, O. Espersen, L. Taylor paid attention to psychological regularities of synaesthesia manifestation, its connection with linguistic and cultural self-identification of an individual.

The first mention of synaesthesia in Russian linguistics is found in the works of F. I. Buslaev. He regarded synaesthesia as a (verbal) mixture, of combination sensation different in nature. On the basis of this synaesthesia interpretation concept F. I. Buslaev asserted that *"sensation modality is never 'pure'"*. Experiencing of a certain category of sensation turns out to be more or less coloured by intermodal connections, such as: sound-colour, taste, sound-colour-tactile, etc. Thus, looking at velvet, we *"feel its softness; looking at a ripe apple, we 'feel' its weight; in a crushed grape we 'see' its moisture, in a lemon slice its sour taste"* [35, P. 32].

According to Lakoff, *"life is a continuous synesthetic experience"* in which the world is revealed through the five basic senses. He analysed the synaesthesia phenomenon and created the process model of synaesthetic experience generation that includes three levels: *physiological, aesthetic, synaesthetic*. The result is the important conclusion that *"synesthesia does not simply reflect a natural melding of one perceptual system with another, but can mediate and/or act as a symbolic/conceptual level of representation"* [52, P. 237]. Thus, a unified cognitive basis for the basic synaesthesia concept is asserted, and the realms of perceptual realization are separated. Thus, the verbal unity, visual, auditory and other sensual forms, accompanied by emotional images, is seen as the objective world reflection [46, P. 129].

In various scientific paradigms, the synaesthesia phenomenon is interpreted as: *"intermodality of perception"*, *"inter-sensory communication"*, *"inter-sensory sensations"*, *"inter-modal translations"*, *"polyreceptor metaphor"*, and *"cross-modal transition"*. Researchers of synaesthesia from a linguistic point of view limit the scope of this concept in different ways:

- *Synaesthesia in the narrow sense* (Ullmann 1957; Dombi 1971; Kapanova 1984; Kundik 1997) - interaction only of words related to sensory perception (sweet fragrance / sweet fragrance);

- *Synaesthesia in the broad sense* (Stern 1931; Kronasser 1952; Nikitin 1974; Searle 1990; Gak 1977; Voronin 1983) - involving also words denoting an emotion or any other concrete or abstract concept (*sweet love*).

We share the position of M. V. Nikitin, who interprets synesthesia as a special metaphor, which *"is a way of conceptualising and naming what is observed in the world being described, rather than what is marked and named above in the pragmatic relation of speakers to what is being described"* [27, C. 25]. Synaesthesia, in our view, is not simply a figurative expression, but an essential necessity of thought. Synaesthesia reveals its essence as a manifestation of non-verbal thinking, which finds its embodiment in metaphorical imagery, where comparisons, comparisons arise between multi-modal impressions. In fact, awareness of synaesthesia occurs thanks to language metaphorical system. The metaphorical system names non-spatial perceptions in the image of spatial ones and attributes to sounds and smells such qualities as light, colour, form, contours, structure and motion peculiar to spatial perception [37], [38].

In the research process, a similarity between synaesthesia and metaphor is revealed: at the heart of these phenomena lies an internal contradiction, a conflict. Synaesthesia combines lexemes indirectly related to objects, information about which one receives from different sense organs. By creating combinations with each other within the synesthetic formation, the lexemes are incongruent in relation to their original perceptual domain of correlation. The synesthesia basis is the connotative feature of the lexeme, which is transformed in the process of synesthetic reinterpretation into the defining feature of synesthesia. This

principle is a universal way of metaphor formation [49], [50], [51]. The psychological basis of any metaphor as a figurative allegory is an association (in the case of synaesthesia, an inter-sensory association).

The word “synaesthesia” designates both the process and result of inter-sensory relations (associations). The synesthesia peculiarity consists in double allegoric metaphor, i.e. meaning development is carried out here also with transition to another sensual sphere [45]. There is a synaesthetic transfer of the gustatory feature into the olfactory modality (*tasty smell of coffee*), which is accompanied by a synaesthetic transfer of the tactile feature into the auditory sphere (*soft sound*), resulting in a complex synaesthetic formation: it is not clear whether the delicious smell of coffee enhances the soft sound of terracotta walls or whether the successful colouring of the room sharpens the familiar scents. This phenomenon is a deep consciousness mechanism, operating on the representation of pre-object level to the subject and performing a natural content transformation and perceptual modality “material” (sight, hearing, smell, taste) into the other modality form (for example, touch) [42].

In the context of cognitive research, the understanding of the synaesthesia phenomenon is related to the reinterpreting mechanism of words in terms of what concept properties make it possible to use the names of one object to denote another. Using synaesthesia, one focuses attention on those components of the knowledge structure representation that meet the conditions similar to the metaphor. The synaesthetic process consists in the fact that one object “appropriates” the features peculiar to another object, which, in fact, is the main quality of metaphor [2, P. 361].

Methods

This research is based on the methodology of modern linguistic semantics and cognitive science, related to the conceptualization problems, verbalization methods, as well as the synaesthesia analysis (intermodality), metaphorical and metonymic transpositions. The theoretical research is based on the works of the following researchers:

- the conceptualisation and categorisation problems – Talmy 2000, 2007; Langacker 1988; Lakoff 2004; Boldyrev 2001, 2009; Demyankov 1994, 2007; Katsnelson 2001; Kubryakova 1999, 2004; Frumkina 1992, 2001; Pimenova 2001, etc;
- the cognitive semantics and semantic description of language units on the basis of hypothetic-deductive method and experimental techniques – Selivyorstova 1976; 1980; 1988; 2001; Suleymanova 1985; 2004; 2007; 2010; Stepanov 2005; Lyagushkina 2002; Belaichuk 2004; Sudakova 2006; Fomina 2010; Shabanova 2010; Trukhanovskaya 2011; etc;
- the lexical semantics – Apresyan 1979; Arutyunova 2001; Akhmanova 1990; Borisova 2014; Gak 1989; Karaulov 1987; Kuznetsova 1989; Mel'chuk 1974; Sobyana 1989; 1993; 2003; Shmel'ev 2003; etc].
- the conceptual metaphor, developed in the works of J. Lakoff and M. Johnson – Lakoff, Johnson 1980; Lakoff, Johnson 2004; 2008, etc.;
- the metaphor studies – Buhler 2000; Searle 2004; Saitovik 1993; Williams 1976; Apresyan 1995; Arutyunova 1999; Merzlyakova 2012; Telia 1988; Chudinov 2001; Shmelyov 2006; Baranov 2015; etc;
- the metonymy field – Barcelona 2003; Dirven 2002; Croft 2006; Goossens 2002; Paducheva 2004; Suleimanova 2014; etc.;
- the synesthesia as the cognitive linguistics perspectives – Voronin 1983; Gak 1998; Galeev 1991; Nikitin 1983, 2003; Sabanadze 1987; Ullmann 1977 and others.

Results

Nowadays, in addition to synesthesia “sensory interpretations”, this phenomenon also includes transfers from sensory fields to emotional and evaluative meanings. Synaesthesia is considered as “*a complex multilevel <...> psychophysiolinguistic phenomenon, in which sensation of one sensory modality causes sensation of other modality, or – emotion*” [40]. It is difficult to disagree with this statement, as synesthetic formations such as *sweet horror*, *sweet poison* have an emotional colouring and often have a strong emotional component – a pleasant excitement and an appealing medium in a given context. The word combinations *sweet silence*, *bitter disappointment*, *sour remembrance*, *spicy humour* “are natural and correspond to some of our unconscious associations” [20].

To denote synaesthesia on the basis of sensory-emotional inter-sensory connection introduced the term “synaesthesia”, which was defined as psychophysiological universalia underlying the linguistic universalia, the scope of which is the sensory-emotional sphere (sensations → emotions) [12]. The researcher considers the phenomenon of synaesthesia as “co-senses” + “co-emotions”, “*various kinds of interactions between sensations of different modalities and sensations and emotions, which result in the transfer of sensation quality at the primary-signal level and the transfer of meaning at the secondary-signal level, including the transfer of meaning in a word*” [12]. As follows from the definition, the interaction between the sensory and emotional spheres is reflected in the sensation quality transfer, and the transfer is the result of such interaction.

Following Voronin and Sabanadze, and on the basis of empirical data analysis, we consider it necessary to include both feeling → feeling → emotion in the scope of the synaesthetic metaphor. The emotional component can be considered as an auxiliary element in the transfer chain feeling¹ → emotion + feeling², or as an independent element in the transfer feeling → emotion.

Synaesthetic transference models. In our study, three transfer models were analysed:

1. **sensation¹ → sensation²:** “*sweet aroma*”. A perception in one sensory modality produces a perception in another modality. This model represents synaesthetic transfer in the sensation characterisation framework (intensity, sharpness of an odour, taste, sound, colour intensity, etc.). Thus the transfer of “*sweet aroma*” remains in the sensation realm, the adjective “*sweet*” indicating a high intensity and positive appreciation of taste and fixing the same attribute of high intensity and positive appreciation for the modality “*smell*”.

2. **sensation¹ → emotion + sensation²:** “*sweet voice*”. Sensation of a sensory modality “*taste*” evokes sensation of another modality “*hearing*”. This model characterises the transfer within the sensation characteristic by adding a positive emotional component to the meaning “*pleasant sound*”. The emotional component gives the sensation a distinctive sensual connotation, called “an emotional background”.

3. **sensation** → **emotion**: “sweet life”. The sensation of the sensory modality of “taste” evokes an emotion. The combination *sweet life* goes beyond sensation; the adjective “sweet” indicates a positive emotion “pleasant, joyful, happy life”. A synesthesia in the narrow sense, involving the emotion sphere, can be seen as a transitional case from sensory synesthesia to synesthesia, which already involves nouns “life”; “love” that are not part of the lexico-semantic field of sensory perception.

Thus, through the synaesthesia, a polymodal image is formed in human perception, based on inter-sensory intersections and affecting emotions. The distinction of transpositions between those models depends on the semantics of the noun.

- *model 1 (feeling¹ → feeling²);*
- *model 2 (feeling¹ → emotion + feeling²)*

Nouns with a predominant significative component denoting abstract concepts and related to sensory perception of a physical nature (colour, smell, light, taste) are used in *model 1: feeling¹ → feeling² (delicious smell)*.

Nouns with a predominant denotative component related to human life (*glance, moan, smile*) are used in *model 2: sensation¹ → emotion + sensation² (sweet notes, soft glance, icy smile)*. Most transpositions that remain in the realm of feeling tend to rely on the intensity seme (*huge sound; pungent aroma*). As a rule, transpositions that take place from the realm of sensation to the realm of emotion actualise the seme of emotional evaluation and affect the seme of hedonistic evaluation (*bitter humour*).

A change in the adjectives denoting perceptual perception when they are combined with psychological experiences, emotions and feelings can be qualified as “secondary synaesthesia”. By secondary synaesthesia we mean expressions containing a transfer from a sensory experience to an emotion experienced by a person (sensation → emotion). There is a valuation component underlying the emotional state characteristics using the gustatory secondary synaesthesia metaphor (*sweet life, sweet love, sweet dreams, bitter cup, bitter shame, bitter anger, tart humour of fate, tart peace*). The taste designation is one of the means of expressing the author's assessments or evaluations (*pleasant/unpleasant*).

The analysis of adjective combinations having a taste component with emotion nominations indicates that they differ in:

- semantic concordance (*sweet joy, bitter resentment, bitter suffering, sour mistrust*);
- semantic discord (*sweet sadness, tart sadness, tart oblivion, sour expression, sour smile*);
- semantic discord (*sweet poison, sweet maelstrom, bitter sweetness, bitter truth, sour hope*).

Semantic concordance and semantic mismatch [9] in composite nominations are used to represent both new semantic variants and new meanings. Semantic concordance differentiates the degree, depth, acuteness of the experience: *sweet life (life without problems and worries)* and *bitter defeat (crushing defeat)*.

For instance, the semantic alignment enables to show the depth of the heroine's experience: *She turns her face even more away, fearing her sweet fate*. The synaesthetic alignment in the combination *sweet/bitter fate* allows us to identify the specifics of the Russian identity: *He considered himself a Russian and tried to find the highest meaning in the bitter fate of his people*. The semantic discord is used to form the names of a complex emotional experience: *tart sadness (despondency)*. Akhmatova's poem uses synaesthetic divergence to enhance psychological tension and passion: *I have made him drunk with tart sorrow*. The particular acuteness of the feeling, *tart sorrow*, conveys the mood as a whole - the heroine torment. The *sorrow* is likened to the *tart taste of wine* that gives no pleasure / peace. This dramatic perception of *dreary despair, the experience of parting with a loved one*, is associated with the *tartness of wine (a sharp taste)* due to the synaesthetic transfer from the taste sensorium sphere (tart) to the emotion sphere (sadness). The intersection of psycho-emotional sensations is revealed in the associative gustatory likening of sadness, which evokes a “gastronomic” counterpart in the memory. The semantic inconsistency emphasises the emotions' nuances/shades experienced: *a sweet maelstrom (a passion that beckons and ruins at the same time)*.

Example, the emotion “sweet” is assigned to the inanimate object poison and becomes its second name (an attachment feeling: *fraught with danger*): *the scene is a sweet poison, who once tasted it, will seek to taste it again*. As the metaphorical thinking product, the synaesthetic image is a kind of “similarity transfer”, but it is not based on comparison but rather on contrasting the dissimilar, the incompatible, so the further apart the object categories are, the brighter the metaphorical surprise of their contact, **example**: *Art has to eat nothing but the sweet poison of mental and bodily disorder*.

Synaesthetic experiences essential for every human being, but they are far from always realised and, therefore, uncontrollable: there are gloomy images of events that are hard for us to experience. They may be associated with an unpleasant taste: *I could not unravel the meaning of these dreams then - only recognise the tart taste of longing and haplessness and wake up with this joyless feeling*. There were often feelings of confusion, discomfort, dissatisfaction with oneself, empathy: *He saw a certain tart fate humour in sitting behind the wheel of a comfortable car and nevertheless experiencing all the feelings of his character walking through puddles in the autumn wind in drenched clothes and leaky boots* [34]. Negative emotions are replaced by bright, light and tender feelings associated with a dear and joyful moment in life, the memory of childhood: *Happiness presented just when the memory of childhood comes alive with sweet sadness*. In most cases, a synaesthetic transfer is carried out from the sense of taste (sweet) to the positive emotion experienced by a person (association of happiness with a deserved and long-awaited rest): *Happiness is the end of the road, a sweet repose, a blessed rest*.

Discussion

The modality is understood as “a way of accepting and processing information that regulates action and activity” [7]. Perceptual modality is based on “a combination of sensory modalities dominated by one or more of them and creates an image of an object or phenomenon denoted verbally” [8, C. 22]. Under polymodality the perceptual image is constructed on the basis of different modalities combination, acquiring a high adequacy degree. The polymodal sensation field includes interactions between sensations belonging to the same perceptual channel under consideration, the visual channel (shape, colour, design, size perception) [25], [39], [42], [44].

Example: *a large green cylindrical cup with a curved handle*.

The sign, which objectively exists in reality, is perceived through various sensory channels like *olfactory*, *gustatory*, *tactile*, *auditory*, *visual*. The process in the perceptual modalities is perceived as an external world awareness, the inner world “*here and now*”. The present moment awareness takes place in the existing situation: “*now I see*”, “*in this moment I hear*”, “*here and now I feel*”, “*in the present I am*” [17]. The polymodal perception activation field depends on the lived moment awareness, on the perception modality actualisation [1], [2], [6], [9].

Perception verbs may serve as markers: *feel*, *taste*, *feel*, *see*. In the following examples, the verbs serve as the feeling indicators modality [33]:

- *one could not take one's eye off a fresh tasty hunchback / instantly a fresh tasty hunchback melted in one's mouth;*
- *as one hears the sweet smell of baked curd / inhaled the sweet smell of baked curd;*
- *one hears a sour spirit far away / one smells a sour spirit;*
- *one feels the sweet smell of pear at the brush / a smell so sweet that one's drools flowed;*
- *I could not take my eyes off the delicious and smart pretzel / the delicious and smart pretzel seemed to be happy and breathing;*
- *I saw this sweet icy treat / I tasted this sweet icy treat with my tongue;*
- *we still felt the thick and sour taste of yesterday's kvass in my mouth / it looked sour and thick;*
- *sour steam hisses / sour steam erupts.*

In addition, a common means of indicating perceptual modality is the tactile verb group, such as *touch*, *tickle*, *crumple*:

- *the sweet and heavy smell of fresh bread tickled the nostrils / to inhale the sweet and heavy smell of fresh bread;*
- *the nostrils were tickled by the aromatic taste of coffee / reverently inhaled the aromatic taste of coffee;*
- *to see sweet and sticky honey / to touch sweet and sticky honey;*
- *even felt this sour juicy cranberry in my mouth / mashed this sour juicy cranberry;*
- *stirred sour and liquid in a leather pot / tasted sour and liquid.*

The perception modality is also indicated by the olfactory verb group, *to sniff*, *to pull in*: *pulled in a thick and tasty smell / felt a thick and tasty smell.*

These verbs can carry information about the tactile interaction features. The mouth, tongue, cheek and other receptors can act as sensory conduits for tactile sensations, so for example:

- *instantly melted in the mouth with a fresh delicious hunchback;*
- *tasted this sweet icy treat with the tongue;*
- *smelled that sweet smell of pear on the cheek;*
- *almost painfully, grasped with open mouth the living, welcome, delicious air;*
- *licked the sweet needling coldness.*

In some contexts, there is an “*inventing*” mode, as the verb does not carry information about the nature of the sensation interaction:

- *smell sour;*
- *feel the spicy aroma of herbs;*
- *feel the thick and tasty smell.*

The taste perception may also be carried out through the visual channel, which is indicated by visual perception verbs:

- *one could not take one's eyes away from a fresh tasty hump;*
- *to look sour and thick;*
- *sweet and sticky honey;*
- *sweet icy treat;*
- *sour steam flashed;*
- *sweet taste was coloured pale yellow.*

Verbs may indicate the auditory taste perception channel:

- *a faraway sour smell;*
- *hear the sweet smell of baked curd;*
- *hear the fresh juicy aroma of watermelon.*

The taste perception can be olfactory, and olfactory verbs are used:

- *breathed in the sweet and heavy smell of fresh bread;*
- *floated such a sweet smell that drools flowed;*
- *wafted the warm delicious aroma of freshly baked rolls;*
- *inhaled the tart and intoxicating smell;*
- *came the delicious smell of fried fish;*
- *smelled the tart, rancid smell of burning;*
- *wafted the sweet smell of boiled raspberries.*

The actualisation of the perceptual modalities is connected with the surrounding awareness and man's inner world:

- the verbalisation of visual-taste perception: *the eye could not take away from the delicious and ornate pretzel;*
- auditory-taste perception: *hear the sweet smell of baked curd;*
- auditory-taste-touch perception: *and I smelled, as if the sea murmured and the sweet rustling of the protected grove...*

[16, P. 25].

There is a conscious allocation of structural components in sensory-perceptual experience (in our context, tactile-olfactory-taste perceptual experience: *nostrils tickled by aromatic taste of coffee*), mental actions are made as a result of which the perception modalities become important in the present time situation, i.e. actual.

If the perceptual image is constructed on a polymodal basis, the leading modality in it is usually distinguished, and “*the corresponding receptor system in this system is sensitive to the action*” [13, P. 83]. In order to describe a certain gustatory feature, the speaker resorts to the choice of the “leading” modality:

- tactile: *mashed this sour juicy cranberry*;
- olfactory: *inhaled the sweet smell of baked curd*;
- auditory: *a sweet and sharp smell is heard far away*;
- visual: *the eye could not be taken away from the delicious and ornate pretzel*.

Polymodality is characterised by the fact that “*one and the same attribute objectively, rather than metaphorically, refers to several sensations*” [11, P. 27]. The taste and smell perception can be polymodal: *spicy taste/smell*; *spicy taste/smell*. Since data from different modalities are used in the process of creating a perceptual image, the connection between the modalities may be of a different nature as well [24], [27], [30], [48]:

- *parallel* (touch and sight);
- *intermodal* (touch, taste).

Example, “*the sharp, pungent taste*” causes tactile, gustatory and painful sensations at the same time. Thus, information about the same feature (taste) of an object can come simultaneously through several sensory channels and be fixed as several sensation complex: taste, olfactory, tactile sensations: *he sucked in the sweet thick heat, prolonging the bliss of the first morning sip* [30, P. 34]. In this context, information about “the drink taste” is obtained through the olfactory and tactile perception channels. Information about “taste” can come simultaneously through the visual (*puffy, huge*) and tactile (*bristling with nuts*) sensory channels: *the cake bristles with nuts - puffy, huge, delicious* [21], [23]. The differences in conceptualization and interpretation of the perceptual information received from the senses arising from the actualization of transference types. Thus, in the complex perceptual object, the taste perception feature occurs due to the “layering” of olfactory and auditory sensations: *one forgets days, but as soon as one hears the smell of baked curd, one knows: Saturday is today* [36, P. 203].

It seems that the “*sensation layering*” is a characteristic feature of intermodality (synaesthesia) analysing the “*layering of sensory perceptions upon each other*” [40].

Sense impressions and synaesthesia is considered as a perception phenomenon where qualities of one modality are transferred to another, i.e. a “layering” of sense impressions occurs (*physiological syncretism*).

In intermodality one modality feature is subjectively transferred to another modality or sphere within which it does not objectively exist, compare:

- *bitter coffee vs bitter smell vs bitter kiss*;
- *tart wine vs tart aroma of rowan berries vs tart humour*;
- *sweet syrup vs sweet aroma of apple jam vs sweet sleep*.

Intermodal sensations include interactions between sensations belonging to different perceptual channels (taste and smell, taste and emotion).

Example: a tangerine can be described in terms of different modalities:

- visual (*orange colour, round and bubbly*);
- tactile (*cold, knobby and rough to the touch*);
- taste (*sweet and sour*);
- olfactory (*a scent of fresh citrus fruit*).

Hence, intermodality is the ambivalent interaction of different modalities in the perception act; co-sensation, synaesthesia. The real sensation complex when perceiving an object (*tangerine in our example*) within several modalities (*gustatory, visual, tactile, olfactory*) makes it possible to make a transition from one modality to another in the description process. In some cases, the object feature can be perceived within another modality not objectively (on the basis of proximity) but only in the individual's consciousness as a figurative comparison, and this phenomenon is scientifically described as intermodality or synaesthesia [12], [19].

Neurophysiologist A. R. Luria noted that “man is not limited to direct impressions of the environment; he finds himself able to go beyond sense experience, to penetrate deeper into the essence of things than is given by direct perception” [54, P.11]. A. R. Luria calls synesthesia an intermodal phenomenon, that is, the transfer qualities of one modality to another.

Soviet psychologist B. G. Ananyev views synesthesia as “a complex polysensory fusion formation of intermodal images and mixed communication channels (for example, colour hearing, skin vision, odor taste, etc.)” [1, P. 56]. During the intermodal process (synaesthesia), qualities of one modality are transferred to another, there is a possibility to distinguish the primary sensation against which other sensations are considered.

Example: *The sound of her voice is sweet*. Here, the characteristic of the sound is related to the characteristic that belongs to the taste modality “sweet”. It is well known that the voice has *sound characteristics: timbre, range, strength, pitch* and does not have the *taste characteristics: bitter, astringent, tart*, etc. The intermodal or synaesthetic transfer in this example is a figurative association through which the sound effects on the taste buds are described. As a result, the sound sensation is likened to the taste sensation.

Example: *the sticky taste of beer* - the gustatory sensations are identified with the tactile sensations of stickiness, viscosity. Thus, the synesthetic sensation correlation is based on polymodal representations, namely the holistic perception in the external world. Nevertheless, a feature of the intermodal process is the sensory characteristic transfer of an object to another domain based on imaginative associations. However, a given sensory characteristic (for example, taste or smell) is not a complex component sensory image of the perceived object:

Example: *tart taste, sticky taste, soft sound, hard voice, viscous sound, spicy aroma, viscous smell from burdocks, harsh light*. Combination of multimodal sensations contributes to the holistic formation objects, which entails emergence of inter-sensory perceptions. Such polymodal representations condition synesthetic sensation correlation and lead to integral formation perception of external world objects, unity perception [3], [28].

The joint coordinated action of the senses becomes the natural basis for the synergetic processes, and the psychophysiological mechanisms of different modalities correlation (*taste, smell, touch, hearing, and sight*) constitute the deepest base of any language. So, A.A. Potebnya in work "Thought and language" has accented attention that "... in all people more or less there is a propensity to find in common between impressions of various feelings. Language is a very convincing proof of the existence of such a universal tendency. <...> In Slavic languages, as in many others, a convergence of sight perception, touch and taste, sight and hearing, is quite common. We speak of burning tastes, sharp sounds" [31, P. 24].

In language, the synaesthesia phenomenon manifests itself in the fact that a word whose meaning is associated with one sense organ is used with a meaning relating to another sense organ, i.e. there is a transition: **example**: from touch to taste perception (*hot sauce*); from taste perception to olfactory perception (*sour smell*).

Researchers note that "*the history of the senses makes it clear that all the major ones come from the same source - in the beginning there was only one modality and one diffuse sensory experience. All sensations originated and developed from this one source. ...It suffices to turn to just a few examples to see that our speech does not suggest a gap between sensations of different modalities*" [5, P. 94].

Conclusion

We believe that a significant number of metaphorical transfers from the sphere of taste to the sphere of emotion and psychic modality correspond to the modern understanding of the determining role of emotion in the processes of sensory perception and cognition in general. Taste sensations are the basis of many psycho-emotional characteristics: *sugary sentimentality; sweet deception, sweet hope; our bitter, tart, bawdy life; tart peace*. Modern media, for instance, often resorts to metaphorical transfers from the taste sphere of sensorium to the sphere of emotion: *The New York Times writes that the "sour relations" between Moscow and Ankara have reached a maximum level of tension*.

Adjectives denoting gustatory sensations can evoke certain emotions, i.e. have a certain effect. Bitter emotions are caused by: *bitter truth, share, resentment, bitter recriminations*, because bitter taste is associated with dissatisfaction, with a negative perception of reality and generates a desire for change. *We all live in one country, under the same laws, so the bitter cup of decline of the Russian countryside did not pass over*.

All synaesthetic combinations with the adjective sweet in the media express a negative subjective-evaluative modality (*false, deceptive*):

Sweet context creates a soft unobtrusive semantic accompaniment for the most key ideas of this candidate's campaign (sweet context - deceitful context).

The political kitchen smells of those familiar electoral "sweet promises" (sweet promises - deceptive, unrealizable promises). As a rule, with the help of synaesthesia there is an influx of negative emotions in the sphere of publicity: *a bitter defeat with a pleasant aftertaste, a sweet pill of bitter defeat, leaves a bitter residue, turns the face into a "sour face", a spicy smell of creole politics, a spicy humour*.

Thus, in contemporary media, the function of secondary synesthetic metaphor is to form a subjective and evaluative modality. "*The skilful selection of facts, accentuating only one side of the phenomenon (necessary for the author) and obscuring the other, and sometimes the silence helps to paint the image of the event in black or rosy colours; implicit evaluations in journalism are primarily evaluative metaphors designed to organize public opinion and create a bright, visible image desired by the addressee, also suggestively influencing the perception of information under a given angle of view*" [21]. The advantage of covert evaluation is that with the help of a veiled influence mechanism the author unobtrusively suggests given ideas or conclusions to the addressee, thus manipulating them. The most common type of manipulative influence is considered to be implicit evaluation, which is inherent in the semantics, most often metaphor.

Secondary synaesthetic metaphor contributes to the expressive means of poetic speech, serving as "*the primary means of overcoming the speech automatism*". Here too, context plays an important role, contributing to the desired nuance of meaning selection (in this context, the expectation of peace of mind): *Under the birch canopy the stuffiness subsided, a welcome tart calm settled around, and the spiritual gloom vanished at once, like some play of the imagination* [43, P. 11].

Synaesthesia is a way of overcoming linguistic clichés and one of the ways of transforming general linguistic semantics; it always creates an unexpected image. In the following example, this unexpected image is a **sweet rush**, which the actress associates with obsession, ostentatious flattery, vain vanity: *And when the sweet smiling rush of handshakes and kisses is still in full swing, I already change my face and want only one thing - to disappear as soon as possible and immediately do something, do something, do something...* [14]. In the association process, similar qualities of different modalities are not sensed sensorial, but there is a subjective expressive personal impression of similarity with simultaneous perception of sensory differences in these modalities.

Thus, synesthesia is a systemic mechanism, which is based on the process of emotional generalization that manifests itself on the semantic level in the commonality of emotion-evaluation properties of objects of different modalities. It provides connection between feelings of different modalities, allows to perceive objects of different modalities invariantly and to reconstruct a complete image on the basis of perception of one modality. As a result, the perception of an object of one modality is endowed with emotional, semantic and symbolic load, which is transferred to an object of another modality in the process of perception. Commonness of estimation becomes a mediator of connections at unconscious assimilation of objects of different modalities with participation of both psychophysiological and linguistic mechanisms of synaesthesia and language metaphor.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова – М.: «Языки русской культуры» – М., 1999. – 896 с.
3. Барашкина Е.А. Метафоризация как способ языковой номинации компонентов ментальной сферы : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Барашкина. – Самара, 2008. – 190 с.
4. Белайчук О.С. Типологически релевантные особенности концепта отрицания / отказа и контрастивный анализ семантики глаголов отказа / отрицания в английском и шведском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О.С. Белайчук. – М., 2004а. – 17 с.
5. Бирих А.К. Метонимия в современном русском языке. (Семантический и грамматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.К. Бирих. – Л., 1987. – 270 с.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллектив. монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – Вып. IV. – С. 2–77.
7. Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: специфика представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.С. Борейко. – Омск, 2006. – 20 с.
8. Булыгина А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, Т.В. Шмелёв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
9. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 466–480.
10. Гельмгольц Г. О восприятии вообще / Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевская // Психология ощущений и восприятия. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 21–46.
11. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственно восприятия в публицистическом и художественном текстах: Учебное пособие / О. И. Григорьева. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 248 с.
12. Гусева Е.В. Семантические особенности и лексическая сочетаемость английских прилагательных вкусообозначения (delicious, delectable, tasty, savoury, palatable, toothsome) в британском и американском вариантах английского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Гусева. – М., 1985. – 280 с.
13. Гутова Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Гутова. – Новосибирск, 2005. – 220 с.
14. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. – С. 26–33.
15. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2011. – С. 36–46.
16. Ильчук Е.В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка) : монография / Е.В. Ильчук. – М.: ГНО Изд-во «Прометей» МПГУ, 2004. – 264 с.
17. Колесов И.Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект : дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Ю. Колесов. – Барнаул, 2009. – 467 с.
18. Корнилова Н.Н. Языковые средства как способ моделирования восприятия в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Н. Корнилова. – М., 2008. – 16 с.
19. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1994. – № 4. – С. 34–47.
20. Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е.С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание: междунаро. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 5–15.
21. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–173.
22. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте контейнера и формах его объективации в мире) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–12.
23. Куценко А.В. Семантическая структура прилагательных-вкусообозначений и их лексическая сочетаемость в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Куценко – М., 1979. – 228 с.
24. Лечицкая Ж.В. Прилагательные вкуса в современном русском языке (в аспекте номинации): дис. ... канд. филол. наук / Ж.В. Лечицкая. – М., 1985. – 207 с.
25. Лупенко Е.А. Психологическая природа интермодальной общности ощущений : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е.А. Лупенко. – М., 2008. – 22 с.
26. Макарова О.В. Лингво-когнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке : автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Макарова. – Барнаул, 2007. – 21 с.
27. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики / М.В. Никитин – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
28. Никуличева Д.Б. Моделирование языкового сознания полиглота: динамика концептуальной метафоры в процессе изучения языка / Д.Б. Никуличева // Вопросы психолингвистики 4 (26), 2015. – М., МИЛ, 2015. – С. 136–143.
29. Павлова Н.С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 228 с.
30. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2019. – № 4. – С. 23–44.
31. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 190 с.

32. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина, В.А. Успенского. – М.: Русские словари, 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
33. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2007. – 720 с.
34. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж, 2004. – No 1. – С. 29–34.
35. Степанян Л.Я. Синестезия и эмоциональность речи / Л.Я. Степанян // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2004. – No 4. – С. 115–120.
36. Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости / В.Н. Телия // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 250–319.
37. Трухановская Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.С. Трухановская. – М., 2009. – 24 с.
38. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 28–43.
39. Хакимова Г.Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г.Ф. Хакимова. – Уфа, 2005. – 160 с.
40. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 24–39.
41. Юм Д. Сочинения в 2-х т. – Т. 2 / Д. Юм. – М.: Мысль, 1965. – 248 с.
42. Яцковский В.В. Роль процессов зрительного и слухового восприятия в формировании языковой картины мира: На материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В. Яцковский. – СПб., 2005. – 197 с.
43. Bendix E.H. Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese / E.H. Bendix. – Bloomington: Indiana University Press, 1966. – 190 p.
44. Blank A. Co-presence and Succession: A Cognitive Typology of Metonymy / A. Blank // Metonymy in language and thought / A. Blank, K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, University of Hamburg, 1999. – Vol. 4. – P. 169–191.
45. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies / W. Croft // Cognitive Linguistics: Basic Readings / W. Croft, D. Geerarts. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter 2006. – pp. 269–302.
46. Dirven R. Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualization. / R. Dirven // Metaphor and Metonymy in comparison and contrast. – Berlin, N.Y., 2002. – pp. 75–111.
47. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens, R. Dirven, R. Porings // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast – Berlin, N.Y., 2002. – pp. 349–377.
48. Jackendoff R. Languages of the mind: Essays on mental representation / R. Jackendoff. – Cambridge: The MIT Press, 1992. – 305 p.
49. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
50. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff, A. Ortony // Metaphor and Thought – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – pp. 202–252.
51. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous things / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
52. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.
53. Langacker R.A. View of Linguistics Semantics / R. Langacker, B. Rudzka-Ostyn // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam: University of Leuven; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – Vol. 50. – pp. 49–59.
54. Luria A.R. Lectures on General Psychology / A.R. Luria. – SPb: Peter, 2010. – 320 p.
55. Sherrington C.S. The integrative action of the nervous system / C.S. Sherrington. – New Haven: Yale University Press, 1906. – 141 p.
56. Британский национальный корпус текстов [Электронный ресурс] – URL: <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=velvety&mysubmit=Go> (дата обращения: 18.04.2022)
57. Корпус современного американского английского языка [Электронный ресурс] – URL: <http://www.american corpus.org.com> (дата обращения: 18.04.2022)
58. Электронный сервис бесплатного доступа к англоязычным словарям [Электронный ресурс] – URL: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения: 18.04.2022)
59. MacmillanDictionary (MD) [Electronic resource] – URL: <http://www.macmillandictionary.com> (accessed: 18.04.2022)
60. Webster's New World College Dictionary, 4th Ed. (WNWCD) [Electronic resource] – URL: <http://www.yourdictionary.com> (accessed: 18.04.2022)
61. TheFreeDictionary by Farlex (FD) [Electronic resource] – URL: <http://www.thefreedictionary.com> (accessed: 18.04.2022)
62. WordNet English database, Princeton University (WNEd) [Electronic resource] – URL: <http://wordnetweb.rinceton.edu/perl/webwn?o2=&o0=1&o7=&o5=&o1=1&o6=&o4=&o3=&h> (accessed: 18.04.2022)

Список литературы на английском / References in English

1. Anan'yev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya [On the problems of modern human knowledge] / B.G. Anan'yev. – SPb.: Piter, 2001. – 272 p. [in Russian]

2. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka [Types of Concepts in the Lexical and Phraseological Semantics of Language] / A.P. Babushkin. – Volgograd: VGU, 1996. – 246 p. [in Russian]
3. Barashkina Ye.A. Metaforizatsiya kak sposob yazykovoy nominatsii komponentov mental'noy sfery [Metaphorization as a Way of Language Nomination of the Mental Sphere Components]: dis. ... Phd in Philology: 10.02.01 / Ye.A. Barashkina. – Samara, 2008. – 190 p. [in Russian]
4. Belaychuk O.S. Tipologicheski relevantnyye osobennosti kontsepta otritsaniya / otказа i kontrastivnyy analiz semantiki glagolov otказа / otritsaniya v angliyskom i shvedskom yazykakh [Typologically relevant features of the negation/refusal concept and contrastive analysis of the verb semantics of negation/refusal in the English and Swedish languages]: avtoref. dis. ... Phd in Philology: 10.02.20 / O.S. Belaychuk. – M., 2004a. – 17 p. [in Russian]
5. Birikh A.K. Metonimiya v sovremennom russkom yazyke. (Semanticheskii i grammaticheskii aspekty) [Metonymy in modern Russian language. (Semantic and grammatical aspects)]: dis. ... Phd in Philology: 10.02. 01 / A.K. Birikh. – L., 1987. – 270 p. [in Russian]
6. Boldyrev N.N. Kontseptual'naya osnova yazyka [Conceptual basis of language] / N.N. Boldyrev // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kollektiv. Monografiya [Cognitive studies of language. Conceptualization of the world in language: collective monograph]. – Tambov: Publishing House TGU im. G.R. Derzhavina, 2019. – Vyp. IV. – Pp. 2–77. [in Russian]
7. Boreyko T.S. Situatsiya taktil'nogo vospriyatiya: spetsifika predstavleniya v sisteme russkogo yazyka i v yazykovom soznanii individa [The situation of tactile perception: the specificity of representation in the system of the Russian language and in the language consciousness of the individual]: avtoref. dis. ... Phd in Philology: 10.02.01 / T.S. Boreyko. – Omsk, 2006. – 20 p. [in Russian]
8. Bulygina A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki) [Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)] / T.V. Bulygina, T.V. Shmel'ev. – M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» [Languages of the Russian culture], 1997. – 576 p. [in Russian]
9. Gak V.G. Semanticheskaya struktura slova kak komponent semanticheskoy struktury vyskazyvaniya [Semantic structure of word as a component of semantic structure of statement] / V.G. Gak // Yazykovyye preobrazovaniya [Linguistic transformations]. – M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» [Moscow: School of Russian Culture Languages], 1998. – Pp. 466–480. [in Russian]
10. Gel'mgol'ts G. O vospriyatii voobshche [About perception in general] / YU.B. Gippenreyter, V.V. Lyubimova, M.B. Mikhalevskaya // Psikhologiya oshchushcheniy i vospriyatiya [Psychology of Sensation and Perception]. – M.: CheRo, 2002. – Pp. 21–46. [in Russian]
11. Grigor'yeva O. N. Tsvet i zapakh vlasti. Leksika chuvstvenno vospriyatiya v publitsisticheskom i khudozhestvennom tekstakh [Colour and smell of power. Lexis sensu perception in publicist and fiction texts]: Uchebnoye posobiye [Textbook] / O. I. Grigor'yeva. – M.: Flinta: Nauka, 2014. – 248 p. [in Russian]
12. Guseva Ye.V. Semanticheskiiye osobennosti i leksicheskaya sochetayemost' angliyskikh prilagatel'nykh vkusoboznacheniya (delicious, delectable, tasty, savoury, palatable, toothsome) v britanskoy i amerikanskoy variantakh angliyskogo yazyka [Semantic features and lexical combinability of English adjectives of taste (delicious, delectable, tasty, savoury, palatable, toothsome) in British and American variants of English]: dis. ... Phd in Philology: 10.02.04 / Ye.V. Guseva. – M., 1985. – 280 p. [in Russian]
13. Gutova N.V. Semanticheskiiy sinkretizm vkusovykh i osyazatel'nykh prilagatel'nykh v yazykei khudozhestvennom tekste [Semantic syncretism of gustatory and tactile adjectives in language and fiction text]: dis. ... Phd in Philology: 10.02.01 / N.V. Gutova. – Novosibirsk, 2005. – 220 p. [in Russian]
14. Dem'yankov V.Z. «Kontsept» v filosofii yazyka i v kognitivnoy lingvistike ["Concept" in philosophy of language and cognitive linguistics] // Kontseptual'nyy analiz yazyka: sovremennyye napravleniya issledovaniya [Conceptual analysis of language: modern research trends]: sb. nauch. tr. – M.; Kaluga: Publishing House «Eydos», 2007. – Pp. 26–33. [in Russian]
15. Zalevskaya A.A. Psikholingvisticheskiiy podkhod k probleme kontsepta [Psycholinguistic approach to the problem of the concept] / A.A. Zalevskaya, I.A. Sternina // Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics]. – Voronezh: VorGU, 2011. – Pp. 36–46. [in Russian]
16. Il'chuk Ye.V. Myshleniye i vospriyatiye skvoz' prizmu yazyka (na materiale angliyskogo yazyka) [Thinking and Perception through the Prism of Language (on the Material of English)]: monografiya / Ye.V. Il'chuk. – M.: GNO Publishing house «Prometey» MPGU, 2004. – 264 p. [in Russian]
17. Kolesov I.YU. Aktualizatsiya zritel'nogo vospriyatiya v yazyke: kognitivnyy aspekt [Actualization of visual perception in language: cognitive aspect]: dis... Phd in Philology: 10.02.19 / I.YU. Kolesov. – Barnaul, 2009. – 467 p. [in Russian]
18. Kornilayeva N.N. Yazykovyye sredstva kak sposob modelirovaniya vospriyatiya v politicheskom diskurse [Linguistic means as a way of modelling perception in political discourse]: avtoref. dis. ... Phd in Philology: 10.02.04 / N.N. Kornilayeva. – M., 2008. – 16 p. [in Russian]
19. Kubryakova Ye.S. Nachal'nyye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka [Initial Stages of Cognitivism Formation: Linguistics - Psychology - Cognitive Science] / Ye.S. Kubryakova // Voprosy yazykoznaniiya [Problems of Linguistics]. – M.: Nauka, 1994. – No 4. – Pp. 34–47.
20. Kubryakova Ye.S. O sovremennom ponimani termina «kontsept» v lingvistike i kul'turologii [On the modern understanding of the term "concept" in linguistics and cultural studies] / Ye.S. Kubryakova // Real'nost', yazyk i soznaniye: mezhdunarod. mezhvuz. sb. nauch. tr. [Reality, language and consciousness: international. interuniversity collection of scientific works] – Vol. 2. – Tambov: Publishing House TGU im. G. R. Derzhavina, 2012. – Pp. 5–15. [in Russian]

21. Kubryakova Ye.S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovaniy yazykovoy kartiny mira [The role of word formation in the formation of language picture of the world] / Ye.S. Kubryakova // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. [The role of human factor in language. Language and world picture] – M.: Nauka, 1988. – Pp. 141–173. [in Russian]
22. Kubryakova Ye.S. Semantika v kognitivnoy lingvistike (O kontsepte konteynera i formakh yego ob'yektivatsii v mire) [Semantics in cognitive linguistics (About container concept and forms of its objectification in the world)] / Ye.S. Kubryakova // Izvestiya AN. Ser. lit. i yaz. 1999. – V. 58. – Pp. 3–12.
23. Kutsenko A.V. Semanticheskaya struktura prilagatel'nykh-vkusoooboznacheniy i ikh leksicheskaya sochetayemost' v angliyskom i russkom yazykakh [Semantic structure of adjective flavors and their lexical combinability in English and Russian languages]: avtoref. dis. ... Phd in Philology: 10.02.04 / A.V. Kutsenko – M., 1979. – 228 p. [in Russian]
24. Lechitskaya Zh.V. Prilagatel'nyye vkusa v sovremennom russkom yazyke (v aspekte nominatsii) [Adjectives of taste in the modern Russian language (in the aspect of nomination)]: dis. ... Phd in Philology / Zh.V. Lechitskaya. – M., 1985. – 207 p. [in Russian]
25. Lupenko Ye.A. Psikhologicheskaya priroda intermodal'noy obshchnosti oshchushcheniy [Psychological nature of intermodal commonality of sensations]: avtoref. dis. ... Phd in Psychology: 19.00.01 / Ye.A. Lupenko. – M., 2008. – 22 p. [in Russian]
26. Makarova O.V. Lingvo-kognitivnyy aspekt vyskazyvaniy, reprezentiruyushchikh freym vkusa v sovremennom russkom yazyke [Linguistic and cognitive aspect of utterances that represent the frame of taste in modern Russian language]: avtoref. dis. Phd in Philology: 10.02.01/O.V. Makarova. – Barnaul, 2007–21 p. [in Russian]
27. Nikitin M.V. Osnovaniya kognitivnoy semantiki [Foundations of cognitive semantics]. – SPb.: Publishing House RGPU im. A. I. Gertsena, 2003. – 277 p. [in Russian]
28. Nikulicheva D.B. Modelirovaniye yazykovogo soznaniya poliglota: dinamika kontseptual'noy metafory v protsesse izucheniya yazyka [Modeling of polyglot's language consciousness: conceptual metaphor dynamics in the process of language learning] / D.B. Nikulicheva // Voprosy psikholingvistiki 4 (26), 2015. – M., MIL, 2015. – Pp.136–143. [in Russian]
29. Pavlova N.S. Leksika s semoy «zapakh» v yazyke, rechi i tekste [Lexicon with the seme "smell" in language, speech and text]: dis. ... Phd in Philology: 10.02.01 / N.S. Pavlova. – Yekaterinburg, 2006. – 228 p. [in Russian]
30. Paducheva Ye.V. K strukture semanticheskogo polya «vospriyatiye» (na materiale glagolov vospriyatiya v russkom yazyke) [To the structure of the semantic field "perception" (on the material of the verbs of perception in Russian)] / Ye.V. Paducheva // Voprosy yazykoznaniiya [Problems of linguistics]. – M.: Nauka, 2019. – V. 4. – Pp. 23–44. [in Russian]
31. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk / [Thought and language] A.A. Potebnya. – Kiyev: SINTO, 1993. – 190 p. [in Russian/Ukrainian]
32. Rakhilina Ye.V. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive semantics: history, personalities, ideas, results] / Ye.V. Rakhilina, V.A. Uspenskiy // Semiotika i informatika: sb. nauch. st. [Semiotics and informatics: collection of scientific papers] – M.: Russkiye slovari, 1998. – V. 36. – Pp.274–323. [in Russian]
33. Rubinshteyn S.L. Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of General Psychology] / S.L. Rubinshteyn. – SPb.: Piter, 2007. – 720 p. [in Russian]
34. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyy kontsept kak sistemnoye obrazovaniye [Linguocultural concept as a system formation] / G.G. Slyshkin // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya» [Bulletin of Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication"]. – Voronezh, 2004. – V.1. – Pp. 29–34. [in Russian]
35. Stepanyan L.YA. Sinesteziya i emotsional'nost' rechi [Synaesthesia and emotionality of speech] / L.YA. Stepanyan // Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya [Philology]. – 2004. – V.4. – Pp. 115–120. [in Russian]
36. Teliya V.N. Semantika svyazannykh znacheniy slov i ikh sochetayemosti [Semantics of word-related meanings and their combinability] / V.N. Teliya // Aspekty semanticheskikh issledovaniy [Aspects of Semantic Research]. – M.: Nauka, 1980. – Pp. 250–319. [in Russian]
37. Trukhanovskaya N.S. Metonimicheskii sdvig pri kontseptualizatsii denotativnoy situatsii (v sfere predikatov fizicheskogo vozdeystviya) [Metonymic shift in conceptualizing a denotative situation (in the sphere of physical impact predicates)]: avtoref. dis. ... Phd in Philology: 10.02.19 / N.S. Trukhanovskaya. – M., 2009. – 24 p. [in Russian]
38. Frumkina R.M. Kontsept, kategoriya, prototip [Concept, category, prototype] / R.M. Frumkina // Lingvisticheskaya i ekstralingvisticheskaya semantika: sb. obzorov. [Linguistic and extra-linguistic semantics: collection of reviews] – M.: INION RAN, 1992. – Pp. 28–43. [in Russian]
39. Khakimova G.F. Predstavleniye sfery slukhovogo vospriyatiya v rusko- angliyskom funktsional'no-kognitivnom slovare [The representation of the sphere of auditory perception in the Russian-English functional-cognitive dictionary]: dis. ... Phd in Philology: 10.02.20 / G.F. Khakimova. – Ufa, 2005. – 160 p. [in Russian]
40. Shcherba L.V. O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the Triple Aspect of Language Phenomena and on Experiment in Linguistics] / L.V. Shcherba // Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. [Linguistic System and Speech Activity] – V. 2. – M.: Yeditorial URSS, 2004. – Pp. 24–39. [in Russian]
41. Hume D. Sochineniya v 2-kh t. [Essays in 2 vols.] – Vol. 2 / D. Yum. – M.: Mysl', 1965. – 248 p. [in Russian]
42. Yatskovskiy V.V. Rol' protsessov zritel'nogo i slukhovogo vospriyatiya v formirovaniy yazykovoy kartiny mira: Na materiale angliyskogo yazyka [The Role of Visual and Auditory Perception Processes in the Formation of a Linguistic Picture of the World: On the Material of the English Language]: dis. ... Phd in Philology: 10.02.04 / V.V. Yatskovskiy. – SPb., 2005. – 197 p. [in Russian]
43. Bendix E.H. Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese / E.H. Bendix. – Bloomington: Indiana University Press, 1966. – 190 p.

44. Blank A. Co-presence and Succession: A Cognitive Typology of Metonymy / A. Blank // *Metonymy in language and thought* / A. Blank, K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, University of Hamburg, 1999. – Vol. 4. – P. 169–191.
45. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies / W. Croft // *Cognitive Linguistics: Basic Readings* / W. Croft, D. Geerarts. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter 2006. – pp. 269–302.
46. Dirven R. Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualization. / R. Dirven // *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast*. – Berlin, N.Y., 2002. – pp. 75–111.
47. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens, R. Dirven, R. Porings // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* – Berlin, N.Y., 2002. – pp. 349–377.
48. Jackendoff R. Languages of the mind: Essays on mental representation / R. Jackendoff. – Cambridge: The MIT Press, 1992. – 305 p.
49. Lakoff G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
50. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff, A. Ortony // *Metaphor and Thought* – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – pp. 202–252.
51. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous things* / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
52. Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – N.Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.
53. Langacker R.A. View of Linguistics Semantics / R. Langacker, B. Rudzka-Ostyn // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam: University of Leuven; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – Vol. 50. – pp. 49–59.
54. Luria A.R. *Lectures on General Psychology* / A.R. Luria. – SPb: Peter, 2010. – 320 p.
55. Sherrington C.S. *The integrative action of the nervous system* / C.S. Sherrington. – New Haven: Yale University Press, 1906. – 141 p.
56. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – URL: <http://bnc.bl.uk/saraWeb.php?qy=velvety&mysubmit=Go> (accessed: 18.04.2022)
57. The Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – URL: <http://www.americancorpus.org.com> (accessed: 18.04.2022)
58. Elektronnyĭ servis besplatnogo dostupa k angloyazychnym slovaryam [Electronic service of free access to English dictionaries] [Electronic resource]. – URL: <http://dictionary.reference.com> (accessed: 18.04.2022) [in Russian]
59. MacmillanDictionary (MD) [Electronic resource]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com> (accessed: 18.04.2022)
60. Webster's New World College Dictionary, 4th Ed. (WNWCD) [Electronic resource]. – URL: <http://www.yourdictionary.com> (accessed: 18.04.2022)
61. TheFreeDictionary by Farlex (FD) [Electronic resource]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com> (accessed: 18.04.2022)
62. WordNet English database [Electronic resource] // Princeton University – URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn?o2=&o0=1&o7=&o5=&o1=1&o6=&o4=&o3=&h> (accessed: 18.04.2022)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.33>**БУМАЖКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ: СИНИЕ, БЕЛЫЕ, КРАСНЫЕ...**

Научная статья

Коптелова И. *

ORCID: 0000-0002-3739-9807,

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (csikos[at]yandex.ru)

Аннотация

Целью статьи является обобщение результатов исследования так называемых цветотерминов – профессиональных терминов английского языка, состоящих из существительного с прилагательным-определением, в роли которого выступает обозначение цвета. Рассмотрены способы номинации различных документов с помощью таких цветотерминов с использованием метафорического и метонимического переносов значения. Для анализа были отобраны терминологические структуры, ядерное слово которых обозначает «документ/документы». Выявлено, что большинство подобных цветотерминов относится к подязыку экономики, меньшая часть – политики. Автор также останавливается на необходимости лингвокультурологических объяснений возникновения термина на уроках английского языка.

Ключевые слова: цветотермины, документ, метафора, метонимия, перенос, словосочетание.

THERE ARE DIFFERENT PAPERS: BLUE, WHITE, AND RED...

Research article

Koptelova I. *

ORCID: 0000-0002-3739-9807,

Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Moscow, Russia

* Corresponding author (csikos[at]yandex.ru)

Abstract

The purpose of the article is to summarize the results of a study of the so-called color terms - professional terms of the English language, consisting of a noun with an adjectival attribute, in the role of which the color designation acts. The study examines the ways of nominating various documents with the help of such color terms via metaphorical and metonymic value transfers. For the purposes of the analysis, the authors select terminological structures, the nuclear word of which means "document/documents". It is determined that most of these color terms belong to the sublanguage of economics, while a smaller part of it belongs to politics. The authors also dwell on the need for linguistic and cultural explanations of the origin of the term during English classes.

Keywords: color terms, document, metaphor, metonymy, hyphenation, phrase.

Первое, что обычно регистрирует мозг – это цвет и форма объекта, поскольку их «относительно легко описать, по крайней мере, в рамках конкретной культуры» [12] (здесь и далее перевод автора). Возможно, именно поэтому цвет привлекает внимание исследователей как естественнонаучных, так и гуманитарных областей, таких как лингвистика и психология. Ученые полагают, что теоретически человеческий глаз может различать до 10 миллионов минимальных цветовых различий в зависимости от оттенка, яркости и насыщенности, хотя не профессионал реально различает около 100 оттенков. Есть языки, в которых существуют слова для передачи целой палитры разнообразных цветов и оттенков, а есть язык (тангма) только с двумя основными цветообозначениями, что означает, что «цвета <...> можно рассматривать как концепцию, интериоризированную и широко используемую совместно в языковом сообществе <...>, обладающую способностью к появлению многочисленных расширений значения на основе различных типов метонимии» [11].

В данной работе изложены результаты исследования лексических единиц, представляющие собой словосочетания с компонентом наименования цвета, являющиеся терминами или использующиеся в профессиональном сленге и функционирующие в профессиональном подязыке и приближающиеся по значению к терминам. Такие словосочетания мы будем называть цветотерминами [2, С. 348].

В качестве материала исследования были использованы следующие источники: *Macmillan free on-line dictionary* [16], *Merriam-Webster On-line Dictionary* [17], *On-line Collins English Dictionary* [18], *On-line Oxford English Dictionary* [19], *Investopedia* [15], а также публикации в экономической прессе. Сфера конечного отбора словосочетаний – терминология и профессиональный сленг. Общий объем выборки составил 36 единиц с компонентом-цветообозначением. Они представлены словосочетаниями наиболее продуктивной модели, а именно атрибутивного типа связи элементов в структуре *A + N* (прилагательное и существительное). Отбирались существительные, обозначающие понятие «документ», т.е. *book, sheet(s), list, paper/papers* и т.д. К ним были добавлены экономические термины, имеющие корневое слово – *mail*, совпадающее с современным английским словом *mail*.

При анализе рассматриваются способы формирования цветотермина: осуществлялся метафорический или метонимический перенос значения.

Теоретически статья основана на положениях когнитивной лингвистики, а именно теории концептуальной метафоры [9] и теории концептуальной метонимии [9]. В статье рассматривается эффект расширения основного значения цвета с помощью, в основном, метафоры, а также как метонимические сопоставления образуют основу для понимания некоторых связанных с экономикой и бизнесом выражений, содержащих цветовой термин в качестве метафор.

При анализе отобранных цветотерминов видно, что большинство из них относится к подязыку политики, экономики, к финансово-биржевой терминологии.

Слово *paper/papers* встречается с целым набором наименований цвета от белого до коричневого, причем ядерное слово переводится на русский язык либо словом «книга», либо «документ/документы». Встречается два типа переноса значения в термине.

Существительное *paper/papers* с цветообозначениями *green* и *white* можно встретить в разных странах (Великобритания, Канада, Индия, Австралия) и даже в Евросоюзе. В цветотермире *green paper* зеленый цвет (*green*) может означать неопытность, незрелость, свежесть, наивность, неразвитость и тому подобное. Это значение зеленого происходит от метонимической связи с зеленым деревом - молодой древесиной зеленоватого цвета, очень податливой и гибкой. Поэтому *green paper* означает предварительные (т.е. «незрелые») предложения правительственной структуры в той или иной области. Например: *First Minister Carwyn Jones has been told to "stick his green paper in the bin where it belongs" over plans to cut the number of councils in Wales* [14].

Прилагательное «белый» (*white*) обычно знаменует собой правду, свет, чистоту намерений, открытость. Поэтому окончательный («правдивый») доклад по какому-либо важному вопросу политики в англоязычных странах называется *white paper(s)*, например: *Live coverage of Justice Secretary Robert Buckland making a statement on the government's sentencing white paper* [14].

Хотя существует и другое объяснение: исторически один документ печатался на бумаге зеленоватого цвета, а другой – на белой.

Продолжая разговор о политической терминологии, следует упомянуть *Black Paper* - документ, в котором критикуется политика или действия правительства (на контрасте с *White Paper*). Исторически *Black Papers* представляли собой серию статей о британском образовании, опубликованных с 1969 по 1977 год в журнале *Critical Quarterly*. Среди авторов-участников были, например, Кингсли Эмис, Айрис Мердок, Роберт Конквест и Родс Бойсон. Начиная с 1980х годов, словосочетанием *black paper* стали обозначать любой документ, критикующих правительство:

The Minister of Justice appointed a special committee to look into the matter, which published a "black paper" on its findings (Министр юстиции назначил специальный комитет для расследования этого вопроса, который опубликовал «черную книгу» по итогам своей деятельности).

Еще два «документа» гораздо менее известны.

В *Blue paper* – «синем документе» - излагаются технические характеристики технологии или единицы оборудования (восходит к слову *blueprint* – чертеж).

Yellow paper – «желтый документ» – это документ, содержащий исследования, которые еще не были официально приняты или опубликованы в научном журнале; представляет собой синоним более широко используемого термина «препринт» (*preprint*).

Несколько «цветных документов» используется в подязыке экономики и бизнеса.

White paper - проектный документ (аналитический доклад) - это что-то вроде бесплатной брошюры, содержащей ценную для своей целевой аудитории информацию не рекламного характера. Цель *white paper* - продвижение определённого продукта, услуги, технологии или методологии, а также влияние на решения текущих и потенциальных клиентов или инвесторов.

Yellow paper – желтый документ - это более техническая версия аналитического доклада (*white paper*). Он представляет научные детали технологии в очень сжатой форме. Если вы рассматривать «белую книгу» в качестве предложения, то «желтая» может быть второй частью, в которой указаны все конкретные детали. В данном названии опять идет отсылка к цвету бумаги, на которой печатается данный документ.

Beige paper - бежевый документ - это переписанный для удобства чтения «желтый документ». Он переформатирует «желтый документ» в более организованный формат, и обычно его легче понять. В данном случае опять идет отсылка к цвету бумаги, используемой в подготовке документа. *Ethereum* - как раз пример платформы, которая представлена всеми тремя документами.

Еще один «документ», используемый в бизнес-практике, - картирование процессов (*brown paper*) представляет собой структурированный способ отображения и критики существующего процесса выпуска на рынок нового продукта с целью изучения его эффективности по ряду параметров. Он использует крупномасштабный формат для отображения существующего бизнес-процесса с упором на «грубость и готовность», а не на точность и аккуратность документа. Здесь опять присутствует перенос значения «грубый, общий» (*brown paper* - «грубая оберточная бумага»).

Слово *sheet* встречается в словосочетаниях с 5 цветами, четыре из которых (*pink, white, yellow, blue*) означают информационные публикации списков акций и цен на них на различных типах биржи. Свое название подобные публикации получили от цвета бумаги, на которой они печатались или продолжают печататься:

Bonds listed in the yellow sheets can be considered riskier than other fixed-income securities. The bid-ask spread is, understandably, wider for bonds listed on yellow sheets to compensate for the risk involved in these entities [15].

The New York Stock Exchange decides Hertz is no longer suitable for listing. The stock will trade on the pink sheets [10].

Например, *blue sheets*. Первоначально они действительно представляли собой листы бумаги, и они действительно были голубого тона. Если американская Комиссия по ценным бумагам и биржам (*SEC*) требовала выслать в комиссию отчетность по операциям с ценными бумагами, то все участники рынка ценных бумаг были обязаны это сделать в кратчайший срок. Отчетность готовилась по установленному образцу: название ценной бумаги, дата и объем сделки, цена сделки, список участников, и в установленном формате и, главное, на специальном бланке голубого тона. Прошло много лет, сейчас объем операций вырос многократно, и ежедневные отчеты на голубых бумажках были заменены на отчетность в электронном виде, а *blue sheets* превратились в *EBS (electronic blue sheets)*.

Пятый цветотермин – *green sheet* – имеет два значения. Одно из них также связано с акциями: это - информационный буклет, который готовит фирма-гарант размещения акций, чтобы помочь своим сотрудникам привлечь инвесторов к

новому выпуску. Как правило, такой буклет – сжатое изложение проспекта эмиссии с краткими комментариями о ее преимуществах и недостатках, предназначен для помощи продавцам при поиске потенциальных инвесторов; среди самих инвесторов он не распространяется. Для последних предлагается *red herring prospectus* – проспект предварительной эмиссии акций, получивший свое название не из-за красной копченой сельди, и не из-за отвлекающего маневра, а из-за использования красных чернил по краю первой страницы.

Второе значение термина *green sheet* – табель учета рабочего времени вне основного места работы.

С цветом бумаги, на которой печатается документ, связано еще несколько цветотерминов.

Один из них – хорошо знакомые *yellow pages* – так называемые «желтые страницы», т.е. торгово-промышленный раздел телефонного справочника, когда цвет выполняет функцию выделения, например: *An alphabet book comprised of occupations found in the yellow pages from dog walkers and hula dancers to pickle packers and zoo keepers* [7].

Два других цветотермина связаны с цветообозначением *pink*. *Pink 'Un* представляет собой неофициальное название крупнейшей ежедневной газеты *The Financial Times*, которое возникло из-за бумаги лососевого цвета, на которой она печатается.

Второй термин – *pink slip* – имеет более сложную природу. Компании в США раньше увольняли сотрудников, вручая им уведомления, напечатанные на полосках бумаги розового цвета. Со временем розовый цвет стал ассоциироваться с увольнениями, и американские работники, к какому бы слою общества они не принадлежали, жили в страхе, что однажды они могут получить «розовое уведомление» от своих работодателей. В период массовых банкротств или сокращения штатов в период кризиса доткомовских компаний в 2000-2001 гг. устраивались вечеринки для *pink slippers*, т.е. недавно уволенных работников. *To get a pink slip* стал обозначать «быть уволенным, вылететь с работы», являясь примером метонимии, которая определенным образом зависит от англо-британской культурной среды» [6], т.е. примером метонимии, специфичной для конкретной культуры, который не может быть понят не носителями английского языка без дополнительного разъяснения. Например: *During 2008, pink slip was not much talked about due to down turn in the overall business of the companies and to cut the cost companies restore to issuing pink slip to lower down the employee count to cut* [13].

Другое существительное, встречающееся в цветотерминах, слово *list*. Из пяти цветотерминов с этим существительным, два составляют оппозицию: *whitelist* – *blacklist*. Основное их значение «разрешенный – запрещенный список чего-либо». От них существуют производные словосочетания, например, *blacklisted card* – заблокированная банковская карта.

Однако, в связи с критикой со стороны сторонников *BLM (Black Lives Matter)* в сфере информационных технологий вместо терминов *blacklist* – *whitelist*, означающих список сайтов, доступ к которым запрещен, и список «безопасных» сайтов, в последнее время используют *blocklist* «список блокировки» и *allowlist* «список разрешенного к доступу» [4].

Еще два цветотермина с корневым элементом *list* относятся к финансово-биржевой лексике. Если говорить о цвете официальных формуляров, то следует упомянуть *Blue list* – «голубой лист (список)» – список муниципальных облигаций, который с 1935 года ежедневно публикуется агентством *Standard and Poor's*, исторически печатался на голубой бумаге, и он сохранил свое «голубое» название и в век цифровых технологий.

The printed version of the blue list included mainly tax-exempt municipal debt securities. Then, as now, these investment products have basic terms defined, such as the notional amount, interest rate yields, and maturity date [15].

Причем термин «голубой лист» как заимствование можно найти в русском профессиональном жаргоне инвесторов в качестве кальки с английского языка [5].

В цветотермине *Gray list* (Am.) цветообозначение *gray* несет в себе коннотацию неопределенности, размытости (как в цветотерминах *grey money*, *grey economy*) [3, С. 30], что находит свое выражение в его значении «Список акций, в которые подразделению инвестиционного банка или хедж-фондов, занимающимся рискованным арбитражем, не разрешено инвестировать, в то время, как подразделениям, занимающимся продажей крупных пакетов акций, разрешено».

Цветообозначение *grey* не встречается со словом *paper/papers*, но существует понятие *grey literature*:

Grey literature stands for manifold document types produced on all levels of government, academics, business and industry in print and electronic formats that are protected by intellectual property rights, of sufficient quality to be collected and preserved by library holdings or institutional repositories, but not controlled by commercial publishers i.e., where publishing is not the primary activity of the producing body (Серая литература означает разнообразные типы документов, выпускаемых на всех уровнях правительством, учеными, бизнесом и представителями промышленности в печатном и электронном форматах, которые защищены правами интеллектуальной собственности, достаточного качества, чтобы их можно было собирать и хранить в библиотечных фондах или институциональных репозиториях, но не контролировать коммерческими издателями, т.е. в тех случаях, когда публикация не является основной деятельностью издателя) [15].

Та же самая коннотация неопределенности присутствует в цветотермине *graymail*, означающем рассылки, на которые вы добровольно подписались (например, при оформлении дисконтной карты магазина), но они вам не нужны, и вы их не читаете.

Цветотермин *graymail* действительно состоит из 2 морфем *gray-* (серый) и *-mail* (письмо, корреспонденция от древнефранцузского *male*) и может условно считаться термином, означающим «документ». Однако цветотермины, возникшие на основе слова *blackmail*, этимологически восходят к древнеанглийскому *mal*, имеющему значение *lawsuit*, *terms*, *bargaining agreement*.

Еще один случай метонимии можно проиллюстрировать примером *greenmail*, который представляет собой неологизм, полученный в результате контаминации слов *blackmail* и *greenback*, где *greenback*, сленговый термин, означающий американские бумажные деньги, представляет собой метонимический перенос в рамках структуры “*green stands for money*”. Термин *greenmail* означает выкуп компанией своих акций по завышенной цене у фирмы, скупившей значительное число ее акций и угрожающей поглощением. Чтобы избежать подобной рейдерской практики, компании стали вносить в свой устав положение – *anti-greenmail provision* – запрещающее выкуп акций по завышенной цене у

кого-либо, если подобное предложение не было сделано всем акционерам. Например: *Texaco Inc. on Thursday stepped up its battle against its largest shareholder, corporate takeover artist Carl C. Icahn, informing all shareholders that it intended to seek an "anti-greenmail" provision in its corporate charter* [8].

Для борьбы с рейдерскими практиками появилось понятие *whitemail*, в соответствии с которым публично торгуемая компания продает значительную часть своих акций дружественной компании, как правило, со скидкой с их рыночной стоимости. Здесь морфема *-mail* выступает в качестве аффиксоида, а морфема *white-* отсылает к цветотермину *white knight*, созданному на основе метафорической модели *"companies are knights"* и означающему компанию, которая спасает приобретаемую компанию от недружественного поглощения путем ее выкупа [1, С. 66].

Необходимо признать, что включение в отборку слов с морфемой *-mail* (кроме *graymail*) может вызвать критику в адрес данного исследования. Но, возможно, под влиянием детективной литературы слово *blackmail* стало ассоциироваться именно с «нехорошим письмом», в котором от адресата требуют каких-либо уступок.

Цветотермины, имеющие в своем составе существительные слово *book*, большей частью получили цветообозначение, соответствующее цвету обложки. Однако здесь есть различия. Так, например, если *bluebook* (статистический справочник, альманах) приобрел цветообозначение по аналогии с книгами, в которых велись протоколы заседаний Парламента, и обложка которых была обтянута синим бархатом, то в случае с *Red book* (вар. *UN Red list*) цвет обложки был выбран с точки зрения когнитивного восприятия: красный цвет ассоциируется с опасностью, необходимостью повышенного внимания, т.е. используется метонимический перенос. Теперь этот термин (в значении «перечень чего-либо, подвергающегося опасности исчезновения») употребляется не только в отношении представителей фауны и флоры, но существует, например, *Red Book of Endangered Languages*, впервые опубликованная ЮНЕСКО в 1996 году (последняя редакция в 2012 г.).

Учитывая полный набор «основных цветов» – *black, white, red, yellow, green, blue, brown, pink, orange, purple, grey* – нам не удалось найти ни одного цветотермина, связанного с понятием «документ», имеющего в своем составе цветонаименование *orange, purple*.

На основе рассмотренных примеров можно прийти к выводу, что цветотермины, обозначающие документы, печатные издания образуются в основном двумя способами. Первый – включение в термин названия цвета, прямо отсылающего к цвету бумаги, на которой «документ» напечатан, либо к цвету обложки. Второй – метонимический перенос значения цветообозначения в цветотермин. Понимание, каким образом образован цветотермин помогает преподавателю при объяснении его значения студентам, а студентам помогает запомнить терминологию и осознать возможную лингвокультурологическую разницу между русским и английским языками.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Investopedia. [Electronic resource]. – URL: <https://www.investopedia.com/> (accessed: 30.10.2021)
2. Macmillan free on-line dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 30.10.2021)
3. Merriam-Webster On-line Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 30.10.2021)
4. On-line Collins English Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 30.10.2021)
5. On-line Oxford English Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 30.10.2021)
6. Исупова М.М. Концептуальные метафоры в корпоративном праве / М.М. Исупова, И.Е. Коптелова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2018. - № 11 (51). - С. 59-67.
7. Коптелова И.Е. Разноцветная экономика / И.Е. Коптелова, И.А. Фадеева // New World. New Language. New Thinking: материалы межвузовской научно-практической конференции, 06 февраля 2018. Москва / Дипломатическая академия МИД РФ. – Москва. - 2018. - С. 348-352.
8. Коптелова И.Е. Цветные воротнички / И.Е. Коптелова, И.А. Фадеева // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник научных статей. – Москва; Квант-Медиа. - 2018. - С. 24-34.
9. Шевченко А.П. О движении BLACK LIVES MATTER и восстановлении «лингвистической справедливости» [Электронный ресурс] / А.П. Шевченко // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: История, культура и искусство. 2020. № 01 (01). – URL: <https://scipress.ru/fai/articles/o-dvizhenii-black-lives-matter-i-vosstanovlenii-lingvisticheskoy-spravedlivosti.html> (дата обращения: 30.10.2021).
10. Энциклопедия банковского дела и финансов. Словари и энциклопедии. Академик. [Электронный ресурс] – URL: https://banking_finance.academic.ru/ (дата обращения: 30.10.2021).
11. Barcelona A. Introduction. The Cognitive theory of metaphor and metonymy. / A. Barcelona // In: Metaphor and Metonymy at the Crossroads – Berlin: Mouton de Gruyter, - 2000. - P. 1-28
12. Radden G. How metonymic are metaphors? / G. Radden // In Metaphor and Metonymy at the Crossroads - Berlin: Mouton de Gruyter. – 2000. – P. 93–105.
13. Farber N. I Found Them in the Yellow Pages. [Electronic resource] / N. Faber – Little Brown&Co. – 1973. – URL: <https://www.amazon.de/-/en/Norma-Farber/dp/0316274208> (accessed: 30.10.2021).
14. Given J.C. Texaco Offering Shareholders an 'Anti-Greenmail' Provision in Charter [Electronic resource] / J.C. Given // AP News. – 15.01.1988. – URL: <https://apnews.com/article/5b5deec8ec8b0804334eff8090fdd62f> (accessed: 30.10.2021).

15. Lakoff G. Ten Lectures on Cognitive Linguistics. / G. Lakoff – Lam. – 2017. – 226 p.
16. Kövecses Z. Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. / Z. Kövecses – OUP. – 2015. – 232 p.
17. Lenihan R. Hertz Shares to Trade on Pink Sheets After Bankruptcy [Электронный ресурс] / R. lenihan // The Street – 30.10.2020 – URL: <https://www.thestreet.com/investing/hertz-shares-to-begin-trading-on-pink-sheets-after-bankruptcy> (дата обращения: 30.10.2021).
18. Niemeier S. Colourless green ideas metonymise furiously / S. Niemerier // Rostocker Beiträge zur Sprachwissenschaft 5. – 1998. – P. 119-146.
19. Niemeier S. From blue stockings to blue movies / S. Niemerier // In Speaking of Colors and Odors – Amsterdam, NLD: John Benjamins Publishing Company. – 2007. – P. 142-154.
20. Singh D. Pink Slip in IT Industry Cause and Impact. [Electronic resource] / D. Singh – URL: https://www.researchgate.net/publication/280640155_Pink_Slip_In_IT_Industry_Cause_and_Impact (accessed: 30.10.2021).
21. BBC. News. Официальный сайт. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 30.10.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Investopedia. [Electronic resource]. – URL: <https://www.investopedia.com/> (accessed: 30.10.2021)
2. Macmillan free on-line dictionary. [Electronic resource]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 30.10.2021)
3. Merriam-Webster On-line Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 30.10.2021)
4. On-line Collins English Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 30.10.2021)
5. On-line Oxford English Dictionary. [Electronic resource] – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 30.10.2021)
6. Isupova M.M. Konceptual'nye metafori v korporativnom prave [Conceptual metaphors in company law] / M.M. Isupova, I.E. Koptelova // Vestnik Universiteta imeni O.E.Kurafina (MGYUA) [Bulletin of O.E.Kurafin University (MSAL)] – 2018. – № 11 (51). – pp. 59-67. [in Russian]
7. Koptelova I.E. Raznocvetnaya ekonomika [Colourful economy] / I.E. Koptelova, I.A. Fadeeva // New World. New Language, New Thinking: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii. 06 fevralia 2018. Moskva [Proceeds of interinstitutional scientific and practical conference. 06 February 2018. Moscow] / Diplomatskaya akademiya MID RF. [Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry]. M. 2018. pp. 348-352 [in Russian]
8. Koptelova I.E. Cvetnye vorotnichki [Coloured collars] / I.E. Koptelova, I.A. Fadeeva // Yazyk, Kul'tura. Obschestvo. Aktual'nye voprosy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya. Sbornik nauchnykh statej [Language. Culture, Society. Important issues, methods of research and challenges of teaching. Collection of research articles] Kvant-Media. Moskva [Kvant-Media, Moscow]. – 2018. pp. 24-34 [in Russian]
9. Shevchenko A.P. O dvizhenii BLACK LIVES MATTER i vosstanovlenii "lingvisticheskoy spravedlivosti" [On BLACK LIVES MATTER movement and restoration of "linguistic justice"] [Electronic resource] / A.P. Shevchenko // Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. Ser.: Istoriya, kul'tura i iskusstvo. [Filological Aspect: international research and practice magazine. Issue: History, culture and art] – 2020. № 01 (01). – URL: <https://scipress.ru/fai/articles/o-dvizhenii-black-lives-matter-i-vosstanovlenii-lingvisticheskoy-spravedlivosti.html> (accessed: 30.10.2021) [in Russian]
10. Enciklopedia bankovskogo dela i finansov. Slovari i enciklopedii. Akademik. [Encyclopedia of banking and finance. Dictionaries and encyclopedias. Academic] [Electronic resource] – URL: https://banking_finance.academic.ru/ (accessed: 30.10.2021). [in Russian]
11. Barcelona A. Introduction. The Cognitive theory of metaphor and metonymy. / A. Barcelona // In: Metaphor and Metonymy at the Crossroads – Berlin: Mouton de Gruyter, – 2000. – P. 1-28
12. Radden G. How metonymic are metaphors? / G. Radden // In Metaphor and Metonymy at the Crossroads - Berlin: Mouton de Gruyter. – 2000. – P. 93-105.
13. Farber N. I Found Them in the Yellow Pages. [Electronic resource] / N. Faber – Little Brown&Co. – 1973. – URL: <https://www.amazon.de/-/en/Norma-Farber/dp/0316274208> (accessed: 30.10.2021).
14. Given J.C. Texaco Offering Shareholders an 'Anti-Greenmail' Provision in Charter [Electronic resource] / J.C. Given // AP News. – 15.01.1988. – URL: <https://apnews.com/article/5b5deec8ec8b0804334eff8090fdd62f> (accessed: 30.10.2021).
15. Lakoff G. Ten Lectures on Cognitive Linguistics. / G. Lakoff – Lam. – 2017. – 226 p.
16. Kövecses Z. Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. / Z. Kövecses – OUP. – 2015. – 232 p.
17. Lenihan R. Hertz Shares to Trade on Pink Sheets After Bankruptcy [Electronic resource] / R. lenihan // The Street – 30.10.2020 – URL: <https://www.thestreet.com/investing/hertz-shares-to-begin-trading-on-pink-sheets-after-bankruptcy> (accessed: 30.10.2021).
18. Niemeier S. Colourless green ideas metonymise furiously / S. Niemerier // Rostocker Beiträge zur Sprachwissenschaft 5. – 1998. – P. 119-146.
19. Niemeier S. From blue stockings to blue movies / S. Niemerier // In Speaking of Colors and Odors – Amsterdam, NLD: John Benjamins Publishing Company. – 2007. – P. 142-154.
20. Singh D. Pink Slip in IT Industry Cause and Impact. [Электронный ресурс] / D. Singh – URL: https://www.researchgate.net/publication/280640155_Pink_Slip_In_IT_Industry_Cause_and_Impact (дата обращения: 30.10.2021).
21. BBC. News. Official site. [Electronic resource] – URL: <https://www.bbc.com/news> (accessed: 30.10.2021)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.34>**ПОЭТОНИМЫ В ПОЭЗИИ ШАЙХЗАДЫ БАБИЧА: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ**

Научная статья

Кудашева С.Р.¹, Карабаев М.И.² *^{1,2} Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (munir.karabaev[at]yandex.ru)

Аннотация

В данном исследовании рассматривается этнолингвистическое пространство поэтонимов на примере поэзии башкирского поэта Шайхзады Бабича. Данная проблема представляет интерес в связи с недостаточной изученностью семантических разрядов поэтонимов башкирского языка в художественном тексте. Особое внимание в нашем исследовании уделяется национальной специфике вербализации различных типов поэтонимов в художественных текстах Шайхзады Бабича и лингвосемантическим моделям реализации онима в художественном тексте. Также раскрыто значение термина «поэтоним», рассмотрены вопросы анализа имени собственного в художественном тексте. В статье анализированы теоретические взгляды исследователей на природу поэтонимов, описаны значение и функции имен собственных в художественном тексте как важного компонента литературных текстов. Предложено осмысление термина «поэтоним», под которым следует понимать имя в литературно-художественной речи, которое, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, выполняет функцию вторичную по отношению к реальной ономастике, со свойственной ему подвижной семантикой. Исходя из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе, о поэтонимах можно говорить как о вторичной системе, моделирующей реальную ономастику. На материале исследования показаны основные линии перемен в теоретических представлениях о поэтонимии. Путем анализа поэтической ономастики как отдельной области исследования онимов в художественных текстах определена методология исследования поэтических текстов Ш. Бабича. Последующий лингвистический анализ произведений поэта на основе структурно-семантического анализа ономастических единиц позволяет сконструировать их состав, особенности функционирования в поэтической речи Ш. Бабича, роль поэтонимов в формировании образной составляющей художественных текстов. Согласно традиционной классификации в статье поэтонимы подразделены по разрядам: поэтические антропонимы, поэтические топонимы, поэтические космонимы. На материале поэзии автора показана лингвокультурная семантика поэтонимов-концептов «Урал» и «Салават», их метафорическая коннотация и роль в репрезентации мироощущения поэта.

Ключевые слова: башкирский язык, башкирская ономастика, поэтоним, Шайхзада Бабич, башкирская поэзия, топоним, антропоним, космоним.

POETONYMS IN THE POETRY OF SHAYKHZADA BABICH: SEMANTICS, STRUCTURE AND FUNCTIONS

Research article

Kudasheva S.R.¹, Karabaev M.I.² *^{1,2} Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (munir.karabaev[at]yandex.ru)

Abstract

This study examines the ethnolinguistic space of poetonyms on the example of the poetry of the Bashkir poet Shaikhzada Babich. This problem is of interest in connection with the insufficient study of the semantic categories of poetonyms of the Bashkir language in a literary text. Particular attention in our study is paid to the national specifics of the verbalization of various types of poetonyms in the literary texts of Shaikhzada Babich and linguo-semantic models of the implementation of the onym in a literary text. The meaning of the term "poetonym" is also disclosed, the issues of analyzing a proper name in a literary text are considered. The article analyzes the theoretical views of researchers on the nature of poetonyms, describes the meaning and functions of proper names in a literary text as an important component of literary texts. A comprehension of the term "poetonym" is proposed, which should be understood as a name in literary and artistic speech, which, in addition to the obligatory nominative, characterizing, ideological and stylistic functions, performs a secondary function in relation to real onomastics, with its inherent mobile semantics. Based on the idea of a work of art as a secondary semiotic modeling system, one can speak of poetonyms as a secondary system that models real onomastics. The material of the study shows the main lines of change in theoretical ideas about poetonymy. By analyzing poetic onomastics as a separate field of study of onyms in literary texts, the methodology for studying the poetic texts of Sh. Babich is determined. The subsequent linguistic analysis of the poet's works on the basis of the structural-semantic analysis of onomastic units allows us to construct their composition, the features of functioning in Sh. Babich's poetic speech, the role of poetonyms in the formation of the figurative component of literary texts. According to the traditional classification in the article, poetonyms are divided into categories: poetic anthroponyms, poetic toponyms, poetic cosmonyms. On the material of the author's poetry, the linguocultural semantics of the poetonyms-concepts "Ural" and "Salavat", their metaphorical connotation and role in the representation of the poet's attitude are shown.

Keywords: Bashkir language, Bashkir onomastics, poetics, Sheikh Babich, Bashkir poetry, toponyms, anthroponyms, cosmonyms.

Введение

Изучение роли ономастических единиц в поэтических текстах – актуальная проблема современной литературной ономастики как одного из быстро развивающихся направлений лингвистики. Поэтическая речь трансформирует семантику имен собственных, придавая им различные коннотативные значения, вербализуя мироощущение лирического героя в различных пространственно-временных рамках. Поэтому поэтоним как особый вид онима вызывает большой интерес в поэтической ономастике с точки зрения лингвистической, культурологических значений языковых единиц, когнитивно-прагматических функций [17].

Актуальность нашего исследования обусловлена также отсутствием целостного подхода к изучению семантики, структуры и функционирования поэтонимикона в художественном дискурсе классической башкирской поэзии. Изучение поэтонимов необходимо для полного установления художественного стиля мастеров слова, выяснения закономерностей поэтонимосферы стихотворений и комплексного изучения взаимовлияния языковых механизмов и социокультурных факторов в создании и функционировании поэтонимов в тексте. Исследование поэтонимикона Шайхзады Бабица значимо с точки зрения репрезентации мировоззрения, менталитета, бытовых и социальных условий существования, культурных ценностей башкирского народа сквозь призму языковой личности автора [13, С. 150].

В лингвистической литературе ономастическая лексика художественных произведений рассматривается в разных аспектах, поэтому существуют разные подходы и методы в изучения литературных онимов, их структуры. Так, А.В.Суперанская полагает, что номинативные единицы в текстах литературных произведений занимают промежуточное место между наименованиями подлинных и придуманных предметов, потому что: а) предметы и явления их создаются на основе опыта, мастера, но реально не существуют; б) они сочиняются по образцу естественных и искусственных предметов с учетом принадлежности их определенному ономастическому полю» [16, С. 336].

Ономастическая единица в текстах художественной литературы многофункциональна. Безилингвистических функций (номинативной, идентификационной, дифференцирующей), наименование попросту не будет рассматриваться как имя [9, С. 36].

По мнению В.М. Калинкина, главное различие литературного наименования от имени собственного состоит в том, что поэтонимами, в основном, обозначаются нереальные, а присутствующие в сознании слушателей и читателей идеальные образы придуманных или реальных предметов, именуемых ономастической единицей [2, С. 62].

Н.В. Подольской в «определяет поэтоним как наименование в литературном произведении, выполняющее в тексте, кроме номинативной, определяющую функции стилистическую и идеологическую [6, С.81].

Основной функцией реально существующих ономастических единиц является дифференцирующая функция. В литературном тексте выполняет стилистическую функцию.

Проанализировав бинарные оппозиции собственных имен в ономастическом поле художественного произведения, у О. И. Фоякова мы видим следующие группы поэтонимов:

а) по специфике денотативного значения имен собственных в ономастике конкретного языка и в ономастическом пространстве литературного текста (т. е. оппозиция типа антропонимы – топонимы, топонимы – урбанизмы, личные и мена – фамилии, личные имена – прозвища и т. д.);

б) по способу художественной номинации в литературных текстах (оппозиция: узуальные и окказиональные лексические средства с учетом контекстуальных и индивидуально-авторских подходов и т. д.);

в) по соотношению имен собственных в поэтической ономастике с национальным ономастическим пространством языка народа (оппозиция: реальные – вымышленные, частое – редкое, сословное – внесословное и т. д. при характеристике поэтонимов) [19, С. 65].

Признавая вторичность поэтонимов по отношению к национально-историческим собственным именам, с одной стороны, и с другой, роль автора в создании и использование поэтонимов при образной характеристике, сложно разработать универсальную классификацию поэтонимов. Следует учитывать, что сам механизм создания поэтонимов не имеет однозначного объяснения. Приходить к выводу, что «вся стилистика имен в художественном произведении обычно строится на основе стилистики реально существующих имен, а не вопреки ей» – означает признание минимальной роли авторского творчества и употребления имен собственных. Такой подход, вероятно, можно сделать только на основании анализа поэтонимов в прозаических произведениях. Но и при утверждении доминирующей роли автора в создании поэтонимов при их классификации нельзя не учитывать связи поэтонимов с национальной ономастикой, связи с замыслом произведения, раскрытия роли эстетического образа в тексте [6, С.158].

В основе классификации поэтонимов лежит единство процесса «действительная ономастика – автор произведения – литературная ономастика», который играет основную роль при создании текста. Это позволяет выделить в поэтическом ономастическом пространстве следующие разряды поэтонимов:

а) собственные имена персонажей, мест, событий в художественном тексте;

б) собственные имена для вымышленных автором художественных образов;

в) общеупотребительные имена и названия национальной ономастики для вымышленных автором поэтических образов;

г) поэтонимы вымышленных образов, созданных по моделям национальной ономастики (полу реальные имена);

д) авторские поэтонимы, созданные для усиления экспрессии имени при характеристике художественного образа без учета специфики национальной ономастики;

е) вымышленные поэтонимы для нереальных эстетических образов, не имеющих прямую соотнесенность с объективной действительностью [19, С. 48].

В данной работе мы придерживаемся традиционной классификации онимов в связи с именуемыми объектами, которая в структурном плане может быть успешно применена в отношении поэтонимов. В данном случае поэтонимы подразделяются на художественные антропонимы, топонимы, космонимы и другие наименования [12, С. 151].

Обсуждение

Поэзия Шайхзады Бабича многогранна и очень богата различными лирическими мотивами. Его стихотворения покоряют из поколения в поколение множество читателей, в них отражены национальная картина мира башкирского народа, мировоззрение и культурные символы [11, С. 150].

Язык стихотворений Бабича – это одна из актуальных тем исследований в области башкирского языкознания. Несмотря на то, что образным средствам и богатству языка поэзии Бабича посвящено множество трудов башкирских стилистов (Н.Г. Саитбатталов, В.Ш. Псянчин и др.), отражение в именах собственных башкирской картины мира, поэтические мотивы, которые переданы различными онимами не становились объектами специального исследования [12, С. 154].

Онимы, используемые в поэтическом творчестве привлекают внимание не только своим семантическим содержанием, но и способностью репрезентации поэтических мотивов, образности, художественной структуры [18, С. 448]. В лингвистике их называют поэтонимами. В «Словаре ономастической терминологии» дается следующее его толкование: «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке производящее, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [15, С. 350]. Поэтонимы в художественных произведениях создают поэтонимосферу, который определяется как совокупность всех классов поэтонимов художественного текста с характерными особенностями использования. В исследовании литературных имён также актуальность приобретают и такие понятия, как «образ автора», «индивидуальный стиль», «авторский словарь», «авторская картина мира» [8].

Поэзия Ш.Бабича состоит из целой системы поэтонимов, характеризующих национальную картину мира. Поэтонимы в литературном тексте относятся к вербально-семантическому уровню стиля писателя и являются лексическими единицами [13, С. 230].

Поэтический ономастикон занимает важное место в архитектонике художественного текста. Он способствует актуализации всех его потенциальных свойств, а также понимание социально-культурного и историко-философского содержания как отдельного произведения, так и всего творческого наследия автора [11, С. 149]. Работа поэта над ономастическим материалом предполагает выбор поэтонимов из реально существующих, либо создание новых онимов на основе существующих в данном языке моделей и традиций. Наиболее ярко и широко ономастическое творчество, индивидуальность писателя проявляется в антропонимии поэзии Шайхзады Бабича [11, С. 152].

Ш. Бабич в своих произведениях использует традиционную тюркскую и арабо-персидскую антропонимию. Например, в стихотворении, посвященном Габдулле Тукаю:

*Мало в мире есть поэтов наподобье Габдуллы,
Светит он средь темной ночи наподобье луны.
Есть в Казани человек по имени Гали
У него живет Тукаев, дом его – краса земли* [1, С. 6].

Тюркская и арабско-персидская антропонимия больше всего проявляется в стихотворениях-посвящениях Ш. Бабича. Во многих текстах они становятся своеобразными поэтонимами, раскрывающими в различных образных коннотациях красоту женщины:

*Гульнур, есть в тебе и луч, и жар цветенья,
Луч – в глазах, цветок любви в сердцебиенье.
Знать не зря Земля хвалилась перед раем:
«У меня тоже есть чудное творенье!»* [2, С. 186].

*Хажар-туташ – небожительница. С неба
К нам опущена – небесная в ней нега.
«Нас оставила без чар своих и света!» –
Взвились ангелы, и ну искать по свету* [1, С. 186].

Поэтонимы-антропонимы в текстах-посвящениях могут приобретать и юмористический оттенок:

*В объятья мужа заключи, ласкай его, Марьям;
Чужой к тебе искать ключи начнет – бей его по щекам!* [1, С. 18].

Национально-культурный оттенок поэтонимов в антропонимии стихотворений проявляется в семантике имени Салават:

*Салават – Урала гордый сын,
Салават – вершина из вершин,
На земле – светильник; в небесах
Тень земная с яростью в глазах* [1, С. 198].

В текстах произведений можно выделить поэтонимы-топонимы. Они служат для номинации обращения и для выражения эмоционально-оценочного отношения к нему [12, С. 153]. Такую функцию выполняют, например, наименование исторической родины башкир – Урала в стихотворении «Я жду»:

*Живые покойники тлеют в могилах,
Их боли не слышится крик,
Но скорбную повесть о селах унылых
Несут нам Сакмар и Яик.
И сам я не знаю, кого проклиная,*

*Когда на Урал я смотрю.
Настанет ли время башкирскому краю
Узнать и увидеть зарю?
И кажется, будто великий и строгий,
Мне чутко внимает Урал,
И кажется, будто исчезли тревоги,
И день засверкал, заиграл [4, С. 18].*

В гражданской лирике Шайхзада Бабич обращается к национально-культурным символам башкирской культуры [5, С. 20]. Например, в стихотворении «Курай» через образ национального инструмента раскрывается безграничная любовь лирического героя к Родине. В раскрытии образных мотивов произведения огромную роль играет поэтоним *Урал*:

*Мой курай, зазвени, заиграй
Всеми красками звонкого мира,
Все печали развей, мой курай,
Чтобы дрогнуло сердце башкира!
Расскажи о разливах зари,
Расскажи о могучем Урале. [1, С. 23].
Стени в песне своей сотвори,
Чтобы кони по ним проскакали,
Чтобы реки неслись, второпях
На утесы кидаясь с разбега.
Расскажи о летовках в горах
И о поисках долгих ночлега.
Ты поведай мне, полон тепла,
О красавице в древнем уборе.
Сколько кружев башкирка сплела,
Чтоб забыть свое горькое горе! [1, С. 21].*

Метафорический эпитет «Могучий Урал» не только показывает образный мотив стихотворения, но также содержит в себе этнопсихологическую семантику. Он показывает любовь к свободе, непреклонность башкирского народа перед иноземными аннекционистами и их воинственный дух.

Специфика использования поэтонима «Урал» в стихотворениях Шайхзады Бабича состоит в том, что писательское имя творчество практически сведено к нулю: поэт не преобразует формы имени Урал, не нарушает типовые языковые модели, не ведёт языковую игру на уровне фоносемантики. Происходит лишь изменение образной семантики у названия, образовавшихся вследствие онимизации, представленных минимально.

Башкирская космонимия в текстах Бабича главным образом проявляется в употреблении поэтонимов *Луна* – *Солнце*:

*Ушла луна. Явилось Солнце.
Озерная блеснула гладь.
Два лебедя в тиши бессонной
Любви познали благодать [3, С. 202].*

Поэтононим сфера ночного небосвода – источник образной структуры многих произведений Ш. Бабича. Так, в стихотворении «Счастье» автор создает уникальный по своей семантике образ небосвода, вербализуя внутреннее мироощущение [4, С.20].

*Небосвод – мой бутон, трон державный – земля.
Сам я – вольная тварь; солнце – радость моя.
Звезды – слезы мои, а луна – моя грусть.
Песни утренних птиц знаю я наизусть [1, С. 93].*

Шайхзада Бабич в образной структуре стихотворений, используя поэтонимы-космонимы, обращается к приему олицетворения:

*Стремясь к луне, в лучах играл я,
Сиянье их вобрал я в грудь.
– Прости, Луна, – сказал, – украл я
Твой свет... Великодушной будь!
Луна сказала:
– Что ж такого:
Пролей народу те лучи.
И я у Солнца, право слово,
Беру их, чтоб сиять в ночи [1, С. 97].*

Итак, основными особенностями Бабичевской поэтонимосферы на уровне парадигматики следует считать 1) употребление значительного количества имён в текстовой ткани стихотворений; 2) разнообразие представленных ономастических классов с неравномерным их наполнением 3) доминирование одних классов и единичная представленность или отсутствие других; 4) частотность поэтических топонимов, которые по этому показателю занимают первое место в поэзии Бабича; 5) значительное количество прецедентных имён, несущих фоновую культурно историческую информацию; 6) употребление (хотя и минимальное) условно поэтических имён [14, С. 180].

Заключение

На уровне синтагматики особенности Бабичевской системы имён проявляются в 1) наличии онимов, играющих особую роль в речевой композиции стихотворений; 2) минимальном количестве продуктивных контекстов, в которых поэтонимы участвуют в создании творческого времени и пространства, выступают в качестве риторических обращений, употребляются в форме родительного падежа, персонифицированы [14, С. 172].

Таким образом, поэтонимосфера поэзии Ш. Бабича разнообразна и многофункциональна. Помимо номинативной функции, поэтонимосфера Бабича несет отчетливо ощущаемую стилистическую нагрузку. Имена собственные, как основа онимного пространства художественного текста, отражает характер воспроизведения автором мира. Бабичевские поэтонимы выполняют функцию развития образной структуры стихотворения, они выступают как средство репрезентации дейктической и экспрессивной функции, направленной на целостное восприятие текста.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Антология турецкой поэзии. – М.: АСТ, 2003. – 464 с.
2. Бабич Ш. Без үзбездә башҡорттар / Ш. Бабич – Өфө: Китап, 1994. – 246 бит.
3. Бабич Ш. Весенняя песнь. Стихи, проза. / Ш. Бабич – Уфа: Китап, 2015. – 280 с.
4. Бабич Ш. «Чтобы дрогнуло сердце башкира...» / Ш. Бабич // Бельские просторы. – 2014. – №5. – С. 19-25.
5. История башкирской литературы. Том №1. – Уфа: Китап, – 607 с.
6. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинин // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81-89.
7. Китабов Г. Бабич тураһында ыҫемдә калғандар / Г. Китабов // Өзәби Башҡортостан – Өфө, 1957. - №4.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская – М.: Наука, 1988. – 154 с.
9. Карабаев М. И. Башкорт ономастикаһы: укыу кулланмаһы / М.И. Карабаев – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 164 б.
10. Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа: 1959, – 539 с.
11. Саникина С.Р. Шәйехзада Бабич шиғриәтендә антропонимдар / С.Р. Санкина, М.И. Карабаев // Актуальные проблемы национальных литератур и отечественного литературоведения сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с междунар. участием), посвященной 125-летию со дня рождения видного башкирского поэта, общественного и государственного деятеля Шайхзады Бабича – 2020. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 149-152.
12. Саникина С.Р. Башкорт һәм төрөк поэзияһында поэтонимдар / С.Р. Санкина, М.И. Карабаев // Актуальные проблемы национальных литератур и отечественного литературоведения сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с междунар. участием), посвященной 125-летию со дня рождения видного башкирского поэта, общественного и государственного деятеля Шайхзады Бабича – 2020. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 152-154.
13. Саникина С.Р. Башкорт һәм төрөк шиғриәтендә поэтик топонимдар / С.Р. Санкина, М.И. Карабаев // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации: труды межвузовского лингвистического семинара молодых ученых / отв.ред. О.П. Касымова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 230-234.
14. Саникина С.Р. Шәйехзада Бабич шиғырҙарында поэтонимдар / С.Р. Санкина, М.И. Карабаев // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (27 – 28 марта 2020 г.) Республика Башкортостан – 2020. Сибай. – С. 170-180.
15. Словарь ономастической терминологии. – М.: Наука, 1980.
16. Суперанская А. Имя собственное / А. Суперанская – М.: Наука, 1980. – 451 с.
17. Tektigul Z.O. Transmisional and Magical Nature of Naming System / Z.O. Tektigul, A.B. Bayadilova-Altybayeva, K.K. Sadirova // Systematic Review Pharmacy. – Vol 11, Issue 4, 2020. – pp. 445-450. DOI: 10.31838/srp.2020.4.67
18. Фазылова Г.Р. Эмпоронимы города Стерлитамак / Г.Р. Фазылова, М.И. Карабаев, Г.Р. Абдуллина // Вестник БашГУ. – 2020. – Т. 25. – №2. – С.445-450. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.36
19. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учеб. Пособие / О.И. Фоякова – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 104 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Antologiya tureckoj poezii [Anthology of Turkish poetry] – М.: AST, 2003. - 464 p. [in Russian]
2. Babich Sh. Bez үзбездә bашҡорттар [We are Bashkirs] / Sh. Babich – Ufa: Kitap, 1994. - 246 p. [in Bashkir]
3. Babich Sh. Vesennaya pesn'. Stihy, proza [Spring song. Poems, prose] / Sh. Babich – Ufa: Kitap, 2015. – 280 p. [in Russian]
4. Babich Sh. “Chetoby drognulo serdce bashkira...” [“To make the heart of the Bashkir tremble ...”] / Sh. Babich // Bel'skie prostory [Belsky expanses]. – 2014. – No. 5. – pp. 19-25. [in Russian]
5. Istoriya bashkirskoj literatury. Tom №1. [History of Bashkir literature. Volume №1]. – Ufa: Kitap, – 607 p. [in Russian]
6. Kalinkin V.M. Ot literaturnoj onomastiki k poetonomologii [From literary onomastics to poetonymology] / V.M. Kalinkin // Logos onomastiki [Logos of onomastics]. – 2006. – No. 1. – pp. 81-89. [in Russian]
7. Kitabov G. Babich turahynda ыҫемдә калғандар [Remembering Babich] / G. Kitabov // Bashkortostan [Bashkortostan], Ufa, 1957. – No. 4. [in Bashkir]
8. Podolskaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] / N.V. Podolskaya – М.: Nauka, 1988. – 154 p. [in Russian]

9. Karabaev M.I. Bashkort onomastics: укыу кулланмасы [Bashkir onomastics: a textbook] / M.I. Karabaev – Ufa: RIC BashGU, 2015. – 164 p. [in Bashkir]
10. Ocherki po istorii Bashkirskoj ASSR [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. – Ufa: 1959, – 539 p. [in Russian]
11. Sanikina S. R. Shayekhzada Babich shirriätendä anthroponimdar [An anthroponym in the poetry of Sheikhzade Babich] / S.R. Sanikina, M.I. Karabaev // Aktual'nye problemy nacional'nyh literatur i otechestvennogo literaturovedeniya sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunar. uchastiem), posvyashchennoj 125-letiyu so dnya rozhdeniya vidnogo bashkirskogo poeta, obshchestvennogo i gosudarstvennogo deyatelya Shajhzady Babicha [Actual problems of national literatures and domestic literary criticism collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), dedicated to the 125th anniversary of the birth of a prominent Bashkir poet, public and statesman Shaikhzade Babich] – 2020. Ufa: RIC BashGU, 2020. – pp. 149–152. [in Bashkir]
12. Sanikina S.R. Bashkort häm töräk poeziyahynda poetonimdar [Poetonyms in Bashkir and Turkish poetry] / S.R. Sankina, M.I. Karabaev // Aktual'nye problemy nacional'nyh literatur i otechestvennogo literaturovedeniya sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunar. uchastiem), posvyashchennoj 125-letiyu so dnya rozhdeniya vidnogo bashkirskogo poeta, obshchestvennogo i gosudarstvennogo deyatelya Shajhzady Babicha [Actual problems of national literatures and domestic literary criticism collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), dedicated to the 125th anniversary of the birth of a prominent Bashkir poet, public and statesman Shaikhzade Babich] – 2020. Ufa: RIC BashGU, 2020. – pp. 152–154. [in Bashkir]
13. Sanikina S.R. Bashkort häm töräk shirriätendä poetik toponimdar [Poetic toponyms in Bashkir and Turkish poetry] / S.R. Sankina, M.I. Karabaev // Sovremennye lingvisticheskie paradigmy: tradicii i novacii: trudy mezhvuzovskogo lingvisticheskogo seminar molodyh uchenykh [Modern Linguistic Paradigms: Traditions and Innovations: Proceedings of the Interuniversity Linguistic Seminar for Young Scientists] / ed. by O.P. Kasymova. – Ufa: RIC BashGU, 2020. – pp. 230-234. [in Bashkir]
14. Sanikina S.R. Shayekhzada Babich shigyrzarynda poetonimdar [Poetry collection in poems by Sheikhzade Babich] / S.R. Sankina, M.I. Karabaev // Problemy gumanitarnykh nauk i obrazovaniya v sovremennom mire Sbornik nauchnykh statej po materialam VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (27 – 28 marta 2020 g.) Respublika Bashkortostan [Problems of the Humanities and Education in the Modern World Collection of scientific articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (March 27 - 28, 2020) Republic of Bashkortostan] – 2020, Sibay. – pp. 170-180. [in Bashkir]
15. Slovar' onomasticheskoy terminologii [Dictionary of onomastic terminology]. – M.: Nauka, 1980. [in Russian]
16. Superanskaya A. Imya sobstvennoe [Proper name]. / A. Superanskaya – M.: Nauka, 1980. – 451 p. [in Russian]
17. Tektigul Z.O. Transmissional and Magical Nature of Naming System / Z.O. Tektigul, A.B. Bayadilova-Altybayeva, K.K. Sadirova et al // Systematic Review Pharmacy. Vol 11, Issue 4, 2020. 445-450. DOI: 10.31838/srp.2020.4.67
18. Fazylova G.R. Emporonimy goroda Sterlitamak [Emporonyms of the city of Sterlitamak] / G.R. Fazylova, M.I. Karabaev, G.R. Abdullina // Vestnik BashGU [Bulletin of BashGU]. – 2020. – V. 25. – No. 2. – pp. 445-450. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.36 [in Russian]
19. Fonyakova O.I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste: Ucheb. Posobie [Proper name in a literary text: Proc. Allowance] / O.I. Fonyakova - L.: Publishing House of Leningrad State University, 1990. – 104 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.35>**ЭТНОНИМ «НЕМЕЦ» КАК ПРЕЗЕНТАТОР НЕМЕЦКОГО КУЛЬТУРНОГО СТЕРЕОТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ XIX В.)**

Научная статья

Чекина А.А. *

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (fillinfolk[at]gmail.com)

Аннотация

На материале русской литературы и публицистики XIX века в статье рассматриваются особенности функционирования этнонима *немец* и его производных (*немецкий*; *онемеченный*; *онемечиться* и под.), выступающих в качестве лексических презентаторов немецкого культурного стереотипа. Акцентируется внимание на особенностях выражения культурной (национальной, символической) семантики этнонима и его деривационной продуктивности. Формулируются оценочный и констатирующий компонент рассматриваемого культурного стереотипа, имеющий вербальное воплощение, прежде всего, на уровне лексики и синтаксиса. Делается вывод о влиянии авторской позиции на полноту / спецификацию содержания этого стереотипа в конкретном тексте.

Ключевые слова: этноним «немец», культурный стереотип, лингвистика стереотипа.

ETHNONYM “NEMETS” (A GERMAN) AS A PRESENTER OF THE GERMAN CULTURAL STEREOTYPE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN LITERATURE AND JOURNALISM OF THE 19th CENTURY)

Research article

Chekina A.A. *

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (fillinfolk[at]gmail.com)

Abstract

Based on the materials of the Russian literature and journalism of the nineteenth century, the article examines the features of the functioning of the ethnonym *Nemets* (a German) and its derivatives (*nemetsky*; *onemechenny*; *onemechitsya*, etc.), acting as lexical presenters of the German cultural stereotype. The article centers on the features of the expression of the cultural (national, symbolic) semantics of an ethnonym and its derivational productivity. The author formulates evaluative and ascertaining component of the cultural stereotype under study, which has a verbal embodiment, primarily at the level of vocabulary and syntax. The conclusion is made on the influence of an author's perspective on the completeness / specification of the content of this stereotype in a particular text.

Keywords: ethnonym “German”, cultural stereotype, linguistics of a stereotype.

Введение

В России, как в любой многонациональной и многоконфессиональной стране, неизбежны культурные стереотипы, отражающие «устойчивые представления» одного народа о другом. Термин «культурный стереотип» в науке чрезвычайно популярен, а само явление, понимаемое по-разному, обширно изучено в различных аспектах. Известны работы Е. Бартминского [2], О.В. Беловой [6], Е.Л. Березович [4], [5], Е.Е. Левкиевской [8], Ж.Б. Абилюдиновой [1], В.А. Ефремова [7] и др., которые посвящены как общекультурным, так и сугубо лингвистическим вопросам формирования, речевого выражения и поведенческой манифестации культурного стереотипа.

В настоящей статье на материале русской литературы и публицистики XIX века рассматривается этноним *немец* (и его производные) как языковой компонент культурного стереотипа – коллективного представления о немцах и всем «немецком» глазами русского человека.

Культурный стереотип вслед за Е. Бартминым [3, С. 68] понимается как комплекс устойчивых представлений одного народа о другом, имеющий непосредственное языковое воплощение, т.е. «языковой стереотип».

Как известно, отношения России с Германией, имеющие многовековую историю, складывались весьма неоднозначно. Период XIX века в этом смысле наиболее показателен: от союзничества России с Германией против Франции и Англии до его прекращения и выступления объединённой Германской империи против расширения территории российского государства. Поэтому в XIX веке можно наблюдать различные в оценочном отношении представления русских о немцах и Германии в целом. Безусловно, в таком случае следует учитывать и тот факт, что наш материал – художественные литературные и публицистические тексты – во многом отражает позицию автора текста, его субъективные умонастроения и политические взгляды. При этом совершенно очевидно, что языковому стереотипу свойственна известная устойчивость употребления и функционирования, причем в различных социальных сферах общественной коммуникации.

По мнению Н.И. Толстого, этноним как единица естественного языка, «погружаясь в язык культуры, приобретает в нём дополнительную, культурную семантику» [10, С. 291]. Отметим также, что культурная (национальная, символическая) семантика этнонима зависит и от позиции этнонимации в определённом контексте.

Характерно, что в рассматриваемых текстах этноним *немец* часто выступает в качестве именной части сказуемого, и в этой синтаксической функции неизбежно заключает в себе предикацию, т.е. основное содержание высказывания, что – «квалификационное». В этом случае, номинация «немец» имеет черты «свернутого» культурного стереотипа,

поскольку уже включает в себе оценочную характеристику — например, известную немецкую расчётливость: — *Германн немец; он расчётлив, вот и все!* (А. С. Пушкин. Пиковая дама (1833). В приведённом примере показательно, что культурный стереотип, «свернутый» до уровня единичного «немец», разворачивается с помощью другой предикации, выражающей оценку (*он расчётлив*).

Зачастую к именной части сказуемого, выраженной этнонимом *немец*, добавляется эпитет, заключающий в себе семантику достоверности / истинности, который даёт яркую оценочную характеристику и качественно усиливает смысловую нагрузку «свёрнутого» немецкого этностереотипа. Например:

Шиллер был совершенный немец в полном смысле всего этого слова. (Н. В. Гоголь. Невский проспект (1835);

Саша остался в полном распоряжении своего наставника, который был по породе и по душе истый немец. [А. Ф. Писемский. Тюфяк (1850)].

Весьма показательны контексты с сочетанием «настоящий немец» (здесь и далее подчеркнуто мной — А. Ч.): *Оба вы хорошо и делаете, что сговорчивы; но что касается до Грабшауфеля, то он, сколько я знаю, настоящий немец; то есть глуп, как баран, зол, как мартышка, и упрям, как украинский бык!* (В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814). В этом примере интересно и то, что характеристика, заключённая в этноминации «немец» в сочетании с эпитетом «настоящий», раскрывается с помощью ряда сравнительных оборотов с участием зоологизмов, подчеркивающих негативную оценочность высказывания.

В противостояние этому — приведем контекст, в котором отражена самооценка «настоящего немца», т.е. контекст включает я-характеристику: — *Теперь докажу вам, мои подданные, что я настоящий немец, следовательно, благоразумен и миролюбив!* (В. Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825); Как видно, здесь оценочность заключена в предикатах, выраженных краткими прилагательными *благоразумен и миролюбив*, выступающих в функции положительной характеристики «настоящего немца».

В следующих примерах *немец* выступает также в функции именного предиката, однако с содержательной точки зрения выступает в столкновении нескольких культурных стереотипов, заключённых в разных этнонимах, где один из них неизбежно оценивается более «положительно», чем другой: *Конечно, сам он от неприятеля не станет прятать русского офицера, да и на нас не донесет, ведь он не француз, а немец, и надобно сказать правду — честная душа!* (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830);

Доктор Самойлович был не русский, а поляк или чех, во всяком случае, не немец и поэтому не соединял в себе ни недостатков немецких докторов, ни полного невежества русских докторов (Е. А. Салиас. На Москве (1880).

Эти (и другие) примеры демонстрируют амбивалентность «немецкого стереотипа» в русском культурном пространстве XIX века: с одной стороны, «немец» воспринимается как *честная душа*, т.е. положительно, с другой — наряду с «русским» — не вызывает большого профессионального доверия, т.е. оценивается негативно.

Известным презентатором рассматриваемого этнокультурного стереотипа можно назвать отэтнонимное прилагательное «немецкий», причем в характерном контексте. Яркую оценочную характеристику, цельный образ, выраженный конструкцией «немецкий + сущ.», приобретает с помощью разных языковых компонентов.

Во-первых, с помощью сочетаний с именем существительным высокого содержательного «ранга» (*дух, характер* и др.):

Удивительно, как скоро перешел к нам этот немецкий дух! (И. С. Аксаков. Письма родным (1849-1856);

Немецкий дух, который весь состоит из дисциплины, не по натуре нашей. [А. А. Фет. Мои воспоминания / Часть I (1862-1889)];

В постройке статей он усмотрел отчасти немецкий характер, искусно, но фальшиво обобщающий предметы, а потом и некоторую непоследовательность. [П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882)];

Во-вторых, с помощью формульных синтаксических конструкций (*на немецкий манер*): *Нет, я хочу влюбить его на наш немецкий манер, и я думаю, что он на это должен быть способен, потому что он по матери — немец.* (Е. П. Карнович. Придворное кружево (1884).

В-третьих, с помощью устойчивых сочетаний, например таких как «немецкая учёность»: *Берлинский университет, благодаря соединенным усилиям администрации и людей науки, вырос сам собой в готовое царство такого рода: немецкая ученость процветала там, как нигде.* (П. В. Анненков. Литературные воспоминания (1882). Следует подчеркнуть, что для русской литературы XIX в. (и, видимо, речевого обихода в целом) сочетание «немецкая ученость» было довольно устойчиво. Достаточно вспомнить известную строку из «Евгения Онегина»: *Он из Германии туманной / Привез учености плоды.* «Немецкая ученость» — «подлинная ученость», в этом сочетании имплицитно содержится совершенно определенная квалификативность, которая не требует разъяснений, она описывает как раз культурный стереотип как уже состоявшийся комплекс представлений, не нуждающийся в толковании.

Не менее интересной отэтнонимной речевой единицей является глагол «о(б)немечить», выступающий в паре с дериватом, образованным постфиксом *-ся*, — «о(б)немечиться». Словообразовательная модель глаголов с префиксом *о(об-)* рассматривается в значении «превратить(ся) в кого-/ что-либо, придать (принять) какие-либо качества, свойства, характеристики».

Хотя, таким образом, это государство ордену не удалось онемечить и сделать вполне католическим, но оно во многом примкнуло к западному миру... (М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права (1886);

По воспитанию и окружающей среде, успевшей вполне онемечить уже прадеда великого Лейбница, немецкий философ, конечно, должен считаться таким же немцем, как и Лессинг — потомок лужицких лесников. (М. М. Филиппов. Готфрид Лейбниц. (1893)

И я, грешный человек, думал, что он вовсе онемечился... (М. Н. Загоскин. Русские в начале восемнадцатого столетия (1848)

Но от давнего пребывания в Германии она почти совсем онемечилась. (И. С. Тургенев. Вешние воды (1872)

По мнению О.А. Старовойтовой [9, С. 276], семантика таких глаголов может характеризоваться самым общим значением и не различаться по степени интенсивности, поэтому мера признака и оценочность в целом, как видно из примеров, могут передаваться с помощью наречий-интенсификаторов (*совсем, вовсе, вполне, совершенно и под.*).

Кроме того, О.А. Старовойтова [9, С. 284] отмечает, что интересным стилистически синонимичным производным к глаголам с префиксом *о(об)-* в текстах XIX века является отэтнонимный глагол с префиксом *с-*, приобретающий оттенок разговорности:

Кракусы, например, с ужасным соболезнованием говорят, что прусаки «снемчили» Познань; что уж в польских семьях нередко говорят между собою по-немецки, а в рабочих классах есть люди, совсем забывшие польскую речь. (...) Конечно, школы не так устроены, как бы хотелось, да вон посмотрите-ка на чехов, на моравов, уж там наши покровители австрийцы шага не дают ступить, а найдите-ко онемченного чеха или чешку! (Н.С. Лесков. Город Краков (1862).

К тому же из этого контекста видно, что в функции выражения «немецкого стереотипа» могут выступать различные глагольные формы (здесь – причастие) рассматриваемого производного с префиксом *о(об)-*. *Родятся они от обруселых немцев, делаются из онемечившихся русских.* (А. И. Герцен. Русские немцы и немецкие русские (1859).

Как известно, стереотипы складываются исторически. Содержательная и оценочная семантика этнонима, погруженного в культуру, безусловно изменчива. Тексты XIX века демонстрируют амбивалентное оценочное содержание этнонима *немец* как презентатора соответствующего этнокультурного стереотипа. С одной стороны, заметно, что «немецкий стереотип» воспринимается положительно, с другой – присутствуют совершенно конкретные отрицательные оценки *немца*.

Следует отметить и тот факт, что в нашем материале любая оценка поведения, личностных черт «настоящего немца» зависит от субъективной позиции автора и функции текста: так, в художественных произведениях разворачивается многослойный «личностный стереотип немца» – по поведению, по характеру, по нравственным позициям и т.д. В публицистических и деловых текстах, принадлежащих перу государственных деятелей, стереотип немца приобретает явное политическое звучание. И все же каждый из рассмотренных «социальных» вариантов этого стереотипа имеет нечто общее, обеспечивающее устойчивую оппозицию «русский немец» как вариацию общекультурной оппозиции «свой – чужой».

Не менее показательными оказываются отэтнонимные производные – прилагательное «немецкий» и глаголы «*о(б)немечить* – *о(б)немечиться*» в различных грамматических формах, которые актуализируют основные черты устойчивого «немецкого стереотипа», существовавшего в русском обществе XIX в., о чем свидетельствуют многочисленные контексты, насыщенные этими лексическими единицами.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абилюдинова Ж.Б. Этнические стереотипы сквозь призму языка / Ж.Б. Абилюдинова. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 240 с.
2. Бартмицкий Е. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) / Е. Бартмицкий // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л.Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 11–21.
3. Бартмицкий Е. Языковой образ мира – очерки по этнолингвистике. / Е. Бартмицкий. – М.: Индрик, 2005. – 512 с.
4. Березович Е.Л. Этнические стереотипы в разных культурных кодах / Е.Л. Березович // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 22–30.
5. Березович Е.Л. Еще раз об этимологии рус. Мазурик ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях) / Е.Л. Березович, В.С. Кучко // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies, 2017. – Вып. № 1. – С. 413–448.
6. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Этнолингвистическое исследование: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ольга Владиславовна Белова. – М., 2006. – 34 с.
7. Ефремов В.А. Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языка вражды / В.А. Ефремов // Материалы международной научной конференции. – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 217–222.
8. Левкиевская Е.Е. Эволюция стереотипа украинца в русском языковом сознании / Е.Е. Левкиевская // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 53–71.
9. Старовойтова О.А. Семантика и функциональный потенциал префиксальных отэтнонимных глаголов в русском языке XIX в. / О.А. Старовойтова // Вестник СПбГУ. Язык и литература, 2019. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 272–284.
10. Толстой Н.И. Культурная семантика славянского *vesel / Н.И. Толстой // Язык и народная культура. – М.: Индрик, 1995. – С. 289–316.

Список литературы на английском / References in English

1. Abildinova Zh.B. Ehtnicheskie stereotipy skvoz' prizmu jazyka [Ethnic stereotypes through the lens of language] / Zh.B. Abildinova. - M.: FLINT, 2017. - 240 p. [in Russian]
2. Bartminsky E. Bazovye stereotipy i ikh profilirovanie (na materiale pol'skogo jazyka) [Basic stereotypes and their profiling (based on the material of the Polish language)] / E. Bartminsky // Stereotipy v jazyke, kommunikacii i kul'ture: Sb.

statejj [Stereotypes in language, communication and culture: Collection of articles] / Edited by L.L.Fedorov. - M.: RSUH, 2009. - pp. 11-21 [in Russian]

3. Bartminsky E. Jazykovoj obraz mira – ocherki po ehtnolingvistike [The linguistic image of the world - essays on ethnolinguistics] / E. Bartminsky. - M.: Indrik, 2005– 512 p. [in Russian]

4. Berezovich E.L. Ehtnicheskie stereotipy v raznykh kul'turnykh kodakh [Ethnic stereotypes in different cultural codes] / E.L. Berezovich // Stereotipy v jazyke, kommunikacii i kul'ture: Sb. statejj [Stereotypes in language, communication and culture: Collection of articles] / Compiled and edited by L.L. Fedorova. - M.: RSUH, 2009. - pp. 22-30 [in Russian]

5. Berezovich E.L. Eshhe raz ob ehtimologii rus. Mazurik 'moshennik' (v svete kul'turno-jazykovogo obraza mazura v slavjanskikh tradicijakh) [Once again on the etymology of Rus. Mazurik 'the swindler' (in the light of the cultural and linguistic image of Mazur in Slavic traditions)] / E.L. Berezovich, V.S. Kuchko // Slověne = SlovĕNe. International Journal of Slavic Studies, 2017. - Issue No. 1. - pp. 413-448 [in Russian]

6. Belova O.V. Ehtnicheskie stereotipy po dannym jazyka i narodnoj kul'tury slavjan [Ethnic stereotypes according to the language and folk culture of the Slavs: An Ethnolinguistic study]: extended abstract of Candidate's thesis. Philology / Olga Vladislavovna Belova. - M., 2006. - 34 p. [in Russian]

7. Efremov V.A. Ehtnonimy v sostave frazeologizmov: istoki jazykavrazhdy [Ethnonyms as part of phraseological units: the origins of the language of enmity] / V.A. Efremov // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Materials of the International Scientific Conference]. - Tula: Tula Production Printing Association, 2018. - pp. 217-222 [in Russian]

8. Levkievskaya E.E. Ehvoljucija stereotipa ukrainca v ruskom jazykovom soznanii [Evolution of the Ukrainian stereotype in the Russian language consciousness] / E.E. Levkievskaya // Stereotipy v jazyke, kommunikacii i kul'ture: Sb. statejj [Stereotypes in language, communication and culture: Collection of articles] / Compiled and edited by L.L. Fedorova. - M.: RSUH, 2009. - pp. 53-71 [in Russian]

9. Starovoitova O.A. Semantika i funkcional'nyjj potencial prefiks'al'nykh otehtnonimnykh glagolov v ruskom jazyke KhIKh v. [Semantics and functional potential of prefixed ethnonymous verbs in the Russian language of the 19th century] / O.A. Starovoitova // Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura [Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature], 2019. - Vol. 16. - Issue 2. - pp. 272-284 [in Russian]

10. Tolstoy N.I. Kul'turnaja semantika slavjanskogo *vesel [Cultural semantics of Slavic *vesel] / N.I. Tolstoy // Jazyk i narodnaja kul'tura [Language and folk culture]. - M.: Indrik, 1995. - Pp. 289-316 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.36>**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ «ГНЕВ» В РОМАНЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ "HARRY POTTER AND THE PRISONER OF AZKABAN"**

Научная статья

Харламова Т.Д.¹ *, Шушмарченко Е.А.²² ORCID: 0000-0003-4980-9807,^{1,2} Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (harlamova12[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена изучению эмоции «гнев» и ее репрезентации в художественном тексте. В качестве материала для исследования в данной статье был выбран роман Дж. К. Роулинг «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban», в котором широко представлены репрезентации эмоции «гнев». Основная цель исследования – определить функциональную значимость контекста для расширения понимания эмоции «гнев». Толковые словари английского языка приводят исчерпывающие дефиниции лексем, описывающих гневное состояние, однако контекст дает более подробное представление о выражении и проявлении эмоции «гнев». В ходе исследования было установлено, что художественный текст расширяет понимание эмоции «гнев» и увеличивает список лексем, репрезентирующих данную эмоцию.

Ключевые слова: эмоция «гнев», языковая репрезентация, художественный текст.

REPRESENTATION OF THE EMOTION "ANGER" IN J. K. ROWLING'S "HARRY POTTER AND THE PRISONER OF AZKABAN"

Research article

Kharlamova T.D.¹ *, Shushmarchenko E.A.²² ORCID: 0000-0003-4980-9807,^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

* Corresponding author (harlamova12[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the emotion "anger" and its representation in a literary text. The authors use J. K. Rowling's novel "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban" as research material, in which representations of the emotion "anger" are widely presented. The main purpose of the study is to determine the functional significance of the context for expanding the understanding of the emotion "anger". Explanatory dictionaries of the English language provide exhaustive definitions of lexemes describing an state of anger; however, the context provides a more detailed idea of the expression and manifestation of the emotion "anger". The study finds that the literary text expands the understanding of the emotion "anger" and increases the list of lexemes representing this emotion.

Keywords: emotion "anger", linguistic representation, artistic text.

Введение

Эмоции являются предметом изучения многих наук, в частности психологии и лингвистики. В психологии эмоции рассматриваются как способ субъективного отражения окружающей действительности [2], [3]. В лингвистике под термином «эмотивность» понимают совокупность лингвистических средств всех языковых уровней, отражающих эмоциональные состояния [6, С.33]. Дальнейшее изучение эмоций в пределах двух наук привело к появлению отдельной междисциплинарной отрасли «эмотиологии», которая является прогрессивным направлением и представляет интерес для многих ученых, изучающих функционирование языка эмоций [4, С.124].

Человек может выразить эмоции вербально и невербально. Вербализация эмоций происходит средствами языка, которые позволяют индивиду передать и описать многогранность его переживаний и чувств [1], [5]. Невербальное выражение эмоций сопровождается паралингвистическими средствами, а именно вегетативными реакциями, лицевой экспрессией, телодвижениями и др. [7, С.180]. При коммуникации комбинация двух систем в полном объеме передает широкий спектр человеческих эмоций.

В качестве материала для анализа в данной статье была выбрана третья книга из серии о волшебнике Гарри Поттере «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban». Исследование проводится на примере эмоции «гнев», которая относится к импульсивным отрицательным эмоциям [7, С.180].

В своем исследовании Т. Н. Яблокова, ссылаясь на Е. Н. Пак, описывает сценарии гнева и выделяет два типа: 1) эмоция «гнев» провоцирует агрессивные действия, причем объект гнева и обидчик могут отличаться, также субъект гнева может прибывать в состоянии бессилия или фрустрации; 2) эмоция «гнев» не предрасполагает агрессивное действие, субъекту удается удерживать контроль над собой или гнев рассеивается, поскольку происходит новое событие [7, С. 181]. Описываемые сценарии выявляют два типичных состояния индивида в гнев.

В английском языке лексемами, описывающими эмоцию гнева, являются существительное **anger**, прилагательное **angry** и наречие **angrily**. Словари Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Macmillan Dictionary и Longman Dictionary of Contemporary English дают следующие определения лексеме **anger**:

1) «the strong feeling you get when you think someone has treated you badly, that makes you want to hurt them or shout at them» [9];

2) «a strong feeling that makes you want to hurt someone or be unpleasant because of something unfair or unkind that happened» [8];

3) «a strong feeling of wanting to hurt or criticize someone because they have done something bad to you or been unkind to you» [10].

Резюмируя представленные словарные дефиниции, существительное **anger** описывает отрицательную эмоцию, которая возникает в результате несправедливого, незаслуженного отношения или неприятной ситуации, часто сопровождается желанием повысить голос, а также порывом причинить боль объекту гнева.

Проанализировав материалы толковых словарей и содержание книги, был выделен следующий синонимический ряд для доминантной лексемы **anger**: **annoyance, indignation, rage, fury**. Также в данном исследовании учитываются однокоренные слова для синонимов: **annoy, annoyed; indignantly; furious, furiously; enraged**. Представленная синонимическая цепочка говорит о том, что существует широкое понимание эмоции «гнев» и каждая лексема идентифицирует разные оттенки гнева и различную интенсивность проявления.

Представленные ниже контексты показывают, что существительное **anger** непосредственно называет эмоцию «гнев», и может включать в себя как языковой, так и неязыковой компонент. Лексическое выражение эмоции представлено прямой номинацией, а невербальное выражение показано в мимике, телодвижениях и напряженном взгляде. Эмоциональное состояние индивида в гневе, описываемое лексемой **anger**, не сопровождается выраженной агрессией в сторону объекта гнева или постороннего предмета.

1. *He sat quite still, anger still surging through him, listening to the frantic thumping of his heart* [11, C.33].

2. *Professor Trelawney stood up, surveying Hermione with unmistakable anger* [11, C.318].

3. *His jaw had gone rigid with anger* [11, C.306].

В первом примере эмоция гнев охватывает все тело персонажа и сопровождается ускоренным сердцебиением. В следующем контексте лексическое описание гнева фокусируется на мимике, а именно на продолжительном взгляде, направленном на объект недовольства. В последнем примере сжатая челюсть является индикатором того, что человек пытается или сдержать гнев, или показать объекту гнева намерение защищаться при атаке.

Рассмотрим употребление прилагательного **angry**.

4. *«You don't know what you're talking about!» said Ron, starting to get angry* [11, C.116].

5. *Harry was angry enough to hit Malfoy but couldn't reach* [11, C.331].

6. *Now they could hear angry voices, growing louder and louder* [11, C.445].

В первом контексте гнев персонажа представлен прилагательным в сочетании с глаголом *to get*, указывая на начальную стадию гнева. В следующем примере показан «достаточный гнев», который допускает агрессивное поведение. Данный пример схож со вторым сценарием эмоции гнева, так как присутствует препятствие, мешающее субъекту гнева применить агрессивные действия. В последнем примере прилагательное **angry** описывает голоса, которые постепенно становятся громче, указывая на возможную эскалацию эмоции.

Следующие примеры описывают ситуации, в которых голос, тон и интонация являются идентификатором сильного недовольства. В тексте материала наречие **angrily** употребляется с глаголами говорения и характеризует интонацию и манеру произношения фразы.

7. *«Why'd you stop me?» said Ron angrily as they entered the Great Hall for lunch* [11, C.341].

8. *«Ron, don't!» said Hermione angrily* [11, C.83].

9. *Muttering angrily to herself, she headed back to her office* [11, C.447].

Анализируя три лексемы в приведенных контекстах, можно сделать вывод, что они репрезентируют гнев, поддающийся контролю, однако он может сопровождаться желанием причинить физический вред, но не доходить до агрессивного поведения. В пределах одной группы лексем существуют различные способы их употребления, что напрямую зависит от ситуации и интенсивности эмоциональных переживаний, передаваемых автором текста.

Как уже было сказано ранее, синонимы репрезентируют разную интенсивность эмоции гнева. Лексема **annoyance** обозначает «feeling of slight anger» [10]. Данная лексема и ее однокоренные слова **annoy, annoyed** описывают легкий гнев, раздражение.

10. *He shot a nasty look sideways at Harry, whose untidy hair had always been a source of great annoyance to Uncle Vernon* [11, C.18].

11. *Ron called Professor McGonagall a lot of names that greatly annoyed Hermione* [11, C.158].

12. *For some reason this seemed to annoy Hermione as well; she didn't say anything, but she kept looking darkly at the broom* [11, C.240].

В контекстах показано раздражение, которое не длится долгое время и поддается контролю. В этом случае как в словарной дефиниции, так в контекстах агрессивные действия не выявлены. Лицевая экспрессия передает раздражение индивида.

Лексема **indignation** определяется «anger about an unfair situation or about someone's unfair behavior» [9]. Данное существительное и наречие **indignantly** характеризуют недовольство и легкий гнев по причине нечестного отношения или несправедливой ситуации.

13. *«Yes, but he said we were really behind —» «— he wouldn't listen —» «— two rolls of parchment!» Professor Lupin smiled at the look of indignation on every face* [11, C.196].

14. *«I certainly didn't authorize this, Professor!» said Percy, puffing himself up indignantly* [11, C.263].

В первом контексте персонажи недовольны ситуацией, они перебивают друг друга, выражая сильное недовольство ситуацией. В следующем примере персонаж раздражен из-за положения дел и его причастности к ним, которую он отрицает.

Лексема **indignation** и ее однокоренные слова описывают негодование и фрустрацию, появляющуюся вследствие нечестного отношения или обстоятельств, которые интерпретируются субъектом как несправедливые. Состояние возмущения не имеет продолжительного эффекта. Невербальное выражение эмоции на данной стадии происходит с использованием мимики и жестов.

Существительное **fury** обозначает «extreme, often uncontrolled anger» [10], «a feeling of very strong anger that usually does not last very long» [9], то есть недолговременный, неконтролируемый гнев или ярость. Наряду с существительным в тексте часто используются прилагательное **furious** и наречие **furiously**, которые представляют вариативные способы передачи ярости в тексте.

15. *Harry could feel himself shaking, not with fear, but with a fresh wave of fury. «I trusted you» he shouted at Lupin, his voice wavering, out of control.* [11, C.366].

16. *Harry sat there, white-faced and furious, staring at Uncle Vernon, hardly able to believe it.* [11, C.20].

17. *Standing over them, with an expression of the utmost fury on her face, was Professor McGonagall. «An unworthy trick!» she was shouting* [11, C.260].

18. *«Look at him!» he said furiously to Hermione, dangling Scabbers in front of her* [11, C.154].

19. *«Flint's excuse is that their Seeker's arm's still injured» said Wood, grinding his teeth furiously* [11, C.177].

Лексема **fury** и ее однокоренные слова описывают эмоцию «гнев», которая характеризуется быстрым появлением и бурным протеканием. Контекст показывает, что ярость может накатывать волнами и вызывать дрожь во всем теле. Лексическая репрезентация ярости описывает изменения интонации и мимики. Голос может дрожать, повышаться и перерастать в крик. В большинстве примеров наречие **furiously** описывает интонацию сказанной фразы. Интенсивность переживаемой эмоции заставляет персонажа скрипеть зубами, выражая глубокий гнев. В расширенных контекстах ярость часто прерывается другим событием, позволяя восстановить контроль над своими эмоциями и действиями.

Также сильную эмоцию гнева маркирует лексема **rage**, определяемая как «extreme or violent anger» [9], «strong feeling of uncontrollable anger» [10], рассматриваемая совместно с прилагательным **enraged**, которое не только описывает состояние субъекта, но и указывает на наличие причины для ярости. Лексемы описывают глубокий, экстремальный гнев, который может сопровождаться жестокими действиями.

20. *With a roar of rage, Black started toward Snape, but Snape pointed his wand straight between Black's eyes* [11, C.381].

21. *Enraged that Gryffindor had taken such an early lead, the Slytherins were rapidly resorting to any means to take the Quaffle. Bole hit Alicia with his club and tried to say he'd thought she was a Bludger* [11, C.329].

В первом примере охватившая персонажа ярость заставляет его рычать подобно животному. Подобная вспышка ярости ведет к агрессивному поведению, но она утихает из-за другого действия. В следующем примере по причине возможного проигрыша в матче игроки охвачены яростью, ими руководит желание победить, один из них бьет противника, тем самым причиняя физический ущерб.

22. *Ron caught up with them five minutes later, in a towering rage... He was breathing deeply, his fists clenched* [11, C.182].

23. *Harry was suddenly on his feet. Rage such as he had not felt since his last night in Privet Drive was coursing through him... There was a pounding in his ears... Harry clenched his hands to stop them from shaking* [11, C.303].

Иллюстрации выше описывают невербальное выражение сильного, глубокого гнева. Лексема **rage** подразумевает интенсивный, неконтролируемый гнев, который проходит через все тело, а также сопровождается тяжелым дыханием, дрожанием рук, шумом в ушах и сжатыми кулаками. Данная лексема и однокоренные слова описывают чувство ярости, обладающее большей силой и интенсивностью по сравнению с другими синонимами. Лексема **rage** маркирует предельное чувство гнева с последующими изменениями эмоционального и физического состояния, которое вызывает животные инстинкты, как рычание, и приводит к причинению вреда объекту гнева.

Подводя итог, эмоция «гнев» – это отрицательная эмоция, характеризующаяся различными способами проявления как вербальными, так и невербальными. В английском языке существует большое количество лексических единиц, определяющих виды и нюансы эмоции «гнев». Словарные дефиниции лексем дают исчерпывающее описание каждой лексемы, однако контекст предоставляет более широкое понимание эмоции «гнев». Она имеет разные степени интенсивности, начиная с раздражения (в английском языке это состояние представлено лексемами **annoyance**, **indignation**), которое может перерасти в гнев (в английском – существительное **anger**) и во всеохватывающую неконтролируемую ярость, сопровождаемую агрессивным поведением (лексемы **fury**, **rage** передают это состояние в английском языке).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций русским языком / Л. Г. Бабенко – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та – 1989. – 184 с.
2. Бреслав Г. М. Психология эмоций / Г. М. Бреслав – М.: Смысл; Издательский центр «Академия» – 2004. – 542 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард - Перев. с англ. – СПб: Изд-во «Питер» – 1999. – 464 с.
4. Ионова С. В. Лингвистика эмоций – наука будущего / С. В. Ионова // Известия ВГПУ – 2019. – №1 (134) – С. 124–130

5. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский // Монография. – М.: «Гнозис» – 2008. – 416 с. (б)
6. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследований в лингвистике / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики – 2009. – №9. – С. 33
7. Яблокова Т. В. Современные подходы к изучению эмоции в лингвистике (на материале английского языка) / Т. В. Яблокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота – 2016. – №6 (60): в 3 ч. Ч. 2 – С. 180–183
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource] / URL: [https:// dictionary.cambridge.org](https://dictionary.cambridge.org) / (accessed: 01.12.2021).
9. Macmillan Dictionary [Electronic resource] / URL: [https://www. macmillandictionary.com](https://www.macmillandictionary.com) / (accessed: 01.12.2021).
10. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource] / URL: <https://www.ldoceonline.com> / (accessed: 01.12.2021).
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / J. K. Rowling. – Bloomsbury Publishing Plc: London – 2014. – 468 p.

Список литературы на английском / References in English

1. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznachenija jemocij russkom jazyke [Lexical means of designing emotions in Russian language] / L. G. Babenko – Sverdlovsk: Publishing House Ural'skogo un-ta – 1989. – 184 p. [in Russian]
2. Breslav G. M. Psihologija jemocij [Phycology of emotion] / G. M. Breslav – М.: Smysl; Publishing House «Akademija» – 2004. – 542 p. [in Russian]
3. Izard K. J. Psihologija jemocij [Phycology of emotion] / K. J. Izard // Eng.transl. – SPb: Publishing House «Piter» – 1999. – 464 p. [in Russian]
4. Ionova S. V. Lingvistika emocij – nauka budushchego [The linguistics of emotions is the study of the future] / S. V. Ionova // Izvestiya VGPU [Bulletin of VSPU] – 2019. – №1 (134) – P. 124–130 [in Russian]
5. Shahovsky V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij [Linguistic theory of emotion] / V. I. Shahovsky // Monografija. – М.: «Gnozis» – 2008. – 416 p. (b) [in Russian]
6. Shahovsky V. I. Jemocii kak obekt issledovanij v lingvistike [Emotions as an object of linguistic research] / V. I. Shahovsky // Voprosy psiholingvistiki [Questions of Psycholinguistics] – 2009. – №9. – P. 33 [in Russian]
7. Jabloкова Т. В. Sovremennye podhody k izucheniju jemocii v lingvistike (na materiale anglijskogo jazyka) [Modern approaches to the study of emotions (based on the English language)] / Т. В. Jabloкова // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice] – Тамбов: Gramota – 2016. – №6 (60): in 3 pt. pt. 2 – P. 180 [in Russian]
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource] / URL: [https:// dictionary.cambridge.org](https://dictionary.cambridge.org) (accessed: 01.12.2021).
9. Macmillan Dictionary [Electronic resource] / URL: [https://www. macmillandictionary.com](https://www.macmillandictionary.com) (accessed: 01.12.2021).
10. Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource] / URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed: 01.12.2021).
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban / J. K. Rowling. – Bloomsbury Publishing Plc: London – 2014. – 468 p.

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.37>**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ И РАННИЕ ОБРАЗЦЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОЭМ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ**

Научная статья

Надыршина Л.Р. *

ORCID: 0000-0002-3038-3677,

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (leysan_tatar[at]mail.ru)

Аннотация

В статье изучаются национальные истоки и ранние образцы литературных поэм в татарской поэзии. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые выявлены «первофеномены», проясняющие сущностную природу жанра поэмы. Полученные результаты показали, что генезис жанра поэмы в татарской поэзии связан с народным эпосом – дастаном. Лиро-эпические традиции, выработанные национальным фольклором, стали фундаментом для создания ранних общетюркских литературных поэм, в частности, «Кутадгу билиг» (1069/1070) Йусуфа Баласагуни, в которой обнаруживаются поэтические каноны, сформированные под влиянием исламской восточной литературы. Впоследствии средневековая тюрко-татарская поэма развивалась в рамках этих канонов.

Ключевые слова: жанр, поэма, татарская поэзия, дастан, «первофеномен» жанра.

NATIONAL ORIGINS AND EARLY EXAMPLES OF LITERARY POEMS IN TATAR POETRY

Research article

Nadirshina L.R. *

ORCID: 0000-0002-3038-3677,

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (leysan_tatar[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the national origins and early examples of literary poems in the Tatar poetry. The scientific novelty of the study lies in the fact that it introduces the primal phenomena that clarify the essential nature of poems as a genre. The obtained results showed that the genesis of the poem genre in the Tatar poetry is associated with a form of a folk epic – dastan. Lyric-epic traditions developed by national folklore became the foundation for the creation of early common Turkic literary poems, particularly, "Kutadgu bilig" (1069/1070) by Yusuf Balasaguni, which reveals poetic canons formed under the influence of Islamic Oriental literature. Subsequently, the medieval Turkic-Tatar poem developed within the framework of these canons.

Keywords: genre, poem, the Tatar poetry, dastan, primal phenomenon of a genre.

Введение

«Поиски “первофеноменов”, проясняющих (...) сущностную природу» [1, С. 150] жанров, являются одним из приоритетных проблем современного литературоведения, так как «жанр живет настоящим, но он всегда помнит свое прошлое, свое начало» [3, С. 235], жанровое ядро сохраняется в течение всех периодов его существования, несмотря на всевозможные трансформации. В свете этого актуальным в науке о литературе является вопрос генезиса, определения истоков конкретных жанров, что дает возможность раскрыть суть жанровых процессов в различные периоды развития татарской словесности.

Методы и принципы исследования

Цель данной статьи – выявление национальных истоков литературных поэм в татарской поэзии, анализ ранних ее образцов. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) определить роль дастанов в формировании лиро-эпических традиций в тюрко-татарской поэзии; 2) выявление литературных канонов в дидактической поэме «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагуни, предопределивших магистральный путь развития средневековой поэмы.

При подготовке статьи были использованы научные труды М.Х. Бакирова, А.Ш. Шарипова, Ф. Урманче, Л.Х. Мухаметзяновой, Х.Ю. Миннегулова и др. [2], [10], [9], [7]. Основными методами исследования являются культурно-исторический и герменевтический методы, метод целостного анализа художественного произведения.

Основные результаты

В научных трудах зарождение «первофеномена» литературных жанров соотносится с мифом и ритуальными действиями, ибо мифы, представляя значимую часть архаических культур и древней формой общечеловеческого сознания, создали «идейно-мировоззренческий фундамент искусства и поэзии» [2, С. 49]. По утверждению исследователей, в недрах народного творчества обнаруживаются «основы почти всех жанровых форм литературы, в первую очередь, поэмы» [8, С. 37].

Что касается национальных истоков жанра поэмы в татарской поэзии, то они обнаруживаются еще в доклассическом периоде развития словесного искусства – в древнем мире и средневековье. Формируемые у древнетюркских народов фольклорные жанры (ритуальный плач, восхваление, проклятие и др.), стали основой для зарождения литературных жанровых структур. На этом этапе общественного развития зарождается и лиро-эпический фольклорный жанр – тюркский дастан (народный эпос), первоисточником которого, по мнению Ф.И. Урманче,

является древнешумерский эпос о Гильгамеше [9, С. 44]. Эпическая биография богатыря развивается и в тюркском эпосе, при этом обрастая уникальными, соотносимыми с культурой древних тюрков, свойствами. Например, эпизод схватки эпического героя с мифическим чудовищем заменяется сценой борьбы с внешним врагом.

Тюркские эпические сюжеты находят развитие и в орхон-енисейских письменных памятниках (VI–VII вв.), синтезирующих мифологические и исторические пласты древности. Жизнеописание главных действующих лиц эпических текстов – тюркских каганов – в определенной мере повторяет путь эпического героя. Таким образом, воссоздается детальная картина сражений, где центральное место отводится образу храброго, наделенного практически сверхъестественными силами батыра, его коня и оружия. На основе этих наблюдений исследователи рунических письменных памятников констатируют факт присутствия в архаических этапах развития культуры тюркских народов сформировавшегося эпоса, влияние которого и ощутили эти источники. По мнению С.Г. Кляшторного, в орхон-енисейских памятниках обнаруживается ряд сюжетов, «сохранивших отголоски эксплицитно не обозначенной эпической традиции» [4, С. 275].

Среди древнетюркских письменных памятников есть и уйгурский источник «Ырк битиг» («Книга гаданий», VIII–X вв.), имеющий множество точек пересечения с орхон-енисейскими надписями. Так, воссозданный в прологе текста космогонический миф переходит в описание биографических деталей из жизни мифического героя. Таким образом, в тексте повторяется сюжетная схема народного эпоса.

Мотивы эпических сюжетов обнаруживаются и в древнетюркском словаре Махмуда Кашгари, зафиксировавшего как фольклорные тексты, так и образцы древнетюркской поэзии, отличающихся высокой художественностью и жанровой вариацией. Некоторые исследователи единство лирического и эпического начал обнаруживает, например, в элегиях, включенных в данный источник см.: [5, С. 3]. Герой этих элегий – Алп Эр Тонг – предстает как эпический батыр, обладающий множеством качеств идеального человека: храбростью, щедростью, мудростью и др. Трагическая гибель батыра также соответствует развитию сюжета тюркского эпоса. Следует отметить, что ранее этот образ фигурирует и в памятнике в честь Кюльтегина, то есть древнетюркские эпические сюжеты, сохранившиеся еще с орхон-енисейских надписей, являются актуальными и в средние века.

Таким образом, традиции народного эпоса выполнили своеобразную роль в процессе формирования классических литературных канонов. Зарождение жанра дастан в устном творчестве татарского народа ученые-фольклористы связывают с IX–XII вв., отмечая при этом сложность «определения точного времени возникновения эпических сюжетов» [7, С. 540]. Большую часть татарских дастанов образуют варианты общетюркских эпосов (в частности, сюжетов об Алпамша, Ак кубэк, Ыртэшлек и т.д.), бытовавшие в устном творчестве тюркских народов задолго до зарождения собственно литературных письменных памятников. Дастаны граничат с таким фольклорными жанрами, как миф, байты, сказка и др. При этом данный жанр являет собой синтез религиозно-мифологических, нравственно-этических, философско-мировоззренческих представлений татарского этноса. Он иллюстрирует общественно-политическую жизнь народа, государственную иерархию, представляет летопись наиболее важных событий в истории татар. Постепенное фиксирование татарских дастанов в книжном варианте образует точку «соприкосновения татарской устной народной поэзии с письменной» [10, С. 128]. Наиболее популярными сюжетами книжного эпоса стали истории об Идегее, Чура батыре, Кисекбаше и др.

Подытожив, можем отметить, что татарский эпос, зародившись в древние времена, существовал в поэтической форме и развивался на стыке фольклорного и литературного жанров, присутствовал в духовной жизни татарского народа одновременно с собственно литературными стихотворными формами. Также на основе дастанов сложилась эпика, ставшая одним из ведущих факторов жанрообразования в тюрко-татарской словесности в целом. Превалирование повествовательно-сюжетной линии, масштабность, историзм и стремление к философским раздумьям становятся ключевыми факторами и в жанровой эволюции тюрко-татарской поэмы.

Наиболее ранним образцом литературных поэм в тюрко-татарской словесности считается дидактическое лиро-эпическое произведение Йусуфа Баласагуни «Котадгу билиг» (1069/1070). Развивая эпические традиции, поэма стремится к масштабности в воссоздании исторических событий, связанных с государством Караханидов, с которым был связан жизненный путь самого поэта. В целом, данное произведение, как и другие тюрко-татарские лиро-эпические тексты доклассического периода («Кыссаи Йусуф» Кул Гали, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми и др.), отличается синтетическим характером и в сложившейся в современной науке жанровой номинации соответствует роману в стихах. Тем не менее, именно подобные синтетические поэтические тексты заложили лиро-эпические традиции в татарской поэзии, стали основой для формирования жанра поэмы в современном понимании в начале XX века.

Поэма включает в себя более шести тысяч двустиший-байтов. В ней четко прослеживается композиционная структура, характерная для средневековой канонической тюрко-татарской поэмы: в прологе традиционно восхваляется Аллах, Пророк и его сподвижники, правитель Караханидов. Основная часть, структурированная в виде диалога между правителем, визирем, его сыном и родственником, наполнена основными постулатами исламского мировоззрения, позволившими поэту представить образ идеального человека: высоконравственного, разумного, гуманного, верующего, справедливого и т.д. Так, поэма становится неким нравственным кодексом, на основе которого, по мнению поэта, формируется идеальное общество, а свою цель автор поэмы видит в «наставлении читателя на путь развития, передать ему обширный духовный опыт своего народа» [6, С. 172]. В дальнейшем вся средневековая тюрко-татарская лиро-эпика создавалась в рамках исламских канонов, установленных в поэме Йусуфа Баласагуни.

Заключение

Таким образом, национальные истоки жанра поэмы в татарской поэзии восходят к народному творчеству, в частности, к жанру дастан. На базе лиро-эпических фольклорных традиций были написаны ранние образцы

общетюркских литературных поэм, синтезирующих в себе эпические традиции своего народа и канонические традиции арабско-мусульманской литературы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бакиров М.Х. Древнетюркская поэзия / М.Х. Бакиров – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 390 с.
2. Шарипов А.М. Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII–XIV вв.) / А.М. Шарипов – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. – 361 с.
3. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С.Г. Кляшторный – СПб: Наука, 2006. – 592 с.
4. Узденова Ф.Т. Поэма в литературах народов Северного Кавказа. Формирование парадигмы жанра / Ф.Т. Узденова – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 126 с.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин – М.: Худ. лит., 1972. – 469 с.
6. Урманче Ф.И. Тюркский героический эпос: сравнительно-исторические очерки / Ф.И. Урманче – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 448 с.
7. Миннегулов Х.Ю. Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур / Х.Ю. Миннегулов – Казань: Ихлас, 2014. – 288 с.
8. Аминева В.Р. Жанрообразующая функция дейксиса в русской поэзии XIX–XX вв. / В.Р. Аминева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. Выпуск 11. – с. 150–153. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.33
9. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия. / Л.Х. Мухаметзянова // Золотоордынское обозрение. – 2018. – Т. 6. – №3. – с. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550
10. Кувватова Д.Х. О жанрах «достон» и «поэма». / Д.Х. Кувватова // Современная филология (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (Уфа, январь, 2013); – Уфа: Лето, 2013. – с. 3–4.

Список литературы на английском / References in English

1. Bakirov M.X. Drevnetyurkskaya poe'ziya [Ancient Turkic poetry] / M.X. Bakirov – Kazan': Tatar. kn. Publishing House, 2014. – 390 p. [in Russian]
2. Sharipov A.M. Zarozhdenie i stanovlenie sistemy' stixotvornyx zhanrov v drevnetyurkskoj i tyurko-tatarskoj literature (VIII–XIV vv.) [The origin and formation of the system of poetic genres in ancient Turkic and Turkic-Tatar literature (VIII–XIV centuries)] / A.M. Sharipov – Kazan': Publishing House Kaz. un-ta, 2001. – 361 p. [in Russian]
3. Klyashtornyj S.G. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti i e'tnokul'turnaya istoriya Central'noj Azii [Monuments of ancient Turkic writing and ethnocultural history of Central Asia] / S.G. Klyashtornyj – SPb: Nauka, 2006. – 592 p. [in Russian]
4. Uzdenova F.T. Poe'ma v literaturax narodov Severnogo Kavkaza. Formirovanie paradigmy' zhanra [A poem in the literatures of the peoples of the North Caucasus. Formation of the genre paradigm] / F.T. Uzdenova – Nal'chik: Poligrafservis i T, 2001. – 126 p. [in Russian]
5. Baxtin M.M. Problemy' poe'tiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics] / M.M. Baxtin – M.: Xud. lit., 1972. – 469 p. [in Russian]
6. Uрманче F.I. Tyurkskij geroicheskiy e'pos: sravnitel'no-istoricheskie ocherki [The Turkic Heroic Epic: Comparative historical Essays] / F.I. Uрманче – Kazan': IYALI, 2015. – 448 p. [in Russian]
7. Minnegulov X.Yu. E'tapy' razvitiya tyurko-tatarskoj, antichnoj i russkoj literatur [Stages of development of the Turkic-Tatar, ancient and Russian literature] / X.Yu. Minnegulov – Kazan': Ixlas, 2014. – 288 p. [in Russian]
8. Amineva V.R. Zhanroobrazuyushchaya funkciya dejskisa v russkoj poe'zii XIX–XX vv. [The genre-forming function of deixis in Russian poetry of the XIX–XX centuries]. / V.R. Amineva // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. – 2019. – Vol. 12. № 11. – p. 150–153. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.33 [in Russian]
9. Muxametzyanova L.X. Tatarskij e'pos «Idegej»: e'xo skvoz' stoletiya [The Tatar Epic «Edigu»: An Echo through the centuries]. / L.X. Muxametzyanova // Zolotoordyn'skoe obozrenie [Golden Horde Review]. – 2018. – Т. 6. – №3. – p. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550 [in Russian]
10. Kuvvatova D.X. O zhanrax «doston» i «poe'ma» [About the genres «doston» and «poem»]. / D.X. Kuvvatova // Modern Philology (II): Proceedings of the International correspondence scientific Conference January 2013; – Ufa: Leto, 2013. – p. 3–4. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.38>**РУССКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИСПАНСКИХ ПОЭТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Научная статья

Лесохина А.М. *

ORCID: 0000-0002-4800-3783,

Северо-западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (alesoj[at]yandex.ru)

Аннотация

Цели исследования: определить причины повышенного интереса испанских литераторов первой половины XX века к России, её истории и культуре. Исследование показало, что образ России часто встречается в творчестве таких выдающихся испанских поэтов как Антонио Мачадо. Рафаэль Альберти и Мигель Эрнандес. Для них Россия – это страна, в которой произошла социальная революция, и к свершению подобной революции они призывали и в Испании, будучи неудовлетворенными политической ситуацией в своей стране. Испанские поэты в разной степени были знакомы с советской действительностью, но их объединяло искреннее восхищение русской культурой, прежде всего литературой. Каждый из них находил что-то созвучное своему мировоззрению в русской литературе и считал, что именно творчество Толстого, Горького и Маяковского способствовало переменам в России. Результаты исследования могут быть применены при обучении испанскому языку и зарубежной литературе студентов гуманитарных вузов, а также при обучении русскому языку как иностранному испаноязычных студентов. Произведения испанских поэтов о нашей стране помогут преподавателям русского языка в иностранной аудитории активизировать фоновые знания испаноязычных студентов о России.

Ключевые слова: Советский Союз, гражданская война в Испании, русская революция, Ленин, Горький.

THE RUSSIAN THEME IN THE WORKS OF SPANISH POETS THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Research article

Lesokhina A.M. *

ORCID: 0000-0002-4800-3783,

Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (alesoj[at]yandex.ru)

Abstract

Research objectives are to determine the reasons for the increased interest of Spanish writers of the first half of the twentieth century in Russia, its history and culture. The study shows that the image of Russia is often found in the works of such outstanding Spanish poets as Antonio Machado. Rafael Alberti and Miguel Hernandez. For them, Russia is a country where a social revolution took place, and they called for a similar revolution in Spain, dissatisfied with the political situation in their country. Spanish poets were familiar with Soviet reality to varying degrees; however, they were united by a sincere admiration for Russian culture, especially literature. Each of them found something in tune with their worldview in Russian literature and believed that it was the work of Tolstoy, Gorky, and Mayakovsky that contributed to changes in Russia. The results of the study can be applied in teaching Spanish and foreign literature to students of humanities universities, as well as in teaching Russian as a foreign language to Spanish-speaking students. The works of Spanish poets about our country will help Russian language teachers in a foreign audience to activate the background knowledge of Spanish-speaking students about Russia.

Keywords: Soviet Union, Spanish Civil War, Russian revolution, Lenin, Gorky.

Введение

На протяжении первых десятилетий XX века господствующие позиции в испанской литературе занимали представители так называемого «Поколения 1898 года» и примыкавшие к нему писатели. Термином «Поколение 1898 года» в истории испанской литературы обозначают широкое идейное и культурное движение, возникшее в конце XIX века в среде испанской интеллигенции под воздействием глубокого кризиса испанского государства, который особенно явственно обнаружился во время проигранной Испанией испано-американской войны 1898 года. К «Поколению» обычно относят таких писателей, как Мигель де Унамуно, Рамон дель Валье Инклан, драматурга Хасинто Бенаvente, поэта Антонио Мачадо и других. Кроме отрицания официальной Испании и поиска путей возрождения страны их объединял глубокий и устойчивый интерес к России, русской культуре. Интерес к стране и одновременно её незнание – две взаимодополняющие черты, характерные для всего поколения 98 года, одним из идейных вдохновителей которого был Мигель де Унамуно, философ, писатель, ректор Саламанкского университета, автор романов «Абель Санчес» (Abel Sanchez), «Туман» (Niebla) и других. Он посвятил несколько эссе России и русской культуре. Ключевыми моментами истории нашей страны, привлекавшими к себе внимание Унамуно, стали жизнь русских крестьян в общине, участие России в первой мировой войне и, в особенности, Октябрьская революция и построение в России социалистического государства. По его мнению, ключевые фигуры в русской литературе – это Толстой и Достоевский [7, С. 18-67].

Еще один авторитетный представитель поколения 98 года – Рамон Мария дель Валье-Инклан – приобрёл известность благодаря своему роману-памфлету «Тиран Бандерас» (*Tirano Banderas*), в котором он впервые в испаноязычной литературе разоблачил режим диктатуры. Он был активным участником антифашистского движения и руководителем «Общества друзей СССР» в 30-х годах. Драматург Хасинто Бенавенте, нобелевский лауреат, также связанный с поколением 98, написал пьесу «Святая Русь», которая была поставлена в октябре 1932 г. в театре Беатрис [5, С. 311].

Методы исследования: изучение научной, учебной, справочной и мемуарной литературы; анализ художественных и публицистических текстов.

Обсуждение

В данной статье рассматривается тема России в творчестве испанских поэтов, поэтому более подробно раскрывается творчество таких авторов, как Антонио Мачадо, Рафаэль Альберти и Мигель Эрнандес.

Антонио Мачадо (1875-1939), один из крупнейших испанских поэтов XX века, начал свой творческий путь под сильным воздействием испанского и испано-американского модернизма. В 30-е годы, как и большинство испанских поэтов, Мачадо обращается к поэзии гражданской и социальной. В этом процессе решающую роль сыграли важные события накануне и в дни провозглашения республики (апрель 1931 года).

Сплочению деятелей культуры и мобилизации их сил на службу республике содействовал «Альянс антифашистской интеллигенции», возникший в мае 1936 года и возглавленный писателями-коммунистами Р. Альберти и другими. Прогрессивная антифашистская литература Испании стала в эти годы подлинно народной. Большое значение в этом процессе создания боевой, народной литературы имел опыт России (Горький, Маяковский и др.). Антонио Мачадо писал: «Советский Союз заслужил любовь народов. СССР – мощный, яркий маяк, освещающий будущее мира» [4, С. 15]. Помощь, оказанная Советским Союзом испанскому народу во время гражданской войны, вызвала эмоциональный отклик поэта. Антонио Мачадо писал в «Письмо Давиду Выготскому. Ленинград»: «Несмотря на марксизм Испания любит Россию и чувствует притягательность русской души» [12, С. 114].

Новые идеи, по мысли поэта, должны прийти в европейское общество из России. «Россия – писал он, - совершает сейчас самый титанический труд, который когда-либо выпадал на долю любой страны. Ибо Россия трудится, чтобы освободить человека, всех людей от чувства рабства в труде». Основным вопросом современного искусства должен быть следующий: «Может ли существовать сердечный союз между людьми, который позволил бы нам петь хором, воодушевлённым чувством?». Примером такого сердечного союза между людьми является Россия, страна Ленина», утверждает поэт. [4, С.14].

В поэме-послании к интеллигенции Советского Союза (*A Rusia*) Мачадо пишет:

«Россия, благородная Россия,
Ты во сто крат святее и благородней
С тех пор, как жезл и скипетр свой сломав,
В свои ты руки серп взяла и молот!»
(Пер. Ф. Кельина) [6, С. 414-416].

Определения «благородная», «святая» связаны с революционным переворотом, который совершился в России в 1917 году и который Мачадо одобрял и приветствовал. Деятельность Мачадо оказала значительное влияние на формирование творческих идеалов молодого поколения испанских поэтов, он был наставником и другом многих начинающих литераторов. Одним из них был Рафаэль Альберти.

Рафаэль Альберти (1902-1999) – выдающийся поэт, удостоенный таких престижных наград, как премия Сервантеса и премия Ленина за мир. Свой творческий путь он начинает с увлечения испанским поэтом Л. Гонгорой и первый же его поэтический сборник «Моряк на суше» (*Marinero en la tierra*) снискал одобрение критики, в том числе А. Мачадо. Однако провозглашение республики и расстрел в 1930 году офицера Фермина Галана заставляют Альберти обратиться к новому жанру. Он пишет драму в стихах «Фермин Галан».

Осенью 1931 года Альберти вступил в коммунистическую партию.

У Р. Альберти знакомство с русской культурой началось с театра, ещё в юности в Мадриде он посетил постановки «Шехерезада» Римского-Корсакова и «Тамара» Балакирева. Позже он познакомился с русской литературой, прежде почти неизвестной испанскому читателю: Гоголь, Гончаров, Короленко, Достоевский, Чехов, Андреев. В книге «Затерянная роща» Альберти пишет: «С Горьким знакомство началось с «Мальвы». Заключительный возглас этого великолепного рассказа: «Кто взял мой нож?» - отозвался –неисповедимым путем ассоциаций – в одном из стихотворений моего первого поэтического сборника «Моряк на суше». Мне кажется, что мы, испанцы, всё ещё недостаточно отдаём себе отчёт в том, каким откровением явился для нас в те годы выход на нашу литературную сцену русской прозы и сколь многим мы ей обязаны.» [1, С. 158].

В 1931 г. Альберти предпринял путешествие по Европе, позволившее ему досконально изучить творчество передовых драматургов и режиссёров, которые, как и он, стремились обновить театр: от Пискагора до Брехта, от Макса Рейнхердта до Мейерхольда и Таирова. [14, С. 261-275].

Пафос социалистического строительства в нашей стране захватил и увлёк поэта. 1933-м Альберти опубликовал дневник, в котором поделился энтузиазмом в адрес нашей страны.

Поскольку подробности жестоких сталинских репрессий были неизвестны или о них имелось достаточно смутное представление, Советский Союз конца 1920-х — 1930-х гг. (т.е. СССР периода пятилеток, стабильного режима правления после революции, полномасштабного индустриального развития и аграрной коллективизации) представлял собой возможную и успешную альтернативу другим странам в экономике, социальной и культурной жизни. И именно в эти сферы была направлена советская и коммунистическая пропаганда.

Знакомство с советской действительностью и культурой способствовало перелому в мировоззрении и творчестве поэта. Об этом свидетельствуют уже первые стихи, написанные им в Москве и вошедшие в сборник «Лозунги» (Consignas). Установив связи с советскими литераторами, Международным объединением революционных писателей, Альберти возвращается на родину. Здесь он много сил отдаёт организационной деятельности, сплачивая вокруг созданного им журнала «Octubre» большое число передовых деятелей испанской культуры.

Он принимает метод социалистического реализма в искусстве, исповедуемый М. Горьким и в его первых политических поэмах появляется свойственная некоторым произведениям Горького дидактичность и назидательность. На молодого поэта произвёл впечатление тот вклад, который внес Горький как писатель и журналист в развитие политических событий в России.

Альберти посвятил Горькому поэму «Песнь Максиму Горькому» (Canción a Máximo Gorki) в 1968 году, спустя 34 года после его смерти. В ней он описывает Волгу и Нижний Новгород (в то время Горький) – родные места автора «На дне». Альберти утверждает, что и вода, и ветер над рекой утратили прежнюю горечь (он обыгрывает псевдоним писателя), не слышно на реке заунывных песен бурлаков, только высокое небо, прозрачная вода, свет и умиротворенность в природе и в сердце поэта.

Летом 1934 года Альберти вторично посещает СССР и представляет испанских литераторов на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, беседует с М. Горьким об испанской литературе [11, С. 509].

Он выступил на съезде, где заявил, что скоро в Испании повсюду будут развеваются красные флаги.

Известие об астурийском восстании застало его вдали от родины. Путь поэта в Испанию был закрыт. Год спустя почти все стихотворения последних лет вошли в книгу «Поэт на улице» (Poeta en la calle). Произведения, созданные Альберти в эти годы, имели мало общего с его прежними стихами. Тема Советского Союза появляется уже в первых стихотворениях этих лет, так, в декабре 1932 года поэт создаёт стихотворение «Приветствие Красной Армии» (“Salutación al ejército Rojo”), всё построенное на контрастном сопоставлении двух миров – «здесь» и «там». Снег, падающий на шинели и штывы отряда красноармейцев как символ чистоты и мира, царящего в Стране Советов, контрастно сопоставляется с кровью, льющейся на улицах Севильи и символизирующей насилие и гнет, господствующие в Испании.

СССР входит в поэзию Альберти как пример его родине и её завтрашний день. В стихотворении «Черное море» (Mar Negro) поэт воспевае русскую революцию, Ленина, броненосец Потёмкин, с которого, благодаря фильму С. Эйзенштейна, началось его знакомство с Россией.

«Ты воистину черное, Черное море.

В гулком грохоте волн слышу гром мятежа,
вижу я, как победа и смерть за кормом
красной пеной над черной водою кружат.

Чьей-то властной рукой здесь начертаны даты -

эти вещие числа никто не сотрет:

воскресает трагический девятьсот пятый

и семнадцатый незабываемый год».

(Пер. И Смирнова) [3, С. 500]

В 1937 году Альберти встретился с И. Сталиным. Альберти упоминает Сталина в своей автобиографической книге «Затерянная роща» (Arboleda perdida), когда пишет о политиках, которые управляли миром. В 1937 году он с женой Марией-Тересой отправился в СССР, чтобы пригласить делегатов на Второй международный конгресс писателей в Испанию и встретился со Сталиным.

На следующий день состоялось заседание Политбюро ЦК ВКПб, где было принято решение согласиться с предложением испанских антифашистских писателей о созыве в Испании Международного антифашистского конгресса писателей в текущем 1937 г. В 1937 году Альберти провел в Советском Союзе 24 дня. Конгресс писателей в защиту культуры состоялся в июле того же года. [10, С. 132-139].

Поражение испанской республики поэт воспринял как непоправимую катастрофу. Несколько лет они с женой прожили в Париже, затем в годы Мировой войны эмигрировали в Аргентину.

Отсюда характерные для послевоенной поэзии Альберти частые обращения к многочисленным друзьям и соратникам. Та же настроенность вызвала слова благодарности и восхищения подвигом советского народа, сбросившего фашистское иго, которые вошли в поэму «Советский Союз» (Unión Soviética).

«Твой голос - голос героя,
и чего б я ему не принес!

Чего б я тебе не принес
сегодня, если бы мог!

Всю любовь, что в крови и сознании
всего народа Испании».

(Пер О.Савича) [3, С. 562]

В первой половине 30-х годов Альберти становится признанным лидером испанской политической поэзии, одновременно в неё входят поэты из народа, которые привносят новые темы и поэтические приёмы, особое восприятие мира. В их числе поэт-самоучка Мигель Эрнандес (1910-1942).

Из-за скромного достатка семьи ему пришлось очень скоро покинуть школу, чтобы начать зарабатывать на жизнь. Несмотря на это, он развивает свой дар писать стихи благодаря чтению классической испанской поэзии. В 1930-х

годах он приезжает в Мадрид и сотрудничает в различных изданиях, устанавливая отношения с поэтами того времени. По возвращении в родной город Ориуэлу он написал «Знарок луны» (Perito en Lunas), в котором отражено влияние авторов, которых он читал в детстве, и тех, кого он встретил во время своего пребывания в Мадриде. Его самый известный поэтический сборник – «Неугасимый луч» (El Rayo que no cesa).

Ещё до своего визита в СССР Эрнандес написал о русской революции в поэме «Пожар» (Incendio).

«Европа вспыхнула, пылает пожарищем:
из края в край, от России и до Испании,
в порыве высоком и всежигающем
пожар полощется полотнищем знамени.

Его костры табунами проносятся,
он все сметает ураганом внезапным,
он похож на победного знаменосца,
водрузившего стяг багровый над Западом».
(Пер. П. Грушко) [3, С. 622]

1 сентября 1937 года Мигель Эрнандес приехал в Москву; в то время там проходил Пятый фестиваль советского театрального искусства. Он посетил Москву, Ленинград, другие советские города, особенно интересуясь драматургией и театром. Его приводит в восхищение бурный рост строительства, богатые урожаи, зреющие на полях и, наконец, сами люди, свободные и полные трудового энтузиазма. В интервью московской литературной газете он сказал: «Я приехал в СССР прямо с фронта и, когда приеду домой, снова вернусь в окопы. Там моё место, там место всякого честного испанца, который не на словах, а на деле стремится к тому, чтобы освободить свою родину и весь мир от фашизма.» Эрнандес был восхищён самоотверженным трудом советских людей и передал свои эмоции в стихотворении «Россия» (Rusia).

«На поездах, объятых безудержным стремленьем
Довериться порыву угля и звонкой стали,
В тугих аэропланах с точеным опереньем
Я проношусь по землям труда и снежных далей.

.....

Еще вчера их реки с трудом катили воды
Рабочей кровью алой растапливая льдины.
И вот сегодня строя надежду и заводы,
Они поют, цветами увив свои машины».
(Пер. П. Грушко) [8, С. 105-110]

Мигеля Эрнандеса поразило в России, что народ, который покончил с рабством, не успокаивается; наоборот, он пристально следит за событиями в Испании и готов помочь ей в справедливой войне. В содружестве двух наций он видит залог счастливого будущего.

«Как две сестры – две силы: Испания с Россией.
Они войну осияют, им рев ее не страшен.
И станет добрым домом планета в дымке синей
Для юности и яблок, для тракторов и пашен».
(Пер. П. Грушко)

Пребывание в СССР позволило Эрнандесу отчётливее осознать международное, интернациональное значение народно-революционной войны в Испании. Авторитетный переводчик и испанист В. Н. Андреев считает, что иногда может показаться, что политические стихи Эрнандеса несколько рассудочны, холодны, однако это тот холод, что таит внутри себя пламя, взрыв. Мотивы надежды и веры звучат в них постоянно. [2, С. 115-116].

Воспоминания о Харьковском тракторном заводе, с конвейера которого один за другим съезжают тракторы, «способные вспахать целый мир», трагическим контрастом подчеркивают горькие размышления о родной стране [9, С. 440]. Они отразились в поэме «Город-фабрика» (Fabrica-ciudad). Советский Союз в то время считался раем технических достижений, а трактор стал их символом, примером техники не только сегодняшнего дня, но и будущего. Образ трактора и механизация стали одним из самых распространённых мотивов, встречавшихся в представлениях об СССР тех лет.

М. Эрнандес принимал активное участие в гражданской войне в Испании, а в конце ее попытался покинуть страну, но был арестован на границе с Португалией и заключён в тюрьму.

Основные результаты

Рассуждая о русском искусстве, Антонио Мачадо называет своими любимыми писателями Достоевского и Толстого, высказывает ряд интересных мыслей о «родственности душ» испанского и русского народов, об их общей любви к свободе, о ярком проявлении патриотизма в истории обеих стран. В русском народе поэт видел носителя духовных качеств, забытых на Западе, в первую очередь любви к ближнему. Также благодаря произведениям русских писателей Мачадо уловил тот колоссальный разрыв в русском обществе между правящими классами и народом, «верхами и низами», который привёл к Октябрьской революции.

После знакомства с произведениями Международного Союза революционных писателей, переводя поэзию Блока, Маяковского, Инбер, Светлова и Асеева, слушая как советские поэты читают вслух отрывки из своих произведений и произведений Маяковского, Рафаэль Альберти начал создавать поэзию, которая черпала вдохновение в современной реальности и социалистических убеждениях и которые он разделял с единомышленниками-левыми.

Альберти считал, что советские поэты открыли ему путь революционной поэзии. Он имел в виду прежде всего Маяковского, именно советский классик помог ему связать поэзию с жизнью, поставить её на службу политической борьбы.

Мигель Эрнандес как и В. Маяковский воспел гигантские усилия народа, который сам управляет своей судьбой. С его творческим мировоззрением Эрнандеса сближает и следующее высказывание: «Полагаю, что театр – это великолепное оружие против врага внешнего и против врага у себя дома. Я понимаю, что любой театр, любая поэзия, любое искусство должно быть – сегодня как никогда – военным оружием.» [13, С. 200]

Заключение

Не только исторические события в России XX века стимулировали интерес к ней со стороны испанских поэтов, но, главным образом, русская литература и искусство XIX-XX века способствовали глубокому пониманию ими ситуации в России и Испании первой половины века. Политическую ситуацию в России испанские поэты сравнивали с политической обстановкой в Испании в 30-е годы и пытались извлечь уроки из русской революции, опираясь на творчество русских писателей.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Альберти Р. Затерянная роща. Воспоминания. / Р. Альберти, И. Глазова – М.: Художественная литература, 1968. – 368 с.
2. Андреев В.Н. Поэзия и судьба / В.Н. Андреев // Латинская Америка – №9 – 1986. – С. 111-116.
3. Библиотека всемирной литературы. Испанские поэты XX века. – М.: Художественная литература, 1977. – 718 с.
4. Григорьев В.П. Антонио Мачадо (1875-1939) / В.П. Григорьев – М.: Высшая школа, 1975. – 96 с.
5. Волосюк О.В. Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y dialogo de culturas. Tres siglos de relaciones. / О.В. Волосюк. – М.: Индрик, 2018. – 928 с.
6. Гончаренко С. Испанская поэзия в русских переводах: Сборник / Гончаренко С. – М.: Радуга, 1984 – 720 с.
7. Корконосенко К. С. Мигель де Унамуно и русская культура / К.С. Корконосенко // Приложение к альманаху «Канун» – СПб.: Европейский дом, 2002. – 400 с.
8. Ромеро Э. Мигель Эрнандес. Судьба и поэзия. / Э. Ромеро, Л. Степанова, Ю. Степанова. – М.: Иностранная литература, 1962. – 216 с.
9. Тертерян И.А. Испытание историей. Очерки испанской литературы XX века / И.А. Тертерян – М.: Наука, 1973. – 527 с.
10. Харитонова Н.Ю. Рафаэль Альберти в Советской России: поэт, политика и политики / Н.Ю. Харитонова // Литература и идеология. Век двадцатый. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Выпуск 3. – С. 132-139.
11. Штейн А.Л. История испанской литературы изд-е 2-е / А.Л. Штейн – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 608 с.
12. Monique A. Poeta en el exilio / A. Monique, A. Machado, A. Tello et al. – Barcelona: Anthropos, 1985.
13. Ballesta J. Cano Una imagen distorsionada de Europa: Miguel Hernández y su viaje a la Union Soviética / J. Ballesta – University of Virginia, 1985.
14. Alberti S.M. Teatro abierto / S. M. Alberti // Cuadernos hispanoamericanos – 1990 – N 485-486 – pp. 261-275.

Список литературы на английском / References in English

1. Alberti R. Zaterjannaja roshha. Vospominaniya. [The Lost Grove. Memories] / R. Alberti, I. Glazova. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1968. – 368 p. [in Russian]
2. Andreev V. N. Poezija i sud'ba [Poetry and fate] / V. N. Andreev // Latinskaja Amerika [Latin America] – №9, 1986 – pp. 111-116 [in Russian]
3. Biblioteka vsemirnoj literatury. Ispanskije poety KhKh veka [Library of World Literature. Spanish poets of the twentieth century]. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1977. – 718 p. [in Russian]
4. Grigoriev V.P. Antonio Machado (1875-1939). / V.P. Grigoriev – Moscow: Vysshaya shkola, 1975. – 96 p. [in Russian]
5. Volosuyk O.V. Ispanija i Rossija: diplomatija i dialog kul'tur. Tri stoletija otnoshenij. España y Rusia: diplomacia y dialogo de culturas. Tres siglos de relaciones. [Spain and Russia: Diplomacy and dialogue of cultures. Three centuries of relationships] / O.V. Volosyuk. – Moscow: Indrik, 2018. – 928 p. [in Russian]
6. Goncharenko S. Ispanskaja poehzija v russkikh perevodakh: Sbornik [Spanish poetry in Russian translations: Collection] / S. Goncharenko. – Moscow: Raduga, 1984 – 720 p. [in Russian]
7. Korkonosenko K. S. Migel' de Unamuno i russkaja kul'tura [Miguel de Unamuno and Russian culture] / K.S. Korkonosenko – Prilozhenie k al'manakhu «Kanun» [Appendix to the almanac "Kanun"] – St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2002. – 400 p. [in Russian]
8. Romero E. Migel' Ernandes. Sud'ba i poehzija. [Miguel Hernandez. Fate and poetry] / E. Romero, L. Stepanova, Yu. Stepanova. – Moscow: Foreign Literature, 1962. – 216 p. [in Russian]
9. Terteryan I.A. Ispytanie istoriei. Ocherki ispanskij literatury XX veka [The test of history. Essays on Spanish literature of the twentieth century] / I. A. Terteryan. – Moscow: Nauka, 1973. – 527 p. [in Russian]
10. Kharitonova N. Yu. Rafael' Al'berti v Sovetskij Rossii: poeht, politika i politiki [Rafael Alberti in Soviet Russia:

poet, politics and politicians]/ N. Yu. Kharitonova // Literatura i ideologija. Vek dvadcatyjj [Literature and ideology. The twentieth century]. – Moscow: MAKS Press, 2016. – Issue 3. – pp. 132-139 [in Russian]

11. Shteyn A. L. Istorija ispanskojj literatury II ed. [Istoriya ispanskoy literatury. 2nd edition] / A. L. Shteyn. – Editorial URSS, 2001 – 608 p. [in Russian]

12. Monique A. Poeta en el exilio [Poet in exile] / A. Monique, A. Machado, A. Tello et al. – Barcelona: Anthropos, 1985. [in Spanish]

13. Ballesta J. Cano Una imagen distorsionada de Europa: Miguel Hernández y su viaje a la Union Soviética [Cano A distorted image of Europe: Miguel Hernández and his trip to the Soviet Union] / J. Ballesta – University of Virginia, 1985. [in Spanish]

14. Alberti S.M. Teatro abierto [Open theater] / S. M. Alberti // Cuadernos hispanoamericanos [Spanish-American notebooks] – 1990 – N 485-486 – pp. 261-275. [in Spanish]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.39>**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ АФОРИСТИКЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Научная статья

Королькова А.В.^{1*}, Тишина А.Е.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1, 2} Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

* Корреспондирующий автор (lika.korolkova[at]bk.ru)

Аннотация

В статье рассмотрена публицистическая афористика А.И. Солженицына; тематика, структурная характеристика его изречений, а также определена сущность лингвистики афоризма, описан механизм извлечения вводных афоризмов из текстов. Афоризмами мы признаем устойчивые изречения фразеологического типа, обладающие такими признаками, как: наличие в структуре слов-концептов (ключевых слов); краткость; паспортизированность; воспроизводимость».

В работе осуществлен анализ корпуса публицистической афористики А.И. Солженицына, насчитывающий свыше 90 единиц. Основными темами афористики А.И. Солженицына являются: нравственность, любовь к ближнему, Бог, справедливость, национальная жизнь, самоограничение, демократия, Россия, личность, тоталитаризм, патриотизм, история и пр. В центре афористического наследия Солженицына – морально-нравственные и общественно-бытовые проблемы, характеристика ценностной парадигмы русского народа. Афористика, Солженицына, оставаясь актуальной в настоящее время, по сути, указывает путь совершенствования России, развития этноса, предлагает национальную идею для нашего Отечества.

Ключевые слова: русская афористика, афоризм, афористика публицистики Александра Солженицына.

CHRISTIAN MOTIVES IN A.I. SOLZHENITSYN'S PUBLICIST APHORISTICS

Research article

Korolkova A.V.^{1*}, Tishina A.E.²¹ ORCID: 0000-0003-3245-7307;² ORCID: 0000-0001-6725-1865;^{1, 2} Smolensk State University, Smolensk, Russia

* Corresponding author (lika.korolkova[at]bk.ru)

Abstract

The article examines the publicist aphorisms of A.I. Solzhenitsyn; the subject matter, structural characteristics of his sayings, and also defines the essence of the linguistics of aphorism, describes the mechanism for extracting introductory aphorisms from texts. We recognize as aphorisms stable utterances of phraseological type that have such features as: the presence of concept words (keywords) in the structure; brevity; passportization; reproducibility.

The paper analyzes the corpus of A.I. Solzhenitsyn's publicist aphorisms, numbering over 90 units. The main themes of Solzhenitsyn's aphorisms are: morality, love for one's neighbor, God, justice, national life, self-restraint, democracy, Russia, personality, totalitarianism, patriotism, history, etc. The center of Solzhenitsyn's aphoristic heritage is moral and social problems, characteristics of the value paradigm of the Russian people. Solzhenitsyn's aphoristics, while remaining relevant at the present time, essentially points out the way of improving Russia, the development of the ethnos, and offers a national idea for our Fatherland.

Keywords: Russian aphoristics, aphorism, aphoristics of Alexander Solzhenitsyn's publicist writing.

Introduction

The work of A.I. Solzhenitsyn represents a special page of Russian literature. All the works of the writer are deeply national, connected with Russian history and culture; Solzhenitsyn comprehended the tragic Russian history of the XX century. In his works of art, the author has thoroughly and unhurriedly created a monumental picture of Russian life during the October Revolution, the Civil War, the Great Patriotic War, the terrible pages of the Gulag. All the works are a harsh historical and social epic, comparable only to Leo Tolstoy's *War and Peace*, *the Human Comedy* by Honore de Balzac, Theodore Dreiser's *Trilogy of Desire*.

Solzhenitsyn managed to become the conscience of the Russian intelligentsia, vividly responding in publicist texts to everything that happened in our Fatherland. The writer considered publicist texts as a means of fighting for freedom and justice, honestly expressing his own position.

In all Solzhenitsyn's works there are thematic dominants, often expressed aphoristically. The basis of the writer's aphoristics is the whole human life and the history of the country with deep contradictions. The theme of Solzhenitsyn's aphoristics summarizes the main ideological foundations of his works.

It should be noted that in the aphoristics of A.I. Solzhenitsyn, as in the aphoristic heritage of any author, the historical and national-cultural component is important, since the sayings illustrate the author's worldview, his belonging to a special national linguistic culture. At the same time, it should be pointed out that the aphoristics of all countries and peoples as a whole is characterized by a reflection of universal values, the so-called universals. For example, the sayings of the authors of antiquity contain many universal truths that are present in the Russian classical aphoristics of the XIXth century. These are sayings about work, friendship, love, the value of human life, about truth, etc.

Aphorisms are contained both in literary texts and in Solzhenitsyn's publicist works. In general, it should be noted that he tended to an aphoristic style of presentation. It should be noted that this stylistic feature is not inherent in all writers of the XXth century.

Before considering the thematic features of Solzhenitsyn's aphoristics, it is necessary to clarify the actual concept of aphorism as a special linguistic phenomenon.

The study of aphoristics is a big complex problem, since to date there is no uniformity of interpretation of the concept of aphorism, although hundreds of works have been written about aphoristics, among which we will name the works of: S.G. Gavrin [2], A.A. Potebnya [9], E.E. Ivanov [5], N.T. Fedorenko, L.I. Sokolskaya [16], K.M. Tangir [15], A.V. Korolkova [6], Yu.E. Prokhorov [10], [11], E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov [1], etc. Among the works that systematize ideas about aphoristics, we will call *The Linguistics of Aphorism. Textbook* compiled by a Belarusian scientist, a specialist in the field of aphoristics, E.E. Ivanov [5]. This book contains excerpts from several dozen of the most significant works on the theory of aphorism.

In general, the study of the nature of aphorism can be schematically divided into several areas: linguistic and linguoculturological analysis, literary study of aphorisms, philosophical comprehension of the essence of aphorism.

Aphorisms, in our opinion, are a very subtle linguistic and literary category that can express the philosophical and ideological concept vision of the authors.

For the convenience of analyzing a specific aphoristic material (Solzhenitsyn's aphoristics), we clarify that the aphorism has mandatory properties and features, such as: "the presence of concept words (keywords) in the structure, brevity, passportization, reproducibility" [6, p.37]. This approach, largely determined to the need to extract and systematize the author's sayings, allows you to create dictionaries of aphorisms [7].

Currently, it is not disputed that aphorisms are divided into detached and introductory, i.e. located in the structure of a text. Detached ones are those aphorisms that the author himself singled out and defined as an aphorism, in some cases combined into collections (the concept theory of Fedorenko and Sokolskaya) [16].

Solzhenitsyn's aphorisms are mostly introductory, they must be extracted from his literary texts, from publicist works, from correspondence. For analysis in this article, aphorisms were extracted from the most significant and widely known publicist texts.

It is also necessary to clarify how Solzhenitsyn's aphorisms were extracted from the texts and how their volume was identified.

In each aphoristic unit, the keywords (thematic and semantic dominants of the utterance) were distinguished, the utterance was built around them. Thanks to the keywords, aphorisms were extracted from the text.

In general, when analysing Solzhenitsyn's aphoristics (as well as aphoristics of many writers, poets, scientists, public figures) it becomes obvious that the keywords of aphorisms correspond to the basic concepts of Russian linguoculture.

As for the volume, we limit the saying to three sentences. Sometimes in Solzhenitsyn's texts aphorisms are broader in volume, in this case they should be considered aphoristic utterances. For example, most of the *Crumbs* are typical aphoristic utterances. In general, it should be noted right away that Solzhenitsyn's aphoristic legacy contains much more aphoristic utterances than classical short aphorisms-sayings.

Methods and principles of research

Semantic analysis of the corpus of aphorisms recorded in *the Dictionary of Aphorisms of Russian Writers* [7], as well as on the portal *Alexander Solzhenitsyn*. When extracting aphorisms from Solzhenitsyn's publicist texts to fix them in the dictionary, the method of selecting keywords-concepts as part of the utterance was used.

Text of article

Before examining the aphoristic legacy of A.I. Solzhenitsyn in terms of analyzing Christian motives, it should be noted that the theme of Christianity in works of fiction is considered in the works of both literary critics and linguists in great detail. For example, in 2007, the Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky defended a dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences Garkavenko O.V. *Christian motives in the works of A.I. Solzhenitsyn* [3].

However, there are practically no works in which the Christian motives of A.I. Solzhenitsyn's journalism would be considered. Trying to fill this gap, the authors of the article analyzed the publicist texts of A.I. Solzhenitsyn, highlighting mainly those in which the main theme is the writer's reflection on Christianity. Among them we will indicate *A Lenten letter to the All-Russian Patriarch Pimen* [12], *How we can equip Russia* [13], *Repentance and self-restraint as categories of national life* [14].

Solzhenitsyn's aphoristic legacy is very extensive. Solzhenitsyn's aphorisms generally touch on the so-called "eternal themes", which have been known since ancient times both in literature and in aphoristics, namely *socio-political, moral and ethical, professional, philosophical* problems, sometimes *vital everyday* ones.

In aphorisms about the universal values of humanity, fundamental novelty is not important. The corpus of Solzhenitsyn's aphorisms, like of many other writers, includes sayings about love, friendship, life and death, eternity, moral choice, moral values. Sayings of this kind have been known to mankind since ancient times. However, Solzhenitsyn's aphoristics allows us to look at the "eternal problems" in a different way. The most important element of such sayings is a deep originality and uniqueness, which are associated with a specific historical moment and an individual picture of the world.

At the beginning of the study, it should be pointed out that in the aphoristic heritage of Solzhenitsyn's publicist work there are practically no sayings of a humorous or even ironic nature, this fact is explained by the complexity and depth of the problems raised, the philosophical understanding of the value paradigm of the Russian ethnos.

The main themes of publicist aphorisms (which are expressed by keywords-concepts) are: *morality, love for one's neighbour, God, justice, national life, self-restraint, democracy, Russia, personality, totalitarianism, patriotism, history* and others.

They introduce Solzhenitsyn's aphorisms into the corresponding phraseosemantic fields of Russian culture.

In Solzhenitsyn's publicist aphoristics, the theme of Christianity, the understanding of historical processes in Russia from the point of view of the Christian, Orthodox worldview, sounds in a special way, which is immediately reflected in the keywords of his sayings. All the writer's sayings extracted from publicist texts can be attributed to various phraseosemantic fields.

Let us clarify that by the phraseosemantic field we mean a set of phraseological units united by a common seme (key, nuclear) lexeme. In the theoretical characterization of the phraseosemantic group, we point out that we join the position of Yu.A. Gvozdev, who stated that "a phraseosemantic group means a number of phraseological units of a given language that are in systemic relations (synonymic-antonymic), united by a common integrating archiseme" [4, P. 48].

Let us analyse the main phraseosemantic fields of Solzhenitsyn's publicist aphorisms. All of them correspond to the main theme of the writer's publicist aphoristic heritage – the Christian view of historical processes in Russia.

Firstly, this is a phraseosemantic field, which can be conditionally called "*morality*".

According to Solzhenitsyn, morality is necessary for any nation, without it the productive development of any nation is impossible. Morality, and hence moral qualities, such as self-restraint, the pursuit of truth, the ability to repent, the ability to live an absolute spiritual life. Moreover, these qualities are inherent, according to the writer's concept vision, not only to an individual, but also to entire nations.

«Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость – это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим» ("The moral principle should be higher than the legal one. Justice is conformity with moral law before with legal law") [13].

***

«Нации – живейшие образования, доступные всем нравственным чувствам и, как ни мучителен этот шаг, – так же и раскаянию» ("Nations are the most lively formations accessible to all moral feelings and, no matter how painful this step is, so is repentance") [14].

One of the most important qualities of both a nation and a person in Solzhenitsyn is the ability to repent, comprehend mistakes, purify oneself and move on without doing anything else like that.

One of Solzhenitsyn's articles is called *Repentance and Self-restraint as a Category of National Life*, it contains a lot of sayings.

For example:

«Труден ли, легок ли вообще этот перенос индивидуальных человеческих качеств на общество – он труден безмерно, когда желаемое нравственное свойство самими-то отдельными людьми почти нацело отброшено. Так – с раскаянием. Дар раскаяния, может быть, более всего отличающий человека от животного мира, глубже всего и утерян современным человеком. Мы повально устыдились этого чувства, и всё менее на Земле заметно его воздействие на общественную жизнь. Раскаяние утеряно всем нашим ожесточенным и суматошным веком» ("Whether this transfer of individual human qualities to society is difficult or easy at all – it is immensely difficult when the desired moral property is almost completely discarded by individual people themselves. So - with repentance. The gift of repentance, perhaps most distinguishing man from the animal world, is most deeply lost by modern man. We are overwhelmingly ashamed of this feeling, and its impact on public life is becoming less noticeable on Earth. Repentance has been lost throughout our bitter and hectic age") [14].

This aphoristic utterance of five sentences can be considered as one of the main moral postulates of Solzhenitsyn. Not only the people involved in the multiple moral crimes of our hectic age should repent, but each of us should repent, realizing our own moral imperfection.

Secondly, the phraseosemantic field closely connected with the field "*morality*" is "*Russia, Russian spirit, Russian soil*", which includes the phraseosemantic group "*nation, nationality*".

For Solzhenitsyn, Russia is both a holy Fatherland and a sacred sacrifice. Russia and, accordingly, the entire nation must purge itself of the past, realize its tragedy, repent and choose a different spiritual and moral path, the path to God. The writer regrets the tragic past of Russia, calls on all its citizens to realize this tragedy and go forward, taking the best. He calls on fellow citizens to purify themselves morally, otherwise it is impossible to build a better future for their children.

«Индивидуальное выражение общего раскаяния не только спорно по представительности – насколько выразитель его полномочен. Оно и чрезвычайно тяжело для самих выразителей: в отличие от раскаяния индивидуального, где советы посторонних и даже близких не могут иметь для тебя веса, коль скоро в это состояние ты уже вступил душою, – тот, кто взялся выразить раскаяние национальное, всегда будет подвергаться веским отговорам, укорам, предостережениям: как бы не опозорить свою страну, как бы не дать пищу ее врагам.» ("The individual expression of general repentance is not only controversial in terms of representativeness – as far as its spokesman is authorized. It is also extremely difficult for the spokesmen themselves: unlike individual repentance, where the advice of outsiders and even relatives cannot have weight for you, since you have already entered this state with your soul, the one who undertook to express national repentance will always be subjected to weighty excuses, reproaches, warnings: how not to disgrace his country, how not to give food to its enemies.") [14].

The given example is a complex syntactic unit that makes up an aphoristic utterance of four different types of sentences.

Another example of a saying demonstrating the writer's faith in a better future for his Fatherland, which can be achieved and built only by following the path of moral self-improvement.

«Только через полосу раскаяния множества лиц могут быть очищены русский воздух, русская почва, и тогда сумеет расти новая здоровая национальная жизнь. По слою лживому, неверному, закоренелому – чистого

вырастить нельзя.» ("Russian air and soil can be cleansed only through the **repentance** of many people, and then a new healthy **national life** will be able to grow. Using the false, unfaithful, inveterate layer, it is impossible to grow a pure one.") [14].

Thirdly, a significant phraseosemantic field in terms of the number of aphoristic units is the field "history", which includes the phraseosemantic groups "totalitarianism", "democracy", "modern political life".

Analysing the history of Russia, Solzhenitsyn aphoristically draws attention to the tragedy of a nation that survived a totalitarian regime that made sacred sacrifices.

«Одна из особенностей **русской истории**, что в ней всегда, и до нынешнего времени, поддерживалась такая направленность злодеяний: в массовом виде и преимущественно мы причиняли их не вовне, а внутрь, не другим, а – своим же, себе самим.» ("One of the features of **Russian history** is that it has always, and up to the present time, maintained such a focus of atrocities: in a mass form and mainly we inflicted them not externally, but internally, not to others, but to our own, to ourselves.") [14].

Currently, many of Solzhenitsyn's aphorisms and aphoristic utterances sound prophetic, he really foresaw the historical dangers that lie in the new democratic and free path of Russia's development, he understood that this path is inevitable, but it is quite dangerous for both the nation and the state. Reflecting on the democratic path of development of Europe, the writer pointed out that democratic freedom of an immoral beginning leads to national tragedies.

«Изначальная европейская **демократия** была напоена чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются. Духовная независимость притесняется, пригибается диктатурой пошлости, моды и групповых интересов. Мы входим в **демократию** не в самую ее здоровую пору.» ("The original European **democracy** was imbued with a sense of Christian responsibility, self-discipline. However, gradually these spiritual foundations are eroding. Spiritual independence is oppressed, bent down by the dictatorship of vulgarity, fashion and group interests. We are entering **democracy** not at its healthiest time.") [13].

Further, it should be pointed out that the phraseosemantic field "God/Christ" is significant in terms of the number of units, which includes the phraseosemantic groups "church", "sin", "truth" (as striving for the divine ideal), "Miracle" (Divine miracle), etc.

For Solzhenitsyn, God, the pursuit of the divine ideal, moral perfection for both the individual and the nation as a whole is the only possible fruitful path of development of the nation, the state.

«За три четверти века так выбедняли мы, засквернели, так устали, так отчаялись, что у многих опускаются руки, и уже кажется: только **вмешательство Неба** может нас спасти. Но не посылается **Чудо** тем, кто не силится ему навстречу. И судьба наших детей, и наша воля к жизни, и наше тысячелетнее прошлое, и **дух** наших **предков**, перелившийся же как-то в нас, – помогут найти силы преодолеть и это, и это все.» ("For three quarters of a century, we have become so pale, so dirty, so tired, so desperate that many people give up, and it already seems that only the **intervention of Heaven** can save us. But a **Miracle** is not sent to those who do not try to meet it. And the fate of our children, and our will to live, and our millennial past, and the **spirit** of our **ancestors**, which somehow overflowed into us, will help us find the strength to overcome this, and that's all.") [13].

Solzhenitsyn expresses his deep conviction that the future of Russia depends on the true faith, on the desire of the nation for self-improvement, on the position of the Church. «Изучение **русской истории** последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности и народ слушал бы голос ее.» ("The study of **Russian history** of the last centuries convinces that it would have flowed incomparably more human and mutually consistent if the Church had not renounced its independence and the people would have listened to its voice.") [12].

Results

In the aphoristic legacy of Solzhenitsyn's publicist work, we observe an amazing correlation of deep moral truths, instructiveness, edification, reflections on the fate of the Fatherland, Russian history, the Russian nation, and the moral path of the country and people. The writer in aphorisms and aphoristic statements offers his own vision of the path of Russia, the path of the revival of the Russian nation, which is unthinkable without referring to the Christian ideals of moral self-improvement.

Solzhenitsyn's aphoristics essentially points out the way to improve Russia, the development of the ethnos, and offers a national idea for our Fatherland.

To conclude the discussion about the profound aphoristics of Solzhenitsyn's maxims and generalizations let us give a remarkable aphorism that is consonant with our time.

«В конце концов истинная и глубокая **судьба** нашей **страны** зависит от того, окончательно ли укрепится в народном понимании правота силы или очистится от затмения и снова засияет сила правоты? Сумеем ли мы восстановить в себе хоть некоторые **христианские черты** или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды?» ("In the end, the true and profound **fate** of our **country** depends on whether the rightness of power will finally strengthen in the national understanding or will the eclipse be cleared and the power of rightness will shine again. Will we be able to restore at least some **Christian traits** in ourselves, or will we finish them all to the end and give ourselves up to calculations of self-preservation and profit.") [13].

Conclusion

In this study, the corpus of A.I. Solzhenitsyn's publicist aphorisms numbering over 90 units is analysed.

Solzhenitsyn's publicist aphorism has not lost its acute social orientation at the present time, since the issues of preserving the spiritual heritage of the ethnos remain relevant today.

The subject matter of Alexander Solzhenitsyn's publicist aphorisms allows us to take a different look at his ideological dominants, to discover new facets of his creative linguistic personality, to comprehend the explicit and implicit content side of his texts in a new way.

The value paradigm of Solzhenitsyn's aphoristics is imbued with Christian motives, it is a unique example of how in modern conditions it is possible to rethink and preserve national history, while simultaneously perceiving universal values and truths.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Верещагин Е.М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – с. 71-80
2. Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория / С.Г. Гаврин // Ученые записки Пермского гос. пед. ин-та. – Т.87. Вопросы теории и методики русского языка. – Пермь, 1971 – с.3-23.
3. Гаркавенко О.В. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Гаркавенко О.В. – Саратов, 2007. – 22 с.
4. Гвоздарев Ю.А. Фразеосемантические группы ФЕ, их структура и представление в идеографических словарях. / Ю.А. Гвоздарев // Фразеологические словари и компьютерная фразеология. Тезисы сообщений школы-семинара 13-17 ноября 1990 г. – Орел, 1990. – С. 48-49.
5. Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма. / Е.Е. Иванов – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
6. Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры. Монография. / А.В. Королькова – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. – 226 с.
7. Королькова А.В. Словарь афоризмов русских писателей. / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык Медиа, 2007. – 627 с.
8. Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма. Хрестоматия: учебное пособие / Е.Е. Иванов. – Минск: Вышэйшая школа, 2018 – 303 с.
9. Потеня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потеня, А.Б. Муратова // Теоретическая поэтика – М.: Высшая школа, 1990. – С.55-131
10. Прохоров Ю.Е. Афоризм / Ю.Е. Прохоров, Ю.Н. Караулов // Русский язык: энциклопедия, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая рос. энциклопедия. – Дрофа. 1997. – с.42
11. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях: автореф. дис...канд. филол. наук / Ю.Е. Прохоров – М., 1977. – 25 с.
12. Солженицын А.И. Всероссийскому патриарху Пимену Великопостное письмо [Электронный ресурс] / А.И. Солженицын – URL: http://www.bogoyavlenskoe.ru/knigi/byloe_proletaet/byloe_proletaet_54/ (дата обращения: 15.04.2022)
13. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию [Электронный ресурс] / А.И. Солженицын – URL: http://www.bogoyavlenskoe.ru/knigi/byloe_proletaet/byloe_proletaet_54/ (дата обращения: 15.04.2022)
14. Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни [Электронный ресурс] / А.И. Солженицын – URL: <https://clck.ru/gMXNS> (дата обращения: 15.04.2022)
15. Тангир К.М. Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности. / К.М. Тангир – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. – 454 с.
16. Федоренко Н.Т. Афористика. / Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская – М.: Наука, 1990. – 415 с.

Список литературы на английском / References in English

1. Vereshchagin E.M. Nacional'no-kul'turnaya semantika yazykovykh aforizmov [National-Cultural Semantics of Linguistic Aphorisms] / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov // Yazyk i kul'tura: lingvostранovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. IV ed., pererab. i dop. [Language and Culture: Linguistics in Teaching Russian as a Foreign Llanguage. 4th ed., reprint. and additional] – М.: Russian language, 1990. - pp. 71-80 [in Russian]
2. Gavrin S.G. Aforisticheskaya frazeologiya kak lingvisticheskaya kategoriya [Aphoristic Phraseology as a Linguistic Category] / S.G. Gavrin // Uchenye zapiski Permskogo gos. ped. in-ta - Voprosy teorii i metodiki russkogo yazyka [Scientific Notes of the Perm State Pedagogical Institute. Vol.87. Questions of theory and methodology of the Russian language]. – Perm, 1971 – pp.3-23. [in Russian]
3. Garkavenko O.V. Hristianskie motivy v tvorchestve A.I. Solzhenicyna: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 [Christian Motives in the Works of A.I. Solzhenitsyn: Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.01.01] / Garkavenko O. V. - Saratov, 2007. - 22 p. [in Russian]
4. Gvozdev Yu.A. Frazеosemanticheskie gruppy FE, ih struktura i predstavlenie v ideograficheskikh slovaryah. [Phraseosemantic Groups of Phraseological Units, their Structure and Representation in Ideographic Dictionaries]. / Yu. A. Gvozdev // Frazеologicheskіe slovari i komp'yuternaya frazeografiya. Tezisy soobshchenij shkoly-seminara 13-17 noyabrya 1990 g. [Phraseological dictionaries and computer phraseography. Abstracts of the reports of the school-seminar on November 13-17, 1990] – Orel, 1990. - pp. 48-49. [in Russian]
5. Ivanov E.E. Lingvistika aforizma [Linguistics of Aphorism]. / E.E. Ivanov – Mogilev: Kuleshov Moscow State University, 2016. - 156 p. [in Russian]
6. Korolkova A.V. Aforistika v kontekste russkoj kul'tury [Aphoristics in the Context of Russian Culture]. Monograph. / A.V. Korolkova. – Smolensk: SmolGU Publishing House, 2018 – 226 p. [in Russian]

7. Korolkova A.V. Slovar' aforizmov russkih pisatelej [Dictionary of Aphorisms of Russian Writers] / A.V. Korolkova, A.G. Lomov, A.N. Tikhonov – M.: Russian Language Media, 2007 - 627 p. [in Russian]
8. Ivanov E.E. Lingvistika aforizma. Hrestomatiya [Linguistics of aphorism. Textbook] / E.E. Ivanov. - Minsk: Higher School, 2018 - 303 p. [in Russian]
9. Potebnya A.A. Iz lekcij po teorii slovesnosti: Basnya. Poslovica. Pogovorka [From Lectures on the Theory of Literature: A Fable. A Proverb]. // A.A. Potebnya, A.B. Muratova // Teoriticheskaya poeziya [Theoretical poetics] – M.: Higher School, 1990. – pp. 55-131 [in Russian]
10. Prokhorov Yu.E. Aforizm [Aphorism] / Yu.E. Prokhorov, Yu.N. Karaulov // Russkiy yazik: enciklopedia [Russian language: encyclopedia] – M.: Big Russian encyclopedia. – Drofa. 1997. – p.42 [in Russian]
11. Prokhorov Yu.E. Lingvostranovedcheskoe opisanie aforistiki v uchebnyh celyah [Linguistic and Cultural Description of Aphoristics for Educational Purposes]: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology / Yu.E. Prokhorov – M., 1977. – 25 p. [in Russian]
12. Solzhenitsyn A.I. Vserossijskomu patriarhu Pimenu Velikopostnoe pis'mo [To the All-Russian Patriarch Pimen Lenten Letter] [Electronic resource] / A.I. Solzhenitsyn – URL: http://www.bogoyavlenskoe.ru/knigi/byloe_proletaet/byloe_proletaet_54/ (accessed: 15.04.2022) [in Russian]
13. Solzhenitsyn, A.I. Kak nam obustroit' Rossiyu [How Do We Equip Russia] [Electronic resource] / A.I. Solzhenitsyn – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70172&p=1> (accessed: 15.04.2022) [in Russian]
14. Solzhenitsyn A.I. Raskayanie i samoogranichenie kak kategorii nacional'noj zhizni [Repentance and Self-restraint as Categories of National Life] [Electronic resource] / A.I. Solzhenitsyn – URL: <https://clck.ru/gMXNS> (accessed: 15.04.2022) [in Russian]
15. Tangir K.M. Russkie antinomichnye aforizmy: reche-yazykovye aspekty konfliktnosti i paradoksal'nosti [Russian Antinomic Aphorisms: Speech-language Aspects of Conflict and Paradoxicality] / K.M. Tangir – Krasnodar: Kuban State University, 2007 – 454 p. [in Russian]
16. Fedorenko N.T. Aforistika [Aphoristics] / N.T. Fedorenko, L.I. Sokolskaya – M.: Nauka, 1990 - 415 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.40>**КОЛЕБАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ НАКИ ИСАНБЕТА**

Научная статья

Хабутдинова М.М. *

ORCID: 0000-0001-8110-4001,

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (mileuscha[at]mail.ru)

Аннотация

В центре статьи – проблема формирования литературной репутации татарского ученого-энциклопедиста, писателя Наки Исанбета в 2010-начале 2020-х гг. Объектами для изучения послужили романы Рината Мухаммадиева «Ак кәгазь нидән саргая...» («От чего желтеет белая бумага...», 2019), Рафиса Курбана «Жидегән төшкән нур» («В лучах созвездия «Джидегян», 2021). В исследовании использовались биографический и культурно-исторический методы. В статье доказано, что если роман Р. Мухаммадиева был нацелен на дискредитацию Н. Исанбета, то роман Р. Курбана – на укрепление литературной репутации Н. Исанбета. В отличие от Р. Мухаммадиева Р. Курбану удалось документально достоверно воссоздать литературно-общественную атмосферу 1920-1930-х гг, показать борьбу литературных группировок в татарском литературном мире. В романе «Жидегән төшкән нур» («В лучах созвездия «Джидегян», 2021) систематизированы и художественно осмыслены биографические факты из жизни Наки Исанбета, раскрывающие его как талантливого драматурга, ученого-фольклориста, педагога, критика, общественного деятеля. Важную роль в системе образов романа играют образы современников Н. Исанбета. Костяк романа Р. Курбана составили воспоминания супруги писателя Гульсум Исанбет, созданные в «оттепельные» годы.

Ключевые слова: татарская литература, татарская проза, Наки Исанбет, Рафис Курбан, литературная репутация, образ писателя.

FLUCTUATIONS IN THE LITERARY REPUTATION OF NÄQİ İSÄNBÄT

Research article

Khabuidinova M.M. *

ORCID: 0000-0001-8110-4001,

Kazan Federal University, Kazan, Russia

* Corresponding author (mileuscha[at]mail.ru)

Abstract

In this article we analyze the problem of the literary reputation formation of the Tatar scientist-encyclopedist, writer Naki Isanbet in late 2010-early 2020-s. The objects for the study were the novels “Ak kagaz nidən sargaya...” (“What makes white paper turn yellow...”, 2019) of Rinat Mukhamadiev and “Jidegen toshken nur” (“In the rays “Jidegen” constellation”, 2021) of Rafis Kurban. In this study we used biographical and cultural-historical methods. The article proves that if the novel by R. Muhammadiev was aimed at discrediting N. Isanbet, then the novel by R. Kurban was aimed at strengthening the literary reputation of N. Isanbet. Unlike R. Mukhamadiev, R. Kurban managed to reliably document the literary and social atmosphere of the 1920s-1930s, to show the struggle of literary groups in the Tatar literary world. The novel “Jidegen toshken nur” (“In the rays “Jidegen” constellation”, 2021) systematizes and artistically comprehends the biographical facts from the life of Naki Isanbet, revealing him as a talented playwright, folklorist, teacher, critic, and public figure. An important role in the system of images of the novel is played by the images of N. Isanbet's contemporaries. The backbone of R. Kurban's novel was the memoirs of the writer's wife Gulsum Isanbet, created in the "thaw" years.

Keywords: Tatar literature, Tatar prose, Näqi İsanbät, Rafis Kurban, literary reputation, the image of a writer.

Введение

Литературовед В.Е. Хализев считает, что “репутации писателей и их произведений отмечены большей или меньшей стабильностью”. В то же время ученый допускает, что литературные репутации порой могут претерпевать довольно резкие колебания. В.Е. Хализев уверен, что перепады читательского интереса к писателям и их произведениям носят не случайный характер, а зависят от ряда факторов: от атмосферы общественной жизни той или иной эпохи; соответствия умонастроений писателей духу восприятия литературы, от расхождения литературных вкусов разных поколений читателей («отцов» и «детей») [9, С. 39].

Наки Исанбет (1899 – 1992) олицетворяет собой XX век татарской литературы. Это ровесник Г. Тукая, снискавший славу талантливого поэта, драматурга, критика, переводчика, ученого-энциклопедиста, педагога, отмеченный целым рядом государственных наград: орден Ленина (1957), орден Трудового Красного знамени (1970), орден Дружбы народов (1979). Наки Исанбет является заслуженным деятелем искусств ТАССР (1957), РСФСР (1959), лауреатом Республиканской премии им. Габдуллы Тукая (1968), Народным писателем ТАССР (1986).

Новизна нашего исследования обусловлена отсутствием литературоведческих работ, посвященных литературной репутации Н. Исанбета. Предметом исследования стал образ писателя, функционирующий в татарском общественном сознании на современном этапе. Сам выбор личности нам представляется закономерным, т.к. его творческая деятельность вбирает себя характерные черты эпохи XX в.

Объектами для изучения послужили романы Рината Мухамадиева «Ак кәгазь нидән саргая...» («От чего желтеет белая бумага...», 2019) [29], Рафиса Курбана «Җидегән төшкән нур» («В лучах созвездия “Джидегян”», 2021) [26], [27], [28].

Методологическую базу исследования составляют культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы анализа текстов.

Обсуждение

Во время панихиды 18 сентября 1992 г. все выступающие оценили уход из жизни Н. Исанбета как «огромную потерю для всего татарского народа» (заместитель Премьер-министра Республики Татарстан (РТ) И.К. Хайруллин). Председатель Союза писателей РТ Р. Мухамадиев обратил внимание на морально-боевые качества личности Н. Исанбета, всегда стремящегося «вдохнуть энергию в угасающее пламя свечи национальной жизни». Предметом восхищения писателя Г. Баширова стал непререкаемый авторитет писателя-ровесника века в тюркской литературе. М. Магдеев в своем выступлении указал на масштабность и многогранность деятельности ученого – яркого представителя Казанского востоковедения. Артист Р. Шарафиев отметил необыкновенное трудолюбие Н. Исанбета. А. Гилязов обратил внимание на то, как, сохраняя преданность просветительским идеалам тукаевской эпохи, этот великий сын татарского народа с завидным упорством и самоотверженностью преодолевал все жизненные трудности на своем пути [32, С. 3]. Н. Исанбет брался за проекты, которые не каждому научно-исследовательскому институту оказывались по плечу. Многогранная деятельность ученого-энциклопедиста до сих пор является предметом особого восхищения у потомков.

Н. Исанбет за свою жизнь не раз одерживал победу над своими оппонентами, прорывая плотину лживых обвинений, клеветы, сооружаемую завистниками с завидной регулярностью. Многим до сих пор неизвестно, что Н. Исанбет незадолго до ухода из жизни в ходе судебных разбирательств добился отмены решения Верховного суда РТ и доказал нарушение своих авторских прав на сводный текст дастана «Идегей» в Москве. Эта история «аукнулась» ученому-фольклористу после смерти. Хотя Первый президент РТ М. Ш. Шаймиев и подписал указ об увековечивании памяти великого деятеля татарской культуры, однако многое из запланированного осталось на бумаге и не было воплощено в жизнь. Рукописи классика, подготовленные вдовой Нажибой Исанбет к печати, так и не увидели свет и пропали в Татарском книжном издательстве. Из всего наследия ученого-энциклопедиста в XXI в. были переизданы лишь «Словарь татарских пословиц» [23], [24], [25], сказка о коте Мыраубатыре [21], избранные сочинения [22] Н. Исанбета. Ученый-энциклопедист на закате жизни с горечью признавался, что ему удалось издать лишь 20 процентов от написанного.

После ухода из жизни Н. Исанбет был и остается одним из могучих Атлантов, поддерживающих и подпитывающих татарскую культуру. Спектакли по его пьесам пользуются неименной популярностью у зрителей. Татарские ученые изучают вехи его биографии (Р.Б. Хаплехамитов) [10], наследие ученого-фольклориста (Г.А. Набиуллина [7], Р.А. Аюпова [2], И.И. Ямалтдинов [11]), писателя (А.Р. Абдулхакова [1], Л.И. Мингазова [6]), переводчика (Р.А. Аюпова [3]).

Образ Наки Исанбета встречается в литературных байках Рабита Батуллы [13], [14]. Это реальные истории из жизни великого сына татарского народа, рассказанные с тонким юмором, несущие в себе назидательный потенциал.

В 2000 г. Юлдуз Исанбет опубликовала в журнале «Мирас» незаконченную автобиографическую повесть Н. Исанбета «Бәби чак» («Детство») [18], где фрагментарно представлен материал о предках писателя, его семье и детстве. Н. Исанбет с помощью автоинтерпретации в конце 1970-х гг. постарался повлиять на характер своей общественной репутации.

Колебания литературной репутации Н. Исанбета, произошедшие в 2020 г., произошли из-за очерняющих выступлений его «оппонентов» в СМИ. Известные татарские писатели Р. Харис и Р. Мухамадиев на закате своей жизни решили взять реванш над Н. Исанбетом за проигранный в 1990-х гг. судебный процесс. Однако, несмотря на их титанические усилия, им не удалось реанимировать скандал, разгоревшийся в СМИ на закате жизни ученого-энциклопедиста [5]. Татарская общественность потребовала предъявить убедительные доказательства «вины» аксакала, однако это не было сделано.

Р. Мухамадиев в 2019 г. написал роман «Ак кәгазь нидән саргая...» («От чего желтеет белая бумага...») [29], где развенчал ученого, писателя-карьериста по имени Накис, чей образ был соткан на основе ряда «узнаваемых» фактов из биографии Н. Исанбета. В среде татарской интеллигенции вспыхнула бурная дискуссия. Литературовед М. Хабутдинова инициировала обсуждение романа в Союзе писателей, однако и здесь «оппоненты» Н. Исанбета не смогли предъявить никаких убедительных доказательств его вины. В ряде своих публикаций мы постарались систематизировать материал о рецепции образа Н. Исанбета в поэзии [31] и прозе (в соавторстве с А.Ю. Хабутдиновым) [8].

Защитники Н. Исанбета выпустили ряд книг, нацеленных на преумножение авторитета Н. Исанбета в татарской культуре. Так, совместно с фонд «Жыен» в 2021 г. мы издали научно-популярный сборник «Наки Исанбет» [30], состоящий из неопубликованных автобиографических произведений и научных трудов ученого-энциклопедиста, писателя, критика. Книга вызвала интерес у литературоведов [12], [17].

В 2021 г. Р. Курбан вышел в свет роман о Наки Исанбете «Җидегәннән төшкән нур» («В лучах созвездия “Джидегян”») [26], [27], [28]. Автор произведения не скрывает, что стимулом к созданию романа стали очерняющие честь ученого-энциклопедиста современные публикации. В послесловии Р. Курбан указывает, что его произведение охватывает 45 лет жизни Н. Исанбета. При создании романа писатель опирался на документальные материалы о деле «Джидегян», опубликованные в республиканских СМИ, воспоминания о современниках Н. Исанбета (Г. Ибрагимов, К. Наджми, Г. Кутуй, Г. Нигмати, С. Рамиев, Х. Такташ, Х. Туфан, Ф. Карим, Т. Ченекей). При реконструкции эпохи автор романа опирался на материалы целого ряда книг татарских писателей и ученых (С. Хаким, А. Еники, Ф.

Галимуллин, Ч. Зариповой-Четин) [28, С. 28]. Костяк романа составили воспоминания супруги писателя – Гультум Исанбет, написанные незадолго до ее ухода из жизни [30, С. 398–454].

В своем отзыве на роман литературовед Гумер Даутов отмечает, что Р. Курбану удалось в произведении увековечить образы писателей 1920-х гг.. Автору роману сумел создать не лакированные образы, а образы живых людей с их горестями и чаяниями [16, С. 139]. Чтобы зацепить внимание читателей, Рафис Курбан не выкапывает «сомнительные» факты из биографий великих сынов нации, а стремится психологически достоверно показать внутренний мир своих героев, оказавшихся в непростой жизненной ситуации «без вины виноватые», когда трудно разобраться, кому верить, кому нет, а также старается объяснить документально достоверно внутренние механизмы происходящих в татарском обществе первой трети XX века событий.

Произведение Р. Курбана является романом, где ведущей становится идейно-нравственная проблематика. Писатель испытывает стойкий интерес к личностному началу. Его волнует идейно-нравственная сущность характера персонажей. В фокусе внимания Р. Курбана как романиста оказалась жизненная позиция человека и его попытки ответить на вопросы о смысле жизни и предназначении, правде и справедливости, дружбе и предательстве. Писатель стремится показать процесс нравственного и идейного самоопределения личности. Истина главного героя романа оказывается основанной не на авторитете, а на собственном пережитом жизненном опыте. Выработывая собственную жизненную позицию и систему идейно-нравственных ценностей, главный герой романа Р. Курбана тем самым решает также вопрос о личной нравственной ответственности.

Лупой для автора романа становится компания по делу «Джидегян», набравшая силу в конце 1929 – начале 1930-х гг. в рамках «чистки рядов Татарской ассоциации пролетарских писателей» (Сафа Бурган) [4]. В своих воспоминаниях об аресте по делу «Джидегян» Н. Исанбет указывает, что к началу 1930-х в Татарстане процесс «ликвидации эксплуататорских классов» принял нешуточные размеры и вылился в настоящий погром в писательских рядах. Литературная жизнь была переименована во «фронт», а РАПП, ТАПП (1928–32) все более стали приобретать статус «военного штаба». «Генералом» этих «чисток» суждено было стать одному из руководителей К. Наджми, появлявшемуся на публике неизменно в военной форме. В моду вошли яростные обвинения с трибун, публичные проклятия и покаяния... «Громкие дела» фабриковались наспех... На деле эти процессы, по мнению Н. Исанбета, преследовали не политическую, а чисто меркантильную цель – писатели-карьеристы «зачищали» литературный майдан от талантливых писателей-своих конкурентов [19].

Дело «Джидегян», стартовавшее в ТАССР в 1929 г., продолжалось до середины 1960-х гг., хотя следствие еще в 1930 г. пришлось к заключению: «...в деле нет материалов, подтверждающих состав преступления, инкриминируемого обвиняемым, поскольку эта деятельность не переходит границы советской легальности... дело № 114819 необходимо производством прекратить и арестованных освободить» [15, С. 160].

Р. Курбан сумел в романе убедительно показать, как фабриковалось громкое дело «Джидегян», «родившееся» в головах сотрудника Татарского областного комитета ВКП(б) Г. Касимова, лидеров татарских писателей Г. Ибрагимова и К. Наджми, вылившееся в банальное сведение счетов между левыми эсерами и их оппонентами. Дело «развалилось» сначала в Казани, затем в Москве. Организатором дела не удалось подвести под «расстрельную» статью ни Н. Исанбета, ни А. Кутуя. На допросах выяснилось, что Н. Исанбет не участвовал в застольных разговорах татарских и башкирских писателей в Уфе, во время которых и родилась идея об объединении усилий по продвижению своих произведений в братских республиках. На допросах следователям так и не удалось определиться с составом «Джидегян» (Т. Ченекей, С. Кудаш, С. Агиш, А. Кутуй, Н. Исанбет, Г. Минский), назвать седьмого ее члена.

Ситуация «без вины виноватые» в романе оказывается осложненной политико-общественным содержанием. Р. Курбан вскользь упоминает, что Г. Ибрагимов, Г. Касимов в прошлом были левыми эсерами, однако предпочитает не углубляться в подробности. Левые эсеры были политической партией, опиравшейся на интересы крестьян, вышедшей из недр народничества, приложившей много усилий для свержения самодержавия в России, провозгласившей в своей программе допустимость террора против своих идейных противников. Н. Исанбет был «толстовцем», сторонником не кровавого, а духовного пути преобразования общества. Его привлекали идеи личной этики и задачи внутреннего самосовершенствования личности, вот почему он был против левых эсеров и методов их работы. В романе Р. Курбана идейно-нравственный поиск главного героя проходит в столкновении его «правды» с фактами действительности и иными жизненными философиями.

Писатель для своего романа выбирает название с глубоким смыслом. В мировой фольклорной картине мира Созвездие Большой медведицы / Жидегән йолдызлыгы выступает ориентиром, используемым с древности в качестве полярных часов, никогда не прерывающих свой отсчет времени. Полярная звезда / Тимерказык ассоциировалась у древних с центром Времени, «небесной пуговицей», служащей проходом в иной мир. В то же время это созвездие несет в себе потенциал древней колесницы, несущей в себе идею пути. Если обратиться к «Словарю татарских пословиц» Н. Исанбета то легко обнаружить немало пословиц, где упоминается это созвездие: например, «Жидегән йолдыз жиде эйләнә, / Тимерказык урынында» [23, 275 б.]. – Созвездие Джидегян кружится 7 раз, а Полярная звезда остается на месте (*подстр. пер. здесь и далее наши – М.Х.*). Комментируя эту пословицу, Н. Исанбет указывается, что путники, чтобы не заблудиться в ночи всегда ориентировались по Полярной звезде [23, С. 275]. В то же время фольклорист зафиксировал бытовавшее в татарской среде магическое действие: если на одном дыхании пересчитаешь 7 звезд созвездия, то обретешь благодать (ср. «Жидегән йолдыз жиде, имеш, Жиде санасаң савап, имеш» [23, С. 275 б.]). В то же время татары зафиксировали в своем фольклоре наличие творческого потенциала в каждом из звезд созвездия: «Жидегән йолдыз – жиде кубыз» [23, С. 275]. – «Созвездие Джидегян – семь кубызов» (*подстр. пер.*). В то же время в татарской среде оно обладает прогностической функцией: по Джидегян татары прогнозировали погоду.

Р. Курбан в своем романе обыгрывает все эти значения. С одной стороны писатель разрабатывает сюжет о частной судьбе Н. Исанбета, и его жизненный путь является проекцией его личной судьбой. С другой стороны, романист создает образ героя-вершителя, созидającego свою судьбу вопреки трагическим обстоятельствам. В образе

Н. Исанбета воплощен настоящий «герой времени», преодолевающий все противоречия эпохи, «милләт хадимә» («слуга нации»), который может послужить для других ориентиром духовного «самостояния» личности. В результате роман выливается в произведение, где одной из центральных проблем станет проблема взаимоотношений личности и эпохи. Р. Курбан разрабатывает тему взаимоотношений писателя и его эпохи.

Главная сюжетная линия романа связана с линией судьбы Н. Исанбета. Опираясь на воспоминания супруги писателя, Р. Курбан подробно описывает жизнь ученого-энциклопедиста на протяжении 45 лет. Автору романа удалось в детализировать деятельность Н. Исанбета как педагога, фольклориста, поэта, драматурга, общественного деятеля. Р. Курбан психологически достоверно показывает, как политические разборки с враждебными элементами в 1930-х гг. негативно повлияли на семейные узы: Н. Исанбет был вынужден разорвать отношения с отцом, т.к. Сиразетдин Закиров был муллой. Реконструируя на основе воспоминаний Г. Исанбет, образ отца Н. Исанбета, Р. Курбан акцентирует внимание на том, что Сиразетдин мулла был учеником Зайнуллы ишана Расули (1833–1917), одного из самых влиятельных мусульманских религиозных деятелей России. Однако в отличие от учителя, отец Наки Исанбета предпочел жить не за счет прихожан, став ишаном, а трудится на своем земельной наделе и торговать в своей лавке. Сиразетдин мулла возглавил общину деревни Малаяз и пользовался у односельчан большим уважением [30, С. 59–62, С. 68–69]. Р. Курбан, разрабатывая образ отца писателя, акцентирует внимание на позиции Сиразетдина муллы в национальном вопросе (см. дискуссию о национальной принадлежности поэта М. Гафури) [26, С. 46]. За рамками внимания автора романа оказалась мать Н. Исанбета – Таиба абыстай, всемерно поддерживающая творческие начинания сына. По-видимому, Р. Курбан проигнорировал потенциал материал автобиографической повести Н. Исанбета «Бәби чак» («Детство») [18]. В романе Н. Исанбет предстает преданным супругом и любящим отцом-главой многодетной семьи.

Автор романа уделяет огромное внимание описанию результатов творческой деятельности Н. Исанбета. Р. Курбан реконструирует историю создания драматургических произведений («Һижрәт» («Переселение»), «Портфель», «Миркәй белән Айсылу» («Миркай и Айсылу»)), сводного текста дастана «Идегей», сборников «Татарский детский фольклор», «Татарские загадки», спровоцировавших «громкие компании» против автора вплоть до ареста, отлучения от литературы, наложение запрета на издание его произведений. Р. Курбан достоверно показывает роль Наки Исанбета в подготовке Декады татарского искусства в Москве в августе 1941 г., не состоявшейся из-за начала Великой Отечественной войны, Романист размышляет над непростой сценической судьбой произведений, созданных Н. Исанбетом накануне и в годы Великой Отечественной войны («Идегей», «Хужа Насретдин» («Ходжа Насретдин»), «Түләк» («Тюляк»), «Мәрәм» («Марьям»), «Жирән Чичән белән Карачәч Сылу» («Рыжий насмешник и его черноволосая красавица»), «Нур Заһит» («Нур Загит»), «Гөлжамал» («Гульджама»)).

Образ Наки Исанбета особенно ярко в романе раскрывается через изображение его дружеских и творческих контактов с режиссером Макаримом Магадеевым, писателями Кави Наджами и Аделем Кутуем, ученым-литературоведом Габдрахманом Сагди

Чтобы добиться документальной достоверности, Р. Курбан полностью приводит в романе текст «Открытого письма к правлению» Т. Ченекея [26, С. 22], написанного по указке Г. Нигмати в надежде оказаться в рядах ТАПП, сыгравшего роль пускового крючка для громкого дела «Джидегян». Романист показывает, как в паутину этих разборок умелой рукой интриганов втягивались друзья писателей. Псевдочлены «Джидегян» были шокированы тем, что в рядах «разоблачителей» оказались Х. Такташ, Ф. Карим, Х. Туфан. Р. Курбан включает в текст своего произведения стихи поэтов, написанные в разоблачительном угаре (Ф. Карим «Жыен сатана» («Сатанисты»), Н. Такташ «Бозык телефон» («Сломанный телефон»)) [26, С. 15–16]. Нам известно, что после выхода из тюрьмы Н. Исанбет встречался с Х. Такташем на его квартире, но разговор у них не заладился, т.к. оба писателя были шокированы масштабом трагических последствий писательских разборок [20].

Р. Курбан стремится ликвидировать «белые пятна» в истории борьбы литературных группировок, поэтому подробно описывает предысторию конфликтов между Н. Исанбетом и Г. Ибрагимовым, Н. Исанбетом и Г. Касимовым. Г. Ибрагимов и Г. Касимов были активными членами уфимских левых эсеров, чьи террористические методы работы Н. Исанбет воспринял как «толстоцев» в штюки. По его убеждению, оказавшись в Казани, «перекрасившись» вынужденно в большевики, бывшие эсеры не изменили в корне свои взгляды и применяли свои террористические наклонности в организации громких процессов в годы репрессий и вскоре и сами стали жертвами этих разборок. Р. Курбан реконструирует диалоги персонажей-лидеров литературного майдана, ничего не приукрашивая, на основе их газетных выступлений. Мы согласны с Г. Даутовым: Р. Курбан несколько «пригладил» риторику этих выступлений [16, С.139] во имя того, чтобы этот материал не вызвал эмоционального отторжения у современных читателей, далеких от политических реалий 1920-1930-х гг..

Автор романа подробно описывает общественную истерию в писательской среде, вылившуюся в борьбу с «врагами народа», атмосферу тотального страха, в которую погружалось общество. Р. Курбан психологически достоверно показывает, как редел круг знакомых и друзей Н. Исанбета. Романист в произведении кратко очерчивает десятки судеб представителей национальной интеллигенции, на которых в пылу классовой борьбы навешали различные ярлыки: «фабрикант улы» («сын фабриканта»), «мулла малае» («сын муллы»), «жидегәнче» («джидегянист»), «милләтче» («националист»), «панисламист»... Особенно подробно рассказывается в произведении о судьбах Т. Ченекея, А. Кутуя и братьев Сагди, чьи истории оттеняют трагические вехи в биографии Н. Исанбета. В романе упоминаются десятки имен талантливых сынов нации, ставших жертвой классовой борьбы и репрессий в СССР. Все они, каждый по-своему мучительно пытаются найти ответ на вопрос, кто им друг, кто является врагом. Все они на заре джадидской эпохи были единомышленниками, увлечены просветительскими идеалами юности, решили посвятить себя служению татарскому народу. Г. Сагди в финале романа никак не может найти ответ на вопрос, в чем же провинилось их поколение перед обществом, обрекшим их на страдания, лишившим многих деятелей жизни. Наки Исанбет в ответ на исповедь ученого-земляка произносит: «гомерем эрәм үтә дип уйламыйм. ... Бүгенгеләр аңламаса,

киләчәк буыннар өчен калыр» – «Я не считаю, что проживаю жизнь зря.... Если мои современники не в силах меня понять, это ляжет на плечи будущих поколений» (*подстр. пер.*) [28, С. 28].

Результаты

В ходе исследования мы выявили причину в колебаниях литературной репутации Н. Исанбета в 2020 г. Очевидно, что писатель предвидел такой поворот, поэтому в 1970-х гг. создал целый ряд автобиографических произведений, где через автоинтерпретацию попытался скорректировать общественное мнение о себе. К сожалению, ему не удалось опубликовать эти произведения при жизни, они увидели свет спустя три десятилетия после ухода его из жизни. Татарские ученые, писатели Р. Батулла, Р. Курбан в своих трудах закрепляют за Н. Исанбетом статус великого поэта, драматурга, ученого-энциклопедиста. В своих произведениях они размышляют о неисчерпаемом богатстве и разносторонности его дарования, вовлекая в рецептивное поле произведения Н.Исанбета. Произведение Р. Мухамадиева носит характер памфлета и нацелено на демифологизацию образа Н. Исанбета в татарской культуре.

Выводы

В настоящее время мы стали свидетелями колебаний литературной репутации Н. Исанбета, что привело к созданию культурного мифа об этом деятеле татарской культуры. Отрадно, что татарская интеллигенция дала достойный ответ оппонентам писателя, пытавшимся очернить память о нем.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абдулхакова А.Р. Татарская детская книга 1917-1991 гг.: эволюция и тенденции развития : дис. ... докт. ист. наук : 05.25.03 / А.Р. Абдулханова – Казань, 2010. – 445 с.
2. Аюпова Р.А. Фразеологическое значение в лексикографическом описании и контексте (на материале английского, русского и татарского языков) / Р.А. Аюпова – Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. – 147 с.
3. Аюпова Р.А. Фразеологизмы-шекспиризм и способы их перевода на татарский язык : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. / Р.А. Аюпова – Казань, 2001. – 229 с.
4. Бурган С.К. чистке ТАПП [Электронный ресурс] / С.К. Бурган // Республика Татарстан. 2022. 3 апреля – URL: <https://rt-online.ru/p10079574/> (дата обращения: 03.04.2022)
5. Исанбет Ю.Н. Насколько правдива критика: газетная статья с приложениями. / Ю.Н. Исанбет – Казань: Новое знание, 2008. – 53 с.
6. Мингазова Л.И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века : автореферат дис. ... докт. филол. наук : 10.01.02. / Л.И. Мингазова – Казань, 2011. – 42 с.
7. Набиуллина Г.А. Синтаксис сложного предложения в татарских пословицах : По трехтомному сборнику Н. Исанбета "Татар халык мәкальләре" : автореферат дис. ... канд. Филол. наук : 10.02.02 / Г.А. Набиуллина – Казань, 2002. – 26 с.
8. Хабутдинов А. Образ Наки Исанбета в татарской прозе / А. Хабутдинов, М. Хабутдинова // Филология и культура. Philologie and Culture. – 2019. – №4(58) – С.191–201.
9. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.
10. Хаплекхамитов Р. Б. Татарская творческая интеллигенция и власть (1944-1965 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / Р.Б. Хаплекхамитов – Казань, 2008. – 200 с.
11. Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20-60-х гг. XX века : собрание, публикация и научное изучение фольклора : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / И.И. Ямалтдинов – Казань, 2012. – 191 с.
12. Бакиров М.Х. Нәкый Исанбәт : фәнни-популяр жыйынтык / М.Х. Бакиров, М. Хәбәтдинова. – Казан: Жыен, 2021. – 736 б. – («Шәхесләребез» сериясе) жыйынтыкка филология фәннәре докторы, профессор М.Х. Бакировның рецензиясе //Архив Фонда Жыен. Машинопись. 1 л.
13. Батулла Р. Тузга язмагаң хәлләр. / Р. Батулла – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 189–197 б.
14. Батулла Р. Урыннары олмакта булсын. / Р. Батулла – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 246–263 б.
15. Вәлиев Р. Болак арты республикасы. / Вәлиев Р. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 160 б.
16. Даутов Г. Каләм фикер уята / Г. Даутов // Мәйдан. – 2022. – №2. – 138-149 б.
17. Заһидуллина Д.Ф. Олыгларыбызны олылау [Электронный ресурс] / Д.Ф. Заһидуллина // Ватаным Татарстан. – URL: <https://vatantat.ru/2022/03/76808/> (дата обращения: 14.03.2022)
18. Исанбәт Н. Бәби чак / Н. Исанбәт // Мирас. – 1999. № 1. – 91– 101 б.; 2000. – № 1. 95–104 б.
19. Исанбәт Н. Жидегәнчелектә гаепләну елларым / Н. Исанбәт // Нәкый Исанбәтнең шәхси архивы. – Кулъязма. Машинокада басылган. – 2 б. Датасыз.
20. Исанбәт Н. Һади Такташ / Н. Исанбәт, Л. Гайнанова // Һади Такташ : фәнни-популяр жыйнаты – Казан: Жыен фонды, 2020. – 64–66 б.
21. Исанбәт Н.С. Мыраубай батыр. Бәрәзә песие Мыраубай батыр мажаралары : шигъри әкият. / Н. Исанбәт – Казан : Татар. кит. нәшр, 2019. – 141 б.
22. Исанбәт Н.С. Сайланма әсәрләр / Н. Исанбәт, Ф. Г. Галимуллин. – Казан : Хәтер, 2007. – 511 б.
23. Исанбәт Н. Татар халык мәкальләре 3 т. – т. 1. / Н. Исанбәт – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 623 б.
24. Исанбәт Н. Татар халык мәкальләре 3 т. – т. 2. / Н. Исанбәт – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 749 б.
25. Исанбәт Н. Татар халык мәкальләре 3 т. – т. 3. / Н. Исанбәт – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 799 б.

26. Курбан Р. “Жидегәннән төшкән нур” / Р. Курбан // Мәйдан. – 2021. – №10. – 34–57 б.
27. Курбан Р. “Жидегәннән төшкән нур” / Р. Курбан // Мәйдан. – 2021. – №11. – 5–28 б.
28. Курбан Р. “Жидегәннән төшкән нур” / Р. Курбан // Мәйдан. – 2021. – №9. – 5–55 б.
29. Мөхәммәдиев Р. Ак кәгазь нигә саргая... / Р. Мөхәммәдиев // Казан утлары. – 2019. – №5 – 3–59 б.; №6. – 65–118 б.
30. Исәнбәт Н. Фәнни-популяр җыентык. / Н. Исәнбәт, М. Хәбәтдинова – Казан: Җыен, 2021. – 736 б..
31. Хәбәтдинова М.М. «Чорлар рухание» / М.М. Хәбәтдинова // Казан утлары. – 2020. – №1. – 150–162 б.
32. Хуш, Нәкый ага, бәхил бул! // Ватаным Татарстан. – 1992. – 18 сентябрь. – 3 б.

Список литературы на английском / References in English

1. Abdulhakova A.R. Tatarskaja detskaja kniga 1917-1991 gg.: jevoljucija i tendencii razvitija [Tatar children's book in 1917-1991: evolution and development trends]: dis. of Doctor in History: 05.25.03. / A.R. Abdulhakova – Kazan', 2010. – 445 p. [in Russian]
2. Ajupova R.A. Frazеologicheskoe znachenie v leksikograficheskom opisaniі i kontekste (na materiale anglijskogo, russkogo i tatarskogo jazykov) [Phraseological meaning in lexicographic description and context (based on the material of English, Russian and Tatar languages)] / R.A. Ajupova. – Kazan': Publishing House Kazanskogo gos. un-ta, 2008. – 147 p. [in Russian]
3. Ajupova R.A. Frazеologizmy-shekspirizmy i sposoby ih perevoda na tatarskij jazyk [Phraseological units-Shakespeareisms and ways of their translation into the Tatar language]: diss. ... of PhD in Philology : 10.02.20. / R.A. Ajupova – Kazan', 2001. – 229 p. [in Russian]
4. Burgan S. K chistke TAPP [To clean TAPP] [Electronic resource] / S. Burgan // Respublika Tatarstan – URL: <https://rt-online.ru/p10079574/> (accessed: 3.04.2022) [in Russian]
5. Isanbet Ju.N. Naskol'ko pravdiva kritika : gazetnaja stat'ja s prilozhenijami. [How true is the criticism: a newspaper article with appendices] / Ju.N. Isanbet – Kazan' : Novoe znanie, 2008. – 53 p. [in Russian]
6. Mingazova L.I. Svoeobrazie i tendencii razvitija tatarskoj detskoj literatury XX veka [The originality and development trends of Tatar children's literature of the XX century] : abstract of dis. ... of PhD in Philology : 10.01.02 / L.I. Mingazova – Kazan', 2011. – 42 p. [in Russian]
7. Nabiullina G.A. Sintaksis slozhnogo predlozhenija v tatarskix poslovicah : Po trehtomnomu sborniku N. Isanbeta "Tatar halyk mekal'lere" [The syntax of a complex sentence in Tatar proverbs: Based on N. Isanbet's three-volume collection "Tatar folk proverbs"]: abstract of dis. ... of PhD in Philology: 10.02.02 / G.A. Nabiullina – Kazan', 2002. – 26 p. [in Russian]
8. Khabutdinov A. Obraz Naki Isanbeta v tatarskoj proze [The image of Naki Isanbet in Tatar prose] / A. Khabutdinov, M. Khabutdinova // Filologija i kul'tura. [Philologie and Culture]. – 2019. – №4(58) – p. 191–201. [in Russian]
9. Khalizev V.E. Teorija literatury. [Theory of literature]. / V.E. Khalizev – M.: Vysshaja shkola, 1999. – 398 p. [in Russian]
10. Khaplehamitov R.B. Tatarskaja tvorcheskaja intelligencija i vlast' (1944-1965 gg.) [Tatar creative intelligentsia and government (1944-1965)]: dis. of Ph. (D) in History: 07.00.02 / R.B. Khaplehamitov – Kazan', 2008. – 200 p. [in Russian]
11. Jamaltdinov I.I. Tatarskaja fol'kloristika 20-60-h gg. XX veka : sobiranie, publikacija i nauchnoe izuchenie fol'klora [Tatar folklore studies of the 20-60s of the XX century : collection, publication and scientific study of folklore]: dis. ... of Ph. D. in Philology: 10.01.09 / I.I. Jamaltdinov – Kazan', 2012. – 191 p. [in Russian]
12. Bakirov M.H. Naki Isanbet: fenni-popul'jar jyentyk / M.H. Bakirov – Kazan: Jyen, 2021. – 736 b. – («Sheheslerebez» serijase) jyentykka filologija fennäre doktory, professor M.H. Bakirovнын recenzijase //Arhiv Fonda Jyen. Mashinopis'. 1 l. [in Tatar]
13. Batulla R. Tuzga jazmagan höllär. [What Was Not Written on Salt] / R. Batulla – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1997. – pp. 189–197 [in Tatar]
14. Batulla R. Urynnary ojmahta bulsyn. [May His Place Be in Paradise] / R. Batulla – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 2007. – pp. 246–263 [in Tatar]
15. Vəliev R. Bolak arty respublikasy. [The Trans-Bulak republic] / R. Vəliev. – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1999. – 160 p. [in Tatar]
16. Dautov G. Kaləm fiker ujata [A pen generates a thought] / G. Dautov // Məjdən. – 2022. – №2. – pp. 138–149 p. [in Tatar]
17. Zahidullina D.F. Olyglarybyzny olylau [Honoring the great] [Electronic resource] / D.F. Zahidullina // Vatanym Tatarstan. – URL: <https://vatantat.ru/2022/03/76808/> (accessed: 14.03.2022) [in Tatar]
18. Isənbət N. Bəbi chak [Childhood] / N. Isənbət // Miras. – 1999. – № 1. – pp. 91–101.; 2000 – № 1. – pp. 95–104 [in Tatar]
19. Isənbət N. Jidegəncelektə gaeplənu ellarym [The years when I was a blamed in Jidegəncelek] / N. Isənbət // Nəkyj Isənbətnəñ shəhsi arhivy. – Kuljazma. – Mashinkada basylgan. – 2 b. – Datasyz. [in Tatar]
20. Isənbət N. Khadi Taktash [Khadi Taktash] / N. Isənbət // Hadi Taktash: fənni-popul'jar җыенты / N. Isənbət, L. Gajnanova. – Kazan: Җыен fondy, 2020. – pp. 64–66. [in Tatar]
21. Isənbət N.S. Myraubaj batyr. Bereze pesie Myraubaj batyr majaralary : shigri ekijat. [Myraubaj batyr. Adventures of Myraubaj batyr cat from the village of Bereze] / N. Isənbət – Kazan : Tatar. kit. nəshr, 2019. – 141 p. [in Tatar]
22. Isənbət N.S. Sajlanma eserler [Selected works] / N. Isənbət, F.G. Galimullin. – Kazan : Həter, 2007. – 511 b. [in Tatar]
23. Isənbət N. Tatar halyk mekal'lere. In 3 volumes. [Tatar Folk Proverbs] – V. 1. / N. Isənbət – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 2010. – 623 p. [in Tatar]
24. Isənbət N. Tatar halyk mekal'lere. In 3 volumes. [Tatar Folk Proverbs] – V. 2. / N. Isənbət – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 2010. – 749 p.

25. Isanbet N. Tatar halyk mekal'lere. In 3 volumes. [Tatar Folk Proverbs] – V. 3. / N. Isanbet – Kazan: Tatar. kit. neshr., 2010. – 799 p. [in Tatar]
26. Kurban R. “Jidegönnän tushken nur” [In the rays “Jidegen” constellation”] / R. Kurban // Mejdän. – 2021. – №10. – pp. 34–57 [in Tatar]
27. Kurban R. “Jidegönnän tushken nurr” [In the rays “Jidegen” constellation”] / R. Kurban // Məjdän. – 2021. – №11. – pp. 5–28 [in Tatar]
28. Kurban R. “Jidegönnän tushken nur” [In the rays “Jidegen” constellation”] / R. Kurban // Məjdän. – 2021. – №9. – pp. 5–55 [in Tatar]
29. Məhəmmədiev R. Ak kəgaz' nigə sargaja... [Why White Paper Turns Yellow...] / R. Məhəmmədiev // Kazan utlary. 2019 – №5 – pp. 3–59; №6. – pp. 65–118 [in Tatar]
30. Isanbet N. Fənni-populjar jəyentyk. [Naki Isanbet: popular science collection] / N. Isanbet, M. Khabetdinova – Kazan: Jəyen, 2021. – 736 b. [in Tatar]
31. Khabetdinova M.M. «Chorlar ruhanie» [The spiritual leader of the epoch] / M.M. Khabetdinova // Kazan utlary. – 2020. – №1. – pp. 150–162 [in Tatar]
32. Hush, Nəkyj aga, bəhil bul! [Good bye, Naki aga, rest in peace!] // Vatanym Tatarstan. – 1992. – 18 sentjabrja. – 3 p. [in Tatar]

ОСОБЕННОСТИ КОМИЧЕСКОГО В РОМАНЕ ЛЮ ЧЖЭНЫЮНЯ «Я НЕ ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ»

Научная статья

Кондратова Т.И.¹*, Чеховский А.М.²^{1,2} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (kondratovatat[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье исследуются различные формы и функции категории комического в романе современного китайского писателя Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь», приводятся мнения современных китайских критиков о романе, демонстрируется сочетание приемов сатиры, юмора, иронии, абсурда, черного юмора. Прием значимости имен, используемый автором, раскрывает не наличие в человеке качеств, обозначенных в фамилии, а их отсутствие. С помощью различных форм комического создается объемная картина жизни современного Китая, а нарратив о жизни простой деревенской женщины превращается в развернутую сатиру на бюрократический аппарат всех уровней. Поэтика абсурда вскрывает многие нелепые черты социального устройства и человеческого существования в целом.

Ключевые слова: китайский роман, Лю Чжэньюнь, «Я не Пань Цзиньлянь», формы комического, функции смеха.

FEATURES OF THE COMIC IN LIU ZHENYUN'S NOVEL "I DID NOT KILL MY HUSBAND"

Research article

Kondratova T.I.¹*, Chekhovskii A.M.²^{1,2} Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

* Corresponding author (kondratovatat[at]rambler.ru)

Abstract

The article explores various forms and functions of the comic category in the novel by the modern Chinese writer Liu Zhenyun "I Did Not Kill My Husband", and provides opinions of modern Chinese critics about the novel, demonstrates a combination of techniques of satire, humor, irony, absurdity, and black humor. Instead of the presence of the qualities of a person indicated in their surname, the method of the significance of names used by the author reveals their absence. With the help of various forms of the comic aspect, a three-dimensional picture of the life of modern China is created, while the narrative about the life of a simple village woman turns into a detailed satire on the bureaucratic apparatus of all levels. The poetics of the absurd reveals many ridiculous features of the social structure and human existence as a whole.

Keywords: Chinese novel, Liu Zhenyun, "I Did Not Kill My Husband", forms of the comic, functions of laughter.

Введение

Роман китайского писателя Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» [1], написанный уже в XXI столетии, стал заметным явлением современной прозы Поднебесной, поскольку в оригинальной форме поднял важные социальные вопросы нового времени. Как и в романе «Одно слово стоит тысячи» [2], за который писатель получил самую престижную в Китае премию имени Мао Дуня, здесь сквозь призму повседневных мелочей жизни простых людей изображаются важнейшие реалии времени, подчас абсурдные.

Китайская критика чаще всего определяет жанр произведения как сатирический роман. Так, китайские литературоведы Дун Ин [8], Шэнь Тинмяо [9], Чэнь Ивэнь и Цзинь Найжу [10] сходятся в мнении, что Лю Чжэньюнь использовал при написании особый «извилистый» стиль повествования, характерной чертой которого является наличие большого количества сюжетных поворотов, что делает работу живой и насыщенной, давая читателю более понятную картину обличения пороков чиновников в сатирической манере. Исследователи обращают внимание читателей на то, что Лю Чжэньюнь не упустил из виду ни единого уровня власти, продемонстрировал, что сущность чиновников что высшего ранга, что низшего очень сходны: так называемые «слуги народа» никогда не забывают о своих личных выгодах. Авторы статей подмечают, что данные автором чиновникам имена весьма ироничны: Гундао (справедливость), Дун Сяньфа (понимать законы), Чжэнь (правый, справедливый), Вэйминь (для народа) и так далее. Например, Дун Сяньфа получил работу в суде исключительно из-за своего имени. Руководство суда посчитало, что раз он «разбирается в конституции», то и должность должен занимать соответствующую. Тем не менее, чиновники не обладали качествами, которые содержатся в их именах. Никакой справедливости, честности и понимания законов в них нет. Принцип значимости имен здесь используется в перевернутом виде, показывая не наличие, а отсутствие качеств, отраженных в фамилиях героев. Все, что они делали, было попыткой сохранить свое место во властной структуре. Эгоистичные интересы не дали возможности «слугам народа» чистосердечно попытаться разобраться в проблеме главной героини и разрешить ее. На протяжении всего романа они пытались обманом, уговорами и тюрьмой отбить желание у главной героини, простой деревенской женщины Ли Сюэлянь, подавать жалобы, из-за которых рушилось их настоящее и будущее. Лю Чжэньюнь в очередной раз в сатирической форме изображает всю некомпетентность нынешней власти.

На наш взгляд, разделяя мысль о сатирической природе романа в целом, необходимо все же более детально охарактеризовать все формы проявления смеховой природы, присутствующие в романе «Я не Пань Цзиньлянь», что будет способствовать более глубокому и полному анализу его содержания.

Методы и принципы исследования

Основными методами исследования являются сопоставительный, описательный, а также метод контент-анализа.

Обсуждение и основные результаты

Известно, что источником смеха является категория комического, под которой подразумевают некое «отклонение от нормы, нелепость, несообразность, промах и юродство, не причиняющие страдания, внутреннюю пустоту и ничтожность, которые прикрываются притязаниями на содержательность» [6, С.75]. Способы проявления комического в романе, действительно, многообразны. И, прежде всего, необходимо разделить их, исходя из качества смеха и его направленности, на сатиру и юмор.

Сатира в романе направлена на разоблачение социальных пороков всех уровней власти, она достигается с помощью горького, обличительного по сути смеха. Например, мэр города Цай Фубан, проводя кампанию по построению «города высокой духовной культуры», отдает приказ жителям и чиновникам выйти на улицы, чтобы уничтожить всех мух. Сотрудники госучреждений обязаны были ежедневно сдавать по десять убитых мух, что давало им дополнительные баллы для аттестации. Для читателя, незнакомого с недавней историей Китая, эта ситуация кажется просто абсурдной, однако в ней присутствует аллюзия на волонтеристскую кампанию по уничтожению воробьев, проводимую под руководством Мао Цзедун в 1958-1960-х годах. Автор, рассказывая об этом акте гражданской активности, не скрывает смеха, дополняя ее нелепыми деталями: «В конце концов ловля мух сопровождалась песнями школьников и танцами бабушек» [1, С.59]. Сосредоточившись на очистке города от мух, мэр видит в жалобнице Ли Сюэлянь «огромную муху», которую нужно каким-то образом уничтожить, изгнать из города, и самым простым способом окажется заключение женщины в тюрьму. Бесспорно, смех в такой ситуации имеет разоблачительную силу, он показывает полное несоответствие власти тем высоким функциям, которые она изначально должна выполнять. Вся ситуация, изображенная в романе, восходит к развернутому острастанию, «выводящему читателя за границы привычного мышления» [5, С.60].

В юморе смех легкий, искренний, веселый. Он направлен на отдельные свойства человеческой личности: это качества, странные и нелепые, но не приносящие другим людям настоящих страданий, присущи, прежде всего, главной героине романа - Ли Сюэлянь, придумавшей, как обмануть закон о запрете на рождение второго ребенка, но в результате обманувшей саму себя. Настроившись на два месяца судебной тяжбы, героиня проведет в непрерывной борьбе с чиновниками двадцать лет. Желая отменить фиктивный развод со своим бывшим мужем, оформленный для возможности сохранить вторую беременность, героиня намеревается добиться признания законности ее брака, чтобы потом вновь развестись, ведь ее бывший супруг Цинь Юйхэ, коварно воспользовавшись фиктивным разводом, успел жениться на другой. Таким образом, многократно подавая жалобы в суд, героиня к числу ответчиков причисляет и себя: «Первая жалоба касается председателя суда Сюнь Чжэньи, вторая – члена судебной коллегии Дун Сяньфа, третья – судьи Ван Гундао, четвертая – моего мужа Цинь Юйхэ, а пятая жалоба касается самой меня» [1, С.53]. Смех вызывает не только наивная вера героини в заинтересованность власти в разборе каждого судебного дела, но и искренняя убежденность женщины в своей правоте, нежелание видеть абсурдность самой ситуации.

Конечно, разделенные в теории, непосредственно в тексте романа сатира и юмор оказываются тесно переплетенными, соединяясь с еще одной формой комического: иронией – скрытой насмешкой, позволяющей изменить смысл любой фразы до совершенно противоположного. Роман изобилует примерами авторской иронии, которая часто присутствует в абсолютно абсурдных, с точки зрения здравого смысла, ситуациях. Например, сластолюбивый мясник Лао Ху, обещавший выполнить просьбу Ли Сюэлянь – побить или убить ее предателя-мужа – встает в тупик, когда по прошествии некоторого времени в список обидчиков, которых он тоже должен наказать из-за Ли Сюэлянь, попадают мэр города, начальник уезда, председатель суда, член судебной коллегии, судья. Последним в списке обидчиков, который женщина протягивает своему добровольному мстителю, значится ее муж – «выродок Цинь Юйхэ» [1, С. 64]. Финал этой сцены ожидаем: женщина, вышедшая на тропу войны со всем миром, хоть и со слезами на глазах, но все же с презрением «плюет» на не сдержавшего свое слово мясника.

Вообще, эпизоды с постоянными пожеланиями обидчикам смерти в самой грубой, неприкрытой форме, с просьбами раздаться или помочь разделаться с теми, кто оказался в эпицентре этой личной драмы героини, часто даны в традиции черного юмора, когда смех соседствует с мрачными темами, с человеческой жестокостью, которая стала привычным, обыденным явлением. Не имея возможности убить бывшего мужа, который уехал из города, героиня вымещает свой гнев на собственном ребенке: «Когда рыдающая девочка получила оплеуху, она вдруг замерла и резко прекратила рев» [1, С.18]. Поступок женщины вызывает возмущение работницы общественного туалета, где происходит действие, однако причина ее возмущения потрясает читателя: «Дитя еще крошечное, ему твоих ударов не вынести. А ну как помрет? Тебе-то ничего, а мне каково, если из-за этого в мой туалет перестанут люди ходить» [1, С.18]. Полная потеря нравственных ценностей, нормальных человеческих душевных движений стала приметой духовной мертвенности общества, изображенного в романе.

Китайский исследователь романа Дун Ин, анализируя в своей статье [8] повествовательный дискурс романа, приходит к выводу о том, что работа передает метафизическую философию, согласно которой жизнь комична, абсурдна и даже парадоксальна. Очень часто мы встречаемся с тем, что справедливости не существует, а наши самые искренние желания порой просто разбиваются об непреодолимые обстоятельства. Следовательно, «путем анализа душевных движений главного героя и характеристики среды, в которой он существует, можно выявить важные онтологические принципы, определяющие взгляд писателя на человека и жизнь в целом» [4, С.90]. Автор романа «Я не Пань Цзиньлянь», как и другие современные китайские писатели, такие как Мо Янь, Юй Хуа, осмысливая последствия тоталитаризма, пытаются воссоздать идентичность китайской нации, найти утраченное в XX веке национальное самосознание [3, С.200].

Закключение

Таким образом, в романе Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньянь» используются разные формы комического: сатира, юмор, ирония, абсурд, черный юмор. Каждая из этих форм выполняет свою художественную функцию: сатира выявляет социальные пороки, мешающие развитию человеческих отношений; юмор призван показать многие странные и нелепые черты самой главной героини, которая, хоть и борется с общественным злом, но и сама не может быть отнесена к числу идеальных. Поэтика абсурда вскрывает многие нелепые черты социального устройства и человеческого существования в целом; черный юмор убеждает, что от смешного до страшного, даже ужасного, всего один шаг, и «нарратив о трудностях простого народа» [7, С.31] превращается в панораму бюрократического общества, где реальность и видимость этой реальности не совпадают.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Чжэньюнь Л. Я не Пань Цзиньянь / Л. Чжэньюнь, О.П. Родионова. - СПб.: Гиперион, 2015. - 288 с.
2. Чжэньюнь Л. Одно слово стоит тысячи. / Л. Чжэньюнь, О.П. Родионова. - СПб.: Гиперион, 2017. - 560 с.
3. Кондратова Т.И. Литература Китая. / Т.И. Кондратова - М.: МГПУ - 2020 - 224 с.
4. Кондратова Т.И. Онтология души и мира: принципы создания героя и общества в романе Юй Хуа «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» / Т.И. Кондратова, Н.Ю. Салтанова // Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики. материалы II научно-практической конференции – 2021 - С. 89-95.
5. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение / М.Л. Новикова – М.: Издательство «Экон-Информ», 2020. – 236 с.
6. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев – М.: Высшая школа – 1999. – 398 с.
7. Сяомин Ч. Тенденции новейшей китайской литературы / Ч. Сяомин – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс» – 2019. – 583 с
8. 董颖. 刘震云小说《我不是潘金莲》的叙事话语探析/河南科技学院学报, 2018. – 92–95 页.
9. 沈昕苗. 荒诞·讽刺·幽默——浅析刘震云《我不是潘金莲》/大众文艺, 2014. – 176–177 页.
10. 陈艺文, 金乃茹. 《我不是潘金莲》中荒诞与严肃的艺术特征探究/产业与科技论坛, 2017. – 182-183 页.

Список литературы на английском / References in English

1. Zhenyun L. Ja ne Pan' Czin'ljian' [I Did Not Kill My Husband]. / L. Zhenyun, O.P. Rodionova / - SPb.: Giperion, 2015. – 288 p. [in Russian]
2. Zhenyun L. Odno slovo stoit tysjachi [One Sentence Is Ten Thousand Sentences]. / L. Zhenyun, O.P. Rodionova – SPb.: Giperion - 2017. – 560 p. [in Russian]
3. Kondratova T.I. Literatura Kitaja [Chinese Literature] / T.I. Kondratova – M.: MGPU – 2020 – 224 p. [in Russian]
4. Kondratova T.I. Ontologija dushi i mira: principy sozdanija geroja i obshhestva v romane Juj Hua “Kak Sjuj San'guan' krov' prodaval” [The Ontology of the soul and the world: the principles of creating a hero and society in Yu Hua's novel “Chronicle of a Blood Merchant”] / T.I. Kondratova, N.Ju. Saltanova // Kitajskij jazyk: aktual'nye voprosy jazykoznanija, perevodovedenija i lingvodidaktiki. materialy II nauchno-prakticheskoi konferencii. 2021. p. 89-95 [in Russian]
5. Novikova M.L. Ontologija iskusstva poeticheskogo slova i ostrannenie [The art ontology of the poetic word and defamiliarization]. / M.L. Novikova – M.: Publishing House “Jekon-Inform” – 2020. – 236 p. [in Russian]
6. Halizev V.E. Teorija literatury [Literary theory]. / V.E. Halizev – M.: Vysshaja shkola, 1999. – 398 p. [in Russian]
7. Xiaoming Ch. Tendencii novejshej kitajskoj literatury [Trends in new Chinese literature]. / Ch. Xiaoming – M.: International Publishing House «Shans» – 2019 – 583 p. [in Russian]
8. Ying D. Liu Zhenyun xiaoshuo “Wo bu shi Pan Jinlian” de xushi huayu tanxi [An analysis of the narrative discourse of Liu Zhenyun's novel “I Did Not Kill My Husband”] / Dong Ying. – Journal of Henan University of Science and Technology, 2018. – pp. 92-95 [in Chinese]
9. Tingmiao S. Huangdan, fengci, youmo – qianxi Liu Zhenyun “Wo bu shi Pan Jinlian” [Nonsense, Satire, Humor – an analysis of Liu Zhenyun's novel “I Did Not Kill My Husband”] / Shen Tingmiao. – Popular Literature, 2014. – pp. 176-177 [in Chinese]
10. Yiwen C. “Wo bu shi Pan Jinlian” Zhong huangdan yu yansu de yishu tezheng tanjiu [Absurd and serious artistic features in “I Did Not Kill My Husband”] / Chen Yiwen, Jin Nairu. – Industry And Technology Luntan, 2017. – p-p. 182-183 [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.42>**МЕСТНЫЕ РАМКИ КИТАЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ**

Научная статья

Скрипник К.В. *

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (montn[at]yandex.ru)

Аннотация

В настоящем исследовании исследуется локальная архитектура рекламного слогана как разновидности микротекста на китайском языке. Несмотря на многочисленные исследования по проблеме рекламных текстов, в частности по рекламному слогану, по большей части данная тема остается неисследованной. На актуальность и новизну данного исследования указывает то, что проблема выявления и описания текстообразующих категорий, отражающих наиболее общие и существенные характеристики рекламного слогана как вида микротекста, все еще недостаточно изучена. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что характерной особенностью рекламных слоганов как микротекста является редкое соотношение специфических локальных показателей места – аутосемантических показателей и синсемантических обстоятельств места. Эти показатели могут точно описать географическое пространство и обеспечить получателю текста полную ориентацию внутри рекламного слогана как модели расположения текста.

Ключевые слова: рекламный слоган, китайский язык, грамматические категории, местные рамки.

LOCAL FRAMEWORK OF CHINESE ADVERTISING SLOGANS

Research article

Skripnik K.V. *

Moscow State Region University, Moscow, Russia

* Corresponding author (montn[at]yandex.ru)

Abstract

The present work explores the local architectonics of the advertising slogan as a type of microtext in Chinese. Despite numerous studies on the issue of advertising texts, in particular on the advertising slogan, much of this topic remains unexplored. In favor of the relevance and novelty of this study, the problem of identifying and describing text-forming categories that reflect the most general and essential characteristics of an advertising slogan as a type of microtext is still little studied. As a result of the analysis, the author concludes that a characteristic feature for advertising slogans as a microtext is a rare correlation of specific local indicators of place – autosemantic indicators and synsemantic circumstances of the place. These indicators can accurately describe the geographical space and provide the addressee with complete orientation inside advertising slogan as a model of text location.

Keywords: advertising slogan, Chinese language, grammatical categories, local framework.

Introduction

The purpose of the work is to identify the main invariant features of the text-forming category of locality, which is involved in the construction of the microtext of advertising slogans in Chinese. In accordance with the goal set, the following tasks are solved in the work:

1. highlighting various language models of advertising slogans based on the concept of speech acts by John Searle ;
2. establishing a set of invariant features of the text-forming category of locality, which are directly involved in the formation of different models of the microtext of an advertising slogan in Chinese.

The main **hypothesis** is that the functioning of the advertising slogan substyle is possible not only within the stylistics of the language of mass communication, but also in the field of general text typology based on the identification of common grammatical textual characteristics of the microtext under study and its inherent invariant features.

Chinese scholar Yu Gengyuan (与根元) notes that the advertising slogan is an important component of the advertising text and is the words repeated in the advertisement, which are specifically aimed at the addressee of the message and represent the most important value of the product or service [1, P. 20].

From the point of view of Chinese researchers, the advertising slogan has the following characteristics:

- conveys the most important value of enterprises, goods or services,
- slogan strategy is a lasting benefit,
- strengthens the image of enterprises, goods and services, helps to create your own image,
- usually exists in a concise, understandable, expressive and easy to remember form [1], [2], [3].

Methods

The material for the study was 500 advertising slogans in Chinese, obtained by continuous sampling from the Internet and from modern Chinese magazines “Chinese National Geography” [7], [8], [9], [10].

When solving the tasks set, a **complex research methodology is used**, which includes: structural and semantic analysis of language material, the method of typological study of texts and their individual components, as well as the method of contextual analysis.

In the Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language, edited by M.N. Kozhina “text space” considers as a text category, which is a permanent property of all objects of reality, therefore, those objects that do not have a spatial nature also have local characteristics. The dictionary emphasizes that it is impossible to create a text outside of spatial coordinates, thus, we can say that locality is an invariant feature of any text message [4, P. 539-541].

The category of locality can be characterized as a set of explicit and implicit markers of the local orientation of the text under study from the standpoint of their correlation in functional and semantic terms, where four invariant features are distinguished [5], [6]:

1. Local determination of the described events of the text (auto-semantic, synsemantic and zero local architectonics).
2. Consistency of local architectonics – the ratio of local subsystems of the author and characters (one- or two-system local architectonics).
3. The presence of the main language means of local architectonics (homogeneous or heterogeneous type).
4. Local type of text (monolocal or polylocal, defined from the point of view of the constancy or change of the space in which the described events occur).

Space is one of the categories of being, a universal category that is embodied in all languages. A person is born with a feeling and perception of the space around him. We can say that our idea of space is interpreted quite early. All human life is a spatial interaction with the world.

In any language, the category “space” receives a variety of designations. Local architectonics in Eastern languages can be formed using the following linguistic means: nouns with the seme “orientation in space”, prepositions with local meanings, pronominal adverbs, adverbs, clauses of place and verbs with the seme of locality, verbs of movement or movement in space, toponyms and geographical names, as well as the names of well-known organizations or brands.

Results

1. The *slogan-commissive* is an advertising statement-promise.

CANON EOS 招呼想象的视角会令你惊叹。Zhāohū xiǎngxiàng de shìjiǎo huì jīn nǐ jīngtàn. You will be pleasantly surprised if you trust your imagination.

The synsemantic local marker in this slogan is **the brand name of the camera**, which implicitly indicates the local landmarks of the advertised product, through which you can find the points of sale of the advertised camera.

The analysis of lexical material makes it possible to characterize the local architectonics of the Chinese commissive slogan as **hidden synsemantic** and homogeneous, since there is a single linguistic means of locality indicated above. From the standpoint of the correlations between the local subsystems of the author and the characters, we can speak of a single-system grammatical structure of the microtext, since the core form of the utterance is monologue speech. The constancy of local orientation is an indicator of the monolocality of this type of text.

2. The *slogan-directive* is an imperative speech act.

飞利浦。让我们做得更好！Fēilǐpǔ. ràng wǒmen zuo de geng hao! Philips. Let us do better!

In this phrase, the author also uses the only synsemantic indicator: the name of the home appliance brand. The local composition of the Chinese slogan-directive has a homogeneous grammatical structure, **hidden synsemantic composition using the brand name**. From the standpoint of the correlations between the local subsystems of the author and the characters, we can speak of a single-system grammatical structure of the microtext. The constancy of space is an indicator of the monolocality of this type of microtext.

3. The *slogan-axiom* is a fact without evidence.

Peugeot 308. 选择出色。Xuǎnzé chūsè. Choose something unusual.

The synsemantic local marker in this slogan is only the brand name, which, as mentioned above, is a necessary condition for a successful advertising message. It is supported by action verbs that help navigate the text space.

The analysis of lexical material makes it possible to characterize the local architectonics of Chinese advertising slogan-axiom as **hidden synsemantic** and homogeneous **using the name of the advertised brand**. As for the second invariant feature – the correlation of the local subsystems of the author and the characters, then we can talk about the single-system grammatical structure of the microtext, since the core form of the utterance is monologue speech. The constancy of local orientation is an indicator of the monolocality of this type of text. It can be argued that the absence of autosemantic signals for localization, advertised goods and services are characteristic grammatical features of this type of microtext.

Consider the following Chinese slogan-axiom:

CASIO watch. 感知大自然。Gǎnzhī dà zìrán. Feel nature.

In this slogan the spectrum of synsemantic indicators is expanded due to spatial nouns. The author uses the name of the advertised brand, which address of production and the point of sale can be easily found, for example, online. In addition, we can see the artistic orientation of vocabulary with the seme “functional space”, such as – natural space 自然.

Local determinism in this type of microtext is defined as **explicit synsemantic** and heterogeneous **due to a group of synsemantic language devices: brand name and nouns with spatial characteristics**, monolocal (no change of text spaces) and single-system (only author’s speech).

Let’s pay attention to the following group of advertising slogan-axioms:

1. **Canon**. 全家打印新精彩，工作生活都出色。Quánjiā dǎyìn xīn jīngcǎi, gōngzuò shēnghuó dōu chūsè. The whole family prints new impressions at work, at home everywhere they do a great job.

2. **M&M** 牛奶巧克力 – 只溶在口，不溶在手。Niúǎi qiǎokèlì – zhǐ róng zài kǒu, bùróng zài shǒu. M&M - melts in your mouth, not in your hands.

These slogans have a different set of invariant features that distinguishes them from the cases considered above. In these slogans a change in spatial orientation in the narrative is clearly visible: in the first example – *at home, at work* 工作生活

gōngzuo shēnghuó; in the second example – *in the mouth* 在口 *zài kǒu* and *in the hands of* 在手 *zài shǒu*. Therefore, here we can talk about polylocality of the microtext type. The local architectonics of these slogans is defined as **clearly synsemantic** and heterogeneous, since the main **synsemantic local markers are the brand name and prepositional constructions**: work, home 工作生活 *gōngzuo shēnghuó*, in the mouth 在口 *zài kǒu*, in the hands of 在手 *zài shǒu*; single-system in terms of the presence or absence of two subsystems of the author and characters.

4. *Slogan-interrogative* – an interrogative statement.

他的世界正的无忧无虑吗? *Tā de shìjiè zhèng de wú yōu wú lǜ ma?* Is **his world** really that safe? Social advertising for parents.

In this question, the author also uses only one synsemantic indicator of locality, namely, a noun with spatial coordination – his world 他的世界 *Tā de shìjiè*. The spatial determinism of this slogan-interrogative is defined as **synsemantic due to the vocabulary with the seme “space”**, homogeneous (one local language indicator), single-system (monologic speech) and monolocal (no change of artistic space).

5. The *slogan-qualitative* is a nominative construction.

Let's examine a group of Chinese advertising *slogan-qualitatives*:

1. 雪花啤酒。勇闯天涯。Yǒng chuǎng tiānyá. Xuehua beer. Boldly **to the end of the world**.
2. SUBARU 我行我路。Wǒ xíng wǒ lù. My movement. **My road**.

In these verbless advertising slogans, the set of synsemantic local markers includes two parameters: the name of the advertised brand and nouns with the seme of spatial orientation, such as: *end of the world* 天涯 *tiānyá*, *road* 我路 *wǒ lù*. Analysis of the presented lexical material allows us to characterize the local architectonics of advertising slogans as **explicit synsemantic** and heterogeneous, since the **synsemantic markers orienting the addressee of the advertising message in the text space are the brand names and vocabulary with the seme “locality”**. According to the ratio of the local subsystems of the author and characters, one can speak of a single-system grammatical structure of the microtext. The constancy of local orientation is an indicator of the monolocality of this type of microtext.

Let's take a look at 4 slogan-axioms (an indisputable fact) and 1 slogan-qualitative (nominative structure):

1. 奥迪 AUDI 走中国路，乘一汽奥迪! Àodí AUDI zǒu zhōngguó lù, chéng yīqì àodí! Travel around China with AUDI!
2. 红旗 Hong Qi 坐红旗车，走中国路。Hóngqí Hong Qi zuò hóngqí chē, zǒu zhōngguó lù. Drive Hong Qi on Chinese roads!
3. 欧宝 OPEL 德国科技轻松享有! Ōubǎo OPEL déguó kējì qīngsōng xiǎngyǒu! **German** technology is easy to use!
4. 昆仑山矿泉水。水的质量决定生命的质量。Kūnlún shān kuàngquán shuǐ. Shuǐ de zhìliàng juéding shēngmìng de zhìliàng. Kunlun mountain mineral water. The quality of water determines the quality of life.

In each of these examples, there are autosemantic markers indicating the geographical location of the described events or phenomena. In the first and second examples, the authors name China as a territory where you can enjoy driving cars of advertised brands, only in the first case an international brand is advertised, and in the second a Chinese-made car. In the third example, the author emphasizes the impeccable quality of German technology, which is known throughout the world and which can now be easily driven on Chinese roads. The fourth example advertises mountain mineral water, which is produced in the Kunlun Mountains in China.

Thus the presented advertising slogans in Chinese can be identified as **autosemantic by the type of local determinism**, single-system (the author's speech), monolocal (since there is no change in space) and heterogeneous (the main language means describing space in the text are geographical names, an additional synsemantic lexical device is the name of the product).

Discussion

The analysis of language models of Chinese advertising slogans from the standpoint of the functioning of invariant features of the text category of locality has the following indicators:

- slogan-commissive is characterized by a hidden synsemantic local composition (due to the brand name),
- slogan-directive also has an implicit synsemantic spatial structure (using the brand name),
- slogan-interrogative expresses synsemantic local characteristics (with the help of synsemantic nouns with the seme of spatial orientation and the name of the trademark),
- slogan-axiom can have a synsemantic local composition (based on the name of the advertised product, nouns and adjectives with the seme “space”, prepositional constructions), rarely an autosemantic spatial structure (country name),
- slogan-qualitative also gravitates towards a synsemantic spatial composition (due to vocabulary with the seme “space”, trademark names), isolated cases with autosemantic determinism (country name).

The results of our analysis let us draw some particular interesting conclusions:

1. In the vast majority of cases, advertising slogans in Chinese are characterized by a **hidden synsemantic local orientation**, which can be expressed using the name of the advertised brand or **explicit synsemantic locality**, expressed by such a set of language tools as:

- nouns with the seme of locality: end of the world 天涯 *tiānyá*; 你的世界 *Nǐ de shìjiè* your world; 出国 *chūguó* abroad; 全球 *quánqiú* the whole world; 生命 *shēngmìng* life; 工作生活 *gōngzuo shēnghuó* at home, at work;
- adjective with space seme: far 远 *yuǎn*;
- prepositional constructions with 在 *zài*.

The **autosemantic local architectonics** of an advertising slogan in Chinese is a rare, single phenomenon that was identified only in five cases due to the name of the country.

2. The *single-system nature* of an advertising slogan as a type of microtext is confirmed as a *universal characteristic*.
3. In terms of the use of language techniques to express minimal artistic space, advertising slogans in Chinese have the same indicators between *uniformity*, expressed only by the name of the advertised brand, and *heterogeneity* through the synsemantic language set indicated above.
4. Chinese advertising slogans also do not tend to change the artistic space, that is, they have a *monolocal character*.

Conclusion

Summing up, we can say that the slogan as a small genre of advertising communication has characteristics that make it possible to identify it as a specific type of grammatical microtext.

The results of the study demonstrate the effectiveness of interpreting the linguistic architectonics of an advertising slogan as a type of microtext based on text-forming category such as locality and its invariant features. We should submit that further study of advertising slogans in other languages will make it possible to identify another list of variant features of the microtext linguistic architectonics within advertising communication. From there it will undoubtedly have a beneficial effect on expanding and updating the theory of grammatical construction of the text, and will help to supplement the general typology of texts within the framework of language theory.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. 于根元. 语言概论. - 北京: 中国广播电视出版社, 2007 年. 共 235 页.
2. 赵宏. 广告语言艺术. - 北京: 中国经济出版社, 2004 年. 424 页
3. 黄小平. 广告语言. - 昆明, 云南人民出版社, 2012 年. 182 页
4. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка под ред. М.Н. Кожин. 2-е из. / М.Н. Кожина – М.:Флинта, 2006 – 696 с.
5. Левченко М.Н. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект): монография / М.Н. Левченко и др. – М.: МГОУ, 2013 – 240 с.
6. Левченко М.Н. Инварианты темпорально-локальной архитектоники немецкой притчи [Электронный ресурс] / М.Н. Левченко // Вестник МГОУ. – 2014. – No. 1. – URL:<http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/528> (дата обращения: 11.02.2022)
7. Chinese National Geography.中国国家地理. 北京: 《中国国家地理》杂志社. 2014.第 3, 175 页.
8. Chinese National Geography.中国国家地理. 北京: 《中国国家地理》杂志社. 2014.第 11, 175 页
9. Chinese National Geography.中国国家地理. 北京: 《中国国家地理》杂志社. 2015.第 8, 175 页

Список литературы на английском / References in English

1. Yu G. 语言概论 [Introduction to Language] / G.Yu – Beijing: China Radio and Television Press, 2007 – 235 p. [in Chinese]
2. Hong Zh. 广告语言艺术 [Advertising language art] / Zh. Hong –Beijing: China Economic Press, 2004. – 424 p. [in Chinese]
3. Xiaoping H. 广告语言 [Advertising language] / H. Xiaoping – Kunming, Yunnan People's Publishing House, 2012 – 182 p. [in Chinese]
4. Kozhina M.N. Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] ed. M.N. Kozhina. 2nd ed. – M.: Flinta, 2006. – 696 p. [in Russian]
5. Levchenko M.N. Interpretatsiya teksta i yego grammaticheskikh modeley (tipologicheskii aspekt): monografiya. [Interpretation of the text and its grammatical models (typological aspect): monograph] / M.N. Levchenko et al. – M.: MGOU, 2013. – 240 p. [in Russian]
6. Levchenko M.N. Invarianty temporal'no-lokal'noy arkhitektoniki nemetskoy pritchi [Invariants of the temporal-local architectonics of a German parable] [Electronic resource] / M.N. Levchenko // Buletin of MGOU [Vestnik MGOU]. – 2014. – No. 1. – URL:<http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/528> (accessed: 11.02.2022) [in Russian]
7. 中国国家地理 [National Geographic of China]. – Beijing, 2014. – p. 3,175. [in Chinese]
8. 中国国家地理 [National Geographic of China]. – Beijing, 2014. – p. 8,175. [in Chinese]
9. 中国国家地理 [National Geographic of China]. – Beijing, 2014. – p. 11,175. [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.43>**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ (ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
СЕНСОРНО-ПЕРЦЕПТИВНОЙ КАТЕГОРИИ)**

Научная статья

Нурутдинова А.Р. *

ORCID: 0000-0001-5759-0820,

Казанский Федеральный Университет, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (AiRNurutdinova[at]kpfu.ru)

Аннотация

Сенсорно-перцептивное семантическое заимствование лексики это нечеткая категория, находящаяся в центре двух отдельных и противоположных полюсов классификации. В лингвистической истории семантические заимствования отмечались уже давно, но предыдущие исследования не фокусировались на когнитивных аспектах. Многие слова, полученные таким методом, считались «выдуманными». Лексический пробел является причиной производства многочисленных новых понятий, которые появились как «симптомы» социального и культурного прогресса. Отсутствие соответствующих слов и выражений в письменной системе китайского языка образует лексический пробел, который нуждается в семантическом заимствовании новых слов и новых понятий, в том числе «экзотических». Этот пробел заполняется заимствованными словами и значениями, произведенными коренными компонентами. Следует отметить, что определение категории и выбор подходящего признака относятся к этапам словообразования в современном китайском языке. Таким образом, возникает вопрос: каким образом сенсорно-перцептивное семантическое заимствование, связанное с когнитивной семантикой используется в современном китайском языке?

Ключевые слова: заимствованная лексика, китайский язык, когнитивная семантика, заимствованные слова, иностранные элементы, язык-реципиент.

**SEMANTIC BORROWINGS (A STUDY OF CHINESE BORROWINGS
OF THE SENSORY-PERCEPTUAL CATEGORY)**

Research article

Nurutdinova A.R. *

ORCID: 0000-0001-5759-0820,

Kazan Federal University, Kazan, Russia

* Corresponding author (AiRNurutdinova[at]kpfu.ru)

Abstract

Sensory-perceptual semantic borrowing of vocabulary is a vague category located in the center of two separate and opposite poles of classification. Semantic borrowings have been noted in linguistic history for a long time; however, previous studies have not focused on cognitive aspects. Many words formed by this method were considered "invented". The lexical gap is the reason for the production of numerous new concepts that have appeared as "symptoms" of social and cultural progress. The absence of appropriate words and expressions in the writing system of the Chinese language forms a lexical gap that needs semantic borrowing of new words and new concepts, including the "exotic" ones. This gap is filled with borrowed words and meanings produced by the root components. It should be noted that the definition of a category and the choice of a suitable feature belong to the stages of word formation in modern Chinese. Therefore, the following question arises: how is sensory-perceptual semantic borrowing associated with cognitive semantics used in modern Chinese?

Keywords: borrowed vocabulary, Chinese language, cognitive semantics, borrowed words, foreign elements, recipient language.

Лексический фонд языка всегда в процессе изменения: в его состав входят новые единицы, одновременно выходят из лексики устаревшие элементы. С помощью словообразовательных ресурсов и /или на основе прямого и непрямого заимствования появляются новые слова. Заимствованные элементы имеются в любом языке, что не лишает принимающий язык индивидуальности. Заимствования проходят процесс адаптации и некоторые из заимствованных слов прочно входят в состав языка-реципиента и не воспринимаются как заимствованные.

Проблема изучения заимствований актуальна для современного языкознания [1], [2], [3], [4]. В конце XX столетия и за последние годы возрос интерес к проблеме изучения заимствований в силу следующих причин [7], [8], [9]:

- 1) расширением межгосударственных связей и увеличением межъязыковых контактов;
- 2) расширением контактов в профессиональной деятельности увеличивает количество заимствованных слов.

В данной научной статье проблема заимствований рассматривается на материале китайского языка. Современные темпы глобализации и сотрудничество в разных областях проводят Россию и Китай к ускорению всех обменно-информационных процессов, что в свою очередь влияет на коренные языки народов, и как результат интенсивность межъязыкового взаимодействия [10], [11], [12], [13].

Под семантическими заимствованиями понимаются слова, содержащие составные фразы и/или выражения, начиная с 19 века и до настоящего времени. Семантические заимствования рассматриваются через конкретные понятия и предполагают изучение ментальности и его связи с опытом и культурой страны. В научной статье рассматривается классификация семантических заимствований на основе теории категоризации. Для идентификации семантических заимствований китайских слов используются следующие признаки:

- 1) фонетические (звучание, форма и значение китайских терминов);
- 2) знаковые (этимология, концепция и культура китайских терминов).

Семантические заимствования можно разделить на сенсорно-перцептивные, пространственные и функциональные типы. В данной статье исследуется сенсорно-перцептивное семантическое заимствование, связанное с когнитивной семантикой, а также телесного опыта, семантической структуры.

– Физический (телесный) опыт - это опыт, полученный в результате сенсорного восприятия и касающийся перцептивных данных, полученных из внешнего мира [15], [16], [17].

– Семантическая структура - это система, в которой понятия условно закодированы в форме, в которой они могут быть во внешнем мире [18].

– Концептуализация рассматривает язык как отражение модели мышления и рассматриваться как средство кодирования и выражения мысли [19].

Научная статья позволяет:

1) обеспечить возможность сопоставительного анализа разноструктурных языков в области заимствований, основанного на сходстве и различии лексических систем, культурных традиций, а также исторических особенностях развития двух народов.

2) продемонстрировать универсальность и уникальность языковой ситуации, а также когнитивные особенности заимствованных китайских терминов;

3) объяснить национально-культурные особенности процесса заимствования;

4) прояснить процесс словообразования заимствованных китайских терминов, а также то, как носители языка вводят новые термины для обозначения иноязычных понятий;

5) прояснить важность практического аспекта изучения заимствований: так как незнание приемов заимствования иностранной лексики может привести к смысловым ошибкам при переводе;

6) исследовать заимствованную лексику китайского языка как особую категорию заимствований и заполнить пробел, допущенный в описании китайских заимствованных слов.

В рамки данного исследования не включены семантические заимствования из японского языка (конец 19 века и первая половина 20 века), так как:

1) новые термины, относящиеся к современным технологиям, а также западные политические и экономические концепции были придуманы в Японии, а затем приняты в Китае. Японцы использовали китайские иероглифы, читая их по собственной системе произношения, которая была также заимствована [Wang Li]. Таким образом, носители китайского языка не воспринимают их как «иностранщину»;

2) с конца 1950-х годов ведется спор о «японских словах» в китайских заимствованиях. Согласно Ши Ювэю (2000), некоторые составные термины уже существовали в ранних китайских текстах, и японцы присвоили их для перевода новых западных понятий, или даже заимствовали существующие термины, такие как *tianzhu* 天主 (Бог), *huaixue* 化学 (химия), *qianbi* 铅笔 (карандаш) [Shi Youwei]. Согласно этой точке зрения, термины были созданы сначала китайцами, а затем перешли в Японию.

Язык неотделим от познания: язык - это результат разумной деятельности человека и компонент человеческого познания. Познание означает способность передавать сенсорный опыт, отображая его в виде понятий, а также обработку информации, которая происходит с этими понятиями [20], [21], [22]. Язык является результатом способности познания развиваться до определенной стадии. Благодаря языку человеческая мысль во внутреннем мире и информация во внешнем мире могут взаимно обмениваться, а человеческий опыт может быть дополнен, поскольку он стимулирует развитие когнитивных способностей, упрощает процесс приспособления и адаптации индивидуумов [23].

Язык является результатом интеллектуальной деятельности человека и компонентом человеческого познания. Познание это «способность воспроизводить сенсорный опыт, представляя его в виде концепций» [24]. Познание - это многогранный термин, касающийся человеческого интеллекта и знаний. Главный принцип лингвистики заключается в том, что создание, изучение и использование языка должно быть объяснено на основе концепций, касающихся человеческого познания. Познание и номинация новой единицы - это когнитивный процесс, определяющий ее категорию; овладение навыком или техникой - когнитивный эффект; решение проблемы - воплощение когнитивной способности.

Принцип дуализма разум/тело, предложенный французским философом Реном Декартом в семнадцатом веке, заключается в различии понятий [25]. Разум можно исследовать, не обращаясь к телу, и, следовательно, не обращаясь к телесному воплощению. В современной лингвистике рационалистический подход ярко проявился в формальных подходах, таких как подход на основе генеративной грамматики [26], [27], и формальных подходах к семантике, таких как система, разработанная Ричардом Монтегю [28]. Сторонники этих подходов утверждают, что можно изучать язык как формальную систему, не принимая во внимание природу человеческого тела или опыта. Когнитивная лингвистика, напротив, не является рационалистической, а исходит из традиций психологии и философии, которые подчеркивают важность человеческого опыта, центральную роль человеческого тела и специфическую для человека когнитивную структуру и организацию. Согласно этому эмпирическому взгляду, человеческий разум и язык нельзя изучать в отрыве от человеческого воплощения [29].

«Эмоционализация» - это центральная идея когнитивной лингвистики. Идея о том, что опыт является физическим, предполагает, что мы «обладаем видовой спецификой восприятия мира, обусловленной уникальной природой наших физических тел» [30]. Наше восприятие реальности является в значительной степени опосредовано природой нашего тела. Одним из очевидных способов, с помощью которого наше воплощение влияет на природу опыта, является сфера цвета. Природа нашего зрительного аппарата как аспекта нашего физического воплощения определяет природу нашего зрительного опыта [31]: наш опыт является телесным и имеет последствия для познания. Концепции и

природа «реальности», о которой мы думаем и говорим, являются функцией нашего воплощения: мы можем говорить только о том, что мы можем воспринимать и представлять, а то, что мы можем воспринимать и представлять, вытекает из физического (телесного) опыта. С этой точки зрения, человеческий разум должен нести на себе отпечаток телесного опыта [32].

Когнитивная семантика - это изучение определенных закономерностей познания в отношении процесса создания, усвоения, изучения, функционирования и понимания языка, а также структурных моделей лингвистических значений, касающихся разума и оперативной памяти [33]. Другой путь - это выбор и организация информации, выраженной языком с соблюдением правил логики и объективности. Появление каждого события - это непрерывное действие, которое не может быть последовательно охарактеризовано языком, язык может вобрать только важный и соответствующий аспект, остальное заполняет субъект [34]. Одно и то же событие или явление может быть выражено разными предложениями (словами), и выбор формы предложения (слова) зависит от степени значимости явления. Для когнитивной семантики затруднительно разграничить лингвистические и нелингвистические знания. Появление языка является следствием изучения мира и основано на познании. Процесс языкового формирования, использования и понимания - это когнитивное действие, а так называемое лингвистическое знание - это только лингвистический символ, закрепленный знанием о мире. Основываясь на эмпирических исследованиях в различных областях, таких как когнитивная психология [36] и антропологическая лингвистика [35], когнитивная семантика доказывает, что как характеристики языков, так и способность создавать, изучать и использовать их определяются общими когнитивными способностями, кинестетическими способностями, визуальными и сенсорно-моторными навыками и стратегиями категоризации человека, а также культурными, контекстуальными и функциональными параметрами [37].

Другой принцип - реализация концептов [38], возникший на основе гипотезы о систематической модульности единиц [39]. Лингвистическая гипотеза модульности говорит о том, что существует специализированная и врожденная когнитивная подсистема или «языковой факультет»: изолированная система специализированных знаний, которая предоставляет возможность овладения языком и порождает бессознательное знание языка или компетенцию носителя языка [40]. Когнитивная семантика задалась целью изучить природу взаимодействия человека с внешним миром и его осознания, а также построить теорию концептуальной структуры, созвучную тому, как мы воспринимаем мир. Иными словами, для когнитивной семантики фундаментальной проблемой является природа отношений между концептуальной структурой и внешним миром сенсорного опыта.

Человеческий опыт можно разделить на два вида: сенсорный опыт; субъективный опыт.

Сенсорный опыт подразумевает опыт, полученный в результате сенсорного воздействия, и касается перцепционных данных, полученных из внешнего мира [39]. Понятия, возникающие из сенсорного опыта, включают понятия, относящиеся к таким областям, как пространство, движение, температура.

Интроспективный (субъективный/ внутренний) опыт по своей природе, который включает эмоции, сознание и опыт времени, как осознание длительности, одновременности [39]. Сенсорный опыт воспринимается через перцептивные механизмы; они сложны и обладают структурой, которая не всегда очевидна в исходном перцептивном воздействии, т.е., то, что мы воспринимаем, не обязательно совпадает с тем, что мы испытываем непосредственно.

Процесс семантического заимствования - это когнитивное действие, которое содержит когнитивное и сенсорно-перцептивное словообразование в соответствии с принципами когнитивной семантики. В то время как понятие заимствованных слов вводится в китайскую лексику, носители китайского языка продуцируют слово для адаптации соответствующего слова. Как предположил Юй Цзяньнаг (1989), в китайском языке понятие, осознаваемое посредством воображения, порождает процесс словообразования с помощью иероглифов, т.е. основанное на принципе создания китайских иероглифов [41], [42]. Категория иероглифов возникает сначала из непосредственного видения, а затем перцептивная картина классифицируется посредством определенной абстракции. Когда носители языка воспроизводят заимствованные слова, понятие иностранных терминов переносится в китайскую концептуальную систему категорий, и иностранное понятие служит референтом для концептуальной категории. Заимствованный концепт является основой словообразования в современном китайском языке. Каждая концептуальная категория в китайском языке - это когнитивная модель. Точнее, это перцептивная модель, потому что этот вид моделей не является результатом рациональной абстракции [25]. В некоторых случаях создание иностранных концептов может быть либо рациональным, либо перцептивным. Глаза являются просто перцептивным чувством познания, в то время как рассуждения относятся к сфере сознания [28].

Продуцирование - это процесс выбора подходящих языковых форм для идентификации заимствованных слов и продуцирование нового языкового знака с использованием иероглифов. Существует две стратегии воспроизводства в процессе адаптации заимствованного слова:

Стратегия 1: Внутренний процесс - цепочка звуковых сигналов от определенных единиц принимается, отбирается, обрабатывается субъектом репродукции, и концепт единиц формируется посредством вышеуказанных действий.

Стратегия 2: Внешний процесс - соответствующие лингвистические компоненты выбираются субъектом репродукции, а внешний концепт закрепляется понятием единиц через материальную форму (иероглифы).

Три основных метода существовали на протяжении двух тысяч лет в китайской лингвистической школе [39]. Воспроизведение и обозначение заимствованного объекта в китайском языке происходит тремя основными способами, которые были популярны на протяжении всей истории, и были сформулированы Чжоу Динъи (1962) и Ши Ювэем (2000).

Первый метод, это составление собственных морфем или звуков на основе определенного признака заимствованных понятий, давая им название, т.е. подходит как для образования заимствованных как конкретных, так и абстрактных единиц в словообразовании. Примеры можно рассматривать как когнитивное продуцирование заимствованных понятий [43].

В примерах присутствуют семантические компоненты заимствованных слов:

- *bi* 笔 (ручка) в слове *gangbi* 钢笔 (сталь + перо = авторучка или перо)).

Что касается заимствованных абстрактных понятий: как *tianzhujiao* 天主 (небеса + религии = католицизм) является примером когнитивного продуцирования для заимствованных концептов.

- *zilaihuo* 自来火 (сам + приходить + огонь = автоматический миномет (спички/газовая лампа);
- *shujia* 暑假 (жара + праздник = летний отпуск).

Так как в последние годы развивается метод образования новых слов на основе заимствованных концептов. Рассмотрим на примере слов:

- *hamahang* 蛤蟆夯 (лягушка/жаба + трамбовка/тампер = трамбовка груза);
- *hhamajing* 蛤蟆镜 (лягушка/жаба + очки = солнцезащитные очки, очки), имеющие разные значения на языке оригинала, были образованы благодаря отличительным свойствам одного и того же животного «лягушка» или «жаба».

Первое значение, закрепленное за динамической характеристикой лягушки, имитирует движение прыжка, а второе, возникшее на основе статической характеристики лягушки, указывает на то, что у тех, кто находится в солнцезащитных очках, глаза похожи на глаза лягушки. Таким образом, проблема заключается в определении данных видов слов в китайском языке.

Слова, о которых говорилось выше, относятся к категории либо семантических, либо фонических заимствований [44]. Этот тип слов происходит от одних и тех же единиц, если сравнивать с иностранными языками, но их стилистическая структура и значение различны. Китайские слова, которые отличаются от оригинала и воссоздают новую модель, в данном исследовании называются когнитивным словообразованием и определяются как категория сенсорно-перцептивных семантических заимствований. Этот вывод можно проиллюстрировать примерами:

- *zixingche* 自行车 (идти + нога + транспортное средство = велосипед)
- *jiaotache* 脚踏车 (сам + транспортное средство/нога + наступать = велосипед);
- *gangqin* 钢琴 (сталь + музыкальный инструмент = фортепиано);
- *xiangyan* 香烟 (ароматный + дым = сигарета);
- *huoche* 火车 (огонь + транспортное средство = поезд);
- *xiangpi* 橡 (ластик/резина + кожа = каучук).

Некоторые китайские понятия, доминирующие в технике и науке, создаются как когнитивными, так и с помощью средств перевода:

- *liyuqian* 鲤鱼钳 (кап/рыба + клещи/губки = плоскогубцы со скользящим шарниром);
- *baidagua* 白大褂 (белый + большой + халат = халат врача).

Когнитивная составляющая относится к форме или фигуре заимствованного объекта, а другая часть является семантическим заимствованием.

Помимо формы и фигуры, обмен понятиями или номинации форм и фигур идентичного объекта были переданы через понимание и познание заимствованного объекта:

- *pingkouqian* 钳 (плоский + рот + клещи/губки = плоскогубцы для плоской поверхности). Этот вид термина также является когнитивным процессом.

Второй метод, использование определенных иероглифов:

- *hu* 胡 (иностранный): *hutao* 胡念 (грецкий орех); *huluobo* 胡萝卜 (морковь);
- *yang* 洋 (иностранец): *yangbaicai* 洋白菜 (капуста); *yangcong* 洋葱 (лук);
- *fan* 番 (чужеземный): *fanqie* 番茄 (помидор); *fanshu* 番 (сладкий картофель);
- *xi* 西 (западный): *xizhuang* 西装 (одежда в западном стиле); *xigua* 西瓜 (арбуз).

Данный метод заимствования слов можно рассматривать как когнитивное продуцирование: иероглифы, представляющие значение «иностранец», «западный», и соответствующие им имена. Данный вид слов образуется от единиц, представленных и (или) наблюдаемых носителями языка, таким образом, можно отнести и к сенсорно-перцептивному производству, так как заимствованные слова представлены конкретными субстанциями [45].

Третий метод, перевод или транслитерация по звучанию и произношению, когда некоторые признаки заимствованных слов не могут быть переданы через семантический перевод и фонетическую транслитерацию. Лексика, включена в процесс словообразования заимствованных слов рассматривается в рамках нашего исследования, так как большинство заимствованных слов являются либо семантическими, либо фоническими заимствованиями, основанные на значениях и (или) звучании исходных слов. В китайском языке есть много примеров фонических заимствований последнего способа:

- *sanwenzhi* 三文治 (*sandwich*);
- *tuofu* 托 (*TOEFL*);
- *suweiai* 维 (Совет [*Soviet*]);
- *futejia* 伏特加 (водка [*vodka*]).

Как средство словообразования, сенсорно-перцептивное словообразование является следствием коренных неологизмов, которые отражают социокультурное развитие как внутри, так и за пределами Китая, поскольку коренные неологизмы содержат элементы словообразования заимствованных понятий и заключается в создании новых слов или изменении старых слов на новые значения: при словообразовании новых слов или значений, использует местные (китайские) языковые компоненты для ввода новых понятий при описании других национальностей [46].

Некоторые китайские неологизмы образуются с помощью подхода когнитивной семантики. Впечатление важно для китайцев «желтых» при описании людей разной расы, например, «черные люди и белые люди с рыжими волосами»:

1) <i>heiren</i> 黑人 (черный, мужчина);	1) <i>hongmaofan</i> 红毛番 (рыжий, волосы, иностранец)
2) <i>heimianren</i> 黑面人 (черный, лицо, мужчина)	2) <i>hongmaoyi</i> 红毛夷 (рыжий, волосы, иностранец)
3) <i>heifan</i> 黑番 (черный, иностранец/варвар)	3) <i>hongmao</i> 红毛 (рыжий, волосы)
4) <i>heiyi</i> 黑夷 (черный, иностранец)	4) <i>hongyi</i> 红夷 (красный, иностранец)
5) <i>heiyangren</i> 黑洋人 (черный, иностранец, мужчина)	

Носители китайского языка выбрали иероглиф, который лучше всего способствовал бы тому, чтобы слушатели могли представить себе нужный объект по подтексту высказывания, например:

- *heiren* 黑人 (черный человек), если считали, что образ нужно отличить от образа с «желтыми людьми»;
- *heifan* 黑番 (черный иностранец [человек]), если его нужно было отличить от образов коренных жителей или другими иностранцами в другом контексте.

Типичны с точки зрения модели «отличительные свойства + родовое имя»:

- *heiren* 黑人 (черный, человек);
- *heimianren* 黑面人 (черный, лицо, человек);
- *heiyangren* 黑洋人 (черный, иностранец, человек).

В этих трех словах морфема *ren* 人 (человек) или *yangren* 洋人 (иностранец) является родовым именем, отражающим категорию, которую носители языка выбирают для идентификации объекта. Цвет, означающий «черный» или «черное лицо» в этих трех примерах, является «отличительными свойствами», обозначающими визуальное восприятие человека и соответствующий иероглиф для идентификации.

Другие два термина, обозначающие «человека со смуглой кожей, темными вьющимися волосами и белыми зубами»:

- *heifan* 黑番 (черный, иностранный/варварский [народ]);
- *heiyi* 黑夷 (черный, иностранец),

представляет собой нетипичную группу, поскольку морфемы *fan* 番 (иностранец/варвар) и *yi* 夷 (иностранец), отмечая значения «иностранец» или «иностранец», не определяют категорию, а выражают древнее китайское употребление. Эти два термина исключены из современного китайского языка, хотя морфема *hei* 黑 (черный) представляет значение «отличительные свойства» как сенсорное восприятие в модели семантического заимствования.

Ниже приведены примеры, использующиеся для обозначения людей, приехавших из Голландии в Китай, особенно в начале семнадцатого века.

- *hongmaofan* 红毛番 (red, hair, foreigner – «иностранец с рыжими волосами»);
- *hongmaoyi* 红毛夷 (red, hair, foreigner – «иностранец с рыжими волосами»);
- *hongmao* 红毛 (red, hair – «красноволосый человек»);
- *hongyi* 红夷 (red, foreigner – «краснокожий иностранец»)

Данные примеры выражают особенности словообразования с точки зрения сенсорно-перцептивного восприятия: они отражают визуальное восприятие носителями китайского языка людей с рыжими волосами и красными бровями. Следуя модели семантического заимствования, морфемы *hong* 红 (красный) и *mao* 毛 (волосы) представляют первый элемент модели «отличительные свойства» - т.е. отдельные и типичные значения, но во втором элементе модели «родовое имя» составляющие *fan* 番 (иностранец/варвар) и *yi* 夷 (иностранец), представляющие значения «иностранец/иностранец», не являются лучшим выбором для определения понятия, т.е. эти две составляющие не могут идентифицировать понятие.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что стратегия носителей китайского языка при словообразовании и выборе иероглифов делится примерно на два этапа [46]. Эти два этапа основаны на сенсорном восприятии человека, особенно на визуальном восприятии.

Этап 1: определить объект, который должен быть образован.

Этап 2: выбор иероглифа, соответствующих этой идентификации.

На основе сенсорного опыта человека и наших наблюдений за примерами семантического заимствования мы иллюстрируем некоторые сенсорные перцептивные системы следующим образом:

Система	Сенсорный опыт	Физическое расположение
Зрительная система	зрение	глаз, зрительный нерв
Осязательная система	осязание	под кожным покровом
Аудиальная система	слух	ухо/слуховой канал
Обонятельная система	обоняние	нос
Восприятие вкусов	вкус/запах	язык/нос
Вестибулярная система	движение/баланс	ухо/слуховой канал

Все вышеперечисленные типы сенсорно-концептуальных механизмов, касающиеся человеческого опыта, нашли отражение в психолингвистике и когнитивной семантике, что и поможет объяснить источник и причину семантических заимствований в китайском языке [39].

В соответствии с принципами когнитивной семантики, концептуальная структура отражает накопленный опыт, а семантическая структура отражает сенсорно-перцептивный опыт в словообразовании заимствованных слов. Данная модель словообразования, по нашим наблюдениям, используется не только для именования новых единиц, возникших в результате естественных обстоятельств, но и для именования заимствованных единиц. Процесс словообразования во многом одинаков, но с небольшими различиями между именованием коренных и заимствованных единиц. Небольшое отличие заключается в том, что когда носители китайского языка называют заимствованный объект, они думают о том, как подобрать для него обозначения (иероглифы), пересматривая собственные морфемы.

Примеры заимствованных китайских слов, связанных с сенсорным опытом, можно разделить на следующие подклассы:

Визуальные (Зрительные):

- 1) цвет - *huangyou* 黄油 (масло)
- 2) форма - *renzini* 人字呢 (елочка)
- 3) форма+цвет - *huaqigu* 花旗国 («Соединенные Штаты»)

Сенсорный:

- 1) сухой – *binggan* 饼干 (печенье)
- 2) мягкий- *guanmusai* 软木塞 (пробка)
- 3) горячий + боль- *huojiu* 火酒 (алкоголь)

Слуховой:

- 1) *shuoyinji* 收音机 (радиоприемник)
- 2) *liushengji* 留声机 (граммофон).

Запах: *biyan* 鼻烟 (нюхательный табак)

Вкусовые: *xiangcai* 香菜 (кориандр)

Вестибулярный: *yaobaiwu* 摇 舞 (диско)

В данной статье рассмотрен способ словообразования с помощью сенсорно-перцептивного опыта.

Во-первых, была рассмотрена взаимосвязь познания и языка. Познание является «предшественником» языка и определяет его развитие. Язык помогает человеку мыслить и понимать новые вещи. Познание и определение названия новой вещи - это вопрос определения категории через когнитивный процесс. Эмоционализация познания рассматривает словообразование во взаимосвязи с психолингвистикой.

Во-вторых, был представлен процесс формирования, изучения, использования и понимания языка, а также структурные модели лингвистического знания относительно познания в рамках когнитивной семантики.

Наконец, был рассмотрен сенсорно-перцептивный опыт при словообразовании семантических заимствований в китайском языке. При анализе семантических заимствований было продемонстрировано, что сенсорно-перцептивный опыт играет важную роль в производстве новых слов и используется прямой и простой метод. Метод словообразования с сенсорно-перцептивным опытом следует правилам китайского словообразования с точки зрения модели семантических заимствований. Безусловно, в китайском языке существуют и другие методы словообразования, как метафорическое производство.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. / Н.Ф. Алефиренко М.: Флинта, 2010. – 224 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. / Н.Ф. Алефиренко – М.: Изд-во Элпис, 2008. – 271 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Проблемы когнитивной лингвистики. / Н.Ф. Алефиренко, Н.Б. Корина – Нитра, 2011. – С. 125-143.
4. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое пространство: проблемы методологии на фоне сопоставления фраземики русского и китайского языков / Н. Ф. Алефиренко, Юй Шэнбо, О.О. Тараненко // Проблемы зiставної семантики. Збiрник наук.статей. – Вип.9. – Київ: Вид. Центр КНЛУ, 2009. – С. 29-33.
5. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 6–13.
6. Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты/ Л. М. Баш // Вестник МУ. Сер. 9. Филология. – 1989. – №4 – С. 22-34.
7. Блумфильд Л. Язык / Л. Блумфильд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т.1. – С. 362-372.
9. Борисова О.С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятии носителей (на материале лексики русского и китайского языков конца XX-начала XXI в.). Автореф.дисс. ...канд.филол.наук / Борисова Ольга Сергеевна. – Бийск, 2009. – 26 с.
10. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов, С.П. Обнорский // Академик А.А. Шахматов (1864 - 1920): [Сб. ст.]. – М.-Л., 1974.

11. Вэй Ю. Особенности заимствований из китайского языка в русской лексической системе / Ю. Вэй, Н. В. Проценкова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. – Благовещенск – Хэйхэ, 22-23 мая 2017. Благовещенск: Изд-во БГПУ. – С. 577-580.
12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Слово, 2005. – 240 с.
13. Минкай Г. Исследование заимствований в современном китайском языке. / Г. Минкай, Л. Чжэнтань – Пекин: Вэньцзи гайгэ чубаньшэ – 1958.
14. Геранина, И.Н. О термине «заимствование» / И.Н. Геранина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Сектор молодых ученых. – № 6 (10) 2008. – С. 101-103.
15. Горелов В.И. Стилистика китайского языка: монография / В. И. Горелов. – М.: Наука, 1973. – 112 с.
16. Горелов В.И. Лексикология китайского языка / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 217 с.
17. Готлиб О.М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. / О.М. Готлиб, М. Хуан – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019.
18. Гун Л. Процесс развития русских заимствованных слов в китайской лексике (в историческом аспекте) [Электронный ресурс] / Лэй Гун // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Научный журнал. – № 2, сентябрь 2015. – С. 21-25. – URL: <http://publikacia.net/archive/2015/9/2> (дата обращения: 18.04.2022)
19. Донова О.В. Фразеологизмы в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах (на материале русского и китайского языков). Автореф. дис. ...канд.филол. наук / Донова Олеся Владимировна. – Бийск, 2011. – 25 с.
20. Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Ефремов Л.П. – Алма-Ата, 1959. – 22 с.
21. Жукаускене Т.С. Заимствования в китайском языке: влияние английского языка в условиях глобализации / Т.С. Жукаускене, И.С. Холдаенко // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2015. – № 1(8). – С. 31-42.
22. Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке: монография / В. В. Иванов. – М.: 1973. – 176 с.
23. Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. / В.В. Иванов – М.: Наука, 1973. – 340 с.
24. Ильина Л.А. О теоретических основаниях классификации лексических заимствований / Л.А. Ильина // Вопросы языка и литературы – 1981. – С. 13- 17.
25. Каменева А.С. Особенности и примеры использования иностранных слов в китайском языке [Электронный ресурс] / А.С. Каменева, А.Г. Данков, У.В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 11 (91). — С. 1616-1618. — URL: <https://moluch.ru/archive/91/20081/> (дата обращения: 20.12.2021).
26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
27. Китайско-русский словарь. – Исправленное издание. – М., Вече, 2008. – 1280 с.
28. Кубрякова Е.С. Размышление о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1(7). – С. 28-34
29. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев – М.: Смысл, 2003. – 285 с.
30. Пань В. Исследование словообразования китайского языка: 1898—1990 гг. / В. Пань, Е. Буцин, Я. Хань. – Тайбэй, Сюэшэн шуцзю – 1993.
31. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. / З.Д. Попова, И.А. Стернин – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.
32. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. / Т.Г. Попова – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель» – 2003.
33. Семенас А.Л. Новые тенденции в развитии китайской лексики: монография / А.Л. Семенас. – М.: Общее и восточное языкознание, 1999. – 312 с.
34. Семенас А.Л. Лексика китайского языка: монография / А.Л. Семенас. – М.: Восток-Запад 2005. – 288 с.
35. Ху П. Вариантность переводов заимствований английского происхождения в китайском языке. / П. Ху // Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 864—872. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872.
36. Чэнь Ю. Язык и человек / Ю. Чэнь – Пекин: Шан'у Чубаньшэ – 2003.
37. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб.пособие для студ. филол. фак-в, 5-еизд., доп / Н.М. Шанский, Т. А. Боброва. – Москва, 1996. – 265 с.
38. Ян С. Исследование заимствованных слов в китайском языке / С. Ян – Шанхай: Жэньминчэ-баньшэ, 2007.
39. Cen Q. Dictionary of loanwords in Chinese / Qixiang C. // Beijing: Commercial Press. – 2015. – 447 p.
40. Ding F. Dictionary of Buddhism / F. Ding – Shanghai: Medical Press. – 1922. – 3002 p.
41. Hu Y. Modern Chinese. / Y. Hu – Shanghai: Education Press. – 1995. – 561 p.
42. Shi Y. Loanwords in Chinese / Y. Shi – Beijing: Commercial Press. – 2013. – 239 p.
43. Wang L. History draft of Chinese language / L. Wang – Beijing: Zhonghua Book Company. – 1980. – 614 p.
44. Yang X. Research on Chinese Loanwords. / X. Yang – Shanghai: Shanghai People's Press. – 2007. – 296p.
45. 在线成语词典: [Electronic resource] – URL: <http://cy.5156edu.com> (accessed: 16.04.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya. Cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka [Linguoculturology. Value-semantic space of language]. / N.F. Alefirenko M.: Flinta, 2010. – 224 p. [in Russian]
2. Alefirenko N.F. Frazеologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm. [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms] / N.F. Alefirenko – М.: Publishing House Elpis, 2008. – 271 p. [in Russian]
3. Alefirenko N.F. Problemy kognitivnoy lingvistiki [Problems of Cognitive Linguistics] / N.F. Alefirenko, N.B. Korina – Nitra, 2011. – pp. 125-143. [in Russian]

4. Alefirenko N.F. Etnoyazykovoe prostranstvo: problemy metodologii na fone sopostavleniya frazemiki russkogo i kitajskogo yazykov [Ethno-Linguistic Space: Problems of Methodology Against the Background of Comparison of Phrasemics of Russian and Chinese Languages] / N. F. Alefirenko, Yuj Shenbo, O.O. Taranenko // Problemi zistavnoi semantiki. Zbirnik nauk.statei [Problems of comparative semantics. Collection of scientific articles]. – Issue. 9. – Kiev: Vid. Centr KNLU, 2009. – pp. 29-33. [in Russian]
5. Arnol'd I.V. Znachenie sil'noj pozicii dlya interpretacii hudozhestvennogo teksta [The importance of a strong position for the interpretation of a literary text] / I.V. Arnol'd // Inostrannye yazyki v shkole [Foreign languages at school]. – 1978. – No 4. – pp. 6–13. [in Russian]
6. Bash L.M. Differenciatsiya termina «zaimstvovanie»: hronologicheskij i etimologicheskij aspekty [Differentiation of the term "borrowing": chronological and etymological aspects] / L. M. Bash // Buletin of MU. Ser. I. Philology [Vestnik MU. Ser. 9. Filologiya]. – 1989. – No4 – pp. 22-34. [in Russian]
7. Blumfil'd L. Yazyk [Language] / L. Blumfil'd. – M.: Progress, 1968. – 606 p. [in Russian]
8. Boduen de Kurtene I.A. O smeshannom haraktere vsekh yazykov [On the mixed character of all languages] / I. A. Boduen de Kurtene // Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiu: V 2 t. [Selected works on general linguistics: in 2 volumes.] – M.: Publishing House Akademii nauk SSSR, 1963. – V.1. – pp. 362-372. [in Russian]
9. Borisova O.S. Adaptatsiya inoyazychnoj leksiki v sisteme yazyka i vospriyatii nositelej (na materiale leksiki russkogo i kitaiskogo yazykov konca XX-nachala XXI v.). Avtoref.diss. ...kand.filol.nauk [Adaptatsiya inoyazychnoj leksiki v sisteme yazyka i vospriyatii nositelej (na materiale leksiki russkogo i kitaiskogo yazykov konca XX-nachala XXI v.). avtoref.diss. ...kand.filol.nauk] / Borisova Ol'ga Sergeevna. – Bijsk, 2009. – 26 p. [in Russian]
10. Vinogradov V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language] / V.V. Vinogradov, S.P. Obnorskij // Akademik A.A. Shahmatov (1864 - 1920) [Academician A.A. Shahmatov]: [digest of articles]. – M.-L., 1974. [in Russian]
11. Vej Yu. Osobennosti zaimstvovaniĭ iz kitajskogo yazyka v russkoj leksicheskoy sisteme [Features of borrowings from the Chinese language in the Russian lexical system] / Yu. Vej, N.V. Proshchenkova // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of VII International Scientific and Practical Conference]. – Blagoveshchensk – Hejhe, 22-23 May 2017. Blagoveshchensk: Publishing House BGPU. – pp. 577-580. [in Russian]
12. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research] / I.R. Gal'perin. – M. : Slovo, 2005. – 240 p. [in Russian]
13. Minkaj G. Issledovanie zaimstvovaniy v sovremennom kitajskom yazyke [Study of loanwords in modern Chinese] / G. Minkaj, L. CHzhentan' – Pekin: Ven'czi gajge chuban'she – 1958. [in Russian]
14. Geranina, I.N. O termine "zaimstvovanie" [About the term "borrowing"] / I.N. Geranina // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Sektor molodyh uchenykh [Proceedings of the Penza State Pedagogical University. V. G. Belinsky. Sector of young scientists]. – No 6 (10) 2008. – pp. 101-103. [in Russian]
15. Gorelov V.I. Stilistika kitajskogo yazyka: monografiya [Stylistics of the Chinese language: monograph] / V.I. Gorelov. – M.: Nauka, 1973. – 112 p. [in Russian]
16. Gorelov V.I. Leksikologiya kitajskogo yazyka [Lexicology of the Chinese language] / V.I. Gorelov. – M.: Prosveshchenie, 1984. – 217 p. [in Russian]
17. Gotlib O.M. Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Okolo 3500 vyrazhenij. II ed., stereotip. [Chinese-Russian Phraseological Dictionary. About 3500 expressions. 2nd ed., stereotype.] / O.M. Gotlib, M. Huain – Irkutsk : Publishing House IGU, 2019 [in Russian]
18. Gun L. Process razvitiya russkikh zaimstvovannykh slov v kitajskoj leksike (v istoricheskom aspekte) [The process of development of Russian borrowed words in Chinese vocabulary (in a historical aspect)] [Electronic resource] / L.Gun // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Nauchnyj zhurnal [Actual problems of the humanities and natural sciences. Science Magazine]. – No 2, September 2015. – pp. 21-25. – URL: <http://publikacia.net/archive/2015/9/2> (accessed: 18.04.2022) [in Russian]
19. Donova O.V. Frazeologizmy v sistemno-strukturnom i antropocentricheskom aspektah (na materniale russkogo i kitajskogo yazykov). Avtoref. dis. ...kand.filol. nauk [Phraseologisms in system-structural and anthropocentric aspects (on the basis of Russian and Chinese languages). Abstract dis. ...candidate of philosophy Sciences] / Donova Olesya Vladimirovna. – Bijsk, 2011. – 25 p. [in Russian]
20. Efremov L.P. Sushchnost' leksicheskogo zaimstvovaniya i osnovnye priznaki osvoeniya zaimstvovannykh slov. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The essence of lexical borrowing and the main features of the development of borrowed words. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences] / Efremov L.P. – Alma-Ata, 1959. – 22 p. [in Russian]
21. Zhukauskene T.S. Zaimstvovaniya v kitajskom yazyke: vliyanie anglijskogo yazyka v usloviyakh globalizatsii [Borrowings in Chinese: the influence of English in the context of globalization] / T. S. Zhukauskene, I.S. Holdaenko // Tekst. Kniga. Knigoizdanie [Text. Book. Book publishing]. – 2015. – No 1(8). – pp. 31-42. [in Russian]
22. Ivanov V.V. Terminologiya i zaimstvovaniya v sovremennom kitajskom yazyke: monografiya [Terminology and borrowings in modern Chinese: monograph] / V. V. Ivanov. – M.: 1973. – 176 p. [in Russian]
23. Ivanov V.V. Terminologiya i zaimstvovaniya v sovremennom kitajskom yazyke [Terminology and borrowings in modern Chinese] / V.V. Ivanov – M.: Nauka, 1973. – 340 p. [in Russian]
24. Il'ina L.A. O teoreticheskikh osnovaniyakh klassifikatsii leksicheskikh zaimstvovaniy [On the theoretical foundations for the classification of lexical borrowings] / L.A. Il'ina // Voprosy yazyka i literatury [Questions of language and literature] – 1981. – pp. 13- 17. [in Russian]
25. Kameneva A.S. Osobennosti i primery ispol'zovaniya inostrannykh slov v kitajskom yazyke [Features and examples of the use of foreign words in Chinese] [Electronic resource] / A.S. Kameneva, A.G. Dankov, U.V. Horechko // Molodoj uchenyj

- [Young Scientist]. — 2015. — № 11 (91). — pp. 1616-1618. — URL: <https://moluch.ru/archive/91/20081/> (accessed: 20.12.2021) [in Russian]
26. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] / V.I. Karasik – M.: Gnozis, 2004. – 390 p. [in Russian]
27. Kitajsko-russkij slovar'. – Ispravlennoe izdanie [Chinese-Russian dictionary. – Revised edition] – M., Veche, 2008. – 1280 p. [in Russian]
28. Kubryakova E.S. Razmyshlenie o sud'bah kognitivnoj lingvistiki na rubezhe vekov [Reflection on the fate of cognitive linguistics at the turn of the century] / E.S. Kubryakova // Voprosy filologii [Questions of Philology]. – 2001. – No 1(7). – pp. 28-34 [in Russian]
29. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics] / A.A. Leont'ev – M.: Smysl, 2003. – 285 p. [in Russian]
30. Pan' V. Issledovanie slovoobrazovaniya kitajskogo yazyka: 1898—1990 gg. [Chinese word-formation research: 1898-1990] / V. Pan', E. Bucin, Ya. Han'. – Tajbej, Syueshen shuczyu – 1993. [in Russian]
31. Popova Z.D. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics] / Z.D. Popova, I.A. Sternin – M.: AST, Vostok-Zapad, 2007. – 315 p. [in Russian]
32. Popova T.G. Nacional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sociokommunikativnye aspekty (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo yazykov). Monografiya. [National-cultural semantics of the language and cognitive-sociocommunicative aspects (on the material of English, German and Russian languages). Monograph.] / T.G. Popova – M.: Publishing House MGOU «Narodnyj uchitel'» – 2003. [in Russian]
33. Semenas A.L. Novye tendencii v razvitii kitajskoj leksiki: monografiya [New Trends in the Development of Chinese Vocabulary: Monograph] / A.L. Semenas. – M.: Obshchee i vostochnoe yazykoznanie, 1999. – 312 p. [in Russian]
34. Semenas A.L. Leksika kitajskogo yazyka: monografiya [Lexicon of the Chinese language: monograph] / A.L. Semenas. – M.: Vostok-Zapad 2005. – 288 p. [in Russian]
35. Hu P. Variantnost' perevodov zaimstvovaniy anglijskogo proiskhozhdeniya v kitajskom yazyke [Variation in Translations of Borrowings of English Origin in Chinese] / P. Hu // Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Series: Theory of language. Semiotics. Semantics] – 2017. – V. 8. – No 4. – pp. 864—872. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-864-872. [in Russian]
36. Chen' Yu. Yazyk i chelovek [Language and Man] / Yu. Chen' – Pekin: Shan'u Chuban'she – 2003. [in Russian]
37. Shanskij N.M. Frazheologiya sovremennogo russkogo yazyka: ucheb.posobie dlya stud. filol. fak-v, IV ed., dop [Phraseology of the modern Russian language: textbook for students. philol. fac-in, 5th ed., add.] / N.M. Shanskij, T. A. Bobrova. – Moskva, 1996. – 265 p. [in Russian]
38. Yan S. Issledovanie zaimstvovannyh slov v kitajskom yazyke [Study of loanwords in Chinese] / S. Yan – Shanhaj: Zhen'minchu-ban'she, 2007. [in Russian]
39. Cen Q. Dictionary of loanwords in Chinese / Qixiang C. // Beijing: Commercial Press. – 2015. – 447 p.
40. Ding F. Dictionary of Buddhism / F. Ding – Shanghai: Medical Press. – 1922. – 3002 p.
41. Hu Y. Modern Chinese. / Y. Hu – Shanghai: Education Press. – 1995. – 561 p.
42. Shi Y. Loanwords in Chinese / Y. Shi – Beijing: Commercial Press. – 2013. – 239 p.
43. Wang L. History draft of Chinese language / L. Wang – Beijing: Zhonghua Book Company. – 1980. – 614 p.
44. Yang X. Research on Chinese Loanwords. / X. Yang – Shanghai: Shanghai People's Press. – 2007. – 296p.
45. Online idiom dictionary: electronic dictionary [Electronic resource] – URL: <http://cy.5156edu.com> (accessed: 16.04.2021) [in Chinese]